

Симона
Вилар

В ТОТ ДЕНЬ...

Симона Вилар

Симона Вилар

В ТОТ ДЕНЬ...

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2021 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
В44

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Наталья Коноплич*

ISBN 978-617-12-8477-7 (PDF)

- © Гавриленко Н. Г., 2020
- © DepositPhotos.com / milagli, kakofonia, alexsol, aspendendron, ggaallaa, ValeryBocman, dominojazz@mail.ru, edb3_16, Virus961, kefirm, Prokrida, Violin, обложка, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

ПРОЛОГ

КИЕВ-ГРАД, ЛЕТО 988 ГОДА

Бледная половинчатая луна отражалась в широких водах Днепра-Славутича. Легкие облачка порой закрывали ее, а затем, когда они уходили, мерцающий свет вновь лился на реку, на киевские склоны, на городские постройки, где еще кое-где мигали огоньки. Бревенчатые городни¹ на киевских возвышенностях казались призрачными и огромными, а на тесно застроенном ремесленном Подоле² светло было только на широкой площади Житного рынка. И можно было разглядеть силуэты людей, столпившихся возле древней церкви Святого Ильи. Исстари стояла она на Подоле, еще при Игоре Старом возвели ее, чтобы иноземцы-христиане могли тут возносить свои моления по приезде во град на Днепре. А вот разрослась и украсилась Ильинская церковь уже при княгине Ольге, которая покровительствовала верующим во Христа и сама стала христианкой. Позже, при ее сыне-воителе Святославе, церковь велено было снести: как отпели Ольгу, так и разобрали церковное строение. А вот когда уже сын его Ярополк вокняжился, снова поднялась Ильинская церковь. Ибо, как поговаривали, князь Ярополк тоже склонялся к христианству. Да только сам он сюда, по сути, не хаживал.

¹ Городни — бревенчатые городские укрепления, срубы, зачастую заполненные изнутри камнями и землей для большей прочности. *(Здесь и далее примеч. автора.)*

² Подол — низменная часть Киева, ремесленный и купеческий посад под киевскими возвышенностями.

Умалчивал, во что верил. Ярополк вообще был скрытным и замкнутым. Потому не любили его в Киеве-граде. И как погиб он в противостоянии с братом Владимиром, так и мало кто о нем горевал-печалился.

А вот при Владимире жить стало весело. Умел новый князь люд потешить, повеселить, умел навести порядок. Как и умел устроить славные пиры-братчины, на которых пировал с верной дружиной, и всякого мог принять, выслушать, а то и помочь, если считал, что надо было. Вот и полюбили князя Владимира в Киеве, называли его ласково — Красно Солнышко. Пели о нем песни, славили его за удачные походы, за умение ладить с народом.

Ильинскую церковь на Подоле Владимир не тронул. Не обижал он и христиан — как заезжих, так и тех местных, кто решил уверовать в Иисуса Христа. Он вообще подумывал сам принять веру не здешнюю, а такую, какие по миру разрастались и славу свою ширили. А ведь как только вокняжился Владимир в Киеве, то изначально о таком не думал, старался блюсти обычаи. Потому приказал соорудить в Киеве стольном большое капище на Горе¹. Перуна Громовержца там установили, посеребрив его голову и позолотив усы, еще Хороса солнечного, Дажьбога плодородного, Стрибога ветряного и Семаргла, что растения охраняет, а еще Макоши изваяние поставили, покровительницы судьбы, помощницы в хозяйских делах. Люди сперва валом валили на капище, но потом перестали. А чего им к главному капищу толпой идти, если требы там такие брали, что и без последней шапки останешься. Куда лучше пойти по малым капищам — там с тебя три шкуры не сдерут, можно обычной курицей отделаться или шкуркой беличьей.

¹ Гора — располагавшийся на возвышенностях район Киева, где находились терема князя и знати.

Волхвы с малых капищ неприхотливы были, не то что на Горе. Правда, люди поговаривали, что толку все равно от них мало. Молишь богов о помощи, молишь, и волхвы, приняв подношения, важно обещают помощь от небожителей, а на деле то град побьет посевы, то мор случится в киевских предместьях, селища окрестные даже затронет. А богам хоть бы что.

Но весть, что их князь подумывает о новой вере, будоражила людей. Сказывали, что, мол, магометане к нему являлись и князь к ним прислушивался. Ходили также слухи, будто то иудеи его соблазняли своей верой, то христиане западные, то христиане ромейские¹. С ромеями оно больше всего понятно было. Ведь не единожды к ним в державу плавали русские купцы, а потом рассказывали, как живут в Византии той. Да и не забылось еще, что Ольга прославленная тоже к византийской вере склонялась. Так что, когда Владимир, вернувшись из похода на ромеев в Таврии², вдруг объявил, что стал христианином, многие восприняли эту весть спокойно.

Другое дело, что люд поразился, когда князь их пресветлый повелел порушить капище, им же некогда возведенное, да покидать идолов в Днепр. Это многих напугало. Страшно жить без покровительства небожителей, страшно, когда привычных богов так оскорбляют. Того же Перуна, ранее почитаемого, катили по Боричеву увозу³, как какое-то полено ненужное, да еще били железными прутами, словно показывая, что ничего он в отместку сделать не может, что деревяшка он обыкновенная.

¹ Ромейские, т. е. византийские. Жители Византии считали себя потомками римлян, поэтому, несмотря на пестрый этнический состав населения империи, сами называли себя ромеями — римлянами.

² Таврия — древнее название Крыма.

³ Боричев увоз — подъем на Гору Киева. Сейчас улица Андреевский спуск.

А как скинули идола с берега в реку и понесло его по волнам, то многие стали рыдать, шли следом и молили божество выплыть. Деревянный Перун и выплыл у дальних склонов, но и там его догнали дружинники князя, изрубили на куски и остатки снова в воду скинули. В Киеве еще рассказывали, что у дружины тогда стычка с волхвами вышла. Волхвы защищали свое божество деревянное, кидались на дружинников, но те здорово их плетками отстегали, говорят, что и до булавы дело дошло. А там скрутили волхвов, потащили неведомо куда.

Люди же, оставшись без небесных покровителей, с перепугу потянулись в Ильинскую церковь — она все же привычна. Да и многие уже отметили, что посещавшие ее христиане удачливыми и небедными славут, все больше среди них купцы да княжеские дружинники. Может, это христианский Бог им помогает? И все же открыто ходить в храм на Подоле простой люд еще не решался, а больше к поздней ночной службе подтягивался. Все в Ильинскую церковь поместиться не могли, вот и стояли неподалеку, слушали, как ладно поют внутри, под тесовой высокой кровелькой с крестом на шесте, какие звуки службы доносятся из-за ее побеленных стен. По старинке в это время Дажьбога плодородного отмечали, но как отмечать¹, если его изваяние повалили и порубили? А новый Бог... Кто знает, может, он и ласковым окажется. Вон какое жито нынче уродилось, хлеба стоят высокие, ветви в садах от плодов гнутся, огороды щедро взросли. Лепо как!

Ну, во что бы люди в Киеве ни верили, а старые обычаи так легко не отмирают. И когда часть градцев пошла к церкви Святого Ильи на Подоле, нашлись и такие, кто отправился за срубные укрепления, чтобы поучаствовать

¹ День божества плодородия Дажьбога отмечали в конце июля.

в старинном обряде, чувствуя Дажьбога плодородного. Жатва уже началась, так почему же и не выполнить давний проверенный обряд, как исстари делали?

Вот и повели собравшиеся коло вокруг разукрашенного венками большого снопа.

— Ай, Дажьбог славный! Ай, Дажьбог милостивый! — выкрикивали. — Слава тебе, слава и почет с сего дня и во веки веков!

Песнопения божеству плодородия ранее были более слаженные и долгие, но сейчас собравшиеся будто торопились отгулять. Как правильно творить заклинания и заговоры, многие не знали, а волхвов, служителей Дажьбога, нынче где-то под стражей содержали. Вот люди сами и старались справиться, как получится. Установили сноп на закате, украсили лентами, теперь пировать стали. Расстелили скатерти, выложили на них вареные яйца и мед в сотах, жареных птиц и пучки зелени. Только хлеба не было. Жито еще предстояло скосить, поэтому никто не решался старыми дарами внимание плодородного бога отвлекать от только предстоящих хлебных яств.

В основном в поля пришли старики, больше иных преданные старым верованиям. Хотя и из молодежи кое-кто явился. Последних сюда привлек древний обычай, по которому полагалось сойтись страстно и полюбоваться возле пашен, чтобы Дажьбог прибавил плодородную силу, да и просто побаловаться тоже хотелось. Это не как на Купалу, когда всяк всяка любить может и выбирает себе пару, — тут порой и не ведаешь, кого в любовники возьмешь. Ибо по старинке в этот праздник женщины прятали лица под венками и берестяными личинами, в которых оставляли только прорези для рта, носа и глаз. Дажьбог — божество мужчин-пахарей, женщины в это время лишь помощницы при них. Вот они и скрывали

свой облик, но не скрывали голых ног, задирали подолы рубах, приманивая тех, кто глянулся, на край поля за высокую пшеницу. То там, то тут любились парочки... Не так их много нынче, вздыхали старики, оставшиеся у разложенного на скатерти угощения, раньше вся земля была под телами полюбовников. И все же старый обряд и ныне не позабыли. Вон даже кое-кто из дружинников самого князя после заката решил поискать любовных утех. И пусть они, почитай, все были крещеные, но кровь-то молодецкая играет.

Явился на праздник и младший брат богатого купца Дольмы, известного в Киеве христианина. Правда, нынче раскрасавчик Радко выглядел невеселым, сидел с опущенной головой, кудрявой и темноволосой, занавесив чубом глаза. От льнувших к нему баб в берестяных масках-личинах отмахивался. Думал о чем-то своем.

И все же одна из соблазнительниц приманила его. Стараясь держаться неподалеку, она то камешком кидала в Радко, то смеялась игривым русалочьим смехом. Потом и вовсе задрала подол выше пупа, оголив длинные ноги, пушок меж ними, гладкий белый живот. Вот Радко и не удержался, пошел за ней.

Сошлись они быстро и страстно. Женщина в маске, казалось, торопилась, не хотела ласк, а желала поскорее заполучить всего парня. Молчалива была, только дышала бурно. А когда Радко застонал сладострастно и затих успокоенно, она тут же выбралась из-под него и поспешила прочь. Радко привстал, переводя дыхание, смотрел, как ее светлый силуэт в длинной белой рубахе растворяется во мраке. Полюбовница почти бежала, неслась туда, где за легкими рощами угадывались срубные башни Копырева конца¹. Радко и забыл бы

¹ Копырев конец — западное предместье древнего Киева.

о ней вскоре, однако, когда из зарослей рощи у истоков ручья Кудрявца раздалось нетерпеливое лошадиное ржание, все же пригляделся. А затем услышал топот копыт. В потемках особо и не рассмотришь, но конь под ней явно не из последних, вон какой большой, быстрый, да и всадница на нем хорошо держится. Теперь она была в темной накидке и направлялась в сторону киевских городен.

Тут опять луна выплыла, осветила окрестности, и можно было заметить, что задние ноги скакуна были белые почти до колен.

— Вот это да! — почти выдохнул Радко. И повторил, подскочив: — Вот это да!

А потом зашелся громким торжествующим смехом.

Ясный месяц постепенно вышел из-за тучи. А как появился он полностью, то осветил площадку близ церкви Святого Ильи на Подоле. Служба в храме уже подходила к завершению, стали выходить прихожане. Один из них, высокий статный муж, обернулся к входной арке и широко перекрестился, поклонившись. Потом надел на голову опущенную мехом шапочку, шагнул в толпу. И тут же окликнул двоих:

— Эй, вы чего тут околачиваетесь? Или тоже уверовали?

Те приблизились. Один — крепкий молодец с пышными усами и растрепанной гривой волос, второй — худощавый плешивый мужичок с вызывающе торчащей вперед бороденкой.

— Так любопытно же нам, — молвил плешивый, разводя руками. — Всем интересно, вот и мы тоже решили...

— Решили они. Гм. Хотя... Может, и правильно, что пришли.

— Конечно, правильно, сударь наш Дольма досточтимый, — низким рокочущим басом подтвердил усатый богатырь. — И песнопения христианские нам любо послушать, да и вас проводим до дому. А то как нападет еще... кто. Народу нынче в Киев понаехало — как осы на мед слетелись. Мы же вас оградим, подсобим, чтоб не обидел никто. Ночка вон нынче какая темная, а мы... Уж мы-то!..

— Это меня-то кто-нибудь обидит? — хмыкнул названный Дольмой. — А это ты видел?

И, откинув полу легкого корзно¹, показал рукоять меча. При этом добавил:

— Глуп ты, Бивой, как горшок необоженный. Чтобы я за себя не постоял? Ну да ладно. Раз явились, составите мне свиту. — И к плешивому обратился: — А вот ты, Жуяга, зря брата моего Вышебора оставил. Тебе подле него службу нести сегодня. Ну а как понадобится ему что? А тебя нет.

Названный Жуягой плешивый засопел, перебирая концы кушака.

— Не хватится. Он же прошлую ночь развлекался, тешил себя, а сегодня целый день раны старые его мучили. Потому заботливая Яра и подлила ему макового отвара в пиво. Так что спит нынче наш господин Вышебор, как медведь в зимнюю пору. Его и ударами била теперь не разбудишь.

Сказанное не понравилось Дольме. Остановился, стоял хмурый, вздыхал тяжело, словно бремя какое нес. А то вдруг обозлился, заворчал, что больно много воли ключница его Яра взяла, раз чуть что поит его хворого брата настоями. И заторопился. Да только не больно торопить-

¹ Корзно — мантия князей и знати Киевской Руси, которая накидывалась на кафтан и застегивалась на правом плече; плащ с меховой опушкой.

ся у них получалось. Маленький Жуяга постоянно отставал. То оплетка у него на ноге развязалась и он просил обождать, пока перемотает, то засмотрелся на резное украшение чьих-то ворот и другим указывал, а в тени под горой Хоревицей¹ вообще оступился и свалился в речку Глубочицу². Пришлось вытаскивать нерадивого. Долго провозились. Дольма хоть и посмеялся над своим челядинцем, но в то же время стал ворчать, что, дескать, так они до рассвета провозятся, а им еще предстоит подъем осилить на гору, на которой его дворище находилось. Вроде и не так уж трудно это, однако и не сказать, что легко. Надо было миновать заросли под горой, потом крутой подъем. На коне было бы легче. И только Дольма помянул про коня, так сразу и услышал, как за спиной быстро проскакал верхом кто-то из спешивших на Хоревицу. Во тьме не разглядеть. А тут еще Жуяга, которого только что вытянули из воды, опять рухнул в речку. Пришлось вновь вытаскивать.

Купца Дольму это уже не веселило. Схватил Жуягу за шиворот, тряхнул, подзатыльник отвесил. И голос у самого суровый:

— Не нарочно ли ты уже дважды искупался в Глубочице, песья твоя кровь? Гляди, еще раз свалишься, я не то что тебя вытаскивать не стану, а сам потоплю, чтобы не морочил нам с Бивоем голову.

Здоровенный Бивой даже хохотнул.

— Вы только прикажите, хозяин, я сам этого плута на корм русалкам отправлю.

Дольма уже шагнул в тень зарослей под Хоревицей, но тут оглянулся.

¹ Хоревица — предполагаемое древнее название нынешней Замковой горы.

² Глубочица — некогда протекавшая по Подолу река, нынче взятая в коллектор под землей.

— Не болтай глупости, Бивой. Русалки — это всего лишь выдумки невежд. Чтобы больше от тебя подобного не слышал. А теперь идемте, сказал!

Ночь уже вступала в свою вторую половину. Душно было. Даже там, где у причалов в гавани Притыке¹ покачивались струги со спущенными парусами, овеваемые легким ветром с Днепра, дыхание ночи не освежало. Корабли чуть поскрипывали снастями, почти соприкасаясь бортами; хлюпала вода, на носу одной из ладей горел фонарь и был виден силуэт заснувшего стражника. А у оснований мачт то там, то тут виднелись пестрые палатки, в которых почивали те из ромейских гостей, которые предпочли не селиться в княжеских хоробах или кому просто не хватило места.

Один из них, позевывая, вышел из палатки, посмотрел по сторонам. Выплывшая луна осветила его длинное темное одеяние, пышную бороду, под которой блеснул металлический крестик. Священник из тех, кто прибыл на Русь, дабы обучать новой вере местных жителей.

Сейчас он стоял, закинув голову, любовался лунными бликами на воде, прислушивался к отдаленным голосам сторожей-обходников дворов Подола, перекликавшихся между собой. Потом широко перекрестился и стал шептать молитву. Но не успел закончить, дернулся, вскинул руки и стал оседать, пока не рухнул на палубу. Из его груди торчала длинная оперенная стрела.

В предрассветный час стало совсем тихо. Даже собаки, что порой побрехивали по дворам, и те уgomонились.

¹ Гавань Притыка — место стоянки кораблей в правом притоке Днепра — реке Почайне. Почайна впадала в Днепр в районе современной Почтовой площади, и именно здесь швартовались пришедшие по Днепру ладьи.

Тучи разошлись, луна скатилась за киевские возвышенности, лишь сверчки стрекотали во влажных от росы зарослях на склонах. Именно в это время по спуску с горы Хоревницы осторожно сошел закутанный в широкую накидку человек. Островерхий башлык его был надвинут на самый кончик носа, скрывая лицо, а через плечо был перекинут тяжелый мешок.

Шел человек осторожно, озирался при спуске, а когда спустился на низинный Подол, каждый раз выглядывал из-за частоколов дворов киевских ремесленников, прежде чем шагнуть дальше. Так, украдкой, он миновал изгороди и заборы, вышел к самому Днепру и, скинув свою ношу, начал спешно отвязывать одну из привязанных к колышкам лодок. Замирал порой, опять оглядывался и почти приник к земле, когда показалось, что сторожа направляются в его сторону. Но те прошли мимо, и таинственный путник втянул в лодку свою ношу. При этом мешок чуть шевельнулся, послышался глухой, полный муки стон. И тут же в руке мужчины появился длинный нож, он ударил им по мешку раз, еще раз. Звук был глухой, чуть хлюпающий. В следующий миг лодка отчалила, быстро пошла по водам Днепра к виднеющимся вдали островам, заросшим кудрявым кустарником. И там, уже на середине реки, мужчина скинул мешок в воду. Тот потонул мгновенно. Все, теперь убийца уже не переживал, перевел дыхание, забормотал что-то глухо. И поплыл назад, неспешно, как человек, выполнивший свою работу.

ГЛАВА 1

Ювелиры из Константинополя недаром считались лучшими в мире мастерами своего дела. Умели делать украшения в Византии! И эта диадема с шлифованными рубинами и изумрудами, блестящей эмалью по золоту и скатным жемчугом, свисающим подвесками... Да и само золото ажурной работы. Красота! А если подобное диво венчает темноволосую головку молодой женщины, то вообще глаз не отвести!

Вот князь Владимир и не мог насмотреться на свою красавицу-жену Анну, царевну византийскую. Она сидела перед зеркалом из полированного серебра, вдевала в ушки ажурные мерцающие серьги, но заметила в отражении замершего у арки входа Владимира и вспыхнула; опустила длинные ресницы. В уголках ее маленького сочного рта появились милые ямочки — Анна старалась удержать улыбку, довольная тем, как восхищенно смотрит на нее супруг, но и растеряна была. Не привыкла еще, что муж входит к ней запросто, без положенного церемониала — взял и вошел.

Но если царевна смолчала, то ее женщины сразу всполошились. Заметались, заохали, старшая зоста¹ даже попыталась преградить Владимиру путь к Анне.

— Не время, не время, архонт²! — замахала она руками на князя. — Порфирогенита³ еще не готова к выходу.

¹ Зоста — придворное женское звание.

² Архонт — по-гречески правитель земель.

³ Порфирогенита — рожденная (или рожденный, если речь о мальчике) в специальном Порфирном зале в Константинополе. Считались наиболее законными и имеющими власть в Византии, пользовались наибольшим почетом.

Что ж, эта тучная величественная женщина уже весьма неплохо изъяснялась на местном наречии, но то, что она говорила, совсем не понравилось князю. Когда же эти прибывшие с Анной служители поймут, что он тут главный?

Когда уразумеют, что их порфиrogenита тут прежде всего его супруга?

— Я буду ждать жену в гриднице, — только и сказал князь Владимир, выходя.

Сам же подумал: пора уже услать добрую половину этих квочек обратно в Царьград¹, нечего им тут командовать да лезть в его семейные дела с Анной.

А спустившись в обширную гридницу² княжеского терема, увидел и прибывших с Анной из Византии ее спутников-ромеев — все нарядные, в длиннополых одеждах, в складчатых хламидах, сколотых на плечах. Они почтительно склонились перед правителем Руси, но потом, выпрямившись, смотрели точно с вызовом. На своих базилевсов³ эти придворные прихлебатели так бы не пялились. Но тут, на Руси, они считали себя лучшими людьми, вот и возомнили, что смогут влиять на князя Владимира. И опять подумалось князю: услать их всех надо побыстрее к лешему... вернее, к их базилевсу, который был для Владимира так же незнаком и непонятен, как леший из глухих чащ. Пусть он и считался крестным отцом русского князя, пусть при крещении Владимир получил имя своего крестного императора — Василий.

Князь давно подумывал о крещении, но окончательно принял веру, когда захватил в Таврии ромейский город

¹ Царьград — так на Руси называли столицу Византии Константинополь. Нынче город Стамбул в Турции.

² Гридница — обширное, парадное помещение в хороммах.

³ Базилевсы — так называли императоров Византии.

Корсунь¹ и посватал сестру византийских правителей Василия и Константина². Такого никогда еще не бывало, чтобы рожденная в пурпуре царевна становилась женой иноземца, — законы ромейские подобного не позволяли. Однако Владимир настоял — и у него вышло. Так отчего же эти надменные ромеи смотрят на него как на варвара, которому стыдно поклоняться?

Владимир шел прямо на них, видел, как они косятся на его пурпурные сапоги, будто князь Руси не должен был рядиться в царственный пурпур. А вот и должен! Он теперь родня базилевсов и имеет право на царственное облачение, как и может наряжаться в длинные одеяния золотой парчи, к которым уже начал привыкать и которые особо ценил, когда следовало подчеркнуть свое высокое положение. Да и Анне так больше нравится.

При мысли об Анне настроение сразу стало лучше, спина выпрямилась. Владимир гордо прошел мимо расступившихся ромеев, как ладья сквозь болотную ряску, направился к своим верным боярам. А те тоже вырядились по ромейской моде — все парча да бархат, шелковые накидки, пояса, украшенные самоцветами. Правда, шапки, опушенные мехом, носили по местному обычаю. А почему нет? Меха — самая большая ценность Руси. Торги пушниной немало богатства в казну княжескую добавили, ведь известно, что на рынках Царьграда за них отменную цену дают. Правда, жарковато

¹ Корсунь — город в Крыму (Херсонес — ныне в районе Севастополя). В описываемое время принадлежал Византийской империи, но был захвачен войском князя Руси Владимиром Святославичем. Возвращен империи после договора, по которому Владимиру отдали в жены царевну Анну.

² Василий и Константин — императоры-соправители Византии. Василий II Болгаробойца (958—1025), Константин VIII (960—1028). Последние правители Македонской династии, к которой принадлежала и жена князя Владимира Анна.

сегодня для мехов-то. Ну да ничего, пар костей не ломит. А на парчовых шапках собольи и куньи меха только богаче смотрится.

Впрочем, Добрыня, дядька князя, все еще ходил в льняной одежде местного кроя, разве что плащ пестрый на плечо накиннул. Но зато в такой одежке ему не так жарко по липневому¹ пеклу. А свои длинные, с легкой проседью волосы Добрыня просто стянул в конский хвост. И все равно величавостью своей худошавый, жилистый дядька князя не уступит иным собравшимся. Вон как почтительно с ним держатся нарочитые люди² князя — и боярин Волчий Хвост, и воевода Блуд, и витязи Светлоок и Ясень, и даже обряженный в византийскую парчу известный купец Дольма.

Владимир приблизился к Добрыне, улыбнулся приветливо.

— Где наш поп Анастас? Готов ли провести службу?

— Уже дожидается, государь. Чтобы наш Анастас да не справился!

И глаза у самого заблестели задорно.

Глаза у них с Владимиром были похожи, темно-карие, а вот в остальном дядя и племянник имели мало сходства: Добрыня был смуглый, темноволосый, а Владимир и впрямь Красно Солнышко — светлый ликом, русые волосы выгорели до пшеничного оттенка, только бородка, небольшая, холеная, немного темнее. Встретив уже тридцатую весну, Владимир был дивно хорош собой — статный, широкоплечий, рослый, его воинскую выправку не мог скрыть даже блистающий парчовыми узорами дивитисий³ ромейский. И улыбка у него была хорошая — ясная, белозубая, светлая. Сколько женских

¹ Липень — июль.

² Нарочитые — знатные, уважаемые люди.

³ Дивитисий — длинная шелковая туника.

сердце взял князь в полон своей чарующей улыбкой! Но сейчас в ней чувствовалась и некая насмешка. Он ждал, как отреагируют все эти прибывшие с Анной из Византии ромеи на то, что князь Руси сам выберет себе служителя их Бога. Хотя... теперь это Бог и самого Владимира, и его ближайшего окружения, его дружины, его сыновей. А патрикиям¹ и служителям церкви, присланным от базилиевцев, все кажется мало. Они прибыли, чтобы проследить и позже доложить в Царьграде, что возлюбленная сестра императоров попала в по-настоящему христианскую страну. Как и нужно убедиться, что Русь считается с требованиями Царьграда.

Последнее особо напрягало Владимира. Ему было хорошо оттого, что он наконец определился с верой. Он постигал ее тонкости, начал принимать ее душой... а тут эти дела политические. Политика. Ишь какое слово придумали греки, чтобы объяснять свое давление на князя. Думают, что раз отдали ему порфирогениту по требованию, то теперь пришел их черед проявлять волю и ставить условия. И так наседают, словно имеют право увезти назад царевну, если варвар Владимир их не слушает. Ну да жменю ветра они получают в ладонь, а не Анну! Да и сама царевна уже не пожелает вернуться... Так хотелось верить князю, учитывая, какие отношения сложились у него с его венчанной у алтаря женой.

А ведь и ранее у него были жены — четыре водимых² супруги имел Владимир, когда поклонялся старой вере. И это не считая полюбовниц без числа, каких собирал отовсюду, где какая на очи ему попадет. Целый терем заселил князь любушками своими в загородном имении Берестове, да только все это до Анны было. Теперь же,

¹ Патрикии — придворные в Византии.

² Водимая жена — во времена многоженства та, что считалась законной.

как и положено у христиан, одна у него жена, одна царица... раз уж титул княгини она ниже своего достоинства считает. Ну и пусть ее так кличут. Ей — утеха, Владимиру — слава.

Анна наконец появилась на высокой лесенке. Сходила, будто плыла. Покачивались длинные подвески, блистал камнями лор¹, диадема вон та же цареградская. Ей поклоны все отвешивали, а она и не глянет, идет, горделиво вскинув голову на длинной, как стебель цветка, шее.

Владимир шагнул к своей царице. И подумалось: ранее, когда жил тут куда проще, он мог бы запросто обнять свою жену за плечи, шагнуть с ней вместе под расписную арку выхода навстречу лучам солнца... как и ныне выходил бы какой-нибудь счастливый купец со своей ладой милой, как он сам некогда выходил с другими любушками... с Рогнедой.

Но о бывших думать сейчас не стоило. Особенно о Рогнеде. Да и не должен он, носящий пурпур, уподобляться простым смертным. Он выше. И сам это понимал, и Анна так поясняла. Владимир соглашался с ней. Теперь его удел будет особым. Поэтому лишь протянул царице руку, посмотрел, как маленькая, мерцающая камнями перстней ручка легко легла на его сильное запястье.

Княжий дворец был из камня, еще бабкой Владимира княгиней Ольгой возведенный на Горе киевской. Арка выхода на крыльцо, красиво расписанная узорами, как исстари любили на Руси терема украшать, притягивала взор, но была довольно низкой — уж как построили. А как выйдешь — солнце так и освещает, бьет в глаза. А если прищуриться, то первое, что видно, — это расставленные

¹ Лор — деталь византийского парадного облачения, напоминает украшенный драгоценными камнями шарф, обвивавший плечи и стан.

по двору бронзовые изваяния, какие Владимир привез из завоеванного им Корсуня. Больше всего ему нравилась квадрига летящих коней в бронзе. Скакуны как живые получились, только Владимир все еще не решил, тут ли оставить или водрузить на какое иное место. Но не сейчас же думать об этом!

Вслед за Владимиром и его царицей выстраивалось шествие, тиуны¹ учтиво указывали нарочитому люду, кому где стать в процессии, но приближенные и так уже знали каждый свое место, не толкались, как ранее бывало. Впереди же шли ромейские священники с блистающими на солнце крестами, хоругвями, кадилами, окуривая путь венценосной четы ароматом ладана. Сладко пел хор, сперва юные мальчишеские голоса, потом солидно подпевали дьяконы. Пышной процессией вышли они из ворот княжеского подворья, двинулись по мощенному плахами проходу между дворами туда, где на широком месте на возвышенности должна была проходить церковная служба. Народу вокруг собиралось немало, и хотя киевляне уже стали привыкать к пышным выходам князя и его свиты, присутствовать при молебнах Владимира им нравилось. Празднично, красиво, нарядно. Всем любо было поглядеть, как это оно, новую веру вводить.

В сей день служба должна была пройти на месте бывшего капища старых богов. Сейчас там возвышался высокий деревянный крест. Светлое выструганное дерево в лучах солнца казалось золотистым, верующие христиане украсили его свежими цветами. Владимир сказал всем, что здесь будет церковь во славу святого Василия, именем которого он был окрещен. Неподалеку уже лежали штабеля досок и каменные блоки для постройки.

¹ Тиуны — управляющие.

Но пока построят, можно и под синим небом провести службу во славу истинного Бога, перед высоким деревянным крестом.

Владимир сам не очень понимал, что чувствует, глядя на крест. Но что трепет в душе был куда сильнее, чем когда на идолов поглядывал, — несомненно. Хотелось разобраться в этом чувстве, понять, что так волнует душу. Но отвлекало мирское. Как отнесутся все эти ромеи заносчивые, когда увидят, что службу проведет не их епископ Иаков, а назначенный для этого Владимиром Анастас Корсунянин. Тот, кто еще в завоеванном Корсуне объяснял Владимиру все, что касалось новой веры, поучал, давал советы, исповедовал. И Владимир хотел, чтобы главой его церкви в Киеве стал выбранный им священнослужитель.

Анастас вышел вперед, худошавый, темноглазый, в белой камилавке и темном длинном облачении, на котором сиял серебряный крест на цепи. Он поклонился и начал вести службу, не обращая внимания на легкий ропот стоявших за князем византийцев. Зычно звучал его голос, пел хор, в воздухе плыли завитки ладана. Анастас подготавливался отменно, к служению не придерешься. И ромеи постепенно умолкли, склонили головы. Даже Анна подле Владимира заулыбалась. Сказала мужу, чтобы он понял ее по-русски:

— Лепо. Ох, лепо мне.

Что ж, если сама царица довольна, то и другие ромеи не будут пенять.

Однако те все-таки пеняли. Уже после службы и последовавшего за ней пира, когда кажется, что на сытое брюхо и ворчать не будешь, эти все же разошлись.

— Кто таков этот Анастас? Отчего его возвысил, отринув тех пресвитеров, каких отобрали для служения в самом богохранимом Константинополе?

— Такова моя воля, — мягко, но решительно ответил Владимир.

— Чтобы проводить службу для царицы, кого попало выбирать нельзя.

Анна сидела в позолоченном кресле подле супруга, прямая, внешне вполне спокойная, но Владимир слышал ее учащенное дыхание.

Князь чуть склонился к ней:

— А ну скажи, чтобы твои угомонились. Иначе со мной разговор короток: посажу под белые руки на челны — и пусть отправляются восвояси.

Сказал это, обращаясь к жене, но так, чтобы слышали все.

Вперед вышел состоявший в свите Анны евнух Евстахий.

— Сиятельный архонт, мы не можем покинуть Киев и Русь, пока не убедимся, что оставляем порфирогениту в христианской стране. Можешь погубить нас всех, ты тут властелин, однако мы не сядем на корабли, пока не удостоверимся, что тобою были выполнены обещания и привнесен свет истинной веры в эту страну.

Владимир бросил колючий взгляд на евнуха. Ишь ты, рожа оплывшая. Евнух. Гм. Владимиру уже рассказали, что с такими еще в детстве сотворяют, евнух и не мужик после этого вообще. Да и голос у него, как у бабы иной, — тонкий, противный. Но знает ведь, убогий, чем подколоть. Не может Владимир выгнать их в три шеи, не порушив тем самым недавно налаженные отношения с Византией и новоявленной цареградской родней.

Князь опустил глаза, вздохнул несколько раз глубоко, успокаиваясь, и заговорил миролюбиво:

— Что вас не устраивает, ромеи достославные? Разве мало сделано для того, чтобы вы видели, как держава моя принимает христианство? Я сам крестился, дружинники мои веру Христову приняли еще в Корсуне. Вы все тому

свидетели. А здесь, в Киеве, разве мало моих бояр вы видели на службе во славу Всевышнего? Всегда так начинается: сперва лучшие люди принимают веру, а затем, глядя на них, уже и народ подражать начинает. Жен у меня было много, в том признаюсь, но, обвенчавшись с Анной-красой, я от связей с ними отказался: кого отпустил восвояси, но большинство выдал замуж за хороших людей, за христиан. Так и говорил: которая крестится, той приданое дам немалое. Так что теперь я следую обычаю иметь только одну жену, и бояре мои это же приняли, выслав любовниц и меншиц¹, оставшись только с венчанными супругами. Неужто этого мало? И не вы ли присутствовали, когда я окрестил всех своих сыновей у ручья в долине², сделав христианами своих наследников и явив тем пример своим людям?

— Ты говоришь только о знати, архонт, — подал голос епископ Иаков, обиженный, что Владимир не желает назначить его митрополитом в Киеве, а явно готовит это место для Анастаса Корсунянина. — Знать — это лишь малая часть людей в державе. Мы же ждем, когда народ свой начнешь крестить.

Этот епископ, сам родом из Корсуня, хорошо говорил на языке Руси. Да и люди в его свите тоже знали местное наречие. Вот они и сообщали Иакову, какие настроения в Киеве по поводу смены религии. Он знал, что многие из русичей по-прежнему чтут старые божества, а также имеют у себя в домах их маленькие изваяния, коим поклоняются, и даже отмечают старые языческие действия с воспеванием местных бесов. А потому сказал, что еще прошлой ночью на поле за городскими укреплениями творилось невесть что.

¹ Меншица — в период многоженства на Руси младшая жена.

² Есть версия, что Владимир окрестил своих сыновей у ручья, который с тех пор стал носить название Крещатик.

«Наверняка на гуляния Дажьбога какие-то глупцы собрались», — отметил про себя Владимир. Он слушал спокойную речь преподобного Иакова, велеречивую, но снисходительную, и чувствовал, как в душе его закипает гнев. Но когда заговорил, то едва не улыбался — научился князь у ромеев их почти душевной манере высказываться.

— Владыко, мне рассказывали, что христианская вера не сразу и в Константинополе прижилась. Отчего же вы требуете, чтобы я совершил чародейство и в единый миг сделал всех своих подданных верными непривычной им новой религии? Вон тот же Анастас Корсунянин говорил, чтобы мы милосердно вводили новые христианские законы, общались с киевлянами мирно, постепенно прельщая их истинной верой. Он сам так поступает, и у него получается, клянусь в том крестом, в который верю!

Но тут внуч Евстахий сообщил новость, к какой Владимир не был готов. Оказывается, прошлой ночью убили до этого мирно проповедовавшего в Киеве священника отца Нифонта. Он был найден пронзенным стрелой в ладье, на которой ночевал.

Рядом с Владимиром тихо ахнула Анна. Сам он задышал бурно и тяжело. Он знал этого священника — заросший бородой, коренастый и приветливый, Нифонт ходил по Киеву без опаски. И киевлянам он вроде нравился.

— Я прикажу вызнать, кто совершил подобное, — произнес глухо Владимир. — И накажу за это злодеяние.

— Ой ли? — всплеснул пухлыми ручками внуч. — Мне говорили, что у вас есть пословица: «Ветер в поле не поймать».

— Лови ветра в поле, — поправил князь. Но смысл был тот же. Владимир и сам понимал, что разыскать в многолюдном Киеве того, кто мог сразить стрелой несчастного священнослужителя, по сути невозможно.

Епископ Иаков широко перекрестился — все последовали его примеру, — а потом сказал:

— Теперь вы сами видите, высочайший Владимир, что ваш народ, некрещеный и не обученный истинной вере, будет творить зло христианам. Пока вы не подчините своих людей, пока будете... прельщать их, как вы сказали, нам опасно оставлять тут порфирогениту и ее слуг.

«Ну, Анне-то ничего не грозит, я за нее и град сожгу», — подумал Владимир. И вдруг заявил:

— Клянусь своей душой, что и пары седмиц¹ не минует, как я крещу каждого, кто ходит под моей рукой, — будь то воин, смерд или мастеровой с Подола. Даю вам мое княжеское слово в том!

— Ну, это ты зря им такое пообещал, сестрич², — сказал позже Добрыня, когда они вечером сидели в светлице терема у раскрытого окошка. — Слыханное ли дело, крестить толпу, когда у многих того и на уме еще нет.

— Я слово дал, — угрюмо произнес князь. А потом стукнул кулаком по оконному наличнику. — Я подчинил весь Киев, когда брал эту землю, и никто даже пикнуть против моей воли не посмел! Неужто теперь, будучи в такой силе, я не смогу загнать киевлян в воду да крестить по своей воле?

Добрыня перестал играть рукоятью ножа, замер на миг, о чем-то размышляя, а потом усмехнулся.

— А ведь это хорошая мысль — согнать народ к реке и отдать всем скопом под волю Иисуса Христа. Подобное наверняка произведет впечатление. Однако и сопротивляться многие будут. И чем яростнее, тем больше потом станут выказывать свое недовольство ромей.

¹ Седмица — неделя.

² Сестрич — племянник, сын сестры. Матерью князя Владимира была сестра Добрыни Малуша, с которой сошелся князь Святослав, отец Владимира.

Владимир молчал, дышал бурно.

— Придумай что-нибудь, Добрыня. Ты всегда мог найти выход там, где его даже не было.

В голосе великого князя неожиданно прозвучали почти молящие интонации. Как в те времена, когда он был совсем юнцом и во всем полагался на силу и смекалку верного дядьки. Добрыня даже удивленно выгнул брови: давно он не слышал такой мольбы от вошедшего в силу самоуверенного сестрича. Ну да Владимир — сокол, когда битв и походов касается, тут у него умение не хуже, чем у его родителя Святослава. А вот когда дела непростые государственные возникают, бывает, что он теряет ся. Как, к примеру, сейчас, когда к дядьке своему с просьбой обратился. Ну как тут отказать?

И Добрыня сперва поведал, что недаром по его приказу всех волхвов в округе схватили и отправили подальше — держат в заточении в пещерах, какие исстари зовутся Варяжскими. Сделано это для того, чтобы служители старых богов не мутили народ, не настраивали против христиан, не грозили карами от былых небожителей. И если не будет в толпе истовых почитателей Перуна и других покровителей, остальные не сильно и противоречить станут, опасаясь гнев властей на себя накликать. Хотя... Нашлись же такие, кто попа ромейского сгубил, не побоялся. Но сделано это было тайно, исподтишка. Значит, особой силы за ними нет. Зато сила есть у князя и его дружины, в которой, почитай, все уже крестившиеся.

И если дружинники выйдут в назначенный день в полном вооружении да начнут теснить простой люд к реке, кто посмеет бузу устроить? Сдержались же киевляне, когда идола Перуна катили по Боричеву увозу к реке. Ну порыдали, попрочитали, тем все и кончилось.

Но одно дело — силу показать, а другое — милость. А потому не мешало бы выбранный для крещения день

сделать праздничным. Пусть глашатаи кричат на каждом лобном месте, что гуляние великое для крещеных состоится, что одарят их из княжеской казны в честь принятия новой веры. И пусть не поскупится князь Владимир, который, впрочем, никогда не был в скупости уличен, — о том сейчас по всей Руси весть идет и песни поют.

— Да разве я когда жалел что-то для людей своих!.. — даже привстал с места князь, улыбнулся.

Но Добрыня был сосредоточен. Сказал, что надо, чтобы все дни до срока крещения священнослужители рассказывали людям о новой вере, учили их, а то и выгоду поясняли. Пусть втолкуют, что быть под защитой единого Бога — это как оказаться под рукой сильного князя-защитника. Да и вообще вселюдное крещение — это и праздник, и развлечение для людей. А еще пусть пояснят, что после того, как крестились, старые боги им уже не будут покровителями, а значит, надо верность новой вере хранить. И тогда добрый Христос их защитит.

— Еще важно, чтобы кто-то собой пример явил, первым вступив в воду для крещения, — добавил, поразмыслив, Добрыня. — Кто-то почитаемый во граде и окрестностях. Вон тот же боярин Блуд говорил мне, что готов со своим семейством при всем честном народе провести обряд крещения в водах. А как увидят люди, что Блуд с родней и челядинцами с готовностью идет принимать новую веру, то и потянутся следом.

— Блуда в Киеве не больно жалуют, — пощипывая бородку, молвил князь.

Боярин Блуд еще при отце его князе Святославе возвысился, потом и Ярополку служил. А как пришел Владимир, то сразу к нему переметнулся. Правда, о его измене Ярополку изначально мало кто ведал. Блуд вроде

как при прежнем князе остался, но именно он уговорил его покинуть Киев и перебраться в более южную крепость Родню. Родня хоть и невелика, но насыпи там высокие, тын крепкий, с ходу захватить трудно. Однако Владимир не стал захватывать эту крепость. Просто окружил своим войском и держал в осаде, что привело к страшному голоду в Родне. Люди даже говорили: «Беда, как в Родне».

Тогда Блуд опять помог Владимиру: он убедил Ярополка встретиться с братом Владимиром и переговорить обо всем. Когда же ворота открыли, туда первыми зашли наемники-варяги, которые сразу ворвались в княжий терем, а Блуд даже захлопнул за ними створки дверей, чтобы никто не смог оказать помощь оставшемуся внутри Ярополку. Так что когда Владимир прибыл в Родню, все было кончено. Блуд тогда первый сказал, что теперь у Владимира нет более противника, и указал на окровавленное тело его брата.

Владимир после этого возвысил оказавшего ему помощь Блуда. А вот в Киеве того невзлюбили. Не так дорог был киевлянам Ярополк, как само предательство вызвало неприязнь к боярину. И пусть при дворе Владимира Блуд отныне и был в чести, а все же молва о нем в народе шла недобрая.

— Не пойдут люди за Блудом, — помолчав, повторил князь. — Не люб он им.

— Ну тогда пусть Дольма окрестится. Этого в Киеве почитают.

— Да он же и так христианин, причем давно, — удивленно заметил Владимир.

Добрыня лишь хмыкнул. Откинулся на бревенчатую стену, улыбнулся.

— Что с того, что Дольма христианин, если семья его и ближники все некрещеные. Пускай он первый и вый-

дет, являя пример, да поведет за собой родню на обряд. Поверь, Владимир, Дольма не станет отказывать тебе в такой услуге. И уж если этот любимец киевский покажет, что делов-то всего ничего, то многие ему подражать начнут. Даже если тот же Блуд на крещение выйдет, люди не за ним, а за Дольмой пойдут, я уверен.

Владимир глубоко вздохнул. Смотрел в окошко. С высокого терема было видно, как золотятся в закатных лучах заднепровские дали, как привольно течет река, огибая острова с кудрявыми зарослями. Под самой Горой еще шумел Подол, мерцал множеством огней, ясно вспыхивали алым отсветом заката петушки на крышах богатых дворов. Сверчки вечерние уже начали стрекотать, собаки вдали взирали, девичий смех доносился. Но скоро все стихнет, люди начнут укладываться, еще не зная, что судьба их — будущих христиан — уже пред-
решена.

Князь смотрел на свой город, а думы его были лишь об одном человеке, о Дольме, прозванном в Киеве соляным купцом. Происходил этот Дольма Колояров сын из старого киевского рода, даром что его прадед был варягом, пришедшим сюда с севера вместе с Олегом Вещим. Потом варяг этот женился на киевлянке, тут потомки его родились, тот же Дольма, любимец киевский.

Дольма всегда был приветливым и щедрым с местным людом. Он скупал мед по окрестным землям, отвозил его на юга, до самого Корсуня Таврического, где продавал ромеям, а оттуда его ладьи возвращались в Киев нагруженные солью. Соль в этих краях всегда пользовалась спросом, Дольма же цену не ломил, его богатств хватало, чтобы быть милостивым и не драть в три шкуры. И хотя сам по себе Дольма был не очень общителен, но на положенных пирах-сходках купеческих всегда щедро выставлялся и был внимателен к старостам городских

концов¹, к почтенным старым боярам. Так что, даже будучи христианином, Дольма пользовался расположением киевского люда. Да и собой соляной купец был хорош, а жена его вообще слыла первой красавицей во граде. Брат младший его Радомил — или Радко, как все называли, — слыл известным бузотером, однако и его люди любили за удаль и незлобивый нрав. Про старшего же брата Дольмы Вышебора всякое поговаривали — и недобрый он, и в походах лютовал. Ну так то в походах, не у себя же во граде. После того как Вышебор покалечился в схватке с дикими вятичами, слухи о нем вообще сошли на нет. О Дольме же всегда говорили с почтением, считали его честным торговцем, даже не пеняли, что он открыто посещал христианскую церковь Святого Ильи на Подоле.

— Ладно, — произнес Владимир. — Пусть все готовится ко дню крещения. И будет великое гуляние в этот день. Добрыня поднялся, оправил пояс.

— Добро. С Дольмой я сам поговорю. Не откажет же он мне.

На том и порешили.

¹ Городские концы — отдельные районы, обладавшие собственным административным правом.

ГЛАВА 2

И началась подготовка. По всему Киеву, по теремам Горы, по застроенному тесно Подолу, по заселенным возвышенностям Хоревницы и Щекавицы, по урочищам Гончары и Кожемяки, даже по Оболони низинной¹ — везде ходили люди Владимира, кто с дружинниками, кто со священниками, кто просто с толпой нарядных княжеских ближников. И не просто ходили, а угощали медами да винами заморскими, не забывая при этом нарядами похвалиться, ссылаясь на свое везение, какое от милости доброго Христа получили. От него, Всевышнего, их благосостояние и удача — так говорили. А кто сомневался, то пояснять начинали, убеждать, а когда и спорить о новой вере.

Сновали в толпе и другие люди от князя, неприметные, нешумливые, — эти просто слушали, что народ болтает, особенно там, где священники растолковывали собравшимся суть постулатов христианских. К каждому из священников были приставлены толмачи, чтобы переводить сказанное. Кто выслушивал внимательно и с интересом — новые сказы всегда людям любы, — а кто и возмущаться начинал. Дескать, какой такой чужой Бог надобен, когда и своих хватает? Ведь исстари так жили.

— Но повалили же ваших богов-истуканов, — возражали князьи засланцы. — Все видели, как самого Перуна опрокинули. И что? Не побил молниями Перун Киевград, не случилось никакого ненастья и беды.

— Ну, это еще посмотрим. Помстится еще за себя Перун Громовержец!

¹ Населенные местности древнего Киева.

— А разве вы ждете этой мести? Похоже, вам хоть беды да нелады, только бы на своем настоять. А вот истинный Бог учит: прощайте врагов своих. Живите в ладу. А где лад — там и клад. Хорошо заживем, когда смиритесь, и Создатель всего сущего пошлет вам благо и мир.

Чужой Бог казался киевлянам уж слишком милосердным, но при этом — хитрым. Судачили, что, мол, от добра добра не ищут. Спорить начинали. Поэтому люди князя, слушавшие подобные рассуждения, отмечали самых упорных, к ним особое внимание было. Обижать не обижали, но уговаривали и прельщали постоянно. Если же чересчур непримиримые попадались или кто-либо злобу проявлял, то всегда находилась повод услатить такого, а то и намекнуть... припугнуть.

Вечером докладывали: к вере христианской все больше молодежь склоняется. Молодым-то всегда новое любо и интересно, а за молодежью будущее. Поэтому особенно щедро угощали таких, нахваляли и заявляли, что именно им, молодым да рьяным, грядущее строить, да еще с милостью от князя. «А как же старые наши игры, праздники?» — интересовались парни и девушки. Всем им было любо на Купалу жечь костры и купаться в потемках, на Масленицу печь блины и кататься на санях, в темные ночи Корочуна¹ рядиться в личины духов и требовать угощение по дворам. На это отвечали: «Старые обряды никто не отменяет, будет вам веселье, но с условием, если потом к молитве прибегнете. Так что гуляйте и веселитесь сколько душе угодно. Главное, чтобы старые верования близко к сердцу не принимали».

Но если молодых предстоящие перемены привлекали и вдохновляли, то старики упорно держались за старые

¹ Корочун отмечали в самую долгую зимнюю ночь с ряжеными и колядками. Этот обычай надолго сохранился и на Рождество.

верования. Сложно им было, пройдя свой век, сроднившись с привычными обычаями, вдруг столь круто менять уклад жизни. Вот и злились старики, спорили. Однако и они от угощения с княжеского двора не отказывались. Владимир Красно Солнышко — щедрый князь, так почему бы и не угоститься? А вот в кого верить они будут... Это еще как поглядеть.

Везде только и разговоров было, что о новой вере, — и в мастерских, и в теремах, и в лавках, и в лачугах. И все больше ширилась по граду весть, что в определенный день их всех созовут к речке Почайне, какая текла к Днепру по застроенному избами Подолу к гавани Притыке. Готовясь к предстоящему, все суда из гавани отвели, и теперь они стояли рядами вдоль островов и берегов Днепра, упершись птицеобразной грудью в песок побережья. А все для того, чтобы установить на берегу Почайны множество помостов, на которых будут стоять священники и вершить обряд. На возвышенностях же соберутся уже крещеные градцы, дабы наблюдать, как остальной народ обретет истинную веру. Сообщалось, что надо будет войти в воду по грудь, окропиться и крестное знамение совершить. «Какое еще знамение?» — спрашивали несведущие. Им показывали, и многие повторяли, коснувшись сперва лба, потом груди, а затем плеч. «Всего-то и делов? — удивлялись. — Ну а потом к столам пиршественным позовут?» — «Всенепременно», — заверяли их. Как тут было не согласиться? Ведь в Киеве будет такое гуляние, какого еще отродясь не было!

При этом же сообщалось, что, если кто заартачится и не выйдет в назначенное время к Почайне, тот на милость князя пусть не надеется, таких и выгнать из града могут. Пусть тогда разыскивают по лесам и болотам старые капища, где волхвы живут, ожидая новых подношений,

чтобы, как и ранее, дурить люд своими гаданиями и предсказаниями пустыми.

«Если предсказания ведунов пустые, отчего вы их так опасаетесь? — спрашивали. — Отчего ни одного служителя старых богов во граде не видно?» — «Так не любы они князю, — отвечали. — И если не хотите судьбу их повторить, идите к Почайне, когда бирючи¹ огласят о крещении. Всяк туда пойдет — и бояре нарочитые, и торговцы именитые, и ремесленный люд, какому выгодно и в дальнейшем на Подоле дела свои продолжать, жить и трудиться в Киеве, да еще и с благословения сильного единого Бога. Один Бог — это как один князь. Всякого защитит, всякого выслушает. Вспомните, как раньше князья воевали друг с другом, а простому люду от того было одно разорение и горе. Так и боги ваши каждый себе требы желал, подарки и подношения требовал, а то и человеческую жизнь. Сейчас же милость Всевышнего на каждого распространится, кто защиту от святого креста получит. А крестики вам подарят, едва из воды крестильной выходить станете. Всякий, кто на себя его наденет, получит оберег такой силы, что никакие старые боги и духи ему уже нипочем станут. Так что и душу свою спасете, и после смерти отправитесь в райские сады небесные, жить там вечно будете новой радостной жизнью».

Что значит жить вечно, люди не понимали. Но сама мысль о дивном будущем после ухода за кромку тешила и была интересна. Однако смущало иное: если под нового Бога идти, то как же пращуры, ушедшие раньше некрещеными? Неужто их теперь и блазнями² прозрачными не удастся встретить?

¹ Бирючи — городские глашатаи.

² Блазни — призраки.

«Можно подумать, что вы раньше с уже ушедшими пращурами виделись после их ухода, — отвечали сомневающимся. — А так каждый крещеный на том свете под защитой самого Создателя будет, и кто знает... Он ведь добр, он всякого услышать может».

И опять пересуды шли по граду, страхами люди делились, но и надеждами.

А потом настал тот день.

Казалось, само небо желало, чтобы все прошло как можно лучше: солнечно и ясно было под синим небом, но не жарко, не душно, тепло. Весь мир сиял ясным светом, музыка играла, гуслиры и дудошники устроились на помосте, а там подошли нарядные по такому случаю те из киевлян, кто уже крест на себе носил. Вскоре загудела сурьма¹ и к берегам Почайны с Горы сошли сам князь со своею царицей. На голове Владимира сияла диадема, увенчанная сверху сверкающим алмазным крестом. Такой же крест был и у Анны Византийской. Они ступили на высокий помост, а отроки в белых одеяниях держали над ними навес, украшенный пышными перьями диковинных птиц. Слышалось пение торжественное, священники кадили ладаном.

Анастас, епископ киевский, Иаков Корсунский и множество иных священников стояли в сияющих облачениях у самой воды и читали положенные молитвы. Киевляне же собирались шеренгами, поглядывали друг на друга — все в новых белых рубахах, босые, чтобы ступить в воду. И много их было — и с подольских улиц шли, и с Горы по спускам шествовали.

Кто-то указал на боярина Блуда — этот всю семью привел, а еще воинов из своей дружины, челядь домаш-

¹ Сурьма — большая сигнальная труба или большой рог, издающий громкий звук.

нюю, рабов. Рабам обещали свободу после крещения, говорили, что никто их после принятия новой веры продавать и менять больше не станет. А там и купец Дольма Колояров сын со своими показался. Люди на него смотрели, перешептывались: мол, чего это он тоже к реке идет, ведь крещеный уже?

Дольма шел, точно плыл, — степенно, неторопливо, важно. Кто-то сказал, что этот киевлянин похож на те изображения на иконах, какие попы людям показывали: худощавое лицо, длинные гладкие волосы, расчесанные на прямой пробор, небольшая бородка, брови темные над ясными глазами. В белой рубахе он смотрелся проще, чем когда разгуливал по граду в пестром корзно и обшитой мехом шелковой шапочке. Купец Дольма привел с собой всю родню некрещеную — и жену Мирину, красавицу писаную, длинные косы которой ниспадали почти до колен; и младшего брата Радомила, или Радко, как того в Киеве называли. Обычно это был шумный, дерзкий парень, известный на всю округу своими проделками, однако сейчас он, как никогда прежде, был серьезен и сосредоточен. А затем все обратили взоры на старшего из их рода, покалеченного дружинника Вышебора, угрюмого и замкнутого, которого катили в кресле на колесах. Он и сейчас смотрел исподлобья, но не перечил, когда Дольма оглянулся и что-то сказал ему, повелев при этом двигавшему кресло холопу подкатить увечного брата к самой воде. Слуг с ним явилось немало — богатый двор у Дольмы на горе Хоревеце, да и на Подоле немало людей служат в его лавках. И всех он привел с собой к Почайне.

Собравшиеся киевляне расположились рядами вдоль берега, переминались с ноги на ногу и озирались, будто ждали приказа. Дольма повернулся туда, где выше по течению стоял воевода Блуд с родней. Кивнул тому, словно подбадривая, и сам шагнул к воде.

— Дольма сын Колояров плохого киевлянам не посоветует, — слышалось в толпе.

И когда соляной купец ступил в речку Почайну, толпа колыхнулась, люди стали следовать его примеру. Тут уж и Блуд засуетился, схватил двоих стоявших по бокам сыновей, крикнул невесткам, державшим на руках младенцев, и сам почти бегом кинулся в реку. Статный и тучный, он ворвался в воду, словно могучий степной тур, подняв брызги и едва волну не пустив. Как будто хотел показать, что его дело первое и не Дольме с Хоревицы ему пример являть.

В толпе послышались смешки, но люди уже входили гурьбой в Почайну. У толпы свои правила, и уж если люди стали веселиться, то и самые хмурые в итоге заулыбались. Экое творится на белом свете! Всем народом купаться в теплый день приходится!

Дольма же широко перекрестился, уже стоя по грудь в воде. Поднял руки, призывая своих ближних, проследил, чтобы и увечного брата завезли в воду, улыбнулся. Его родня окружила, а следом и другие пошли. Шумно было, весело. Но в то же время торжественно от пения псалмов, от важности на лицах князя и Анны его, от вскинутых в благословляющем жесте рук священнослужителей. Кто-то успевал прикоснуться губами к крестам в руках попов, а кто и так вошел; плескались, еще не зная, когда выходить. Вся Почайна колыхалась от движения, светло было от множества белых одежд.

Стоя на возвышении, князь Владимир с улыбкой наблюдал за происходящим. При этом он отметил, как величаво и милостиво собрал вокруг себя людей Дольма, как торопливо вел себя Блуд: завистлив воевода, не хотел Дольме первенство уступать. Но главное, что эти двое — Блуд и Дольма — явили пример, не случилось толкотни, люди веселы, улыбаются, плещутся в воде.

Где-то ребенок заплакал, но в основном на лицах людей улыбки.

— Слава Господу! — с облегчением перекрестился князь.

Кажись, все идет как надо. Даже стоявшим поодаль стражникам с кнутами и дубинками приходилось только смотреть. Тоже стояли и улыбались. Ладно-то как!

И тут, когда князь уже готов был расслабиться, что-то произошло.

Сперва было непонятно, кто начал кричать. Там, где в окружении родни и плескавшихся в воде киевлян находился Дольма, началась какая-то толкотня, послышались крики, бабий визг, а потом вдруг народ кинулся из реки обратно к берегу, истошно вопя.

— Убили! — кричали люди. — Убили Дольму нашего!

Владимир едва сам не соскочил с помоста. Но натолкнулся на быстрый взгляд Добрыни и замер на месте. А тот уже подсуетился: его дружинники вмиг оказались в толпе, сдержали напор, а там по знаку и музыка громче грянула. И видел Владимир со своего места, что там, где Блуд и находившиеся выше него по берегу киевляне все еще спокойно стояли в реке, обряд вроде продолжался, а там, где Дольма... Тело соляного купца плавало на поверхности лицом вниз, кто-то из родичей подхватил его, пытался поднять. И было видно, как алая кровь заливает белую рубаху.

— Перун покарал христианина! — уже заверещал кто-то.

Толпа качнулась. Удержат ли ее стражники?

Какой-то смуглый богатырь уже тащил тело Дольмы к берегу, народ шарахался, а смуглый выл, рычал горестно. На берегу рухнул на тело купца, но кто-то уже накинулся на него, стали избивать. Этот ли убил? Вон как пинают, даже длиннокосяя жена Дольмы замахнулась. Затем подоспели дружинники, растащили всех, кто толпился на берегу, удерживали, стараясь успокоить. А на-

род вокруг то шарахался, то, наоборот, пытался насесть да поглядеть. Поди угомони их теперь.

И тут — Владимир даже не успел заметить — его царица Анна спешно сошла с помоста и двинулась туда, где происходило столпотворение. Ее расшитая золотом алая накидка и сверкающий венец ярко выделялись среди толпы в белом — словно райская пестрая птица попала в стаю лебедей. И люди, как бы ни были взволнованы и потрясены, расступились, дали ей пройти, стали успокаиваться.

— Оберегайте царицу! — приказал Владимир своим ближникам, едва сдерживаясь, чтобы не кинуться в толпу. Благо, что стоявший за ним евнух Евстахий неожиданно сильно схватил князя.

— На тебя весь люд смотрит, архонт! Не поддавайся панике. Остальное в руках Господа!

Вот князь и смотрел. Наблюдал за тем, как его порфирогенита прошла туда, где уже в стороне положили тело купца Дольмы. Анна опустилась на колени и, сбросив свою роскошную накидку, накрыла его тело. Сама же осталась коленопреклоненной, сложила в молитве руки. И люди смотрели, успокаивались, указывая на то, что сама супруга их правителя отдает почет и дань погибшему христианину.

— Своего оплакивает, — произнес кто-то.

— Для такой, как она, все христиане свои.

А рядом кто-то сказал, что, мол, идти надо в реку, вон иные не испугались же.

И все продолжилось.

Дольму вскоре унесли от берега за частоколы ближайших усадеб Подола, так что подходившие со стороны новые градцы даже не ведали, что тут случилось, ибо по-прежнему играла музыка, пели священники, выходящие из воды крещеные в мокрых рубахах смеялись

и обнимались, поздравляя один другого, хотя сами еще не совсем понимали с чем. Вокруг царило праздничное настроение, люди после омовения шли туда, где чашники князя угощали их сладким вином из ковшей, медовухой поили — тут кому что больше по душе.

— Каждый крещеный иди на пир к князю на широкий двор! — выкрикивали бирючи. — Князь Красно Солнышко всякому собрату по вере будет рад.

И опять плеск в воде, белые одежды, улыбающиеся лица.

Владимир перевел дыхание, поднял руки, приветствуя новообращенных. Иных и окликал по имени, кого узнал. Но осекся, когда увидел вернувшуюся к нему на помост Анну. Он и не ожидал, что у его райской птички может быть такое гневное, непримиримое выражение лица. На щеках ни кровинки, только темные глаза полыхают под сурово сведенными бровями. И голос тверд, как сталь булатная:

— Разберись в этом, муж мой. Сам дьявол тут намутил, чтобы не пустить славян к Богу! Пусть вызнают да накажут жестко и прилюдно того, кто был рукой дьявола.

Ну, дьявол, не дьявол, а кто-то из местных татей¹ уж точно. Об этом и думал Владимир, когда уже вечером, покинув шумное застолье, осмотрел острый шип, какой вынули из гортани Дольмы. Тяжелая игрушка, величиной с ладонь, острая, как жало, на одном конце, на другом округлая, чтобы легче ухватить. Метнуть такой... Не хуже броска ножа получится. А еще шип этот вполне в рукаве можно упрятать. Рубахи крестильные все с длинными рукавами, так что можно схоронить.

— И кто такие кует? — поинтересовался Владимир у Добрыни.

¹ Тать — злоумышленник, злодей.

Был он от стола сытый, довольный, диадему давно снял, волосы растрепаны, и на лице румянец после выпитого. Однако голова работала ясно, потому сразу и задал правильный вопрос. Но только ответ на него...

— Да кто угодно, — развел руками Добрыня. — Такие из остатков болотной руды любой кузнец может выковать на продажу, чтобы добро не пропадало. А там и какой-нибудь покупатель сыщется — за такое не сильно дорого берут. Я уже послал людей и к кузнецу Вавиле, и к Гостеславу, и к хазарину Язиду. Мало, что ли, умельцев на Подоле! Делают порой такие цацки, чай, не кистень с шипами. Вещица вроде и не особо нужная, не всякий витязь позарится, а вот простой люд берет охотно. Все же какое-никакое оружие. И в умелой руке...

— Ну, подле Дольмы явно был умелец метать. И как думаешь, воткнули или метнули?

— Да разве поймешь? Там такая толпа была. Но кто на самого Дольму покусился, я постараюсь выяснить. Рядом с ним вроде только свои были. К тому же такой шип издали не бросишь, да еще в толпе мельтешащей. А вот то, что праздник нам едва не сорвали, плохо. Слышал, небось, что в толпе начали кричать? Дескать, сам Перун его поразил.

— Поймали тех крикунов?

Добрыня опустил голову. Под глазами усталые тени: это у князя пир горой на весь град, с кем только не чокался чашей и кого только не поздравлял, а Добрыня весь день улаживал все и выспрашивал.

— Любой ведь мог крикнуть со страху, — произнес он. — Людям втолковали, что теперь они под рукой Христа и старые боги им уже не в помощь. Однако привычное верование так просто не отпустит. И если бы не царица твоя, поразившая люд своей кручиной по убиенному, то еще неизвестно, что бы началось. Молодец она у тебя, княже.

Владимир откинул волосы с чела, взглянул на Добрыню как-то странно.

— Она-то молодец. Но и условие поставила. А желает царица, чтобы мы нашли того, кто убил христианина Дольму во время обряда.

Казалось, князь ожидал, что Добрыня удивится, начнет оправдываться да объяснять, что-де в таком столпотворении и неразберихе... Но тот молчал. Стоял, припав спиной к растянутой на стене волчьей шкуре, покусывал травинку и о чем-то размышлял. Владимир, глядя на него, добавил:

— Они все этого хотят — и Анна, и ее приспешники византийские. Говорят, что раз такое противостояние в Киеве творится, то им опасно оставлять тут порфирогениту. Она же... слова за целый день не молвила. С пира рано ушла, все молится перед образами.

— Она напугана, княже, — вынув изо рта изжеванную травинку, молвил Добрыня. — Она же сделала все, что могла, для этого крещения — сюда из самого Царьграда прибыла, с тобой обвенчалась, иконы привезла, мастеров, чтобы храмы строить, книги ученые для будущих христиан. А все, выходит, зря. Так что права твоя суложь¹ христианская: надо будет разобраться да выяснить, кто задумал такое злодеяние совершить в сей великий день, кто христианина Дольму жертвой избрал, едва не сорвав обряд. И как найдем такого — казним прилюдно. Чтобы наука была, чтобы никто более не посмел.

— Ты думаешь, что Дольму порешили для того, чтобы сорвать крещение?

— Ну, мало ли... Может, и так. А может, иначе все.

¹ Суложь — жена. В период многоженства — главная супруга, потом — просто законная жена.

Добрыня вздохнул глубоко, потянулся всем телом. Потом шагнул к Владимиру, посмотрел в глаза.

— Все что угодно может быть, княже. Дольма ведь удачлив был, у такого враги всегда найдутся. Но нам обязательно надо найти злоумышленника, чтобы народ успокоить. Явного убийцу или того, кто скорее всего таким может выглядеть. И доказать его вину надо основательно, чтобы все о том узнали. А потом этого головника¹ надо выставить перед всем народом, разъяснить, что и как, да казнить прилюдно. Чтобы знали — всякий крещеный под особой защитой князя и мстить за убийство чада Христова он будет строго.

Они оба какое-то время молчали. Из-за дверей донеслись веселые голоса, смех, потом в створку постучали. Раздался зычный голос боярина Блуда:

— Княже, иди к нам! Там скоморохи такое вытворяют! Ты должен на это поглядеть.

Владимир резко открыл дверь, что-то негромко сказал Блуду, но, видимо, столь значимое, что тот перестал улыбаться, ушел.

— Блуд сегодня герой, — молвил, повернувшись, князь. — Там, куда он людей увлек, все гладко прошло, вот и гордится собой, веселится. Может, это его люди порешили Дольму? Ну, чтобы Блуд нынче гоголем расхаживал.

— Наверяд ли, — покачал головой Добрыня. — Блуд рисковать зря не стал бы. Да и далеко он был, его люди при нем и все в стороне. А вокруг Дольмы кого только не было. Но чтобы такое убийство совершить, — Добрыня опять взял в руки тяжелый металлический шип — всю ладонь воеводы он занимал, — надо рядом находиться. Вот и следует начать расспросы, может, кто и видел что-либо.

¹ Головник — преступник, убийца.

— Это в такой-то толпе? Думаешь, до того людям было?

Но сам призадумался. А затем стал говорить о том, что со своего помоста успел углядеть. Владимир хорошо видел, как Дольма зашел в реку, а с ним братья его. Сбоку от купца его жена Мирина была. Кто-то толкал кресло с Вышебором... Там еще челядинцы были, много, человек восемь-десять. А следом и другие люди подтянулись. Дольма же, когда зашел, повернулся лицом к берегу, стал махать, подзывая остальных... Все вокруг плескались теплой речной водой, лес рук, как водоросли. Потом Дольму загородили от князя, он уже и не смотрел.

— Так, говоришь, вокруг в основном родичи и челядинцы купца соляного были? — уточнил Добрыня. — Это уже что-то. Ведь чтобы шип метнуть, да так метко угодить в самое горло, надо стоять где-то поблизости. Думаю, что и впрямь кто-то из своих метал, не из толпы. Ладно, разберемся, — сказал Добрыня и шагнул к выходу.

Но князь удержал его:

— Ты, что ли, со всем этим разбираться будешь, вуй¹? Добрыня медленно повернулся. Рот его кривился в усмешке.

— У меня что, дел больше нет? Найду, кто лучше моего все вызнает. Дело ведь непростое.

— Вот-вот, непростое, — даже притопнул ногой Владимир. — Анна, она ведь не дурочка из чашобы. Ей, знаешь ли, нужно, чтобы все разумно и доказательно было. Она в любую жертву, нами указанную, не поверит. А еще хуже будет, если евнух этот заартачится и начнет придираться, требовать разъяснений. Так что головник наш должен быть представлен как сама истина непреложная.

— Значит, так и сделаем, — уже взявшись за дверное кольцо, произнес Добрыня.

¹ Вуй — дядя по матери.

Но, видимо почувствовав на себе взгляд сестрича, не ушел, вернулся.

— Ты помнишь волхва Озар, княже? Того разумника, что уже не единожды нам в непростых делах помогал. Помнишь, как у твоего воеводы Волчьего Хвоста коня увели, да так, что никто в городе этого не заметил? Знатный был конь, целое стадо коров пегих стоил, вот Волчий Хвост и лютовал тогда сильно. А волхв Озар, помнится, порасспросил люд да сам присмотрелся, что к чему, и указал, кто мог коня так ловко вывести под носом у всех. Люди говорили, что Озар — великий ведун, а он, как выяснилось, просто сметливым да наблюдательным оказался.

Владимир чуть усмехнулся:

— Я помню то дело. Озар по остаткам на земле определил, что в усадьбу Волчьего Хвоста немало дегтя принесли, а на момент поисков его почти не осталось. Вот и вышло, что светло-рыжего скакуна боярского перекрасили и как вороного вывели за город. Купцы болгарские тогда на такое решились. Насилу их догнали уже за Вышгородом да отобрали скакуна.

— А помнишь, когда требы с капища всех богов стали исчезать, то именно он, порасспросив служителей и охранников капища, по их оговоркам и недомолвкам все же выяснил, кто из своих же волхвов воровать решил, — поддержал разговор Добрыня. — Или когда еще при Ярополке Блуд к нам хаживал утайкой, именно Озар по следам глины на его плаще проведал, что мы с воеводой этим столковались и вели дела против твоего брата.

— Помню, — помрачнев, кивнул Владимир.

Блуд действительно помог ему, а Озар чуть не сорвал все дело. Хорошо, что у волхва хватило ума самому прийти к Владимиру и сообщить, что он вызнал, а также посоветовать, как вести сговор с Блудом, чтобы до Ярополка

дело не дошло. Но тогда, подозревая, что Ярополк склоняется к христианству, Озар хотел помочь именно Владимиру, его сторону принял. Однако теперь, когда Владимир не только сам крестился, но и намерен христианскую веру по всей Руси расширить, волхв Озар вряд ли захочет помогать ему. Волхв — мужик разумный, к нему не единожды обращались, если дело путаное было, но он предан старым богам, его не заставишь...

Когда князь сказал об этом Добрыне, тот лишь задумчиво пожевал травинку. Молчал какое-то время, прежде чем начал говорить:

— Озар, как и иные волхвы, сейчас у меня под прищотром. Говорил уже, в Варяжских пещерах их содержат под надзором. И еще поразмыслить надо, как с ними поступить. Я даже подумывал порешить их всех, чтобы не мутили народ да не мешали нам. Но потом... Волхвы многим не милы из-за своей заносчивости и жадности. И теперь, когда новые ростки веры начали прорастать, много ли найдется таких, кто их слушать и защищать станет? Так, может, сказать Озару, что, если подсобит... отпустим их ко всем лешим? Пусть таятся себе да волхвуют в чащобах, куда наши руки пока не доходят.

— Он согласится?

— Ну, за своих он горой. Да и вольного воздуха глотнуть захочет после прозябания под землю. Еще замечу, что ему самому будет интересно это дело распутать. Видел я его при деле. Какое там волховство или чародейство! Кикиморам на смех! Он думает, разбирается и сопоставляет. Умный мужик Озар. Этот справится. И все по полочкам разложит.

— Хорошо бы. Нам ведь самой Анне и ромеям ее про это дознание пояснять придется. Так что давай, Добрынюшка, тащи своего служителя.

Но когда дядька князя уже взялся за кольцо на двери, Владимир его остановил:

— Только сдается мне, Добрыня, что ты не прав, рассчитывая, что отпущенные волхвы нам вреда не наделяют. Непросто будет, если они уйдут в народ и начнут внушать простым людям неприязнь к христианству.

Добрыня зло выплюнул травинку, посмотрел на князя своими темными жгучими глазами.

— А какое дело дается просто, княже? Просто только советы раздаются. Но мы-то с тобой знаем — удачу в жизни можно получить только через великие трудности. Не иначе. И выигрывает в конечном счете лишь тот, кто не отказывается от намеченной цели. Так что, если мы с тобой не откажемся от задуманного, все получится, как бы нам ни мешали. Клянусь в том своей христианской верой!

Казалось, в тот день город будет гудеть до полуночи. Но стемнело — и люди, впечатленные произошедшим, потрясенные и утомленные, довольно тихо и мирно разошлись по домам. Была пора месяца серповика — его еще серпнем¹ называли, — и ночи уже стали ранними и темными; в народе говорили: и конь успеет наестся, и всадник — отоспаться.

Когда Добрыня шагнул в лодку и его повезли вдоль киевских берегов по течению в южную сторону, град Киев на возвышенностях лишь кое-где высвечивал редкими огнями. Тихо было, только река плескалась да совы тонко кричали в прибрежных зарослях.

Варяжские пещеры находились в стороне от поселений града. Вроде и не так далеко, однако Добрыня, подуставший за день, успел даже подремать в пути. Впрочем,

¹ Серпень — август.

он вмиг очнулся, когда его ялик заскреб днищем по песку у побережья, и осмотрелся. Вверх уходили крутые склоны, поросшие лесом, во мраке терялись глубокие лощины между ними. Именно здесь был проход в подземные углубления, где содержали пленных волхвов.

Добрыня выпрыгнул из ялика, свистнул негромко. И тут же навстречу вышло несколько стражников — трое или четверо. Вообще-то, тут их было нынче немало, дабы охранять плененных служителей старых богов и следить, чтобы никто не посмел помочь им выбраться на свободу. Причем все сторожа были из христиан — другим бы охранять волхвов не поручили.

— Нам уже доложили, что все прошло благополучно, — молвил один из них. — А эти, — кивнул он за плечо, — все время что-то бубнили в подземелье, твердили, что гроза налетит, град будет, ветер все порушит. Вот уж глухари токующие! Им бы только пугать да угрожать. На деле же день сегодня был ну чисто медовый!

Добрыня ничего не отвечал. Прошло все ладно — и бог с ним. Ему еще надо было одно дело решить, а там и на покой можно, отдохнуть, отсыпаться.

В Варяжских пещерах, расположенных на подступах к Киеву, еще исстари делали остановку северные торговые гости. Прятали свое добро в узких переходах пещер, сюда же пленников-рабов свозили, каких покупали на торгах перед дальней дорогой в южные пределы. Однако давно это было, с тех пор кто только не укрывался в подземных переходах. Правда, в последние годы они пустовали. Вот и решено было свезти сюда волхвов и удерживать их, чтобы не мешали князю творить свои дела в Киеве стольном.

Добрыне протянули зажженный факел, он взмахнул им раз, другой, чтобы лучше разгорелся, и шагнул под низкий свод, уходящий вглубь горы. При свете факела видел уво-

дивший во тьму длинный коридор, который кое-где был выше роста человеческого, а местами такой низкий, что приходилось нагибаться. Сыро тут было, в нос бил запах плесени и нечистот. Там, где коридор расширился камерой, можно было увидеть дружинников-сторожей — свет воткнутых в стену факелов отражался от их пластинчатых доспехов, отсвечивал на оружии.

— К Озару меня отведите, — приказал Добрыня.

Они уходили все глубже под землю. Порой за проемами, забранными решетками, из глубинных расширений слышалась какая-то возня, один раз донесся дикий крик с подвыванием, из-за кованых прутьев протянулись худые когтистые руки.

— Проклянунь! — вопил кто-то. — Самим Громовержцем проклянунь! Ни сил, ни удачи больше не познаете! Кожа с вас слезет, глаза вытекут!..

— Свят, свят, свят, — перекрестился охранник.

И к Добрыне:

— Чем только нам не грозят эти окаянные.

Волхва, называвшегося Озаром, Добрыня нашел в узком подземном углублении, сыром и промозглом. Он сидел под стеной, обхватив колени и опустив кудлатую голову с длинными волосами, слипшимися сосульками. При свете огня закрылся ладонью, сощурился.

— Никак сам дядька князя пресветлого пожаловал, — произнес волхв, когда присмотрелся.

Добрыня воткнул факел в расселину в стене и сказал стражнику:

— Иди, оставь нас.

Тот помешкал.

— Ты будь с ним осторожнее, воевода. Сейчас он смиренный, а до этого одного из наших чуть не задушил. Пришлось заковать.

Что Озар в цепях, Добрыня заметил. Сказал:

— Буйствовать будешь, я просто уйду. Но если выслушаешь, может, и столкнемся.

Он знал, что Озар не глуп, с ним можно было иметь дело. Но не стоило забывать, насколько тот опасен. Это сейчас, сжавшийся, грязный, облепленный сырой известковой грязью, волхв казался убогим, однако силой обделен не был — вон какие руки, какой разворот плеч, пусть и поникших.

Добрыня говорил с ним негромко — не хотел, чтобы стражи знали, о чем беседуют. Сам же поведал все — и о многолюдном крещении, и о том, что Озару надо будет расследовать, кто погубил соляного купца Дольму.

— И ты, Добрыня, решил это мне поручить? Мне? Ты, многомудрый советник князя, явился просить об этом меня? Волхва?

Озар казался удивленным без меры.

Добрыня, поправив пряжку на поясе, стал разглядывать изможденного слугителя старых богов.

— Тебе уже приходилось выполнять такие поручения, ведун. Ты разумный, вот и справишься.

И тут Озар захохотал — громко, торжествующе. Его раскатистый смех, казалось, заполнил все низкое темное пространство под землей.

Добрыня лишь закусил губу, чтобы не сказать грубое слово. Пусть ржет сколько пожелает, главное — чтобы согласился.

Озар смеялся долго, как будто издевался. Пока смех не перешел в клопочущий надсадный кашель.

— Несладко тебе тут, Озарушка, словно земляной червь корчишься, — хмыкнув, сказал Добрыня. — А я тебе дело верное предлагаю. Разве не возрадуешься уже тому, что выведут тебя на свет божий, на солнышко, позволят вымыться, обрядят чисто и накормят? Жить станешь в тереме богатым. Что скажешь? Это ли не благо?

— А если откажусь?

Добрыня присел подле него на корточки. Несмотря на длинную, слипшуюся клячьими бороду волхва, которая прибавляла ему возраст больше положенного, само лицо Озара под разводами грязи было еще молодое, с ровным носом и выразительными скулами. Он смотрел на Добрыню, казалось бы, с насмешкой. Но Добрыня неплохо знал Озара: умный, чертяка, знает себе цену. И наверняка уже сообразил, что раз Добрыня к нему пришел, то, видать, дело серьезное. Шутка ли — во время христианского крещения убили уважаемого во граде купца, да еще того, который народ за собой увлек.

— Зачем тебе отказываться, Озарушка? — миролюбиво заметил Добрыня. — Ты князю службу сослужи, а за мной дело не станется. Волю хочешь получить? Хочешь. Причем я тебе предлагаю не только самому освободиться, но и собратьев твоих, демонам поклоняющихся, отпущу куда глаза глядят. Я слово тебе в том даю.

Теперь Озар смотрел на Добрыню серьезно и задумчиво.

— Слово Добрыни на вес серебра. Я это понимаю. Но поверишь ли тому, что я визнаю?

— Разумно докажешь, я и послушаю. А как справишься — пойдешь ты, куда ноги понесут. Да и собратья твои... Я ведь могу приказать порубить вас всех тут. А так спасешь их.

И тогда Озар улыбнулся. Зубы у него были ровные и крепкие, на темном грязном лице сверкнули, как жемчуг скатный.

— Разве есть у меня выбор, Добрыня? Ты выбора мне не оставляешь. Хотя, видят боги, мне и самому любопытно будет узнать, что там и как вышло. Добро, воевода. Что ж, вели снять с меня цепи. Тогда и по рукам ударим.

ГЛАВА 3

Киевская гора Хоревица располагалась над Подолом так, что с одной стороны подле нее была обширная княжья Гора, где высились главные хоромы и терема, ну а с другой подступала Щекавица, некогда считавшаяся отдаленным выселком, но нынче густо заселенная дружинниками и их семьями, разбогачившимися торговцами. Люди сказывали, что еще в незапамятные времена, когда только пришли в эти края братья Кий, Щек и Хорив¹, поселились они изначально именно на Хоревице, уж больно она подходила, чтобы на ней устроить укрепление, — обрывистая, высокая, но с ровной обширной площадью наверху. Это потом, когда братья обжились на Днепре, старший Кий устроил свой град на удобной и широкой Горе, какую тогда Киевой и прозвали, а средний Щек отселился на гору, которая его имя получила. Младший же, Хорив, остался на прежнем месте, как бы под защитой двух старших братьев. Много воды с тех пор утекло, но в Киеве и поныне говорили, что на Хоревице живут люди важные и избалованные, как младшие и любимые дети в семье.

Двор купца Дольмы располагался как раз на Хоревице. Вел на эту гору дуговидный подъем с северной стороны. По сути это было самое пологое место, где можно было взойти на Хоревицу, даже втащить воз. Вот здесь и поднимался на гору волхв Озар в сопровождении двоих стражей. Его даже веселило, что охранников к нему приставили, хотя должны были бы понять — не сбежит.

¹ Легендарные основатели Киева.

Зачем ему сбегать, если от того, как он службу сослужит, зависела участь его собратьев по вере? Но уж если сопровождают, то пусть.

Озар после долгого заключения в пещерах был вымыт, одет в длинную полотняную рубаху, подпоясан веревкой с кистями на концах, обут в кожаные поршни¹ с обвивающими голень крест-накрест ремешками. Сейчас волхв выглядел скорее как обычный киевский житель, вот только вышивкой его рубаха не была отмечена, хотя мало кто из киевлян не украшал одежду изображением узоров-оберегов, — ну да тут мнения Озара никто не спрашивал. Так что служителя богов в нем можно было признать лишь по длинной гриве волос, ниспадавшей едва ли не ниже лопаток и обхваченной вокруг чела кожаным ремешком. Волосы у Озара были хорошие — густые, пышные, русые, с оттенком дубовой коры. Да и сам он был рослый и крепкий, как дуб. И не скажешь, что волхв с капища, скорее воин-защитник. А вот его длинную пышную бороду, какую по обычаю отращивали волхвы, Озару приказали срезать. Не следовало ему такой бородой привлекать к себе внимание и напоминать своим видом, что он из служителей. Впрочем, за время, проведенное в подземелье, длинная борода волхва свалялась таким колтуном, что и не расчешешь. Так что теперь лишь небольшая аккуратная бородка обрамляла его сильный подбородок, как у какого-нибудь торговца с Подола или служивого дружинника.

Во время подъема на гору Озару и стражникам пришлось задержаться — впереди, огибая крутые отроги Хоревиты, медлительные вола тащили воз с бочками, наполненными водой. Хоревиты хоть и была обжита давно,

¹ Поршни — мягкая, кроившаяся по ноге обувь, которая крепилась завязками.

но своей воды на верхнем плато не имела, поэтому приходилось везти ее из речек и ручьев низовья. А так как волы шли своим привычным неторопливым шагом, то и волхву со стражниками пришлось под них подладиться. Стражники что-то ворчали под нос, а Озару хоть бы что. Даже озирался с удовольствием по сторонам. Любо ему было смотреть после мрака подземелья на вольный простор — оживленный Подол внизу, сияющий широкий Днепр, острова на реке за болотистыми землями Оболони, низинные лесистые земли Левобережья, которые еще дальше уходили в безбрежную даль. Какая ширь, какой простор! Дышалось-то как легко! И жить хотелось на полную. А ведь одно время он уже и не надеялся увидеть все это, когда охранники князя лупили его дубинками за попытку вырваться и сбежать. Так усердствовали служивые, что Озару показалось, что совсем забьют, — ведь теперь волхвы в Киеве люди последние. Не нужны они оказались, когда князь попов иноземных привез и стал капища рушить. Однако в итоге вон как вышло — не смогли новые власти справиться без помощи ведуна Озара, служителя самого Перуна Громовержца.

— Что засмотрелся? — окликнул его один из стражников. — Давай топай, ведун. Волы вон уже проезд между башен городен миновали, а нас в усадьбе Колояровичей сам Добрыня ждет.

Городни на Хоревице были не столь внушительные, как на княжеской Горе Кия, ибо сама Хоревица с ее крутыми, обрывистыми склонами считалась достаточно неприступной. А строились на ней тесно — один тын из частокола бревен заканчивался, другой продолжался. Лишь кое-где над бревнами оград виднелись ветви плодовых деревьев, а так каждый двор будто отдельное небольшое имение — что там внутри, и не прознаешь, если не зайдешь. Зато ворота тут в основном были бо-

гатеишие — мощные, все с резными навершиями, с раскрашенными столбами по бокам. Не бедный люд обитал на Хоревнице.

И все же ограда усадьбы Дольмы была одна из наиболее внушительных — на столбах частокола вырезана красивая чешуя, словно у змея-ящера, а сами створки ворот украшены замысловатыми коваными скрепами. Сейчас калитка у ворот была приоткрыта — ждали гостя, доложили им уже. Сам же Добрыня и сообщил. Он еще загодя явился в родовую усадьбу Колояровичей и сейчас находился вместе с родней и челядью убиенного купца на протянувшейся вдоль всей длинной стены терема галерее, называемой по старинке «гульбище».

Озар сразу заметил княжьего дядьку. Тот стоял, прислонившись к резному столбу, подпиравшему галерею, и что-то говорил собравшимся. Но, словно почувствовав взгляд волхва, оглянулся. Обычно стянутые в хвост длинные волосы Добрыни сейчас свободно лежали на плечах, сверху их прикрывала небольшая, расшитая жемчугом шапочка. Любил наряжаться перед народом Добрыня, любил подчеркнуть свой статус. Сейчас, несмотря на то, что он стоял немного в стороне от остальных, сразу было заметно, что Добрыня тут главный. И когда он обернулся к калитке у ворот, то все тут же повернули головы, проследив за его взглядом.

Озар приближался неспешно, по пути замечая всякие мелочи. Двор широк и весь мощен дубовыми плахами — наверняка тут в дождливую пору чисто. Сам терем с раскрашенными створками окон и шатровыми кровлями стоял в глубине, но так, чтобы вошедший мог оценить и размеры его, и резные раскрашенные столбы гульбища, и галерею второго поверха, и ярких резных петушков на стыках крыш. Ладно, крепко, бревнышко к бревнышку стоял на земле купеческий дом, мимо которого нельзя

было пройти, не залюбовавшись. Озар даже отметил, что кровля терема выложена чешуйчатым гонтом — своеобразной деревянной черепицей, дощечки которой, явно натертые олифой, блестят на солнце, словно позолоченные. Ишь какое богатство! А хозяйские постройки — клети, конюшня, кладовые, сараи — все в стороне, все за теремом, как слуги, отступившие назад за величавый терем.

Озар нередко слышал о богатстве Дольмы с Хоревицы, но лишь теперь увидел воочию. И если на Подоле купеческие дома обычно выходят на улицу, то тут жили, как исстари повелось, — в глубине двора. И пока волхв проходил через широкий двор, он чувствовал на себе множество взглядов. Внимательных, настороженных. Ясное дело, Добрыня уже должен был оповестить всех, что отныне у них поселится и будет разбирать дело его доглядник, известный в Киеве ведун.

Озар поднялся по ступенькам крыльца — оно было сбоку от гульбища и срублено так хитроумно, что держалось на одном-единственном бочкообразном столбе-подпоре, врытом в землю. Само гульбище было широченное — видать, именно тут любили проводить время домашние Дольмы в светлое время дня. Здесь стоял стол, под стеной и у перил — лавки. В этом месте и собрались сейчас родня и челядь купца. Волхв должен был поклониться как гость, но как служитель богов не обязан этого делать. Вот и не поклонился. Стоял, оглядывал всех, не скрывая интереса.

Вон в кресле за столом сидит старший брат Дольмы, плечистый калека Вышебор, смотрит исподлобья сурово. А во главе стола расположилась красавица писаная, вдова Дольмы Мирина. За ней стоит высокой бледной тенью какая-то девица... или баба. Нет, девица, голова не покрыта, как у замужних, но косы подобраны, узлом завязаны. Обратил внимание Озар и на имевшего право

сидеть за столом крепкого челядинца с простоватым лицом и широкой, пегой от седины бородой. Подле него толстуха в красиво расшитом повое¹, хитро поглядывающая на Озара. Рыжий мальчонка-отрок сидел сбоку на столе, свесив ноги в расшитых сапожках. У одной из подбор галереи устроился на широких перилах темноволосый кудрявый молодец — этого Озар признал: вечный смутьян и задира в Киеве, Радко, младший брат Дольмы. Бывал он раньше на капище, пока то не порушили, Озар его запомнил — часто зубоскалил Радко над священнодействиями волхвов, но на требы обычно не скупился.

На лавке под стеной сидел смуглый черноволосый богатырь с выбритым затылком и длинным густым чубом. Он ссутулился, опершись лбом на сцепленные руки. На волхва лишь на миг глянул, сверкнул смоляными глазами с посеченного шрамами лица и снова опустил голову, словно в великой беде. Озар догадался, что это хазарин, страж Дольмы. Сказывали, что он предан ему, как пес, жутко свиреп, но с рук хозяина едва ли не ел. А еще ведун обратил внимание на щуплого плешивого мужика с бородашкой острым клинышком. Видел, как этот мужичок при его появлении весь встрепенулся, глаза расширились, будто в испуге, и стал пятиться, пока не осел на лавку у стола. Ишь как затрясся, дышит словно после бега. Что-то с этим плешивым неладно. Чего это он так дрожит?

Тем временем Добрыня шагнул вперед и положил руку на плечо волхва, как будто он был его закадычным другом.

— Это Озар, волхв с капища, какое ранее стояло над днепровскими кручами. Служил он Перуну Громовержцу,

¹ Повой — будничная головная убор замужних женщин в виде шапочки, приподнятой надо лбом и завязывающейся сзади.

требы богатые принимал. А теперь жить у вас будет и вы-знает, кто мог быть той змеей подколенной, какая своего господина и благодетеля порешить могла.

— Да не наши это! — почти пошла на Добрыню толстуха в повое. — Наши бы никогда такого не сделали. Мы ведь креститься все дружно пошли в тот день. Так господин Дольма велел — и мы не перечили. А ты... Как не стыдно наших тебе уличать, а, воевода?

Добрыня засмеялся и отступил. Ему ли спорить с бабой-дурой? Но Озар отметил, что эта хоть и одета прислугой, но раз голос подает, то цену себе знает. В таких живущих своим миром семьях дворовые часто считались едва ли не родней.

— Вот пусть Озар и разберется. Он ведун великий, — с нажимом произнес Добрыня.

Озар тем временем все поглядывал на дрожавшего мужичка с клинообразной бородкой. Заметил ли Добрыня, как тот странно себя ведет? Обычно он все замечает.

Но сейчас Добрыню отвлекли. Наблюдал, как калека Вышебор из своего кресла требовал, чтобы вдова Мирина ушла с главного места от стола.

— Что ей, бесплодной вдовице, тут верховодить? Она уже бывшая жена. Пусть теперь забирает свое приданое... или что ей там положено по брачному ряду, да убирается к себе в глухомань древлянскую. Таково мое слово, ибо я теперь главный, как старший брат Дольмы нашего!

— Ты не был главным, Вышебор, еще с тех самых пор, как Дольма в силу вошел, — неожиданно подал голос простецкий мужик с широкой пегой бородой и носом-репой. — Сам ведь когда-то признал, что пусть все хозяйство на Дольме будет, а ты тем временем гонял коня невесть где в походах.

— А ну замолчи! — повернувшись всем корпусом, крикнул Вышебор. Ноги его были неподвижны, но торс

крепкий, ручищи сильные, едва не поднял себя, упершись о поручни кресла. — Ты кто вообще такой, Лещ, чтобы мне указывать? Ты раб бывший, от рабыни рожденный!

Но Лещ неожиданно огрызнулся:

— Меня еще, когда ты бесштанником бегал, отец твой Колояр освободил от рабства! Или забыл? И я столько служил этому дому, что имею право высказываться. Или думаешь, что теперь все в усадьбе по-твоему будет? Может, ты и брата своего порешил, желая все заграбастать?

Вышебор рот открыл, чтобы ответить, но поперхнулся в ярости, зашелся злым шипящим выдохом, оскалился. А Лещу хоть бы что, смотрит себе. Но тут Леща заслонил от Вышебора крупный парень с таким же простецким лицом и пышными рыжими усами. Поднял руки, успокаивая Леща:

— Будет тебе, батя, будет! Такое еще скажешь... Вышебор-то калека!

— Вот и не ему теперь тут править. А Мирине нашей, голубушке. Да скажи им, жена! — повернулся он к решительной бабе в повое.

Но та сейчас сдержалась и лишь стреляла глазами то на хозяйку, то на Добрыню, то на гневно ругавшегося Вышебора.

Тут вперед вышел важный, хорошо одетый муж — в опушенной куницей шапке, несмотря на жаркий день, зеленого сукна кафтане, подпоясанном дорогим кушаком — ни много ни мало из настоящего шелка привозного.

— Угомонитесь, люди! — сказал громко и степенно. — Добрыню бы постыдились. Наши дела — наша забота. Чужим их показывать не стоит.

— А дела-то действительно наши! — рявкнул на него Вышебор. — И не тебе, тиун Творим, указывать тут, как и кому себя вести. А то скажу слово стражу Моисею, и он

враз тебя за ворота выдворит. Он Дольме служил, а теперь мне подчиняться будет! Я главный тут.

При этих словах Вышебора хмурый черночубый мужчина на миг поднял голову, взглянул на калеку удивленно, а потом снова понурился. Но Озару показалось, что он спрятал под длинными вислыми усами легкую усмешку.

«Похоже, заявление старшего Колояровича огорошило хазарского стража, — понял ведун. — Ведь изначально именно на этого... как там его... Моисея говорили, что хозяина он погубить мог. И именно его чуть не схватили на берегу, когда он окровавленное тело Дольмы вытащил из вод Почайны. Но теперь выходит, что Вышебор уже не считает хазарина виновным и даже намерен оставить его себе служить».

Тут красавица Мирина негромко сказала:

— Зря гонишь меня, Вышебор Колояров сын. Ибо мне теперь род ваш продолжать. — И добавила, подбоченившись: — Я дитя ношу от мужа моего, Дольмы благоверного!

Настала такая тишина, что можно было понять — удивила собравшихся прекрасная вдовица. Она же важно посмотрела сперва на Добрыню, потом на остальных. А те застыли, будто весть о том, что у молодой бабы дитя будет, ну просто чудо какое-то невиданное.

Мирина торжествующе улыбалась, переводя взгляд с одного на другого. Посмотрела красавица и на Озара, с вызовом и словно с невольной игривостью, — знала вдова Дольмы, как хороша собой. А у волхва и впрямь дыхание перехватило. Ох и краса! Ишь какие глаза, ну чисто барвинки сине-лиловые! Над ними темные брови вразлет, как крылья ястреба, а кожа такая нежная и чистая, что кажется, будто светится. Длинные косы Мирины соболиного оттенка были уложены на голове венцом

и покрыты не обычным повоем, а серебристой сеткой, расшитой мелким жемчугом, длинные ажурные серьги свисали почти до ключиц вдоль длинной, чисто лебединой, шеи. Сидела Мирина во главе стола спокойно и достойно, под стать царевне заморской, держалась с таким непререкаемым достоинством, что даже дивно, как это калека Вышебор осмелился заявить, что ее можно выгнать из дому и отправить в леса древлянские. Зато теперь ясно, откуда Дольма привез эту красу неписаную! А ведь и не скажешь — ни дикости в ней древлянской, ни их застенчивости. Давно, видать, прижилась красавица в стольном Киеве, своя здесь и покидать обжитое место не намерена.

Одна из находившихся тут же девок, некрасивая, конопатая, взвизгнула и хотела было к Мирине на шею кинуться.

— Ох, матушка госпожа, да неужто!..

Но замерла, встретив строгий, властный взгляд хозяйки. Тиун выступил вперед:

— Так ли это, госпожа милостивая? И это после стольких лет надежд бесплодных?

Стоявшая до этого с бесстрастным лицом бледная девица наконец подала голос:

— Правда сказанное. Еще в тот вечер перед самым крещением, когда вы все тут с хозяином Дольмой спорили, я приводила к Мирине повитуху, бабу Рапину. Она и заверила, что не зря госпожа мужней женой слывет. Послала боги... Ох! Послала мать Божья хозяйке нашей наследника. Мы с госпожой думали обо всем хозяину Дольме сообщить, ну да тогда все только об обряде и думали. А потом...

— Я решила сообщить мужу, когда он приведет нас с Почайны уже христианами, — перебила ее сама купчиха Мирина. — Дольма пир собирался закатить, вот и думала

сказать, когда сердце его будет в радости, оттого что теперь он вместе с собратями по вере.

И Мирина приложила к глазам платочек, словно вытирая набежавшую слезу. Но Озару показалось, что не было ни искренности, ни скорби в этом ее показном страдании по мужу убиенному.

Однако куда больше его интересовал мужичок с клинообразной бородкой, который, в свою очередь, не сводил взора с него самого. Казалось, все происходящее тут его не касалось, а вот присутствие известного в Киеве ведуна встревожило. Как только заметил он на себе взгляд волхва, так сразу и сник, сжал бороденку в ладони, потупился.

Тут Озара отвлек громкий молодецкий смех. Смеялся кудрявый красавчик Радко. Смеялся громко и как-то... отчаянно, что ли. Сидел на перилах гульбища, прислонившись спиной к столбу-подпоре, даже головой бился об него от смеха. Потом вдруг резко соскочил прямо во двор и спешно пошел к калитке.

Его окликали, рыжий мальчонка даже кинулся следом, звал. Но Радко не оглянулся и, не переставая смеяться, уходил прочь со двора. Пока не скрылся.

— Ну, парня-то понять можно, — негромко произнес стоявший подле Озара Добрыня и даже сам хохотнул. А потом, будто задушевному приятелю, сказал волхву: — Мы все считали, что теперь-то Радомил войдет в права наследства и остепенится, делами занявшись. Зачатки у него хорошие, славный парень... когда не бузит. Посуди сам, ведун: Вышебор — калека, Мирину бы со двора отправили... ну, если бы Радко не пожалел вдовицу-красавицу и не оставил ее по своей милости.

— А она согласилась бы остаться в приживалках? — спросил Озар. — При новом-то господине? Как они, ладят с Радко? Он ведь собой парень видный. Может...

— Не может, — отрезал Добрыня. — Да что об этом говорить? Теперь, когда положение ее стало известно, купчиха Мирина сама пожелает тут всем управлять. А вертопраха Радомила она и на дух не выносит. Они и ранее не ладили, Дольме то и дело приходилось их примирять. Хотя что я тебе говорю... Вот поживешь тут — и сам во всем разберешься. Но главное — выясни для меня, кто мог покуситься на соляного купца Дольму сына Колоярова. Как выяснишь, мне все доложишь. И чтобы по полочкам все разложил, чтобы ясно все было, как на стрельбище в солнечный день. Итак, Озар, останешься в усадьбе рода Колояровичей доглядником.

Это же он вновь сообщил собравшимся. Дескать, ведун Озар — его человек, пусть примут, как гостя дорогого, и ни в чем ему препон не чинят.

— Да кто же волхву перечить осмелится? — произнес бородатый челядинец Лещ. Вроде и соглашался, но поглядывал из-под седеющих кустистых бровей неприветливо. — С волхвами осторожно надо, да еще не забывать, что они всякое могут. Чародеи они.

— Ты чего пустое-то болтаешь, Лещ? — осадил его Добрыня. — Какое такое чародейство помянул? Или забыл, что крест на тебе теперь? В него верить надо, а не в чары навеянные. А волхву помогать станете потому, что я так приказал. Поживет у вас, порасспросит и выяснит для меня то, что надо. И на кого укажет — того и отдам катам¹!

Собравшиеся сразу притихли.

Озар был раздосадован. Не скажи Добрыня последнее, ему бы легче было ужиться среди родовичей убиенного христианина Дольмы. Теперь же все будут видеть в нем врага.

¹ Кат — палач.

Но Добрыня явно не намерен был облегчать Озару задачу. Знал, что делал, — не хотел, чтобы разумный волхв нашел тут союзников да что-то замутил. Они-то все крещеные, но почтения к служителю старых богов это не умаляет. А так... Так Добрыня уходил почти довольный.

Он сошел с крыльца, направился к привязанному у воротного кольца скакуну. Двое прибывших с Озаром охранников двинулись было за ним, но княжий дядька, уже сидя в седле, склонился к ним и сказал:

— Ты, Пегий, отправляйся туда, откуда и прибыл, носи службу у Варяжских пещер. А ты, — ткнул он зажатым в кулаке кнутовищем в грудь дружинника с чуть свороченным в сторону широким лицом, — ты, Златига с Копырева конца, останешься на Колояровом дворе. При Озаре.

— Да на что я ему? — расстроился кривой, отзывавшийся на имя Златига. — Он ведь, если захочет...

— Не захочет. Ты же помогать ему будешь. Если понадобится. Ну и... — И посмотрел выразительно: за ведунном приглядывать все же стоило. А дружинник Златига вроде парень смысленый. Сам поймет, когда нужно будет приструнить волхва.

ГЛАВА 4

Озар опять рассматривал булатный шип, который ему ранее передал воевода Добрыня. Тот самый шип, каким закололи соляного купца Дольму сына Колоярова. Хотя чего рассматривать — вот если бы Озар смог оглядеть рану на теле убитого, тогда бы больше понял и о силе броска, и о месте, откуда его могли метнуть. Однако Добрыня сказал: Дольму надо было похоронить по христианскому обычаю, не тянуть, не привлекать внимания людей, а оказать почет погибшему христианину. А потому отпели Дольму церковники, похоронили на поле вне града, крест на могиле установили. Озару же объяснили, что смертельный удар пришелся как раз под кадыком. Был он быстрым, стремительным, неожиданным, отчего Дольма еще какое-то время стоял в воде, схватившись за рану, потом тихо осел в воду, завалился лицом вниз. А вытащил его охранник купца, хазарин Моисей, на которого первое подозрение пало. Еще Озару сказали, что якобы все домашние недовольны тем, что хазарина не тронули, не забрали на дознание, а оставили с ними. Озару и самому было странно, что хазарина сразу не заломали, объявив убийцей. Меньше бы мороки было для всех, да и жалеть Моисея, как он понял, особо никто не стал бы. Моисей, похоже, сам все понимал, потому и был такой понурый. Тем не менее он, как и прежде, ходил по широкому купеческому дворищу, вот отправился в кладовую за кувшином, а затем понес его в терем, как будто не стражник, а служка на побегушках. Что ж, раз Вышебор взял его к себе в услужение и тем прикрыл от неприязни родни, надо подчиняться.

Выдать за убийцу именно Моисея было бы, на первый взгляд, разумнее всего: и горевать о нем в доме мало кто станет, и для народа киевского хазарин-убийца куда предпочтительнее кого-то из местных. Озар время от времени об этом подумывал, но не спешил с выводами: если Добрыня не велел выставить убийцей Моисея, значит, кто попало ему в головниках не нужен и он действительно желает во всем разобраться. Да и не мог Добрыня не заметить, что и холоп Жуяга ведет себя более чем дивно. А ведь именно Жуяга катил в тот день в реку кресло увечного Вышебора. Может, начать допытываться с этого плешивого холопа? Но холоп после ухода Добрыни тоже куда-то запропастился. Белобрысая девка, которая возле Мирины крутилась, на вопрос Озара сказала, что за водой Жуягу отправила. Ишь как подсуетилась! Или сама не видела, что с холопом делалось? Ладно, Озару еще предстоит во всем тут разобраться, так что Жуягу этого он не пропустит. Пока же просто будет приглядываться, дабы понять, что тут и как.

Волхва и приставленного к нему Златигу устроили на постой в сенях. Сени тут были широкие, в одном их крыле стояли кадки со всякими припасами и водой, в другой — широкие лавки под развешанными на стене пучками трав. Хорошо тут пахло, ароматно, да и на лавках ночевать удобно будет. Их к тому же меховыми полостями овечьими покрыли — ну вообще лепота!

Как раз напротив лавки Озара находилось волоковое окошко, в которое падал свет. Он и устроился под ним, попросил кого-то из дворни принести ему деревянных чубушек и краски. Возился с ними, вырезал какие-то фигурки. Но нет-нет и снова тянулся к литому шипу.

— Как думаешь, Златига, — обратился он к охраннику, — много ли сил нужно, чтобы убить крепкого мужика такой штуковиной?

Стражник перестал полировать пластину на поясе, посмотрел исподлобья. Когда-то, видимо, этого дружинника сильно задели чем-то тяжелым по скуле, и, несмотря на то, что под бородой шрам был не очень заметен, лицо его выглядело кривым.

— А ты что, сам понять не можешь, ведун? — довольно грубо отозвался Златига. — Если по твоей стати судить, ты не сразу в слугители при богах попал. Небось, ранее и повоевать пришлось, и поохотился наверняка еще с отрочества. К тому же я видел, как ты легко жертву на алтаре убивал, — значит, опыт имеешь. Вот сам и прикинь. А как по мне, то при удачном броске даже малец мог бы свалить Дольму.

— Малец, говоришь? — Озар привстал и выглянул в волоковое окошко.

Рыжий мальчишка, звавшийся Тихоном, играл во дворе с огромным лохматым псом. Зверюга был знатный, но к пареньку ластился, игриво тыкал в него лобастой головой, норовил лизнуть, а мальчик смеялся, лаская собаку.

— Мне сказали, что Тихон — прижитый на стороне сын Дольмы. Якобы привез купец его из Корсуня, от некой греческой бабы, с которой подгулял. По сути это его единственный сын. Однако при живых братьях Дольмы да при его вдове Тихон совсем не наследник. Так зачем же мальчишке было убивать родителя?

Златига отложил пластинчатый пояс, хмыкнул:

— Ты меня в свои догадки не втягивай, Озар. Да и кто из нас ведун — ты или я?

— А почему бы не помочь мне? Чем скорее разберемся с этим делом, тем скорее уйдешь к своей женке. Она то наверняка ждет тебя, кручинится, что вечерять под родной кров не явился. Небось, она и в тягости у тебя. А ты — вот напасть! — тут торчат со мной обязан, потому как приказали.

Златига посмотрел на волхва с интересом:

— А про Светланку мою откуда знаешь?

Озар улыбнулся, в уголках его серых глаз образовались легкие лучистые морщинки. Сама улыбка была хорошая, приветливая.

— А чего бы славнице¹ киевской не пойти за такого молодца, как ты? Рожу-то у тебя покосило где-то в схватке, что ж, бывает, однако в остальном ты вон какой — статный да ладный. К тому же дружинники Владимира не бедные — значит, завидный жених. Местные девки за таких охотно идут. И по твоей одежке, по шовчикам ровным на рубахе, по узору, умело вышитому у ворота, вижу, что есть у тебя хозяйка. А что не мать вышивала... Если бы мать для такого, как ты, старалась, ты бы не был так мрачен, оттого что при мне оставили. Мать никуда не денется, а вот к жене тебя тянет. Светланкой, говоришь, зовут супружницу? Этого я не знал. Зато заприметил, что у тебя крестик у расстегнутого ворота. Видать, успел побывать с князем в Корсуне, где многие из вас новую веру приняли. И если женился до похода и жена понесла от такого молодца, как ты, то ей сейчас уже сроки родить подходят. Поэтому ты и недоволен, что именно тебя Добрыня при мне оставил. К Светланке хочется пойти, а тут...

И Озар развел руками — мол, видишь, как оно вышло все.

Златига даже привстал. Смотрел на волхва удивленно. Лицо у него кривое, но под ровно подрезанной челкой глаза светлые, золотистые, можно сказать, медовые.

— Вот как просто у тебя все выходит, волхв! Ну чисто колдовство. А на деле — заприметил всякое и понял. Хитер. Вижу, не зря Добрыня именно тебя сюда отправил.

Хотел еще что-то добавить, но смолчал, только махнул рукой. Опять стал возиться с пластинами пояса.

¹ Славница — невеста, девушка на выданье.

Озар же принялся вырезать из деревяшек разные фигурки — одни продолговатые, другие округлые, третьи как придется, только бы разными вышли. Света из волокового оконца было маловато, надо было уже заканчивать работу, но он все еще продолжал затеянное им. Поглядывал порой на Златигу. Про себя уже решил, что этот не из тех стражей, которые избивали его, когда он бился и бунтовал в подземных пещерах. Кривого он бы сразу заметил. Хотя... Разве было у него время рассматривать своих мучителей? Вон до сих пор синяки на боках не сошли. Лицо, к счастью, не пострадало: закрывался руками, голову прятал, чтобы не забили ненароком. Голова она человеку важна, волхву тем более. Остальное же заживет как на собаке.

Главное теперь — выполнить поручение княжьего дядьки. Добрыня не простака, ему что ни попадя не наплетешь. К тому же от дознания Озара зависела не только судьба его самого — он братьев по вере должен спасти. Добрыня дал слово освободить их, если Озар справится. Значит... Значит, надо все правильно сделать и отчитаться чин по чину.

В сени вошла толстая повариха Голица. Она держалась уверенно, чувствовалось, что среди челяди эта баба себя не последней считает. Сейчас она принесла постояльцам крынку с простоквашей, поставила ее на приступке.

— Вот. Если захотите попить к ночи...

Ночь уже была на подходе. Света в волоковое окошко почти не поступало.

— Хозяюшка, а где тот плешивый мужичок с бородкой клинышком? Которого Жужягой кличут. Вернулся ли уже?

— Ему наша ключница Яра велела привезти на ночь воды из Киянки¹.

¹ Киянка — ручей под горой Хоревницей; брал начало на Киевских возвышенностях и впадал в протекавшую по Подолу речку Глубоцицу. Нынче заключен в коллектор.

— Что-то долгонько он за водой ходит, — заметил Озар.

— Так немало ее надо на хозяйстве. Жуюге понадобится не одну бочку наполнить и привезти на возу. Ну а как воротится, что, велеть к тебе явиться?

Озар подумал и отрицательно покачал головой:

— Утро вечера мудренее. Завтра и поговорю с ним.

Голица еще немного потопталась, будто спросить о чем-то хотела, но Озар ее опередил:

— Тиун ваш все еще с купчихой беседует?

— С ней, с госпожой нашей. А как же иначе? Теперь он у нее первый помощник. Хозяйство у нас немалое: и торговые лавки на Подоле, и мельницы на речке Лыбеди, и пара сел за Дорогожичами¹ имеется. Не Мирине же, голубушке, носиться по делам, когда она дитеночка ждет. Вот уж послал Господь радость нам. Жаль, что хозяин о том не узнает.

И она удалилась, всхлипывая и утирая глаза передником.

Ну да, красавице Мирине и впрямь нынче хлопотно будет заниматься таким хозяйством. Да и ранее она, лелеемая, любимая суложь Дольмы, видать, подобным себя не утруждала. Она была скорее украшением его двора — недаром весть о ее красе по всему Киеву ходила. Да и старший брат Дольмы, калека Вышебор, с подобным бы не справился. А Радко? Где же этот вертопрах Радко? Он как ушел, так и не было больше. Когда он явится, следует и его расспросить. Забавно парень себя повел, узнав, что управлять хозяйством погибшего брата у него теперь не получится.

Озар сделал глоток простокваши. Прохладная, вкусная, с приятной кислинкой. Их с Златигой вообще тут знатно

¹ Дорогожичи — историческая местность в окрестностях древнего Киева.

накормили: похлебку гороховую густую подали, мясную кулебяку, творог с молоком. После того как Озар столько времени ел в подземелье только баланду из прокисшего хлеба, от которого у него была постоянная изжога, нынешнее пиршество наполнило душу волхва неким блаженством. Однако расслабляться пока не стоило — надо было переговорить сегодня с тиуном. Как выяснил волхв у дворни, управляющий Творим в усадьбе лишь иногда ночевать оставался, а так обычно жил в собственном доме на Подоле. Да и вообще тиун такого большого хозяйства вряд ли все время под рукой будет, все по делам да в разъездах. Вот Озару и надо с него начать, пока не удалился.

Творима он узнал по походке: управляющий спускался из верхней горницы неспешно, топал тяжело, уверенно, чисто был тут хозяином. Хотя и впрямь мало ли на что рассчитывал Творим, когда от его умелых действий теперь все зависело? Та же хозяйка Мирина должна будет ему угождать, если не хочет потерять столь рачительного работника.

А вот Озар с ним особо не церемонился.

— Эй, а ну не спеши уходить, почтенный!

Творим повернулся медленно, на лице — суровое выражение. На окрик Озара выгнул бровь изумленно.

— Это ты меня?

— Говорить будем, — шагнув к нему, заявил Озар.

Творим вскинул голову:

— Некогда мне ляды с тобой точить. Я битый час с госпожой наверху беседовал. Утомился. Поди-ка объясни ей теперь все дела хозяйские. С такой красой, да еще не сведущей и не привыкшей к делу, и по миру пойти недолго. Все-то гостинцы да наряды у нее на уме. А я...

Но Озар не стал слушать его ворчание, просто кивнул, мол, иди за мной, — и вышел на широкое гульбище.

Это было не самое укромное место для беседы. Да, само гульбище было просторным — видать, тут за столом

немало гостей принимал покойный Дольма, — но перед тем, как спать укладываться, то и дело кто-то шнырял мимо. Чернавка бадейку с водой пронесла в покои, другая возилась, протирая стол после вечерней трапезы, и Озар велел ей не суетиться, уйти. Тихон, завидев волхва, подбежал и хотел посидеть рядышком, но Озар, вздохматив мальчишке волосы, по-доброму попросил оставить их с Творимом.

— Эко ты тут уже распоряжаешься по-хозяйски, — заметил тиун. — Одно слово волхв. Привык повелевать.

Озар отошел в дальний конец гульбища, прислонился плечом к резному столбику-подпоре.

— Пока тут переговорим, Творим, слуга хозяйский.

Назвав тиуна «слугой», Озар сразу напомнил ему, что он тут тоже всего лишь подчиненный. Твориму это не понравилось, он насупился, хмуро посмотрел на волхва из-под надвинутой до бровей меховой шапки. Но Озар держался с ним так, как привык еще в бытность свою почитаемым волхвом-служителем — величественно и властно. Сразу приступил к делу:

— Ответь-ка, Творим, где ты находился, когда в реку Почайну все вслед за Дольмой вошли?

При этом на самого Творима будто и не смотрел. Но по тени его отметил, что тиун даже отшатнулся.

— Что спрашиваешь? Думаешь, я душегубец? Да я дружен был с Дольмой, мы нередко по душам беседовали, он уважал меня. А ты...

— Я всех расспрашивать стану. С тебя вот начал...

— Чего это — с меня? Я в стороне тогда был! Почитай, позади всех. Я давно говорил хозяину, что готов веру Христову принять... ну, чтобы он своим меня счел, чтобы доверия мне еще больше было. А когда входили в реку во время обряда, хозяин на меня и не смотрел. Знал, что буду со всеми, что не подведу.

Как там насчет того, кто с готовностью шел в Почайну, а кто по приказу, Озар не волновало. Но, порасспросив тиуна, он понял, что тот лжет. Чтобы такой, как Творим, всяких скотников и чернавок вперед пропустил? Когда же Озар сказал об этом Твориму, тот просто соловьем запел: дескать, он же не из ближней челяди соляного купца, не его дворовой, потому и держался в стороне. Но о том, кто и где из ближников и домашних тогда был, помнил хорошо. Так, подле самого Дольмы Мирина-супружница была, рядом находился и Радко, а следом Жуюга толкал в воде кресло увечного Вышебора. Ну и Яра, ключница белобрысая, ступала с ними, может, немного сбоку; возле нее были кухарка Голица и ее муж Лещ, старый и верный работник в этом доме.

— А их сын Бивой, этот здоровенный детина с пышными усами, тоже там был?

— Нет, Бивоя в Почайне не видел. Он, как я слышал, отказался идти на обряд. Не захотел, не пошел.

Ну хоть кто-то проявил верность старым богам и не подчинился хозяину, почти с удовлетворением отметил Озар. Хотя от такого простоватого парня, как этот здоровенный увалень с пышными усами, Озар бы такого упорства и своеволия не ожидал.

А Творим продолжал. Дескать, и Тихон там суетился, брызгал водой радостно, хотя зачем он пошел на обряд? Всем известно, что Дольма привез сына в Киев уже крещеным. Но вот же полез и плескался подле родителя. Еще девки Мирины были там, Загорка и Любуша, крутились, смеялись, толкались, а чернавка Будька, помнится, оступилась в воде, упала, взвизгнула. Еще скотник был там, бывший раб по прозвищу Медведко, да пара баб-скотниц и мастеровой Стоян, молчун неприметный. Последний тогда разошелся вдруг непривычно, даже едва

не толкнул важного Творима. Ну а следом шли работники из лавки, приказчики и грузчики.

— погоди! — Озар поднял руку. — Работный люд из лавки был за тобой, верно? То есть в стороне от Дольмы.

— Так и было. Они последними зашли в воду, уже после меня.

— А ты, добрый друг соляного купца и помощник его, держался на отдалении, пропустив даже скотников. Скромный ты, как погляжу, Творим. Однако, находясь немного в стороне, ты как раз и мог увидеть, кто метнул оружие.

— Да ничего я не видел! — замахал руками тиун. — Там все теснились, брызгались, а сзади уже народ подходил, тот же купец-меховщик Хован с семейством зашел в воду. Еще помню, что Моисей почти рядом со мной держался, не спешил глубже зайти, однако потом шагнул прямо к Дольме. И сдается мне, что люди правы, уверяя, что хазарин этот и порешил хозяина.

Последние слова Творим почти выдохнул, понизив голос, поправил шапку на голове, уставился угрюмо. Озар же улыбался почти дружелюбно.

— А ведь мне говорили, Творим, что этот Моисей первый шум поднял и кинулся к Дольме, когда тот рухнул. Зачем ему было внимание к себе привлекать?

— А чего бы ему не шуметь? Решил, наверное, что на него не подумают. Этот Моисей, рожа хазарская, долго и верно служил хозяину, поэтому и надеялся, что его никто не заподозрит. А ведь Моисей, сказывали, некогда воином был, причем не из последних, мог и воспользоваться случаем в толпе. Ловок он, как и все, кто с оружием знается.

Тиун хотел еще что-то добавить, но замер на полуслове, когда Озар вдруг легким, почти кошачьим рывком перескочил через перила гульбища во двор. И сразу стал

смотреть на высокий поверх галереи. Успел заметить, как кто-то отступил вглубь легкой тенью. Верхние покои в тереме обычно женские, мужикам носить мусор туда не больно позволяется. А сейчас кто пытался их подслушать укромно? Мирина-хозяйка? Кто-то из ее прислужниц? Ключница? У Озара была догадка.

— Послушай, Творим, — молвил волхв, поднявшись обратно к оторопевшему тиуну, — что ты скажешь о ключнице вашей? Яра, кажется, зовут.

— Яра, да. Или Ярозима, как нарекли ее в родном селище. Недоброе у нее имя, да и в роду она была не любимой. Вот родовичи от нее и избавились, отдав Мирине в услужение. Это мне сам Дольма рассказывал. Я ведь ему помогал с тех самых пор, как он тут хозяйствовать начал, вот он и доверял мне, разговаривали мы с ним порой о всяком за чаркой меда стоялого, а не только о нуждах и делах. Он и сказал, что, какова бы ни была Яра в древлянском селении, потом из нее хорошая помощница его жене вышла. Оно и понятно: Мирина сидит да красу свою лелеет, а Яра весь дом на себя взяла. Но я вот что скажу: Ярозима эта хитрой оказалась, раз сумела всем так угодить, что ее до ключницы возвысили, хотя брали из лесов древлянских едва ли не как рабу-прислужницу. Ныне же погляди только — прямо госпожа достойная с хозяйскими ключами за поясом. Даром что вековуха¹, никем не выбранная. Однако и тут мне есть что тебе сказать, ведун.

Творим теперь говорил негромко и почти задушевно, словно хотел расположить к себе Озара.

— Дольма как-то поведал, что Ярозима в древлянских чашах охотницей отменной слыла. Замуж она не спешила,

¹ Вековуха — старая дева, женщина, не вышедшая замуж до положенного по возрасту для невест срока.

а все больше в лес уходила, причем без добычи никогда не возвращалась. Сильная она девка, и на лося ходила, и на волка. Так что поверь: такая, как она, могла метнуть нож в хозяина.

— А с чего бы это ей Дольму захотелось убить?

Творим втянул голову в плечи, размышлял.

— Вот что, волхв, ходили слухи, будто бы калека Вышебор просил Дольму отдать ему в жены вековуху-ключницу. Все равно она никому не нужна, а ему, убогому, хоть какая-то женка под бок. У него-то страсть Уда¹ порой играет еще как, даром что ноги волочатся. Вот он и хотел себе бабу. А хотела ли того же Яра, сказать не могу. Хотя... какая за такого захочет? А Дольма брату мало в чем отказывал. Мог бы и приневолить Яру. Так почему бы ей от хозяина не избавиться, чтобы он не принуждал ее стать женою увечному Колояровичу?

По сути это было обоснованное предположение. Хотя тогда Яре было бы сподручнее прикончить навязываемого жениха-калеку, а не Дольму. Но как это сделать в доме, где все у всех на виду? Однако даже Озар заметил, что ключница держится неприметно, словно и не правая рука хозяйки. Тут было о чем подумать.

Озар отпустил тиуна, а сам вернулся в сени, лег на лавку, застланную светлой овчиной. В тереме домочадцы уже укладывались на покой. Только одна из дворовых девок еще шастала по двору, кажется, та, что Будькой звалась, крепенькая, как репка, по-своему даже миловидная. Коса у нее, как и положено прислуге, недлинная, едва ли чуть ниже лопаток спускалась, зато густая, толстая. Озар улыбнулся, заметив, как Будька ставит у порога блюдо с молоком — угощение домовому. Молоко-то кошка вылакает, как обычно, но то, что старые обычаи

¹ Уд — божество плотских сил. Удова страсть — плотские желания.

в доме новообращенных христиан так сильны, волхву понравилось.

Еще эта Будька то и дело крутилась у ворот, как будто поджидала кого-то. Никак красавчика Радко надеялась встретить по возвращении — парень до сих пор так и не появился после того, как ушел. Зато когда Лещ спустил на ночь пса, Будька поспешила к главному терему, быстро взбежала на крыльцо, но еще какое-то время стояла на гульбище, что-то напевала негромко — долгое, монотонное. Озар услышал, как этому пению стал вторить негромкий храп Златиги. Тогда он встал и вышел из сеней к девушке.

— Никак ждешь кого или просто не спишься?

— Кого это мне ждать? — насупилась Будька.

Озар же заговорил с ней о тиуне, сказал, что тот явно лжив и себе на уме. А еще ведун помнит Творима, когда тот на капище с подношениями ходил, но не шибко жаловал богам, хотя управляющий таким хозяйством мог бы и пощедрее быть. Творим же то зайца тощего принесет на алтарь, то сапоги уже поношенные для служителей выделит.

Будька слушала и хихикала. Согласилась, что Творим скуп, любит в тереме Дольмы столоваться, хотя и сам не беден, но на угощение всегда поспеет. А еще он крестьян в селищах Дольмы донимал, житья им не давал, недоимки не прощал даже в голодные годы. О, Будька это знает, ее саму из такого селища в дом взяли. И то не тиун ее привел, а сам Дольма взял в услужение, когда родители девушки умерли, а старший брат жену завел. Будьку невестка обижала. А тут и жить спокойно, и кормят сытно, пусть и работать заставляют от зари до зари.

— Хороший хозяин был Дольма? — спросил Озар.

— Хороший... — подтвердила девчонка, но так тихо, что Озар посмотрел на нее внимательнее.

А потом подступил с вопросом: отчего это всему Киеву известный христианин Дольма не окрестил свою семью и челядь ранее? Кажется, мог бы. Будька лишь пожала плечиками. Дескать, сам купец не предлагал, а они не просились. Но как он повелел, все и пошли.

И тогда Озар поинтересовался, заметила ли сама Будька что-нибудь, когда убили Дольму в Почайне.

Несмотря на то что ему полагалось всех расспросить, он думал, что чернавка хотя бы из-за своего положения в доме засмущается вопроса. Ничуть не бывало. Ответила спокойно, обстоятельно. Говорила, мол, все стояли близко к хозяину, весело им было, они улыбались, смеялись. Ведь такого ранее не бывало, чтобы толпой-то в воду идти, вот и разобрало всех. Даже не больно улыбочивый Дольма просто сиял тогда. Но когда он упал, Будька не заметила. Помнит лишь, что все кинулись к нему — и Мирина, и Радко, и тот же тиун Творим, старый Лещ тоже поспешил. Однако Моисей всех растолкал, схватил хозяина, потащил к берегу, голосил страшно, рыдал. Брат Дольмы Вышебор хоть и в кресле сидел, но успел хазарина схватить и так дернул, что тот упал вместе с телом купца. Да, Вышебор калека, но очень сильный, плечищи у него и поныне саженные. Воином он был когда-то не последним, вечно в походах участвовал, службу в степном порубежье нес.

Озар слушал внимательно, порой поддакивал, ахал. Он знал, как заставить собеседника разговориться, ему и на капищах много чего приходилось от людей выведывать. Вот и эта чернавка стала рассказывать. Дескать, из-за того, что старший из братьев дружинник Вышебор часто бывал в отлучке, на Дольму все хозяйство и легло. И старая купчиха Добута, родительница Вышебора, но мачеха Дольмы, пасынку во всем помогала и обучала. Она была из старого купеческого рода, да только родной ее сыно-

чек Вышебор в дела торговые вникать не желал. А Дольма — тот сразу. Да и сама Добута была привязана к Дольме. Может, даже больше, чем к родному сыну. Тот пошел в отца Колояра, такой же лихой воитель, но с домашними резкий, грубый, непримиримый и властный. А Дольма, рожденный от меншицы-полонянки Колояра и рано осиротевший, был сызмальства на заботах Добуты. Она его растила, воспитывала, вот и привязалась. На ее попечении позже оказался и Радомил, но тот рос в основном как трава, сам по себе. Потому и стал таким неугомонным и своевольным.

Но сейчас младший Радко не очень интересовал Озара. Еще успеется, хотя Будька с охотой выкладывала все про красивого младшего Колояровича. А Вышебор? Она лишь насупилась.

— Что Вышебор? Говорила же, что ранее, до того как покалечили его, он считался тут главным, но в дела хозяйства не вникал, его даже устраивало, что Дольма всем так заботливо распоряжается. Для Вышебора же главным было, чтобы его как хозяина по приезду принимали, чтобы тот же Дольма выходил ему навстречу и в пояс кланялся, чтобы место во главе стола уступал ему покорно.

Но потом, когда Вышебора покалечило, Дольма его уже иначе принимал. Конечно, посокрушался, что старшой ногами ходить не сможет, потом выделил ему удобную горницу наверху, слуг приставил, велел мастеровому Стояну соорудить для брата кресло на колесиках, ну вроде сиденья на возке... Да ведь мудрый волхв уже сам видел то кресло! Дольма даже позаботился о наклонном спуске в тереме, чтобы старшего Колояровича было удобнее спускать-поднимать, когда тот пожелает. Да и в Почайну в тот день Вышебора в нем катили. Должен был Бивой ему прислуживать во время обряда, ну да Бивой отказался, вот Жуюгу к калеке и приставили. Ведь Жуюга тоже за

ним ухаживал, когда приказывали, а он, хотя и щедушный, на деле сильный.

— Это плешивый Жуюга-то сильный? — переспросил Озар. — Что-то я не заметил в этом щедушном силы. Наверно, ему нелегко пришлось, когда полгорода катил увечного, а потом еще в воде. Вышебор муж крепкий, могучий, а Жуюга вон какой невзрачный.

— Что с того, что он невзрачный? — поправив височные кольца на тесьме, возразила чернавка. — А на деле Жуюга сильный. Жилистый он, крепкий, руки все в узлах мускулов. Он же по молодости у ваших волхвов подвизался, охранником на капище служил. Ну а каковы ваши... Да что я рассказываю!

— Так он служителем богов был? — задумчиво переспросил Озар. — Откуда знаешь? Я вот ничего про вашего Жуюгу не слышал. А ведь должен был бы...

Говоря это, Озар хотел по привычке запустить руку в бороду, как с ним обычно случалось, когда размышлял. Но рука поймала пустоту. Эх, надо от этой привычки избавляться.

Будька зевнула и хотела было идти, но Озар еще спросил:

— Сколько же ты тут прожила в услужении, раз столько про род Колоярвичей знаешь? Сама вон словно Леля весенняя¹, юная, а всю их подноготную проведала. — И Озар легонько шелкнул Будьку по хорошенькому вздернутому носику.

Она отмахнулась, негромко смеясь.

— Так ведь надо же о чем-то говорить долгими зимними вечерами, когда все в истобке² собираются. Вот я и слушала.

Но, сказав это, чернавка заторопилась.

¹ Леля — богиня юности и весны в славянском языческом пантеоне.

² Истобка — центральная отапливаемая часть в доме.

— Пойду я. А то вон Лещ уже Лохмача с цепи спустил. А я страсть как этого косматого зверюгу боюсь. Да и вставать мне завтра раненько.

Озар посмотрел ей вслед и подумал, что эта милая девушка не так уж проста, как кажется. Все замечает, обо всех знает. И кого же она ожидала у ворот? Обычно ворота закрывают, когда последние с гулянок возвращаются. Не Радомила ли ждала чернавка? По тому, как она о младшем Колояровиче отзывалась, выходило, что нравился он ей. Но какой бабе такой, как Радко, не глянется — лихой, удалой да собой пригожий, как сам Ярила пресветлый¹? Хотя, как поговаривали, с Мириной-хозяйкой у него как раз не очень-то ладилось. А какая пара могла быть! Оба хороши, как месяц-месяцович с луной ясной.

Тут было о чем поразмыслить. Но вместо этого Озар стал негромко насвистывать, когда вдоль частокола промелькнула тень огромного, как теленок, Лохмача. Потом волхв начал поскуливать по-щенячьи, дышать быстрым собачьим дыханием. Пес сперва рычал грозно, но постепенно приблизился, принюхиваясь, а там и подошел, дал себя погладить по лохматому загривку. Ну да волхва Озара обучали, как с животными ладить. И когда челядинец Лещ, обходя на ночь хозяйские постройки, заметил, что приставленный Добрыней гость что-то ласково приговаривает присевшему рядом сторожевому псу, то даже ключи от запоров уронил — так поражен был.

— Гляжу, ты и впрямь колдун, — проворчал он. — Ишь как с Лохмачом поладил скоро. Обычно этот зверюга мало к кому идет.

— Ну, у меня с животными всегда лад, — отозвался добродушно Озар. — Я вот о чем хотел спросить тебя...

¹ Ярила — божество летнего плодородия. На праздновании Ярилы божество изображал самый пригожий парень. Считалось, что Ярила хорош собой, как лето красное.

Но умолк, когда старый слуга резко пошел прочь, всем видом давая понять, что не намерен лясы точить с подселенным к ним ведуном. Удалился к хозяйским клетям и больше не показывался. Озар посидел еще какое-то время. Ночь выдалась без луны, но ясная — все небо звездами, как светлым серебром, обрызгано. Тихо было, лишь из конюшни порой доносилось пофыркивание лошадей, а в полночь на хозяйском дворе прогорланил петух — его ночной крик никого не разбудил, привыкли уже.

Поспать бы Озару, однако он долго еще лежал без сна. Вспоминал все, что ему про род Дольмы стало известно, о чем поведали тут и что он знал, когда сюда только направили.

Изначально род велся от варяга Глума, прибывшего в Киев еще с Олегом Вещим. Варяги Олега тогда быстро расселились, прижились да переженились на местных девицах — Олег сам их в этом поддерживал, желая, чтобы пришлые варяги скорее в Киеве своими стали. Вот и Глум сошелся с местной девицей, а там и поставил свой дом на Хоревнице. Киевская супружница немало детей ему родила, но кто из них умер, кого судьба унесла невесть куда, кто сгинул в походах. Остался лишь один сын, названный уже по-местному Судиславом. И хоть имя носил славянское, однако, видать, сильна была в нем воинственная варяжская порода. Все время уходил в походы, лишь на побывку возвращаясь в родной терем на Хоревнице. А как сгинул где-то, после него остался сын Колояр, известный в Киеве витязь. Этот тоже выгодно женился на упомянутой сегодня Добуте, женщине хорошего купеческого рода. На ней и держалось все хозяйство, пока Колояр, как и отец его, в походы хаживал. Сперва он ходил с Игорем в южные моря, потом переметнулся на службу к прославленному воеводе Свенельду — у этого служить оказалось выгодно, все его люди богаты и успеш-

ны были. Именно при Свенельде Колояр и прославился, возвысился. Его сама княгиня Ольга пресветлая у себя принимала. Но, как поговаривали, не любила. Уж больно дерзок был да своенравен. К тому же враждовал с вышгородским родом Добуты — много шума от того было, говорят, он жене запретил родню навещать и, если позволяла себе послушаться, поколачивал. А что сам еще немало жен заводил, Добута даже слова сказать не смела, не могла и родне пожаловаться.

А потом Колояр прославился, сумев отстоять Хоревницу во время набега печенегов лютых. Случилось это, когда князь Святослав отправился в поход на Болгарию, а печенеги в его отсутствие напали на Киев-град¹. Мать Святослава княгиня Ольга с его детьми тогда схоронилась на главной Киевской горе за городнями и частокколами, там же немало беженцев укрылось, а вот гора Хоревница осталась сама по себе. Однако не смогли взять ее печенеги: крутые склоны и отважный отряд дружинников во главе с уже немолодым Колояром оказались им не по силам. Вот и отступили враги после нескольких неудачных приступов.

Однако, как бы умело ни обороняли Хоревницу, люди больше на иное обратили внимание: тогда к осажденному Киеву прибыл с ополчением черниговский воевода Претич, который хоть и не решился отбить отряды печенегов, а хитростью отвлечь их от града сумел. Он же вывез из осажденного града саму княгиню Ольгу с малолетними княжичами. Ну а там и сам Святослав подоспел, разбил печенегов, погнал их обратно в степи. В Киеве же был великий пир, чествовали все Святослава, восхваляли и ловкого Претича. О Колояре тоже много говорили, однако боярской шапки, на которую тот рассчитывал,

¹ События 969 года.

ему так и не дали. И Колояр замкнулся в себе. Даже когда очередная жена родила ему сына Радомила, не сильно повеселел. Да и жена родами померла, где уж тут пировать, когда горе в доме, а на Добуту еще и младшего Колояревича навесили.

И все же род их богател, особенно когда Вышебор привез со Свенельдом немало награбленного в болгарской земле. А когда Колояра не стало, Вышебор стал главным в роду. Однако в Киеве полноправным хозяином считался не тот, кто постоянно прибывал-убывал, а тот, кто семью имел. Только женатые мужи могли слыть хозяевами усадеб, теремов. Вот так и вышло, что средний Долемил, женившийся раньше брата, был признан всеми главным в усадьбе Колояревичей на Хоревнице. По совету мачехи Добуты он взял за себя одну из девиц ее обширного рода, Збудиславу, и в итоге сдружился с вышегородской родней, а новые родичи научили его торговому делу. Стал тогда Дольма торговать да добра наживать, струги свои построил, которые водил не в далекий Царьград, а в Таврию, к приморскому Корсуню. В окрестных киевских землях скупал мед, торговал и с древлянскими бортниками¹, а добытый мед сцеживал в липовые долбленные бочки и отправлял в Корсунь, где менял на соль. В Киеве соль всегда была в цене, вот Дольма и разбогател изрядно. Почитай, весь Киев у него соль брал. Отсюда и прозвище его было — соляной купец. Ну а поскольку Дольма постоянно бывал в греческом Корсуне, то там он и принял христианскую веру.

В стольном граде тогда уже немало крещеных было, новый князь Ярополк милостиво к ним относился, того же Дольму привечал. И все у соляного купца складывалось ладно, да только детей у них с Збудиславой не было.

¹ Бортники — добытчики дикого лесного меда.

Старая Добута так и померла, не дождавшись внуков, которых мечтала понянчить. Ни от Вышебора, постоянно где-то разъезжавшего, детей в их доме не было, ни от нарочитого Дольмы. Ну а Радко... Мал он тогда еще был, да и с бабкой у него не заладилось. Не домашним был Радко, диким, потому она его и не привечала, как первых двух Колояровичей. А вот добрую Збудиславу Радко любил и переживал горько, когда она нежданно померла. Свалилась с лестницы в своем же тереме и шею своротила.

Купец Дольма отпел ее по христианскому обряду, однако долго по ней не кручинился и вскоре привез из древлянских лесов красавицу Мирину. При ней и ее родичка была, Яра, которую Мирине в услужение отдали, как бы в приданое. И Яра охотно взялась помогать Мирине, какая больше красотой своей гордилась да наряды меняла, чем управляла домом.

Это было, когда уже Владимир вокняжился. Тогда и Вышебор к нему переметнулся, желая оправдаться за то, что ранее стоял за его соперника Ярополка. Да только в первом же походе на вятичей его покалечили, и теперь Вышебор сидел сиднем в верхней горнице, покрикивал на всех да пытался напомнить, что именно он старший в роду Колояровичей. Однако с тех пор Дольма мало внимания ему уделял, сумев осадить грозного старшего брата и как-то с ним поладить. А когда уезжал, то Мирина должна была сдерживать гневливого деверя. И ничего, справлялась капризная древлянка с бывшим дружинником. В остальном же ей Яра помогала.

С этой неприметной Ярой Озару еще предстояло разобратся. Как и с суровым хазарином Моисеем, с помощью которого Дольма держал близких в повиновении. Как и с Жуягой, каким-то диковатым и дерганым, странно проявившим себя, когда Озара привели в дом. Да и старый Лещ наверняка что-то знал, недаром так сторонился

волхва. Жена его, кухарка Голица, тоже смотрела на подселенного ведуна как на морок навеянный, а сын ее, бугай рыжеусый, тоже что-то мутил. И этот мальчишка Тихон, нагулянный на стороне... Вроде дитя еще, но уже отрок. На Руси в таком возрасте мальчишек к ратному делу начинали приучать, но не было похоже на то, чтобы Дольма думал сделать из сына воина. Впрочем, сказывали, что он и Радко к этому не приучал. И все же несколько лет назад Радко ходил в отряде Добрыни на болгар, а потом вроде вернулся в усадьбу и жил тут... по сути, бездельником жил. Это тоже казалось странным. Дольма мог позволить содержать нахлебника Радомила, но славы такой вертопрах бесталанный роду Колояровичей не принес бы. Хотя вон Добрыня говорил, что Радомил славный и из него будет толк.

Вот о чем в тихой ночи думалось волхву Озару. Ему поручили разобраться с этими новообращенными христианами и выведать все, да так, чтобы комар носа не подточил. Дурной славы этому роду не надо — так приказал Добрыня, когда давал задание. А как это сделать, если, по мнению Озара, любой тут мог быть убийцей? Шип ведь кто-то из находившихся неподалеку метал. А уж какая слава потом пойдет про окружение купца-христианина, Озару, честно говоря, было плевать. Главное — чтобы княжий дядька его понял и поверил. И, как воевода пообещал, отпустил слугителей богов на свободу.

ГЛАВА 5

Радко просыпался тяжело: жажда, ломота во всем теле, нечем дышать, да и придавили его чем-то. Он засипел пересохшим горлом, разлепил тяжелые веки и какое-то время бессмысленно созерцал закоптелую до черноты, сплетенную из лозняка кровлю над головой. Где это он? И что это лежит поперек туловища? Нога. Голая по самое бедро, женская.

Он отпихнул ее и попытался привстать. И постепенно сообразил, где находится: в родовой избе старшины рыбаков Бермяты на Оболонских заводах. Радко порой приезжал сюда, когда хотел отвести душеньку и отвлечься от забот. И его всегда принимали как своего, рады были. А чего не радоваться, если брат богатого купца Дольмы никогда с пустыми руками не приходил? Вот и вчера, хоть и явился сам не свой, однако выставил перед хозяевами несколько кувшинов дорогого заморского вина. Да еще похвалялся, что из лавки брата их умыкнул. Ну, брата уже не было — мир его праху, — а поживиться на складах Дольмы Радко и раньше себе позволял, так что и нынче прихватил угощение для семьи рыбака, не особо о том задумываясь. Угощал всех, ну а когда показавшееся местным кислое вино смешали с медовухой... вообще понеслось разгульное веселье.

Сейчас голова парня гудела, словно городское било после удара палицей. Рядом с Радко лежала в пьяном угаре дочка Бермяты Машутка, упираясь ему в бок своим пузом непраздной бабы. Бермятины родовичи уверяли, что это от Радомила она носит дитя. Может, и так, парень не спорил, хотя и знал, что девка скоро на ласку не только с ним. Как была с ним ласкова без меры и меншица старосты, пригожая Ласуня. Вон и эта сейчас привалилась к красивому

гостю с другой стороны, спала, обнимая. Радко еле высвободился из цепкого кольца потных рук, огляделся. А где же сам хозяин? И хотя староста никогда не препятствовал гостю тешиться с его бабами, все же Радко перво-наперво о нем подумал: хитрый Бермята не упускал случая потребовать от богатого Радомила Колояровича что-нибудь за оказанные услуги.

Старосты поблизости Радко не заметил. Остальные же спали после вчерашних возлияний, кто где пристроился: и братья, и сыновья, и невестки, и бабы-сестры, и их дети. На полати душной ночью никто не залазил, все лежали на устланном соломой полу. Только старый дед, отец Бермяты, как старший в роду, возлежал на крытой овчинами лежанке в углу, посвистывал тонко носом во сне. А младший сынишка Бермяты, совсем малец, спал возле обложенного камнями очага — хорошо, что не подпалил рубашонку. Впрочем, очаг давно остыл и в открытый продух в кровле даже тоненькой струйки дыма не выходило.

Радко вдруг стало противно от такого скопища чужих ему людей. Раньше как-то не особо задумывался об их нравах, а вот сейчас... Вроде возле самого Киева Оболонские поселения, а живут всем скопом, как мурома¹ дикая. А ведь совсем недавно Радко в этом селище рыбаков как раз и нравилась этакая древняя вольница, где род един что духом, что заботами, что плотью. Но в Киеве подобное давно не приветствовалось, да и в доме Дольмы на Хоревице каждый знал свое положение, имел свой угол. Даже когда в зимние морозные ночи собирались в теплой истобке, то и тогда у каждого его место было. Братец Дольма за этим строго следил, и Радко уже свыкся с таким укладом. И все же, когда убежал из дому от властного брата, получал некую от-

¹ Муром — финно-угорское племя, проживавшее в отдаленных от Днепра краях (по нижнему течению Оки, в окрестностях города Мурома).

душину, живя по старинке у оболонских рыбаков. Потому что, наверное, знал — это лишь временно, чтобы потом вернуться в свой чистый обширный терем, к принятому градскому укладу. Сейчас же... Даже замутило парня. И не только из-за спертого от дыхания и испражнений воздуха, а и после изрядно выпитого. Радко, не сумев сразу встать, попросту выполз в проход, занавешенный дерюгой, и несколько минут его жестоко выворачивало наизнанку. Рядом тут же возникли собаки рыбака, стали слизывать. Радко тяжело поднялся, отпихнул псов и направился за плетень двора, к блестящим в стороне заводям.

Вокруг клубился предутренний туман. После духоты в избе прохладный от росы воздух освежал, как купание. Окунуться после вчерашнего буйного возлияния и веселья было бы не худо. Радко, стянув через голову богато вышитую рубаху, так и плюхнулся в воду с ближайшего бережка.

Это было хорошо! Так хорошо!.. Холодная водица, сладкий ее вкус, нежная, ласкающая мягкость ила под ногами. Таких заводей на Оболони было немало. Они появлялись почти после каждого разлива Днепра по весне, и только на возвышенностях оставались поднятые на сваях нехитрые глинобитные избушки-мазанки местных жителей. А вот сам Днепр тек в стороне, за песчаной косой, отделявшей Оболонь от вод могучей реки.

Там на берегу Радко и обнаружил вскоре самого старшину Бермяту. Вот здоров мужик! Вчера не меньше самого Радко пил заморское зелено вино¹, смешивая с шипучей медовухой, а сегодня уже на ногах, возится себе с двумя подручными возле развешанных на шестах рыбацких сетях.

¹ Зелено вино — белое вино. В древности слово «зелено» означало всю совокупность светлых оттенков.

Бермята сразу шагнул к мокрому, еще пошатывающемуся юноше.

— Ты как, Радко, друг? Славно вчера повеселились, а сейчас соберись. Ты ведь теперь купчина нарочитый, гоголем должен хаживать да всякому его место указывать.

И эти уже купцом его называют? Радко захотелось даже ударить рыбака, кулаки сжались. Да и что он сам им вчера выболтал во хмелю?

Но Бермята был сообразителен, увидел, как засветились недобрым огоньком глаза парня, и поспешил перевести разговор на иное. Указал на одного из своих помощников, заметив, что его братанич¹ еле ходит. Это его сом съездил хвостом в бок, ребра поломал. И сом этот — зверь-рыба! Уже и гусей утаскивает у местных, и теленка затащил в воду и сожрал. Люди даже стали бояться в реке купаться, опасаясь пагубы. Так не хочет ли удалой Радко принять участие в охоте на хищника?

И Радко воспрянул. Как тут было не согласиться? А Бермята уже пошел скликать своих. И диво — только что все лежали, будто поваленные бурей стволы, а по окрику старосты вмиг едва ли не всем селищем высыпали к реке.

Да, хорошо Радко было с рыбаками, с их простецкими, но такими интересными заботами. Сома-великана изловить — это так не похоже на его жизнь в последние дни, когда ему только и приходилось на вопросы о брате отвечать да огрызаться на всякие предположения. Тут все просто — собрались скопом и пошли.

Забравшись поглубже в реку, парень со всеми ставил за омутом двойную прочную сеть, наблюдал за долбленками, выплывавшими на глубину, видел собравшихся на берегу баб и отроков. Даже брюхатая Машуня явилась,

¹ Братанич — племянник, сын брата.

тоже с ломом, как и остальные бабы. И подняли они великий шум, визжали, трещали трещотками, били в бубны. С лодок рыбаки стали кидать в воду камни, баламутили воду шестами. И после получаса такого шума подняли все же сома: показалась на поверхности тупорылая, закованная в твердый панцирь рыбина, всплыла, заволновалась, поплыла... И налетела на сеть, рванула. Однако люди удержали ее и, как бы ни напирал сом, не дали страшилищу уйти. Хотя и тот оказался будто в сговоре с водяным — то натягивал сеть, то отпускал. Людей просто мотало, орали все. Весело было!

Радко забыл о своих печалях в этой борьбе с подводным страшилищем. Там, где он с родичами Бермяты стоял, крепко удерживали сеть, но на другом конце невода люди попадали, едва не выпустив сома на свободу. Все кричали, ругались, поминали кикимор и водяного. Кто тут о новой вере вспомнит, когда рядом бесилось нечто древнее, чудовищное. Еле дотащили его до мели, где сбежавшиеся бабы принялись лупить кто камнем, кто ломом или оглоблей по огромной чешуйчатой спине, по голове страшной. А пасть-то какая!.. Может и человека проглотить, если подвернется.

Радко едва не выл от восторга, что такую рыбину взяли. Семь пудов потянет, не меньше. Спросил у Бермяты:

— Всем селищем пировать будете? На костре ломтиками поджарите, целиком или коптить на будущее задумали?

Бермята поглядел хитро, потом отвел Радко в сторону и попросил выкупить у них рыбу.

— Нам сейчас без надобности, не голодаем. А вот на муку если сможешь обменять, да и от своих щедрот соли добавишь, мы спасибо тебе скажем.

Ну, это их дела, местные, почему же к нему обращаются?

— Сам понимать должен. Ты нынче великий человек, ты место Дольмы займешь. И на купеческой пирушке

тебя всякий послушает. Выторгуй нам так, чтобы путем все, чтобы не обманули.

— Я не стал наследником брата, — отозвался Радко, мрачняя. — Разве вчера не говорил?

— Что-то такое говорил. Но кто тебя вчера всерьез воспринимал? Да и понятно всем, что не калеке же Вышебору хозяйством таким заправлять, не Мирине бесплодной. Ты же в этом роду самый толковый. Об этом все и болтают в Киеве. Да и наши никто не сомневается, что именно ты Дольму завалил в реке. Он ведь подавлял тебя и принижал, вот ты и высвободился, порешив его. Теперь же, да еще при благоволящем тебе воеводе Добрыне, ты высоко поднимешься. Так что как сладится все у тебя...

«Как сладится», рыбак не успел договорить, ибо полетел на землю от сильного удара кулака Радко. Ошалело глядел на него снизу вверх и словно волка оскалившегося перед собой видел.

— Ты что болтаешь такое? Грязью меня измазать надумал? Да я за это... А еще вино мое вчера лакал, сыть подзаборная!.. Думал, что с убийцей брата за одним столом сидишь, дочку свою мне подкладывал... Что же вы за люди такие, если, зная меня, поклеп такой возводите?

Казалось, сейчас пинать-молотить рыбацкого старосту начнет. Однако лишь сплюнул и пошел прочь.

Бермята перевел дух. Такого волчьего оскала, такой злобы у Радко нередко принимавший его староста никогда прежде не видел. Вот и угадай, что в душе у человека таится...

И староста даже поискал на груди береги-хранители. Да только нет их. Его, как старейшину местного, первого их лишили, чтобы старые верования не мешали привыкать к новой вере заморской.

А Радко шел и все думал: «Неужто в Киеве и впрямь судачат, что я брата порешил?» А что им не думать — мно-

гие знали, что он с Дольмой не ладил. А как случилось смертоубийство в тот день... Радко и сам полагал, что именно ему все наследство достанется. А вот оказалось, что Мирина... Ох и Мирина! Хитрая змея! Радко помнил, что, когда народ плескался и веселился толпой в водах Почайны, именно Мирина ближе всех стояла к мужу своему Дольме. Он отметил это потому, что она была словно нагая в мокрой льняной рубахе. Радко на нее тогда смотрел, глаз отвести не мог, пока его не окружили, не толкнул кто-то. Кто? Там и Лещ был, и Творим. Лещ даже молодого господина по плечу хлопал, твердил, что, мол, теперь все под Богом ходим, что исполнилась задумка Дольмы окрестить всю родню. Да, тогда Радко и отвлекся от снохи¹ соблазнительной. А еще заметил, как крепенькая чернавка Будька осмелилась потянуть за мокрый рукав рубахи их видного соседа, меховщика Хована, будто она право на это имела, будто, став христианкой, могла затрагивать нарочитого торговца даже при его суровой и властной жене. Да, на это Радко обратил внимание, даже указал на то Лещу. А вот на Дольму... Чего это кто-то будет на Дольму глядеть? Так Радко думалось тогда. Да и зачем? Но теперь ему стоило бы вспомнить, с кем из находившихся в реке он общался. Это важно, это может ему помочь.

Думать же о самом Дольме даже сейчас было страшно. Как и страшно вспоминать, что именно Мирина ближе всех к нему находилась. А она, как и Яра, древлянка. Где, кстати, Яра тогда была? Радко не мог вспомнить. Зато вспомнилось, что древляне своих баб и девок учат умению постоять за себя, иная и с одной рогатиной на охоту может отправиться. Сказывали же, что, когда пресветлая Ольга водила воинство на это племя, их женщины рядом

¹ Сноха — жена брата.

с мужиками отважно бились. Но да кто на такую, как Мирина, лихое подумает? А вот он, Радко, знает, какова вдовица его брата. Это на людях она ресницами длинными хлопает, а на деле... На деле такая на что угодно способна.

Вон Добрыня ведуна к ним прислал, чтобы тот разобрался. Это дядька князя хитро придумал. Ведь изначально народ только и болтал, что старые боги погубили купца христианина. А теперь, с подачи многоумного Добрыни, стали говорить, что неспроста ведун у Колояровичей живет, видать, кто-то из Дольминой родни и есть головник, порешивший соляного купца. И как понял Радко со слов Бермяты-рыбака, младшего Колояровича считают убийцей, заколовшим брата. По всем приметам ему это наиболее выгодно. Он должен был все получить в наследство. И получил бы. Если бы не Мирина, змея подколотная.

Размышляя обо всем этом, Радко вышел на шумный Подол. Раньше он любил здешнюю кипучую жизнь, суету, шум, движение. Кого тут только не встретишь в людный день! Кто с корзиной только что наловленной рыбы поднимается от реки, кто верхом едет, там старуха тащит козу на веревке, там девица с ведрами на коромысле прошла. Подольские купцы раскладывают на откидных прилавках свои товары, лоточники разносят свежее испеченные пироги-кренделя, мастеровые представляют свой товар, похваляются. То и дело слышны звонкие голоса зазывал, между торговых лотков снуют покупатели, как свои, на вид привычные, так и иноземцев можно увидеть. Вон столпились у прилавка ромейские важные гости в пестрых накидках, вон в тюрбане болгарин торгуется с меховщиками, прошли в темных ермолках жидовины, прижимая к груди сумы-калиты с монетами, а вон и ляхи в пышных шапках с длинными перьями осматривают кольчуги в оружейном ряду. Говор разноязычный, смех, толкотня. И пусть не так давно рассвело, а уже людно.

В одном месте у житного рынка Радко услышал, как кто-то помянул его имя, а там и имя Дольмы присовокупили. И эти, небось, гадают, отчего это родич убиенного купца шагает в одиночку, когда должен во главе стола на хозяйстве купеческом восседать. Да еще и выглядит он... И кто-то добавил: а оттого и ходит парень как неприкаянный, что знает: если не в сей день, так в завтрашний его заломают люди князя, отведут на допыт к палачам.

Радко сперва даже передернуло, как услышал это. Потому и шел не подбоченившись, как обычно, а втянув голову в плечи. Заметил в какой-то миг, что пояс свой забыл в избе рыбака. А ему, члену знатного семейства, ходить по граду непооясанным, будто мужик-лапотник, совсем не пристало. Вот он и зашел к купцу, торговавшему кушаками, выбрал себе один, алого цвета, с шелковистой бахромой по краям. Как раз под красную вышивку на его синей рубахе. Радко опоясался кушаком, не спрашивая о цене. Так давно повелось, что он мог брать товары в лавках Подола, а потом купцы в обмен получали на складах Дольмы кто мед, кто соль в уплату — и то, и другое ходкий товар в Киеве, за него что хочешь можно выменять.

Радко и теперь так думал поступить, когда купец неожиданно загородил дорогу:

— Стой, Радомил. Раньше Дольма за тебя поручался, а теперь кто?

— Теперь я сам себе голова. Зайдешь к тиуну Твориму или к приказчикам в лавке, скажешь, что я повелел.

— Ой ли? А ведь бирючи еще не оглашали, что ты теперь соляной купец наследственный. Зато про меж людей пошла весть, что вдовица Мирина все возьмет, так как под сердцем у нее дитя от Дольмы. А она с тобой никогда особо не ладила. Вот и гадаю — расплатится ли?

У Радко желваки заходили под кожей, глаза сверкнули по-волчьи. Умел он смотреть вот таким хищником лютым. И купец невольно попятился. Отшатнулся, когда Радко швырнул ему в рожу сорванный кушак.

— Она-то расплатится. Да только я никогда больше у тебя ничего не возьму и ближним своим не позволю.

Ушел, а купец, аккуратнo сворачивая алый шелк кушака, проворчал:

— Не позволит он. Гм... Да кто тебя послушает, вертопрах этакий. Уж не гордячка Мирина, так точно.

Наблюдавшие их ссору подоляне согласно закивали. Даже говорили, что недолго осталось Радко гулять таким гоголем по Подолу. И они еще увидят, как срубят кудрявую голову младшему из Колояровых. А через миг уже обсуждали, насколько близко стоял Радомил подле брата Дольмы в тот памятный день, — мол, все знают, что не ладил он с братом, вот и мог Дольму того...

А по-прежнему распоясанный и раздосадованный Радко шел, сам не ведая куда, и вскоре в толчее оказался, где строения близко сходились. Везде высились окруженные лавками и амбарами дворы. Мазанок и хибарок, как в приградях Оболони, тут не увидишь, все больше избы рубленые, часто двухповерхие, а то и в три наверхия попадаются. В верхних этажах обычно живут сами хозяева, в нижних располагаются лавки с товарами. И кровля над такими торговыми строениями богато украшена резными петушками, конскими головами, змеиными пастями оскаленными; наличники радуют глаз резьбой замысловатого плетения и яркими красками — красный, синий, коричневый цвета господствуют повсюду, подчеркивая богатство хозяев.

Но не о благосостоянии и красоте градской думал Радко, когда вышел к стоявшим рядами постройкам с островерхими кровлями — соляным и медовым лавкам их се-

мейства. Сколько же раз Радко тут бывал, а вот сейчас словно подойти не смел. Ближе всего к нему была медовая лавка с выставленными на помосте липовыми долбленками, наполненными медами. Вокруг пчелы и осы вьются, гудят, но стоявшему там на возвышении Твориму от этого хоть бы что. Даже шапку свою кунью не снял, красуется, смотрит по сторонам важно. А там и просиял довольно, поклонился кому-то.

Радко пригляделся, перед кем это их тиун спину гнет. Ах, вон оно что! Сама Мирина-красавица неспешно подъезжает к торговому подворью на вороном белоногом скакуне. Была она в широком одеянии, чтобы удобно было сидеть верхом, из ткани светло-серого цвета без всякой вышивки, как и положено вдовице в срок траура, только парчовая шапочка на голове сверкает да ниспадающее из-под нее шелковое покрывало, утяжеленное по краям рядом мелких жемчужин, притягивает взгляд.

Женщины из именитых семейств по Киеву в одиночку обычно не разгуливали, всегда с сопровождающими. И даже если верхом, то обязательно со спутником. Вот и Мирина прибыла в компании ехавшего следом на коренастой соловой кобылке Леща. Лещ пусть и с седой бородой, но мужик крепкий, вполне может сойти за охранника важной павы. Ну не с бывшим же охранником Дольмы Моисеем ей было ездить — Мирина недолюбливала угрюмого хазарина, которому ранее, при муже, не смела и слова сказать. Теперь же, пока ведется следствие, выгнать со двора надменного стража она не посмеет, но и приблизить к себе не захочет. Да и не дело это — сразу ближников мужа разгонять, слух пойдет, что верных слуг не ценят.

Хозяйка Мирина важно сошла с седла прямо на высокий помост перед медовыми клетями. Тиун ее под белу руку взял, провел за занавеску в лавку, куда гудевшие пчелы не залетали. Лещ остался ожидать на улице, удерживая

лошадей под уздцы. Соловая кобылка стояла смиренно, а вот горячий вороной топтался, вскидывал голову, Лещу приходилось его оглаживать, успокаивать. В какой-то миг полез за пазуху, вынул морковку и стал угощать скакуна. А тут и Радко перед ним возник.

— Вот и ты, отчаянная голова, — улыбнулся было Лещ, но улыбка погасла, когда заметил угрюмое лицо молодого хозяина.

— Отдай мне повод Бурана, — резко приказал Радко. — Не бабье дело такого скакуна под себя брать.

— Ты что удумал, беспутный! — охнул Лещ, когда парень почти оттолкнул его и в единый миг вознесся на скакуна.

Лещ пытался загородить дорогу, но Радко грубо пнул его ногой, поехал прочь. Люди шарахнулись, когда конь пошел на них мощной грудью, расступились. А Радко ехал, сам не зная куда. Не хотелось никого видеть, ни с кем говорить — только преданному Бурану мог довериться. Пока еще мог, пока не востребовали с него ответа за все.

В то утро Озар уже побывал в сопровождении Златиги в лавках Дольмы на Подоле, расспросил там всех, кто был в Почайне, — от приказчиков до последнего грузчика. И вышло все, как он и предполагал, исходя из вырисовывавшейся у него картины: далеко от хозяина были работники, там, где они стояли, метнуть шип в купца через голову его родни было невозможно. А видели ли что? Оказалось, что слишком все были отвлечены происходящим, опомнились, лишь когда Дольма уже мертвым в воде плавал.

Вызнав все это, Озар не стал задерживаться на Подоле. Замечал он не раз, как на него, лишённого волховского облачения и бороды, поглядывают киевляне, как перешептываются, порой и пальцем тычут, а то и посмеивать-

ся начинают. И это те люди, которые всегда кланялись ему, едва он появлялся в городе, спешили под благословение, просили пожелать милости у богов. А если сейчас и попадались такие, кто смотрел с состраданием, то и они не осмеливались подойти, особенно завидев подле волхва стража-дружинника в его пластинчатой безрукавке и легком клепаном шлеме.

Озар, будучи по натуре спокойным, уверенным в себе мужем, старался не обращать на это внимания. Но оставаться во граде желания особого не имел. К тому же ему еще в усадьбе Колояровичей надо было допросить тех, с кем пока разговора не случилось. Вот и решил вернуться, при этом отправив Златигу в меховые ряды. Пусть там тоже вызнает у людей меховщика Хована, что они видели в тот день, может, что-то интересное сообщат.

— Разве не тебе, ведун, надо всех самолично расспрашивать? — даже растерялся дружинник. — Я сторожить тебя обязан, а не помогать в дознании.

— Кто сказал, что помогать не должен? — лукаво улыбнулся ему Озар. — А насчет охраны ты сам должен понять — не сбегу я, пока мои собратья в подземелье. Известно же, что ради них за дело взялся.

Златига еще мялся, но Озар пояснил: дескать, если людей начнет допрашивать ведун, какого при дворе убиенного Дольмы поселили, это их только насторожит. А Златига свой, киевский, с ним поделится.

Довод Озара убедил Златигу, и в итоге он справился со всем, вернувшись на Хоревицу ближе к полудню, когда Голица уже накормила волхва яичницей с грибами и теперь убирала посуду. Но Озар сразу ее не отпустил, стал расспрашивать. Приближавшийся к галерее гульбища Златига даже услышал часть их разговора.

— Так, говоришь, милая, ты все время была подле мужа своего Леща? А где подле?

Голица фыркала недовольно, возмущаясь, что ее все время переспрашивают. Да, с Лещом они все время вместе были, говорила ворчливо, а сбоку еще толклась рябая Загорка, горничная, прислужница госпожи Мирины. Девка эта тогда очень радовалась, что ей имя такое хорошее христианское дали — Пульхерия, что означает Прекрасная, если с греческого на местный переводить. Однако кто станет так прозывать эту дурнушку рябую? Лицо-то ее все в рытвинах, да и сама на овцу длиннорожую похожа. И как была она Загоркой, так и станут по-прежнему звать.

— Хотя сама по себе девка-то она услужливая и преданная, — все же несколько смягчилась Голица. — За то госпожа ее и ценит. Да и краса Мирины нашей возле дурнушки Загорки, как солнце ясное, только ярче становится. Но не думаешь ли ты, ведун, что Загорка могла что-то лихое задумать против хозяина?

— Что я думаю, то мое дело, хозяйюшка. Да только со слов самой Загорки выходит, что не была она возле вас с Лещом. Даже не могла припомнить, где вы оба были тогда в Почайне.

— Как это не помнит, кикимора ее щекочи! Хотя какой с нее спрос, с дуры бестолковой. А на что это ты намекаешь, слугитель? Думаешь, Загорка истину говорит, а я, верная слуга дома, плету невесть что?

— Никакой обиды я тебе чинить не стану, Голица, — сказал Озар и, закинув руки за голову, потянулся беспечно. — Просто все вы разное рассказываете, будто сговорились. Мне же случившееся так понять нужно, словно сам видел. Вот тогда и разберись во всем.

Тут он умолк, заслышав тяжелые шаги на ступеньках крыльца, и приветливо кивнул возникшему Златиге.

Когда Голица удалилась, а дружинник присел на лавку возле волхва, тот невозмутимо принялся, как и ранее,

вырезать разнообразные деревянные чубышки. При этом не пропустил ни слова из сказанного Златигой. Тот в рядах на Подоле вызнал, что меховщик Хован с Дольмой не больно-то и ладили. Однако почти перед самым обрядом крещения вдруг замирились, и Хован даже приглашал к себе в гости соляного купца, мед-пиво с ним пил. Разве не удивительно?

Озар никак не отреагировал, слушал, что дальше скажет. И лишь один раз перестал работать ножом и повернулся, когда Златига поведал про чернавку Будьку. Дескать, работники Хована сообщили, что девка эта постоянно крутится возле хозяйского двора, причем затрагивает меховщика при каждом удобном случае. Да и сам Хован охотно беседует с девушкой, улыбается ей ласково.

— Так вот кого она вчера у ворот выглядывала! Шустрая девка, — хохотнул Озар. — А я было решил, что она по красавчику Радко сохнет.

Златига лишь посмотрел внимательно на волхва из-под челки.

— Что ты, ведун, все баб да девок тутошних расспрашиваешь? Думаешь, их это дело — метать булатный шип в хозяина? Ты лучше раба Жуягу расспроси. Вон какой он ходит, словно в воду опущенный. Станный, как будто боится чего-то. Сегодня видел я его в городе. Чудным он мне показался.

Озар поднял голову, ждал, что стражник скажет. И тот продолжил:

— Шел Жуяга откуда-то с возвышенностей от истоков Глубочицы. А как меня заметил, сразу скрыться поспешил. Я хотел было за ним проследить, однако плешивый этот как в воду канул. Ну я и вернулся. Гляжу, а Жуяга уже у конюшни навоз разгребает. Шустрый он однако. И подозрительный. Ты бы расспросил его, Озар.

— Всему свое время, — негромко отозвался волхв и вновь стал резать ножом по дереву. Стружка так и летела.

В это время на гульбище вышел рыженький Тихон. Сел неподалеку, уныло тюкая пестом о дно небольшой ступки, — ключница Яра приказала ему истолочь зерна ячменя на похлебку. Эта вековуха никого не оставляла без работы, да и сама крутилась, бегала по двору, то в погреба спускалась, то на скотный двор отправлялась, то носила какие-то рулоны сукна в терем и грыкала крышками сундуков в истобке. Этим утром Озар и с ней успел переговорить, расспрашивая о том же, что и остальных: где находилась во время обряда крещения, что успела заметить. Ее ответы были точные, толковые в сравнении с другими, так что Озар мог представить картину происходившего на речке. С ее слов, она была чуть позади Вышебора, которого катил Жуяга, а Моисей — впереди, заслоняя от нее Дольму, однако по тому, как страж держался, ключница ничего странного не заприметила, пока тот не кинулся к рухнувшему господину и кричать не начал.

Сейчас, когда Яра в очередной раз прошла мимо, Озар посмотрел ей вслед: ишь какая! Вся в хлопотах, но ходит, как главная госпожа, все примечает, да и указы ее, ровные и спокойные, чисто команды толкового воеводы, все по существу.

Озара отвлек от вековухи Тихон. Парнишка подсел поближе и стал спрашивать, что такое вырезает ведун, что за странные чубышки выходят у него из-под ножа.

— Да вот хочу на каждого из вас сделать свой образ, будто куклу небольшую. Потом расставлю так, чтобы понять, кто и где находился в тот день в Почайне.

— И меня как чубышку сделаешь? — засмеялся Тихон.

— Можно и тебя. Ты ведь тоже тогда в реку входил. Только вот непонятно мне — зачем? Ты ведь христианин, тебя отец крещеным сюда из самого Корсуня привез.

— Отец тоже был крещеный до общего обряда, а все же пошел в Почайну, — важно произнес Тихон. — Что же мне от родителя отставать? Да и хотелось со всеми в воду. Весело же! Радостно видеть, как люди в Почайну входят язычниками, а выходят верующими в Христа. Это ли не чудо великое! — просиял лицом отрок.

Глаза у него были светло-карие, почти под цвет рыжеватых прядей, ниспадавших на выгоревшие брови, кожа вся в веснушках, однако сама лепка лица не славянская, нос с горбинкой и высокой переносицей, скулы резко очерчены.

— Вижу, что тебя порадовало всеобщее крещение, Тишка, — с невольной грустью произнес Озар. И вздохнул глубоко. Как же все меняется в таком привычном для волхва мире!

— Я возле отца почти все время был, — важно заметил мальчик.

— И ничего не заприметил?

Тихон погрустнел, поник головой.

— Ничего. Когда народ в воде стал толпиться и тесно стало, я прошел чуть подальше, плескался с другими мальчишками. Все так рады были! А потом слышу крики, шум. Оглянулся — вижу, как страж Моисей тащит моего родителя к берегу, а сам ревет, как бык на бойне.

И слезинка сбежала по щеке Тихона, шмыгнул носом. И хотя изъяснялся парнишка на здешнем языке, все же чувствовался у него легкий иноземный выговор. Сколько времени он провел в Киеве?

— Ты сильно любил отца, малец? — склонился к нему Озар. — Видно, мать тебе много о нем хорошего рассказывала. Кто она была?

— Ну, не так уж много поведала мне матушка... Я был даже удивлен, когда она однажды позвала меня и сообщила, указав на незнакомого торговца, — вот твой родитель.

Люби и почитай его. А потом сказала, что отец повезет меня с собой в далекий Киев. Дескать, так для всех будет лучше. И для меня, и для нее... Она ведь... Ее звали Ираида, матушку мою. Она была...

И, не подобрав славянского слова, Тихон добавил погречески. Но Озар знал это слово, как понял его и бывавший в Корсуне Златига. Даже рот чуть приоткрыл, переглянувшись с волхвом. Так называли содержательниц притонов в торговом ромейском городе. Вот, значит, с кем спутался важный Дольма в Корсуне! С продажной женщиной, со шлюхой! Златига хотел что-то сказать, но осекся под строгим взглядом Озара. Не стоило при мальчишке обсуждать подобное. Все-таки мать его.

Но сам Тихон был слишком чист, чтобы дурно думать о родителях. Просто поведал, что мать его жила неподалеку от порта, у нее был дом, в котором служили женщины, к которым то и дело приходили моряки.

— Это грех, конечно, я же понимаю, — потупился мальчик, — поэтому мать и обрадовалась, когда Дольма решил забрать меня с собой. Отец сказал, что у него нет других детей в Киеве, поэтому он и приехал за мной. А мне то и в радость было. Все же отец. И добрый такой. Никогда не докучал мне, — закончил он тихо.

То, что Тихон жил тут не столько как сын и наследник, а как приживальщик, Озар уже выяснил у обитателей усадьбы купца. Потому и Мирина его терпела, не обижала. Но и не любила. Ведь сын Дольмы был укором ей, не родившей мужу сына-наследника за годы супружества. А Тихон... Ну живет себе рыженький грек на их дворе — и пусть живет.

— Мы вместе с отцом ходили на службу в церковь на Подоле, — важно заявил Тихон, чтобы прервать молчание. — Отцу нравилось, что я, как и он, тоже верую в Иисуса Христа!

— А остальных Дольма почему ранее не окрестил?

Тихон пожал плечами, но Озар сам догадался: пока новая вера в силу не вошла, Дольма не спешил выявлять себя приверженцем ромейской веры. Невыгодно было. Это потом, когда князь Владимир вернулся крещеным из Корсуньского похода, купец решил всех родичей и ближников приобщить к христианству. Так постепенно у Озара стал вырисовываться образ убиенного Дольмы. Тут было о чем подумать.

Тихон вдруг отставил свою ступу и с лукавым видом заявил, что сейчас принесет волхву нечто. Ну, чтобы Озар с чубышками не возился.

Убежал и вскоре вернулся с корзиной, из которой высыпал на столешницу перед волхвом целую кучу деревянных раскрашенных статуэток.

— Вот, это отец отдал мне для игры. Но мне они уже не нужны — наигрался ранее. А теперь ты можешь пользоваться.

Озар смотрел — и слова сперва вымолвить не мог. Кажется, уже должен был свыкнуться, как быстро все изменилось в Киеве с принятием христианства, но тут его лицо как будто окаменело. Ибо эти небольшие деревянные фигурки были изваяниями старых славянских богов: златоусый большеголовый Перун Громовержец, рогатый скотий бог богатства Велес, Хорос с расходящимися солнечными лучами, Сварог с языками пламени на прижатых к животу ладонях, заботливая богиня судьбы Макошь с веретеном и раздвоенной бабьей кикой¹ на голове. Все они были выполнены мастерски, может, только краска облупилась да грязь кое-где выступила, видимо, после игр мальчишки со статуэтками богов. А ведь раньше такие

¹ Кика — старинный головной убор женщин на Руси, высокий, часто раздвоенный посередине в виде рожек.

изваяния ставили в красном углу дома, им кланялись при входе, силу их почитали...

Озар медленно поднял на Тихона глаза, и улыбка парнишки стала гаснуть — такой тяжелый, просто колючий взгляд стал у волхва.

— Унеси это, Тихон. Я не возьму.

— Но ведь в Киеве один только Христос признан. А это все... идолы поганые.

Но Озар продолжал твердо смотреть на мальчика, и тот, что-то сообразив, принялся собирать свои игрушки. Причем уже не улыбался, губы поджал и на волхва смотрел не по-детски серьезно.

— Тебя к нам сам Добрыня привел, — произнес он негромко. — Но будь жив мой родитель, такого, как ты, и на порог бы не пустили!

И ушел, больше не оглядываясь.

Златига видел, как побледнело лицо волхва, даже захотел успокоить его. Дружинник, сам недавний язычник, понимал, какую боль приверженцам старой религии доставляет подобное пренебрежение к их верованию. И он сочувственно похлопал Озара по плечу, сказав, что мальчишка с детства жил в христианской вере, что с него взять. Однако волхв резко встал, оттолкнув его руку.

Он прошел в терем Дольмы. Миновал сени и оказался в центральной части строения — истобке. Это была самая старая постройка, что можно было определить по ее стенам из сосновых бревен, ставших от времени серебристо-голубыми. Постройка и сейчас выглядела очень прочной, а когда-то это довольно обширное помещение было, видимо, единственным обиталищем предков Дольмы, в нем жили и хозяйева, и челядь, и наверняка даже скотина. Но с тех пор дом разросся, появились новые пристройки разного размера и назначения, и бывшая истобка превратилась в настоящий богатый

терем. Так, в верхние горницы вдоль бревенчатой стены вела лестница с резными перилами, потолочные балки подпирали два ярко расписанных массивных столба, в мощных стенах было прорублено широкое окно — такие называли красными. Ставни окна в затейливой резьбе в виде кружочков, квадратов, завитков — этакое резное кружево. Сейчас, по теплой поре, оно было распахнуто, вдоль него шла лавка и стоял покрытый белой скатертью стол, на котором — бабская прихоть — свежие цветы в глиняном кувшине. Мощные половицы выскоблены добела и в центре покрыты полосатыми дорожками, а по углам, поближе к окну, красиво смотрелись расписные лопаски¹ прялок с оставленной куделью: появится у хлопочущих по хозяйству женщин время — сядут, будут сучить нить. И все в этом деревянном, богато украшенном покраской помещении было подчеркнуто добротным и уютным. Даже обмазанная светлой глиной печь-каменка в углу очищена по летней поре от сажи, а у продуха в крыше для дыма сметена копоть. Понятное дело, это в зимнюю пору каменка гудит не переставая, чтобы обогреть истобку, а по теплой поре все больше готовят в большой печи на хозяйском дворе да на воздухе. В истобке же обычно собирается вся семья во время ненастной холодной погоды, сейчас же все разбрелись по двору, каждый своим делом занят... или от дела линияет, как тот же невесть куда умчавшийся, раздосадованный потерей наследства младший Колоярович Радко. А вот старший, увечный Вышебор, сейчас где-то в верхних покаях — можно различить его недовольный, что-то требующий голос. Оттуда его и свозят, когда увечный дружинник пожелает, — и специально

¹ Лопаска — часть прялки, на которую наматывали кудель, откуда потом ее щипали для нити.

для этого вдоль длинной стены истобки напротив лестницы ведет наклонный спуск без перил.

Кроме доносившегося сверху ворчливого голоса Вышебора в истобку долетали только звуки с улицы — где-то куры кудахтали, доносилось воркование голубей под стрехой крыши, во дворе кто-то переговаривался, слышалось, как бухают топором, — дрова для печки заготавливают. Озар стоял в проеме дверей, потом прошел в красный угол справа напротив входа, где раньше должны были стоять изваяния богов-покровителей. Теперь же тут висела икона, украшенная вышитым рушником. Волхв остановился перед ней, смотрел на строгое изображение победившего в этой земле иноземного бога. Строгое продолговатое лицо, глаза пристально смотрят, кажется, прямо в душу. Это перед ним бил поклоны Дольма и его нагулыш от портовой шлюхи. Теперь же все семейство подходит, кланяется. А старые божества, измазанные и выщербленные, отданы за ненадобностью мальчишке для игры. Да и тому они уже надоели.

Серые глаза Озара смотрели на Иисуса на иконе так же строго, словно он хотел что-то понять, а может, и поразить взглядом непонятого ему Спасителя, объявленного на Руси главным божеством. Волхв стоял так неподвижно и тихо, что сошедший с лестницы хазарин Моисей даже не сразу его заметил. И невольно вздрогнул, когда волхв, даже не повернувшись, резко сказал:

— А ну, поди сюда, хазарин.

Моисей повернулся. Худой, смуглый, лицо костистое, с вмятинами шрамов на щеках и подбородке. Волосы у хазарина густые, смоляные, но выбриты сзади до затылка, а вот на темени густо курчавятся, ниспадая до глубокой переносицы над крючковатым носом. Такие же иссиня-черные и его усы, и небольшая холеная бородка. Сколько ему лет? Да сколько угодно. Выправка у Моисея

воинская, такие легки и поджары долго, да и седины почти нет, только морщины на лице, перемежающиеся со шрамами, указывали, что немало пережил и повидал этот потомок Хазарии.

— Подойди, я сказал тебе, Моисей.

Хазарин, еще вчера такой тихий и зажатый, готовый к тому, что тот же Добрыня прикажет его схватить, но избежавший этого, сегодня выглядел куда более уверенным. И даже смерил подзывавшего его волхва тяжелым, неприязненным взглядом.

— Ты будешь мне приказывать?

Озар негромко рассмеялся, но скоро умолк, внимательно рассматривая Моисея. Он еще в бытность свою служителем на капище знал немало таких воителей — отчаянных, но не сильно разумных и даже порой словно бы потерянных, пока они не находили того, кому могли предложить свою службу. Вот и этот тоже чувствовал себя неуязвимым при прославленном Дольме, а теперь явно пытался поднять свое положение при Вышеборе. Глупо. Вышебор пусть и родня погибшего, но свое уже отслужил и былой власти не имеет.

И все же Озар сказал, кивнув наверх, откуда еще недавно слышался громкий голос старшего из Колоярочичей.

— А ты, как погляжу, уже нашел того, чьи приказы готов исполнять?

Моисей смотрел исподлобья, но не двигался, не проявлял непокорства.

Озар обошел собеседника, продолжая внимательно разглядывать его. Хазарин почти на полголовы возвышался над волхвом, который и сам был весьма рослым. В былые годы, при величии Хазарии, подобные Моисею могли служить и в охране самого правителя кагана, однако после побед князя Святослава таких потерявших

свою державу воителей развеяло по всему миру. К кому они только не нанимались на службу! По виду Моисея можно было понять, что для него важны его положение и статус, такой дешево себя не продаст. Вон как богато одет: на облегающей торс безрукавке из мягкой, хорошо выделанной кожи поблескивают пластины, пояс украшен красивой чеканкой, на рубаше шелковые нашивки, обувь добротная, на пальцах перстни. Небедный воин, привыкший получать хорошую плату за свою службу.

— Что тебе до того, кому служить буду? — не выдержав пристального внимания волхва, огрызнулся хазарин.

— А вот что. Как погляжу, ты выбрал госпожой не вдову Мирину, не Радко, который попросту сбежал, едва рассеялись его надежды на наследство. Ты сразу выбрал старшего из Колояровичей. Именно он стал бы во главе рода, если бы не его увечья. И ему подходит такой слуга, сильный, способный таскать его кресло, охранять его и выполнять любые поручения. Пусть и непростой нрав у Вышебора, но для тебя все же почетно служить старшему из братьев Колояровичей. Конечно, не так, как при Дольме, который щедро оплачивал твою службу, поставив тебя при себе стражем. Но, думаю, и Вышебор рассчитывает, что ты его прихоти будешь исполнять. Ну не на плешивого же Жюягу ему полагаться... И не на простоватого и своевольного Бивоя. А кроме прочего...

Озар выдержал паузу.

— Кроме прочего, есть еще нечто, что связывает вас с Вышебором. И этим нечто Вышебор может подчинять тебя.

Лицо хазарина посерело, как бывает со смуглыми людьми, когда они бледнеют.

— Ты ведун!..

Озар согласно кивнул. Устроился за столом как хозяин, смотрел строго.

— Так и есть. Я ведун и многое вижу. А чего не вижу... Тебе лучше рассказать мне все.

Теперь на лице Моисея отразилась мука. Попробовал сказать: дескать, не могу, господин Вышебор послал принести ему жбан с пивом, скучно ему там в горнице, да и пить хочется.

— Ну не для этого же ты в услужение к нему рвался, воин, чтобы на побегушках теперь быть?

Тут позади послышались шаги и в помещение вошла ключница Яра с двумя девками — Будькой и Любушей, стеснительной милой девушкой, которую Озар еще этим утром расспрашивал. Толком ничего не вызнал, так как смущенная и зажатая перед волхвом Любуша лишь больше путаницы навела. Она и сейчас смотрела на восседавшего за хозяйским столом волхва с легким испугом. А вот ключница Яра гневно нахмурила светлые брови, шагнула было... но остановилась, когда Озар поднял руку.

— Вот что, Яра, голубушка, вели одной из своих прислужниц отнести Вышебору наверх пива, много пива, чтобы доволен остался. Да и нам пусть принесут немного промочить горло. Но потом уходите, мне с хазарином побеседовать нужно. И проследи, чтобы нам не помешал никто.

Яра только смотрела. Чтобы чужак ей тут так хозяйски приказывал! Но, видимо, поняла — он в своем праве. Потому и кивнула согласно, подчинилась.

Как они удалились, Озар жестом велел Моисею расположиться неподалеку от себя за столом. Но когда тот усаживался на лавке, волхв резко склонился к нему через столешницу и ловким движением — быстрым даже для опытного хазарского воина — потянул за шелковый шнурок у ключицы, на каком обычно обереги носят. Оберегом хазарина оказалась серебряная звезда Давида.

— Так-так... И зачем же ты, верующий в единого Яхве, к Почайне ходил в тот день? Ведь вы, иудеи, Христа не почитаете.¹

Моисей напряженно замер, забрал у волхва звезду на тесьме и спрятал обратно за пазуху. Сам насупился, понимая — ведун в курсе, что креститься Моисей в тот день не собирался.

— Я повторю вопрос, хазарин. Зачем ты входил вслед за Дольмой в толпу в Почайне? Если не креститься пошел со всеми, то какого ляда ты там толкался? Мало ли, что у тебя могло быть на уме...

Он не договорил, а Моисея уже всего передернуло.

— Я не убивал Дольму! И он знал, что я верю в Яхве и не признаю Христа! А в реку вошел, потому что должен был охранять хозяина, должен был находиться рядом с ним! А там такая толчея... Вот и не уберег. И это мой великий позор, что Дольму убили.

Моисей поник головой, только грудь его бурно вздымалась. Сказал сдавленно:

— Если бы тогда на берегу толпа растерзала меня, я бы принял это как заслуженную кару. Я не справился... не выполнил свой долг. А теперь они все косятся на меня... Как будто убийцу меж собой вынуждены терпеть. Они мне не верят!..

Озар положил ладонь на нервно сцепленные руки хазарина:

— Я верю, что ты не убивал соляного купца. И, как я понял, Вышебор тоже это знает. И не потому, что верит тебе. Просто для таких служивых, как ты, хуже смерти не защитит господина. Вот Вышебор, сам бывший дружинник, это понимает. Однако повторюсь, есть между вами еще нечто.

¹ С VIII века в Хазарском государстве был распространен иудаизм.

И вспыхнувшие при первых словах волхва маслянисто-черные глаза хазарина сразу погасли. Опять сжался, забрал из-под ладони Озара руки. Его широкие плечи опустились. Озар понимал: несмотря на свой грозный вид и суровое выражение лица, Моисей по натуре прост и не выдержит давления. А Озару следовало надавить на него, требуя ответа.

— Вот ты мне сейчас все и поведаешь, сын Хазарии, — произнес он негромко и властно. Серые глаза его уже не лучились добродушно, а стали жесткими, твердыми как камень. Умел Озар так говорить и смотреть, что люди ему повиновались.

Он дал Моисею время отдышаться, не сводя с него глаз и приказывая одним только взглядом. Хазарин стал рассказывать, негромко, покорно, откровенно. Долго говорил. И много чего вызнал у него Озар.

Когда было ненастье или холода наступали, домочадцы проводили время в основном в старой истобке терема. Сейчас же, по теплой поре, там только ночевали, а собирались на посиделки на широком гульбище галереи. Там же и трапезничали обычно.

Вот и на этот раз повариха Голица со служанками принесла на галерею терема большой казан с борщом, сваренным на бараньих ребрышках и корешках, расставила миски с творогом и кувшины с холодным квасом, положила караваи хлеба.

Вышебор в отсутствие хозяйки Мирины сразу занял главное место во главе стола. Довольно поглядел на остальных и, властно придвинув блюдо с хлебом, принялся по-хозяйски резать его крупными ломтями. Движения у бывшего дружинника были сильные, уверенные. Озар наблюдал за ним, отмечая былую сноровку умелого рубачи, все еще широкоплечего, с могучими руками, словно

сила и не оставила их. А вот ноги богатыря были покрыты тканой холстиной, пряча от глаз их слабую неподвижность.

Вышебор заметил, как на него смотрит волхв, однако не к нему обратился, а прикрикнул на Моисея, дескать, куда это он запропастился и почему его пришлось спускать с горницы силачу Бивою?

Озар вступился за хазарина:

— Не взыщи, это я задержал твоего стража. Ну а разве не привычно, что Бивой сейчас тебе прислуживает? Как я понял, именно он тебя всегда обихаживал, и ты никогда не жаловался. Вот только в воды Почайны в тот день не он тебя вкатывал на креслице, а холоп Жуяга. Так говорю?

Сидевший неподалеку Бивой только взглянул на волхва из-под пышной челки, повел усами, словно намереваясь ответить, но смолчал, позволив Вышебору отвечать догляднику.

— Бивой тогда отказался идти на обряд крещения, — произнес важно старший Колоярович. — А Жуяга — ты не смотри, что росточком он мал, на деле силен и крепок — вполне сгодился меня, увечного, таскать. Вот и в Почайне он все время подле меня был, пока этот пес Бивой где-то отсиживался...

И Вышебор скривился, глядя в сторону молча хлебавшего варево Бивою.

Повариха Голица стояла в стороне, как и положено кухарке во время трапезы, но тут за сына вступилась:

— Это хорошо, что Бивой не пошел тогда к Почайне. И хотя Дольма был недоволен, Бивой на своем настоял и остался в тереме. А в итоге вышло, что сама Доля¹ оградила его от дурного подозрения. Не было моего сына со

¹ Доля — персонификация у славян доброй судьбы; Недоля — злая судьба.

всеми, когда хозяина порешили, вот на него никто дурное и не подумает. Как на нас всех, бедолашных...

И она сурово зыркнула на вольготно расположившегося за столом Озара. Но гневные бабьи взгляды того не смущали. Он задумчиво вертел в руках деревянную ложку, а потом спросил:

— Неужто Бивой, прожив столько лет с купцом-христианином, не проникся его верованиями?

Опять отозвался Вышебор. Разгладив широкую, прошитую сединой бороду, он заявил:

— Так братец мой ранее никого насильно менять веру не уговаривал. Ха! Я ведь понял, что он только себя считал достойным веровать в Создателя. Ну, про Христа Дольма-то нам, конечно, рассказывал, но как будто свысока. Мол, он один заслуживает истинной веры, а мы тут все... Зато как только Владимир повелел всем креститься, Дольма сразу строг стал, передал его наказ и потребовал от своих людей беспрекословного подчинения. И сильно разлютился, узнав, что Бивой наотрез отказался идти. Вот и остался Бугай отлеживаться на сеновале, когда мы все к Почайне отправились.

— Выходит, ты остался при нашей исконной вере, парень? — с улыбкой повернулся Озар к Бивою.

Тот отмалчивался, сидел нахмуренный, только слегка подергивал пышный вислый ус.

Озар добродушно засмеялся:

— Ну и ладно. Кто-кто, а я, сам понимаешь, тебя за то журить не стану.

В это время сидевший по правую руку от Вышебора нагулыш Дольмы Тихон поднялся:

— Мы молитву не прочитали. Отец был бы этим недоволен. Так что тебе придется помолчать, кудесник.

Тут даже Озар поперхнулся варевом. Но остальные мальчишке не перечили, послушно замерли, пока Тихон

высоким звонким голосом произносил полагающиеся слова.

Озар его не слушал, продолжал есть. Ах, хорош же борщ у поварихи Голицы! И корешки в нем, и капуста свежая, и свекольный сок малиновый, зелени душистой много. А еще к борщу подали целую миску пышной сметаны, чтобы каждый положил ее себе в варево сколько пожелает. И уже по одной сметане можно понять, как богато живут домочадцы этого двора. Сметана у простых киевлян считалась лакомством, ее не ели, когда пожелают, а обычно копили, чтобы после сбить иной продукт — жирное масло-сырец. Сама же сметана — это почти боярское блюдо. Или купеческое. Или жертвенное...

Озар вспомнил, как в старые добрые времена люди старались умилостивить богов-небожителей, принося к их изваяниям крынки со сметаной. Считалось, что боги любят сметану особо... ну разве что кровь жертвенную больше. Когда человеку надо было что-то вымолить у небожителей, а у него не имелось для требы жирной сметаны, он приносил на капище в жертву петуха или козленка; те, кто побогаче, бычка приводили. Их кровью орошали алтари перед изваяниями. Реже, во дни великих событий, жертвой становился человек... Боги тогда чувствовали себя великими, получив наивысшую жертву. И все же волхвы редко прибегали к пролитию человеческой крови — только в особых случаях. Да и самим служителям капища какой прок был от такого жертвоприношения? Но это Озар понял, когда достаточно послужил у изваяний богов.

Человека на алтарь — это лишь для устрашения народа, для подтверждения непреклонной власти волхвов. А вот обычными подношениями, вроде той же сметаны, после того как та постоит у изваяния, служители любили

себя побаловать. Как и яйцами, мясом зарезанных на алтаре петухов и ягнят. Кровь — алтарю, а остальному съестному не пропадать же! И когда народ расходился, волхвы сытно ели, вкушали мясное и молочное, резали хлебы-подношения. Треб бывало столько, что и жавшимся к капищам каликам и нищим перепало. Бедный люд благодарствовал за то служителям, но в народе все равно поговаривали, что, мол, служители в Киеве рожи разъели, кушаки на них еле сходятся. Небось, не лесные ведуны, какие корешками да репой с огородов питаются. Поэтому, если главный волхв на капище не глуп, он аппетиты своих служителей попридерживал. Но все одно, не выбрасывать же данное богами бродячим собакам? Вот и добрались на сытых требах волхвы, лица их лоснились. Плохо иное: те же киевляне считали, что попы христианские на Подоле не столь жадны, не разъелись на подношениях, а значит, веры в них поболее, чем у сытых киевских служителей. И пошла весть, что у христианских священников душа чище, что ближе они к высшим силам, чем свои волхвы, какие едят от пуза да еще и приторговывают тем, что из даров перепадает. Но что же делать с теми кусками полотна или ремесленными поделками, какие люди приносили к изваяниям, не складывать же? Вот и отправляли на рынок. А серебро, полученное за продажу, хранилось в волховской казне. Пригодится. А как же иначе? Богатство силу всем дает, вот и киевским служителям богов так же. Некогда князь Ярополк попробовал было приструнить властных служителей, но волхвы дали ему такую откупную, что князь смирился, оставил их в покое. А вот с Владимиром подобное не вышло. Слишком богатым вернулся князь из похода на Корсунь, чтобы на подношения от волхвов позариться. Да и окружение его больше о чудесах и роскоши византийской подумывало, но главное, что души

их уже попали в сети того, кого христиане Создателем называли. Свое-то привычное их уже не столь волновало. Люди так устроены, что им новое и неизведанное кажется куда интереснее и важнее того, что было привычным, успев даже поднадоесть.

Глубоко задумался обо всем этом Озар, не сразу и услышал, что его окликает Вышебор.

— Или ты совсем оглох, волхв, после молитвы христианской! Слышишь, что говорю? Ты тут ко всем с распросами пристаешь, а меня словно избегаешь. Подозреваешь в чем или не уважаешь?

Озар поджал губы, чтобы сдержать улыбку.

— Я просто не спешу, почтенный. И каждого распрошу, когда придет время.

— И скотников? — кивнул на дальний конец стола Вышебор.

В доме богатого купца Дольмы еще не отказались от обычая садиться за стол вместе с челядью. Однако бывшего княжеского дружинника Вышебора это сердило. Дескать, нечего навозникам за одним столом с хозяевами восседать. Вот были бы тут корабелы Дольмы...

И вновь к Озару обратился:

— Слышишь, что говорю, кудесник? Если бы корабельная ватага моего брата сейчас была в Киеве, тогда тебе, неспешному, забот бы прибавилось, чтоб каждого допросить. Раньше как усядутся все за стол... То-то шумно и весело, то-то есть кого послушать и с кем меда хмельного выпить. Эй, Яра, молчунья белобрысая, отчего не повелела распечатать бочонок меда к обеду?

Светлая головка ключницы повернулась в его сторону:

— Мирина не давала наказ. Она сейчас в лавке с тиунном, разбирается в имеющихся на сей день товарах, вот и не успела прибыть к обеду. А если придет да прикажет выставить меда...

— Приказывать она будет! — рявкнул Вышебор. — Ишь, позабыла уже, что в былые времена, когда Дольма отбывал по торговым делам, именно я...

— Теперь ты при Мирине по-семейному будешь свое место, стол и заботу получать, — негромко, но твердо ответила вековуха Яра. Да так, что Вышебор даже умолк.

И в который уже раз Озар подумал, что непроста эта баба, Ярозима-древлянка, рабой сюда некогда отданная из рода. А нынче самого властного Вышебора может на место поставить. Неужто калека хотел ее себе в жены? Творим об этом говорил, но Озару сейчас это показалось маловероятным. Не такова Яра, чтобы с увечным да капризным дружинником в брак вступить. Эта найдет в себе силы заупрямиться и отказаться от подобного жениха.

Будька и Любуша уже убирали со стола казан с борщом, Голица распорядилась нести второе: курятину, испеченную с яблоками в глиняных горшках, белую и красную рыбу с подсоленной душистой икрой, лук зеленый и лук репчатый, порезанный дольками на доске. Богато тут питались, не хуже, чем у волхвов на капище. Озар попробовал от каждого блюда, а сам размышлял про себя о всяком. Подумал и про упомянутых Вышебором кораблах: и впрямь хорошо, что тех нет еще, это только облегчает его задачу. С холопами с хозяйского двора Озар уже переговорил, но, как и думал, те только повторили то, что иные сказывали: родня и ближние челядинцы обступили в тот день купца в Почайне, а эти все далее держались.

А еще волхв подумал о Мирине, с утра отбывшей в торговые лавки. Неужели делами столько времени занимается с тиуном? Творим говорил, что с такой, как молодая вдова, во главе хозяйства недолго и все богатство с рук спустить. А вот же, как ушла по делам, так и в заботах вся. Ну это если не нашла Мирина, чем себя еще занять можно.

Торговля на Подоле сейчас в самом разгаре, рынок рядом. Так отчего бы заполучившей хозяйские ключи купчихе и не побаловать себя обновками.

Озар прожевал последний кусок курятины, вытер усы. Остальные тоже покончили с трапезой, запивали сладким квасом сытное угощение. Озар оглядел их всех. Тихон уже убежал от стола, Вышебор откинулся на спинку кресла, лениво позевывая. Слуги с нижнего стола поднимались, кланялись, при этом благодарили за сытный обед не повариху, а ключницу Яру. Озар отметил, что сама древлянка ела совсем немного, а больше следила, чтобы у всех всего хватало — и на верхнем конце стола, и на нижнем у челяди. Мастеровой Стоян, выполнявший всякие поделки по дому, приблизился к ней, чтобы выслушать распоряжения. Туповатого вида Медведко тоже подошел, спрашивал, когда ему отправляться за березовыми ветками для банных веников. «Когда баня-то будет?» — уточнял. Но Яра пропустила вопрос мимо ушей, так как смотрела туда, где сидел и грыз ногти понурый Жуюга. Этот холоп вроде уже и не дергался всякий раз, когда на него Озар смотрел, но все же странный какой-то был. Озар услышал, как Яра ответила, что будет лучше, если Медведко пока крышу на курятнике подправит, а за вениками банными она Жуюгу пошлет. При этом приветливо улыбнулась плешивому холопу — милая у нее оказалась улыбка, холодное бледное личико осветилось нежным светом, тонкий носик чуть вздернулся. Яра хоть и была на первый взгляд невзрачной — слишком светлые волосы, брови едва заметные, кожа без румянца, — но если присмотреться, то и черты лица у нее правильные, и серо-голубые глаза хороши. А Жуюга от ее улыбки даже перестал хмуриться, сразу подошел, стал что-то говорить негромко.

Подле волхва отодвинул миску насытившийся страж Златига. При этом склонился к волхву, заметив негромко:

— Погляди-ка, ведун, как этот плешивый с ключницей ладит. То ходил очи долу, сторонился всех, а как ключница окликнула — враз просиял. Говорю же, странный он какой-то.

— Отчего же странный? Ну, улыбнулась ему пригожая вековуха, добрым словом обмолвилась, вот на душе холопа и потеплело.

— Ага. Это сегодня он сияет, а вчера тыкался-мыкался, озирался озабоченно. Мне даже кое-кто из здешних на то указал. Тот же мастеровой Стоян.

— А ты, видать, все же помогать мне в дознании принялся? — усмехнулся Озар, и лучистые морщинки опять появились в уголках его глаз. — Добро. Может, и попрошу у тебя кое-что для меня выспросить.

— Да я и вызнал уже. Про того же Хована, который вдруг дружбу крепкую завел с Дольмой перед обрядом крещения. А ведь Хован и его ближники в тот день в Почайне были недалеко от соляного купца. Слышишь, Озар, тебе бы стоило с этим меховщиком перемолвиться словом.

— Ну, ты все же определись, служивый: плешивого Жуюгу мне допытывать или к Ховану отправиться?

Говоря это, Озар чуть подмигнул дружиннику, и тот потупился, потер кривую скулу смущенно, но все-таки сказал:

— Хован подождет. А вот Жуюга этот больно странный... Смотри, как в нашу сторону поглядывает.

Жуюга и впрямь стоял в стороне, словно ожидая чего-то, теребил кушак. Озар внимательно посмотрел на него. И тот сразу сник, отошел в сторону.

А Златига опять: дескать, сейчас Яра плешивого со двора ушлет, как и вчера усылала до самого вечера, а переговорить с ним давно надо. Ясно же, как белый день, что не зря тот мается и дрожит.

Озар слушал дружинника, а сам смотрел то на резные подпоры гульбища, то на светлое небо за ними в вышине. Казалось, волхв о чем-то своем думает. Наконец он молвил:

— Гроза, похоже, будет. По всем приметам к тому идет.

Златига так и не понял, к чему это он. Ну небо без облачка, ну стрижи летают. Их тут на возвышенностях киевских полным-полно. А Озар вон о грозе говорит. Златига пожал плечами. Это в селищах пахотные люди по каким-то приметам, только им ведомым, подобное замечают, ну а волхвам предугадывать ненастье по должности положено. А вот во градах торговые да ремесленные люди на иные заботы отвлекаются. Не говоря уже о дружинниках. Златига рос при дружинной избе с детских¹, ему гадать по облакам как-то несолидно даже. Да и при чем тут гроза, когда волхву поручение Добрыни выполнять надо, а не о погоде гадать. Вот скажет Златига воеводе, что его доглядник больше ест и спит, чем решает задачу... Но не хотелось. По-своему волхв Озар даже чем-то нравился дружиннику. Да и башка у него работает. Но пока Озар все больше с чубышками своими возится — вон опять расставляет на столешнице, смотрит, хмурит брови, опять переставляет то так, то этак. Златига даже зевнул от скуки. Может, пойти отдохнуть часок, как покон² велит?

Послеобеденное время и впрямь обычно отводилось на дневной сон — как в селищах, так и во градах это считалось обычаем. Вот и местные разошлись передохнуть, полежать да подремать, чтобы съеденное улеглось и силы прибавились. Златига тоже расположился в сенях на лавке поверх овчин, стал уже и похрапывать, когда вдруг услышал Озара:

¹ Детские — дети старших дружинников или отданные с детства в дружинные избы, где из них воспитывали опытных воинов для княжеского войска.

² Покон — обычай: от слова «испокон».

— А ведь ты прав, служивый. Жуюга этот что-то знает, вижу, что есть ему что поведать. Так что иди, позови его, если он еще не ушел со двора.

Когда Златига задержал плешивого у калитки, сообщив, что доглядник Добрыни с ним говорить желает, тот сперва согласился, как показалось, даже с охотой. Но потом вдруг заупрямился, стал ссылаться на приказ ключницы.

— Это подождет, — сурово заявил дружинник. — Ну так сам пойдешь или за шиворот тебя тащить?

Жуюга поправил кушак и пошел. А когда увидел Озара, вольно расположившегося в истобке за хозяйским столом, едва ли не в пояс ему поклонился, как и полагалось кланяться волхвам-ведунам раньше.

— Какая вина на тебе, Жуюга, что трясет тебя всего? — сразу приступил к расспросам Озар. — Говори сам. А если не скажешь, то я и так все выведаю. Но лучше тебе по-доброму во всем сознаться.

Какую-то минуту холоп молча смотрел на волхва, а потом заплакал.

Тут в истобку с ворохом сложенного полотна вошла Яра. Окинула всех внимательным взглядом и резко спросила, чего это волхв Жуюгу обижает. Даже стала рядом с холопом, как будто заступиться хотела. Но Озар ее осадил властно, приказав, чтобы шла себе отдыхать после обеда. А если понадобится — велит покликать.

Лицо у ключницы застыло, как ледяное. Опять этот чужак ей тут приказывает. Яра смотрела на него так, что, казалось, вот-вот злое скажет. Но опешила, когда волхв ей вдруг подмигнул. Так по-приятельски, лукаво даже.

— Не гневайся, хозяйюшка, но тут у нас разговоры свои. Или ругаться со мной станешь из-за холопа?

Она растерялась. Только что властно вел себя, а теперь улыбается добродушно. И чтобы скрыть растерянность,

Яра предпочла удалиться. Пошла, стуча чеботами¹ по ступенькам, слышно было, как кому-то из служанок отдает распоряжение. Златига посмотрел ей вслед, и подумалось: занятно как волосы заплетены у вековухи — несколько тонких кос уложены так, что образуют низкий узел на шее. Красиво смотрится. Вековухе безмужней голову покрывать не полагается, вот Яра и смастерила себе этакое на голове. Да и волосы ее, светлые, пушистые, просто загляденье.

От размышлений о ключнице Златигу отвлек резкий голос волхва:

— Да что ты все блеешь, как козел, Жуяга! Я тебя прямо спрашиваю: отчего на тебя будто исполах² напал, когда я вчера явился? Или вину за собой какую чуешь?

Тот даже икнул от страха. Потом бормотал что-то, дескать, никакой вины на нем нет, но опасается, что его и обвинят во всем. Он ведь дерзил хозяину, говорил, что не пойдет на обряд крещения, что старые боги ему милы. Дольма даже велел своему хазарину дать Жуяге пару крепких тумачков. Сам-то купец белые руки о смердов пачкать не любил, у него для этого его хазарин имелся. А у Жуяги кровь носом от того наказания пошла. Озлился, вот и сдержил, сказав, что, дескать, христиане все добрыми слывут, а их господин никого из своих не жалеет.

— Что значит — никого? — уточнил Озар.

— А вы сами расспросите, — хныкал Жуяга. — Если я скажу... Опять нос мне разобьют. А то и со двора прогонят. Ведь Дольма так и говорил: «Не станешь носить на груди знак Спасителя, выгоню тебя». А куда мне идти? Пропаду же. Я ведь не статный молодец, чтобы себя на рынке рабов выставить да продаться доброму хозяину. И хорошо еще, если доброму...

¹ Чеботы — обувь в виде сапог, но с невысоким голенищем.

² Исполах — ужас, паника.

— Да не реви ты! Смотреть противно. Лучше скажи, где сам ты находился, когда в воду все вошли.

Златига стоял неподалеку, наблюдал. С одной стороны он даже понимал этого холопа. Ну а если бы и впрямь Дольма его выгнал? Нищих бродяг в Киеве полным-полно, побираются по дворам, всякий обидеть их норовит, раз заступиться хозяина нет. А как холода настанут, много их погибает. Так что вроде как Жуяге и невыгодно было зло на хозяина замыслить: тот хоть и ругал, но не изгонял же его. Вообще в Киеве считалось недобрый, когда своих челядинцев выгоняли, — от этого могла о хозяйине дурная молва пойти. Дескать, не ценит тот своих верных людей. И если раньше у Дольмы был повод прогнать строптивного холопа, то после того, как тот прошел обряд и крестился, вряд ли бы его услали со двора.

Жуяга хныкал, то и дело мял кушак, бормотал, что ни в чем не повинен. Да и старший Колоярович может подтвердить, что Жуяга все время при нем был, толкал кресло увечного, хотя колеса и вязли в мокром песке.

— А как сам Вышебор себя вел во время обряда? — спросил Озар, не сводя взгляда с расставленных перед ним чубушек.

— Ну как вел? Все веселились, и он вроде как доволен был. Смеялся, водой брызгал на девок. Мирина-красавица в своей рубахе тонкого льна совсем голой казалась, да и Будька, у которой сиськи дай всякой, тоже смотрелась такой желанной. Да и у Яры в мокрой рубашке соски острые торчали в разные стороны, как у козы. Когда бабы в мокром так близко снуют, тут даже увечному есть отчего развеселиться. Особенно учитывая, что Вышебор удовой страстью маялся, даром, что ноги у него неподвижные.

— Маялся страстью Уда, говоришь? Так поэтому Моисей по приказу хозяина увечному брату невольниц с капища

Лады покупал? Ну, чтобы тот натешился, как именно он умеет. С кровью и мучениями для девки.

Жуяга даже плакать перестал.

— А ты откуда это знаешь, Озар-кудесник?

— Да уж знаю, — как-то раздраженно отозвался тот.

Встал, подошел к окну, смотрел наружу. А думалось... Невольницы и даже присланные с бедных дворов бабы зачастую несли на капище своеобразную службу подательниц любви и плотских радостей Лады. Кого из них просто отдавали в пользование охочим для страстных утех мужам, а кого даже обучали всяким любовным премудростям. Некоторые из таких прислужниц Лады с охотой все это принимали, но случалось, что и принуждали насильно, — всякое ведь бывает. Самому плотскому Уду капищ не делали, ну разве что какой-нибудь особо озабоченный муж устраивал у себя на домашнем алтаре символ мужского корня и поил его... Кто чем поил-поливал — пивом, молоком или медом. Но и при капищах Лады возводили изваяние мужского корня — Уда. И немалое такое. При виде его мужики обычно хохотать начинали, а бабы смущенно отворачивались. Но по родовому покону желательно, чтобы страсть была в охотку, это самой Ладе любо.

Однако случалось, когда общим бабам-служительницам приходилось ложиться и с немилым. И чтобы не гневить этим Ладу, для таких соитий и прикупали бесправных невольниц-рабынь на капище. Такую могли подкладывать любому, кто подношение богине принес, или уступить за плату пожелавшему ее. Бывало, что таких невольниц с капища Лады и продавали на уходившие ладьи — корабелям на утеху в плавание. А куда потом они денутся — это уж у кого как сложится. Еще рабынь покупали, чтобы те обихаживали увечных. Вот к Вышебору и отводили таких. Какая здоровая пойдет калеку ублажать по собственной воле? А если принудят, никуда не денешься.

От этих размышлений Озара отвлек шум во дворе. Слышались громкое ржание, дробный цокот подков по дворовым плахам. Это Радко, младший из Колояровичей, влетел во двор на взмыленном вороном, натягивал поводья, сдерживая коня, гарцевал на месте. Он был растрепанный, неопоясанный, рубаха с плеча сбилась, сам весь в пыли и конской пене. Видать, носился где-то, гонял коня. С этого прыткого станется. Хотя, как припоминал Озар, это купчиха Мирина утром на вороном выезжала. И так важно выезжала. Он тогда еще подумал, что неплохо древлянка в седле держится.

Но сейчас Озар не особо задумывался, как от нее к Радко вороной попал, а больше рассматривал самого скакуна. Знатный коняга! Лошадей не всякий из градцев киевских мог держать на хозяйстве — все же дорогая скотина, не каждому по цене. Это у дружинников князя обычно лошади имелись или у бояр нарочитых. Но и разбогатевшие купцы заводили, больше для почета, чем для нужд, а в возы для переездов и поклажи принято было впрягать смирных и сильных волов, чтобы дорогих лошадей не надрывать на грудном ремне¹. А вот на богатом подворье Колояровичей даже своя конюшня имелась. Озар уже прознал, что четырех лошадей в ней содержали. Вот этого вороного красавца с белыми задними ногами, крепкую соловую кобылку и еще пару темно-гнедых лохматых мерингов. И Дольма мог выезжать верхом со свитой из охранников — как для солидности проехать по городу, так и для дальних переездов в сопровождении охраны. Мирина сегодня тоже выезжала, сопровождаемая крепким Лещом, — не Моисеем, с которым, похоже, не очень ладила, не Бивоем, который

¹ Распространение хомута, на котором лошадь могла работать, вошло в употребление после 1000 года. До этого тягловыми животными считались волы, которых впрягали в ярмо — специальное приспособление для животных.

на хозяйстве остался по просьбе Яры. Но теперь вдруг Радко на ее вороно́м вернулся. Ишь как ловко соскочил с коня, стоял, озираясь, будто ждал чего-то. Интересно, что там у них вышло в городе, если забрал у купчихи вороного?

Но когда Озар жестом подозвал к окошку Златигу, то уже об ином спросил:

— Ты ведь конник в дружине, парень. Вот и скажи, что думаешь, насколько хорош этот жеребец?

Какого дружинника не заинтересует добрый конь? И несколько минут Златига наблюдал за вороным, смотрел, как Радко его любовно оглаживал, как к ним подбежал Тихон, что-то говорил. А сам конь стоял, устало опустив голову, обмахиваясь хвостом и роняя клочья пены с удил.

— На первый взгляд, вороной просто дивный, — отметил Златига, — однако для себя я бы такого в дальние походы не взял.

— Отчего же это?

— Да ты сам погляди, ведун. У коня сильно завышен перед, а зад заниженный, слабый. Такой скакун резво толкается с места, берет быстрый разбег, однако при долгой скачке его задние ноги скоро устанут, скакун начнет терять скорость. Его придется то и дело подгонять, конь будет рваться и только силы потеряет. В итоге он утомится и будет выдыхаться. И уж не ведаю, где на нем носился Радко, но ты же видишь, как он загнан. Так что пусть мастью этот вороной и красив, пусть статью смотрится и грива его густа, но для себя я бы такого не выбрал.

Озар вздохнул. Отошел от окна.

— Надо же, а мне этот вороной таким отменным показался. Думал, вот же побаловал себя такой замечательной лошадейю соляной Дольма! А выходит, что больше для хвастовства, чем для дела.

— Ну, похвалиться таким конем не грех. Вороные особо в цене, на таких князья да бояре любят покрасоваться,

а еще их послам иноземным дарят. А этот к тому же белоногий, ну чисто краса лошадиная. И если бы, как в старину, надо было коня выбирать для подношения Перуну, то такой бы вполне подошел. Ведь Перун любит добрых коней. Вернее, кровь их.

— Коней Перуну отдавали в жертвоприношение только перед великими походами, — со значением заметил Озар. — Я служил на капище Громовержца и помню, как по приказу Владимира, когда он еще был предан исконной нашей вере, именно такого вороного жеребца отдали в жертву Перуну. Было это, когда Красно Солнышко собирался воевать вятичей диких, точно так же он поступил, когда на болгар заносчивых собрался. И не оставил его своей милостью Перун, удачными были походы те. Да ты сам, небось, все помнишь.

— Я это помню, — кивнул Златига, не сводя глаз с коня, которого Тихон водил по двору, чтобы тот остыл после пробежки. — Да только когда Владимир на Корсунь шел, то коня уже не убивали. А поход все едино удачным вышел. Значит, дело не в жертвенной крови скакуна, а в удачливости нашего Красна Солнышка.

Дружинник повернулся. После света на дворе он не сразу и рассмотрел как следует расставлявшего на столешнице свои резные чубышки волхва и притихшего перед ним Жуягу. Тот уже не всхлипывал, следил с интересом, чем это ведун занят, да теребил свою бороденку. Но как увидел, что дружинник на него смотрит, сразу подался вперед:

— Ты бы нашего Бурана не хаял, служивый. Знатный это конь. Я его сам пестовал с момента прибытия. Отборным зерном кормил, обмывал по утрам в росе, гриву его чесал. Даже ночевал с ним на конюшне. Вот и сегодня с ним там буду в ночь. Там у нас есть три добрых коня, и каждый...

— Хватит болтать, Жуяга! — рыкнул на него волхв. И указал на стол, где его фигурки резные были расставлены: —

Лучше расскажи, где, как тебе показалось, каждый из домочадцев Дольмы находился в тот день в Почайне. Скажешь — я фигурку поставлю, и так все случившееся себе представлю. Понял, что от тебя надо?

Жуягу все это немало позабавило, но объяснял старательно, увлекся даже, шутить начал. Однако Озар его резко оборвал, заявил, что путает его Жуяга, ибо слова его с тем, что иные сказывали, не сходятся. Или совсем позабыл, как и что происходило? И холоп опять сжался, набычился, хотя больше не дрожал, смотрел угрюмо исподлобья. «Да разве ж я следил за всеми?» — повторял то и дело. Да и кто мог подумать тогда, что лихое случится? Родовались люди, веселились. И хотя он сам поначалу не хотел идти на обряд, там, однако, было на что поглядеть да посмеяться. И день-то выдался такой особый, ласковый, светлый...

— Вон поди, плешивый, — рассердился Озар. — Толку-то от тебя.

Когда Жуягу словно ветром смело, а волхв задумчиво усталился на свои фигурки, Златига спросил, подсев:

— Ну и как он тебе, Озар? Вроде ничего особенного и не сказал, однако все равно не нравится мне этот холоп. То трусится весь, то бычится, то вдруг даже осмелился мне выговаривать за то, что Бурана их не оценил. Откуда и дерзость взялась у плешивого? Ты это заметил?

— Заметил ли я? Я понял лишь, что мне чернавки дворовые более толково поясняли, чем этот хвост заячий трясущийся.

И вновь задумался, не сводя глаз со своих чубышек. Однако долго поразмыслить ему не дали — шум во дворе поднялся, гневные крики слышались. Сверху из терема почти бегом пронеслась Яра, за ней поспешали Будька и Загорка. Когда волхв и Златига следом вышли на гульбище, оказалось, что уже все домашние во дворе, только вечного Вышебора не было, но вскоре от него

Моисей явился. Смотрел от дверей, как Мирина распечатывает Радко.

— Вот не зря муж мой покойный тебе не доверял, считая, что ты вражина в семье. Коня у меня увести! Ты что о себе возомнил, шельмец?

Она наступала на парня, уперев руки в бока. А он хоть бы что — скалит зубы, улыбается.

— И чего это ты разошлась, Мирина? Лещ ведь тебе доложил, что я взял вороного, а мне можно. Не чужой же увел Бурана.

— А вина заморские ты тоже из лавки забрал, потому что можно? — ярилась купчиха.

Глаза ее сверкали, щеки вспыхнули румянцем гневным.

— Учти, у меня все под учетом теперь будет! Я и тиуну, и приказчикам так сказала: гнать непутевого Радко, если явится и что-то требовать начнет. И скажи еще спасибо, если от стола тебе не откажу. А то как сидел у нас на шее, будто ярмо, так и сидеть дальше надумал. Да еще и приворовывает, словно тать лихой.

— А ты попробуй рискнуть меня со двора прогнать, Мирина, — уже не улыбаясь, а глядя из-под растрепанных прядей светлыми, по-волчьи поблескивающими глазами, предложил Радко. — Но учти, я тогда самому князю челом бить буду, просить разобрать наше дело. Хозяйкой, думаешь, тут стала? А уж это, милая, как мне будет угодно.

Мирина какое-то время смотрела на Радко, а потом приблизилась и плюнула ему в лицо.

Рядом с Озаром ахнула Яра, кинулась к Радко и успела повиснуть на нем, прежде чем тот на Мирину бросился. Моисей смотрел на них и посмеивался, явно ожидая, что прежняя обязанность домашнего ката скоро и самой хозяйке понадобится. Однако с места не двинулся, наблюдал, как старый, но еще крепкий Лещ удерживает парня, а там

и Бивой подоспел. Жуяга и тот заскочил между госпожой и младшим Колояровичем, расставив руки, словно ограждая купчиху, пока она сама, гневная, раскрасневшаяся, но уже овладевшая собой, повернулась и пошла к крыльцу. Моисей с ее пути посторонился, Озар тоже отступил.

Во дворе слышался голос Яры:

— Угомонись, Радомил! Или забыл, что она дитя от брата твоего под сердцем носит? Она хозяйка тут, ты должен с ней считаться не менее, чем с самим Дольмой.

— Дитя носит? А это я еще посмотрю, кого она выродит. Но клянусь самой Макошью, плетущей людские судьбы, мне было бы слаще, если бы Мирина померла в муках, рожая его.

Тут даже повариха Голица подскочила, отвесила парню подзатыльник и запричитала тоненько, дескать, что такое Радко говорит! Или плетки Моисея хочет получить? А Мирина даже споткнулась, услышав подобное. Но не оглянулась, прошла в дом, прямая, как свеча.

Озар наблюдал за всем, посмеиваясь про себя. А еще Златига услышал, как волхв негромко произнес:

— Вот вам и добросердечные христиане. Веселись, Перун, в поднебесье!

Перун и впрямь веселился — еще солнце не село за дали днепровские, как откуда-то с севера стала надвигаться темная мгла. А там и раскат грома прозвучал, далекий еще, еле слышимый, но тут не ошибешься — Громовержец идет!

Озар прислушивался к его зову, стоя на ограде над обрывами Хоревицы. Эта часть примыкавшей ко двору Колояровичей ограды была оборонной стеной самой Хоревицы. Поднялся на нее Озар, чтобы переговорить с Лещом. Старый слуга ходил по заборулу¹ стены с мастеровым Сто-

¹ Заборол — галерея в верхней части крепостной стены, частокола.

яном, указывал ему на что-то. Обсуждали, что завтра надо все осмотреть как следует, узнать, где есть подпорченные бревна, да посоветоваться с городским вымышленником¹. Если надо чинить стену, то пусть тот выберет хорошие крепкие лесины на починку, а уж поправлять ограду людям Мирины придется, ее это забота, раз часть ограждения примыкает к подворью Колояровичей.

Озар знал — тот, кто живет возле градских укреплений, обязан и содержать их в надлежащем виде. Это важная обязанность, на нее даже из казны выделяют средства на починку, однако правителям выгодно, когда сами градцы заботятся о принадлежащем им участке стены. А за это их двор никогда не будет потеснен, никто их на новое место не стонит, пока род живет, да и почет и ласка князя им будет. Вот люди в роду Колояра следили за состоянием стены: сверху было видно, что в кладке меняют бревна, — среди совсем почерневших от времени и непогоды были заметны и новые. Лещ и мастеровой Стоян осматривали их, хотя уже и свет был не тот, и ветрено перед грозой.

Озар же больше туда глядел, где под Хоревицей раскинулось урочище Гончары. Само название указывало, какие ремесленники там селятся, копают на склонах глину. Неподалеку протекал ручей Киянка, что для работы мастеровитого гончарного люда самое оно. Такой житнице, как Киев, без посуды никак нельзя, да и всякие иные поделки: плошки, подсвечники, лампы, игрушки, свистульки — все для градцев оттуда. Так что урочище Гончары всегда шумное и бурливое. Правда, сейчас, уже под вечер, даже там стихала жизнь. Можно еще встретить идущую с ведрами на коромысле девицу или группу о чем-то переговаривающихся ремесленников на изгибе дороги, но

¹ Вымышленник — смотритель городских укреплений, что-то типа инженера.

матери уже скликали детей к вечерней трапезе, и было видно, как легкие дымы поднимаются над похожими издали на снопы крышами: в урочище Гончары не особо богатый люд жил, вот и селились в легких хатках-мазанках под соломенными кровлями. В таких простецких жилищах был свой резон: если случится набег, то ремесленники с семьями успеют схорониться на киевских возвышенностях за тынами и городнями, а если порушат их мазанки, то возвести их заново из плетня и глины невеликий труд.

Озар казался задумавшимся, но, когда Лещ хотел пройти мимо, резко окликнул его.

— Чего тебе? — остановился тот, поправил войлочный колпак на голове.

Нос у Леща в пол-лица, а глаза маленькие, колючие. Не нравился ему подосланный Добрыней волхв-доглядник, ох как не нравился.

Но Озар начал с ним издалека. Отметил, что городня у их двора исправно содержится, что хорошо уложены бревна, все сверху глиной замазано от возгорания. От такой похвалы Лещ невольно подобрел, стал объяснять, что если понадобится чинить городню, то лучше сейчас, пока цена на лес еще невысока. А там, как погода установится, плотницкий старейшина пришлет к ним умелых рублеников¹, чтобы уложить новые лесины. Вот завтра по светлому времени Лещ еще раз все осмотрит как следует и пошлет доложить градскому вымышленнику, что и как у них.

Озар вздохнул:

— Сейчас эти новообращенные почитатели Христа старый покон не чтут, вот и рубят без толку все, что им глянется. А ведь ранее на порубку всегда кликали волхва, дабы тот выполнил заклинание положенное и спросил

¹ Рубленики — строители. На Руси обычно говорили не строить, а рубить, имея в виду срубы строений.

ствол — готов ли тот послужить не себе, а человеку? Да и лешего угощали, чтобы дал добро на порубку. А нынче... Того и гляди опустеют чащи вокруг Киева от такого рьяного бездушного усердия.

— То старые обычаи, — отмахнулся Лещ. И хитро прищурился: — Только помнится мне, что, когда было велено большое капище в Киеве возводить, ваши волхвы не сильно лешему кланялись, а рубили все, что понравится. Я не забыл еще, как у Кловского ручья, почитай, целую рощу отменных сосен извели, не особо горя.

— А тебе, как погляжу, Лещ, не нравятся наши старые обычаи? — спокойно спросил Озар. — Гляжу, ты тут самый охристианившийся в доме Колояровичей. Вон какой крест у тебя, даже с чеканным узором.

Он протянул руку, чтобы коснуться креста, но Лещ ее удержал, посмотрел на волхва исподлобья:

— Я в этом доме давно служу. И помню времена, когда Дольма только начал к христианам хаживать, сам его часто сопровождал. А то, что хозяевам любо, то и мне по сердцу. И не только мне — все наши решили, что пойдут креститься. Хозяин никого силком не тянул. А тут собрал всех и сказал свое слово. И мы не перечили.

— Так уж и не перечили, Лещ? Вон Бивой твой не явился на обряд. Да и Жуяга упирался.

— Не сильно-то Жуяга и упирался, — буркнул Лещ.

— Понятно, что не сильно, когда за спиной Дольмы его кат-хазарин маячил. И уж тот проучил бы любого...

— Ну, допустим, тиуна нашего, Творима, никто бы плеткой бить не стал. Но и он сразу согласился. Творим служил тут, еще когда Дольма только брался хозяйствовать. И верно служил. Они приятельствовали, а Дольма хоть и следил за работой тиуна, но доверял ему, советовался, порой и по душам они толковали. Да что я говорю... Посмотрим теперь, кому верен Творим —

только хозяину или вдовую хозяйку поддержит в память о Дольме.

Озар припомнил свой разговор с управляющим. Тот говорил, что, дескать, Дольма всякое ему сказывал за чаркой меда, а значит, и впрямь они не только о делах беседовали.

Лещ, решив, что уже наговорились, хотел было пройти, однако Озар удержал его.

— Ты вот сам, Лещ, что думаешь — кто Дольму порешил? Со слов многих выходит, что ты совсем рядом с ним был, когда беда случилась.

— Это кто же такое сказал? — резко вскинулся челядинец. — Когда Моисей орать начал, я только тогда и понял, что неладное произошло. А до этого...

— Что до этого, старый пес?

Теперь Озар смотрел на Леща строго, внимательно, глаза словно кремневые сделались. И старик как будто согнулся под его взглядом. Стал поправлять колпак, сопел носом, один раз оглянулся туда, где застыл уже начавший спускаться с лестницы Стоян.

Озар заметил это:

— Вот-вот, и он говорил, и скотник ваш Медведко подтвердил, что ты возле купца держался. Да и девки-чернавки что-то такое сказывали.

— Я просто хотел, чтобы хозяин видел мое усердие, — вздохнув, потупился Лещ. — Я ведь и правда искренне пошел на обряд. Не как Жуюга после приказа, не как Моисей, которому до Христа столько же дела, сколько мне до соломы лежалой... Скажу тебе, что хазарин наш лишь для вида пошел в Почайну, а на деле только своему Яхве и поклоняется, оберег его в виде хазарской звезды вместо креста носит. А я так... я за милую душу. Сынок мой... Эх... Не пошел он, заупрямился. Зато мы с Голицей сразу согласились. Мы-то ведь многим обязаны Коло-

ярову роду. Еще мать моя холопкой у самого Колояра была, я тоже на этом дворище вырос. По сути, и не бывал нигде, все в службе, все в заботах. И добры были со мной хозяева. Даже Вышебор, уж до чего лют бывает, а все же как еще парнишкой безбородым вернулся из похода Святослава на вятичей, то и мне добро великое сделал. Я уже был в поре, когда жену надо выбирать. А я холоп... Кто за такого пойдет? Но тогда у нас повариха прежняя хворать начала, ей нужна была помощница. Вот мы с Вышебором и отправились на рынок рабов, выбрать девку-помощницу во двор. А там Голица моя... Тогда еще не моя, просто пленница из вятичей. Их тогда много привезли в Киев. И такая она была... бойкая. Огрызалась на покупателей, зубы не давала смотреть, кусалась. Ее и брать поэтому не желали. А мне она сразу глянулась. Вышебор посмеивался тогда, но заметил, что дерзкая пленница мне понравилась. Расспросил ее, узнал, что стряпать умеет, и купил. И ведь не столько для хозяйства брал, сколько для меня. Вот с тех пор мы с Голицей и вместе. Так что роду Колояровичей я многим обязан. Вышебор судьбу мою сложил, а Дольма меня поднял над челядинцами. Как я мог зла кому-то из них желать?

— Ну а Радко?

— Что Радко? Радомил рос у меня на глазах, я его на руках качал. Да я за него...

— И все же теперь ты Мирине служишь, — заметил Озар, вспомнив, как Лещ удержал Радко, когда тот чуть не бросился на вдову Дольмы.

Лещ понял. Сопел носом, хмурил седые кустистые брови.

— Если ты и впрямь так умен, как поговаривают, ведун, то сам должен понимать. Беда была бы, если бы эти двое сцепились. Раньше Дольма мог их по местам ставить и лад в доме удерживать, да только теперь им непросто будет. После смерти Дольмы Радко должен был хозяином

тут стать, а Мирину в чаши древлянские отправили бы, как бесплодную. Дали бы ей лишь то, что по брачному ряду положено, — и восвоися.

— Так бы и услали? Это такую красу несказанную? Может, тот же Радко и женился бы на ней после срока траура. Он хорош собой, она краса, вот бы славная пара получилась! И выгодно, если учитывать, что Мирина — дочка древлянского старосты, у которого вы меды берете.

— Чтобы эти двое да сошлись? Сам, что ли, не видел, каково между ними? Да скорее Хоревица на тот берег Днепра переберется, чем Радомил с Мириной между собой поладят.

Озар задумался, по привычке хотел огладить бороду. Да где та борода волховская!.. А Лещ, видя, что ведун словно забыл о нем, опять улизнуть хотел, но крепкая рука служителя удержала его.

— Что ты, как кот нашкодивший, все шмыгаешь, Лещ? Да и наговорил мне тут всякого. Однако я не о жизни твоей у Колояровичей спрашиваю. Ты же подле Дольмы тогда крутился, на это многие указывали. Может, и видел что-то необычное? Только не лги мне. И учти, мне ведь сказывали, что и ты порешить хозяина мог.

— Я? Хозяина? — даже осел на бревна стенного парапета Лещ.

Озар только смотрел сурово. Ему надо было припугнуть Леща таким подозрением. С этим привыкшим считать тут себя своим и всеми признанным челядинцем так и следовало поступить. Жестко и напористо, чтобы не юлил. Иначе опять начнет плести невесть что. Ишь, высказывает еще, что не ту рошу для капища богов срубили у Кловского ручья!

Старый слуга, казалось, сейчас расплачется, глаза увлажнились, рот задрожал в бороде. Но сдержал себя, выпрямился.

— А вот что я тебе скажу, Озар! Я за Дольмой в воды ходил, улыбался ему, он мне тоже улыбался, как хозяин ласковый. Но потом меня от него оттеснили. Тот же Жужа кресло с Вышебором тащил, я и посторонился. Это Голица моя подтвердить может, но ты в то не поверишь. Ведь жена за мужа всякое скажет, что ей муж повелит. А вот пусть Бутька подтвердит, что я подле нее был, даже ограждал ее от пары добрых молодцев.

— С чего это? — спросил волхв, вспоминая, что сама чернавка ему говорила.

— А с того, что в какой-то миг гляжу, а она, мокрая и голая, к Ховану-меховщику льнет. Ну, не льнет, а рядом крутится. А тот сияет весь, смотрит на нее. Но там и женка его Семания была, вот она их шашни и заприметила. И направила жестом к Бутьке пару крепких дворовых отроков. Парни на чернавку нашу так и двинулись. А я думаю: «Беда сейчас будет». Взял и оттащил девку в сторону, чтобы в такой день, да во время такого обряда, неладов не случилось. Да если бы знал я тогда, куда смотреть надо! А так дал девке подзатыльник, окунул ее пару раз головой в воду, а тут и крики вокруг раздались. Моисей воеет, хозяина тащит... Спаси, всеблагоей Господь, светлую душу Дольмы нашего, — закончил Лещ, крестясь широко и неумело, как отмахиваясь от чего-то.

Но Озар ему поверил. Такие, как этот старый слуга, утаить что-то могут, а вот басни сочинять ну никак не мастера.

— Иди, Лещ. Понадобишься еще, спрошу.

Тот почти убежал от волхва. А Озар стоял и размышлял. Налетевший ветер взметнул его пышные волосы, заполоскал полы длинной рубахи. Волхв смотрел на напозавшую тучу. Вон как молния-зигзагица в ней полоснула! Вот это сила, вот это мощь! Пусть гром прокатился пока где-то далеко, но Перун уже возвестил, что

идет. И это куда явственнее, чем какие-то упоминания христианского Господа и взмахи в виде креста.

Во дворе звякал цепью Лохмач, чуя, что его скоро спустят. Озар смело подошел к псу, потрепал по загривку. Увидел, как у калитки появился Жуяга, толкая перед собой тачку, полную нарезанных березовых веток, — Яра все же отправила его с поручением. Завидев Озара, Жуяга было остановился, смотрел, но волхв отвернулся. Видел, что на гульбище за столом уже горят огоньки в плошках, бабы суетятся, выставляя все к вечерней трапезе.

В тот вечер за столом все сидели притихшие. Мирина во главе стола блистала серьгами-подвесками, Вышебор сопел, разрывая руками пироги с рублеными яйцами и зеленью. Попробовал было высказаться, что опять ни вина, ни меда хозяйка не велела ставить, но его никто не поддержал, и он, поворчав немного, успокоился.

А еще Озар заметил, как местные бабы то и дело поглядывают на Радко. Парень ел молча, но пищу вкушал красиво, словно на пиру у князя сидел. Ножку куриную обгладывал аккуратно, с ложки варево ел спокойно, не чавкая, чашу с квасом пригубливал с самого края, глотал тихонечко. Собой был мрачен, ни на кого не смотрел, но была в нем некая беспокойная прелесть, некое потаенное удалство. Да и собой вон как хорош. А Мирина и не глянет в его сторону. Зато Яра, проходя мимо, погладила его по волосам ласково, как младшего брата, да и Будька, вроде как о другом мечтающая, все же порой смотрела на парня блестящими глазами. И Любуша то и дело в его сторону поглядывает, даже некрасивая Загорка нет-нет да и бросит на Радомила быстрый восхищенный взгляд. Вон и две грубые скотницы с дальнего конца стола посматривают на него, о чем-то шепчутся. А как взглянул мимоходом парень на них, так и расцвели обе улыбками. А тот ничего, даже подмигнул им лукаво.

Но от стола Радко ушел первым. Сказал, что на сеновале отдыхать будет, душно ему, дескать, в доме. А там и другие разошлись.

Будька долго вытирала столешницу пучком соломы. В ответ на слова Озара о том, что, как выяснилось, ее от парней Хована Лещ оттаскивал в воде, пробурчала, что, дескать, больно нужна ей была его помощь, сыча старого. Но, по сути, подтвердила правоту челядинца. И Озар, погрузившись в размышления, опять начал сдвигать резные фигурки при свете горящего на носике глиняной лампы огонька.

Гроза ходила кругами — то в стороне Берестова громыхнет, то за Днепр удалится. Ветер стих, душно было, хоть рубаху выжимай. И хозяйственная Яра позаботилась о почивавших в сенях постояльцах, самолично принеся им кувшин прохладного узвара.

— Вот малиновый с мятными травами вам принесла. Если пожелаете.

Поставив кувшин, она на какое-то время задержалась.

— Сказать что-то хочешь? — спросил Озар.

Златига еще возился на своей лавке, перекладывая ножи и иное оружие в мешке-чехле из кожи, но тут даже притих, уставившись на вековуху.

— Спросить хотела... ну да завтра уже. Доброй ночи вам.

— И тебе, голубка, — улыбнулся ей Озар.

Златига отложил свой мешок, потянулся. Потом сказал, глядя вслед ушедшей ключнице:

— Мне она нравится. Хорошая девка, ловкая, ненавязчивая, но при этом заботливая. И собой неплоха. И как на такую никто не позарился?

— Ее себе Вышебор присмотрел, а потому, видать, и гнали от двора иных женихов. Да и Дольме она в хозяйстве первая помощница.

— Вышебор? Этот рак клешнявый? Да кто за такого пойдет? Он же увечный!

Озар улыбнулся в полумраке. Чем-то старший Колоярovich и впрямь напоминал рака — и короткой мощной шеей, из которой торчала пучеглазая крепкая голова, и широкими плечами, и сильными ручищами.

— Как я понял, с ключницей ты тоже еще не говорил, — молвил через время Златига. — Да и почему это ты все челядь расспрашивал, а ни к кому из самой семьи не подступился еще?

— А завтра и подступлюсь, когда каждому из них будет что сказать.

Озар привстал, взял с лавки у стены кувшин и, взболтув содержимое, сделал несколько больших глотков. Хорошо!

— На, служивый, испей. Славный у них узвар. Травами и ягодами сладкими отдает.

Кувшин был довольно большой — не поскупилась на угощение ключница. И Златига долго и с удовольствиемпил, потом даже крикнул, вытирая усы.

— Эко у них тут все... ну чисто для княжеского пира. Привкус, правда, странноватый, но мне понравился.

Озар не ответил, улегся на овчины, ворочался какое-то время, потом стал ровно посапывать. Златига еще слышал, как взлаял пару раз Лохмач во дворе, как собаки окрестные отозвались на его лай. Потом можно было различить ровный звук застучавших по кровле капель, а там и вообще густо зашумело. Дружинник улыбнулся этому звуку: сладко спать под проливной дождь, — и духота уже не так донимает. И все. Сон глубокий накрыл его словно мягким темным одеялом.

ГЛАВА 6

Ключница Яра пробудилась со вторыми петухами — звезды были еще яркими. Надо же... Звезды. А ведь почти всю ночь дождь поливал, грохот громовой то и дело раздавался. От его раскатов Яра несколько раз просыпалась, ворочалась, гадая, не пойти ли проверить, что и как на дворе. И это при том, что знала, как все добротнo в хозяйстве, да и сладко было в мягкой постели, учитывая, как умаялась за прошедший день.

Вот и осталась отдыхать. Кто побеспокоит? Ведь это такое счастье — спать в своем собственном отдельном покое, на собственной кровати. Древлянка Ярозима уже почти четыре года жила в Киеве, а все не переставала наслаждаться такой роскошью.

Раньше у себя в селище лесном она спала на полатах вместе с состарившимися тетками, сопливыми мальцами, одинокими вдовицами. В родовых избах только семейные пары имеют право на отдельную лежанку. Когда Яра приехала в Киев, она сперва тоже спала вместе с остальными челядинцами в общей истобке. Понятно, что и теперь, когда настанут холода, ей опять придется ночевать в общем отапливаемом помещении, однако по теплой поре хозяйской ключнице полагалось отдельное помещение на верхнем ярусе терема. Здесь у нее и своя лежанка была, и свой ларь с личными пожитками. Тот, кто никогда не был бесправным, не поймет, каково это — наслаждаться одиночеством и иметь свой угол. Да и положение ключницы в доме давало некоторую свободу, право принимать решения. И Яра была довольна тем, как сложилась ее жизнь в Киеве. Можно было благодарить Мирину, что из-за ее нерадивости по хозяйству у служанки из древлянской

глухомани появилась возможность возвыситься. Впрочем, Яра знала, что Мирина не сильно повлияла на то, что она стала во главе хозяйства. А вот Дольма... Купец умел ценить и награждать толковых слуг, если на то была его воля. И пусть по натуре Дольма был непрост и никто не ведал, каковы будут его дальнейшие указания или прихоти, все же не Яре осуждать хозяина... которого уже отпели, предав земле.

Сладко потянувшись, Яра поднялась с мягкого ложа, огладила растрепавшиеся за ночь волосы. Вчера она так устала, что даже не переплеталась. Придется неприбранной день начинать, а покрыть голову ей как вековухе не полагалось. И она попросту заправила за уши выбившиеся пряди, запахнулась в юбку-поневу и как была босая пошла заниматься делами.

В простых домах именно хозяйке принято разжигать печь, но от такой, как Мирина, подобного не дождешься. Вот ключница Яра за этим и должна была проследить. Она спустилась в истобку, потрясла за плечо верную Голицу, шепнула, что пора. А пока Голица ворочалась да кряхтела, жалуясь на ноющие на непогоду косточки, Яра уже растолкала девок-чернавок Любушу и Будьку. Это только горничная Загорка может пока отсыпаться у порога одрины¹ госпожи. Мирина обычно любит поспать подольше, и ее верной прислужнице тоже позволено побыть под покровом Дремы². Да и не только ей. Мужики обычно встают после женщин, а присланные Добрыней постояльцы вообще сладко спят в пропахших сухими травами темных сенях. Яра отметила, что обычно громко храпевший дружинник Златига сейчас лежит тихо, как мышь. Что касается волхва, то он всегда спал

¹ Одрина — спальня; от слова «одр» — ложе.

² Драма — по языческому поверью, дух сна, успокаивающий всех в доме.

беззвучно. Если не разглядеть на лавке под волоковым окошком очертания его тела под овчинами, можно подумать, что Озар вообще унесся куда-то в своих чародейских волхованиях.

После ночного ливня с грозой двор блестел в предутренних сумерках потеками луж между дубовых плах. Яра, когда брала ведра для дойки под крыльцом, даже поскользнулась босой ногой. Надо бы вернуться, обуться в лапти, что ли... Но уже пошла.

Из будки выбрался пес Лохмач, потянулся, упираясь на передние лапы и зевая так сладко, что становилось ясно — выпался четвероногий сторож. Но Яра-то знала, что Лохмач боится раскатов грома, вот и забился в будку. Наверное, там и отсыпался, а сейчас подбежал к ключнице, стал тыкаться ей в колени лобастой головой. Сам размером с теленка, а играет порой, как непутевый щенок. Это когда чужие появляются, пес грозен и рвется с цепи, а своих всех знает. Или понимает, кто из новых может тут ночевать как свой. Вон Лещ рассказывал, что к волхву Озару Лохмач сразу пошел, зато на его спутника Златигу то и дело рычит грозно. Не понравился сторожевому псу дружинник киевский.

От сарая, где стояли хозяйские коровы, веяло теплым душистым запахом. Все четыре гладкие пеструхи повернули головы, когда у порога появилась Яра. Ключница держала в зубах зажженную лучину, руки были заняты ведрами. Отставив их, воткнула лучину в железный поставец, и та горела, пока она доила ближайшую из коров. Вскоре и первая из скотниц пришла, пожелала доброго дня и, взяв ведерко, под села к следующей пеструхе. Яре по ее положению можно было утреннюю дойку вообще на скотниц переложить, Мирина уже не раз это советовала, но ключнице нравилось начинать день под журчание душистой струи, чтобы потом испить теплого парного молока. Когда еще за стол сядут, а сделать с утра ей надо немало.

Рядом терлась о колени полосатая дворовая кошка. Но не шумела, ожидая, пока Яра не поднялась из-под коровы. Вот тут и начала сразу голосить истошно, требуя угощения. Ну, как обычно, Яру это веселило, она смеялась, слушая, как кошка громко мурчит, получив свою долю молока. А смеялась она вообще редко. Не из смешливых была.

Под навесом летней кухни Голица уже проверяла ставленную на ночь квашню. Летняя печь за теремом, большая, сложенная из полевых камней и обмазанная красной глиной, была куда удобнее, чем зимняя каменка в доме. Да и вокруг печи площадка была выложена гладкими камнями, а сверху еще присыпана белым речным песком — по дождливой поре всегда тут будет чисто, грязь не заведется.

Яра не могла сама растапливать печь: считалось, что без головного убора женщина не имеет права этим заниматься. А потому именно Голица, спрятав пряжи под полотняный повойник, била огнивом о кресало, раздувала подоженный пучок соломы. И по старинке нашептывала огню-сварожичу древние наговоры. Яра держалась в стороне, ничего не говорила, только подумала: «Мы ведь уже все тут христиане, мы под защитой другого Бога и, как поговаривают, более сильного. И доброго. Ну если он так добр, то не станет гневаться на пожилую кухарку, которая бормочет по привычке добрые слова разгоравшимся язычкам пламени».

Они с поварихой обсудили, что сегодня будут готовить, и Яра отправилась будить остальных. Сперва следует растолкать Бивоя и отправить на рынок за свежей рыбой, а Лещу надо утреннее питье принести — старый слуга совсем пересыхает ртом после сна. Стоян-мастер уже сам вышел, но за дело еще не брался — с утра он всегда вялый. И пока Яра не обойдет постройки и не кликнет его, указав, что надо кое-что подправить, он имеет право сидеть на приступке у стены с таким осо-

ловелым видом. Яре и в самом деле имело смысл пройти и оглядеть все после такой ночи: не протекла ли где соломенная кровля на сараях и клетях, не залило ли где за порог водой. Но прежде всего она решила подняться в свою горницу и привести себя в порядок: негоже хозяйской ключнице разгуливать по двору босой и растрепанной, как какая-то чернавка.

По углам терема и сараев стояли наполненные до краев дождевой водой долбленные лохани. Воды было много, значит, меньше придется таскать для хозяйских нужд из протекавшей под Хоревицей речки Глубочицы. Яра остановилась возле стоявшей ближе к крыльцу лохани, стала ковшом поливать воду на ноги, смывая грязь и солому, прежде чем подняться в дом. Минуя сени, даже не взглянула на спавших постояльцев. Эти не ее забота, а вот сонного Бивоя следует все же поторопить. Сейчас, поутру, у пришедших на торг рыбаков можно взять самый свежий улов. И хотя Бивой просто ворчал что-то сонно, Яра повторять приказ не стала. Пусть только попробует не исполнить ее повеление. Раньше за такую нерадивость Моисей мог и плеткой поторопить, но у Яры свои методы наказания — может просто оставить парня без трапезы, и даже его мать-кухарка не посмеет перечить в том ключнице.

Чернавка Любуша уже снимала ставни с окон, проверяла, не натекло ли за ночь, а шустрая Будька выносила ночные горшки, сморщив при этом свой хорошенький носик. Старина Лещ поднялся со своей лежанки под стеной, сделал глоток узвара и как был босой прошел к иконе. Смотрел, не зная, что и сказать намалеванному на ней Иисусу. Ключница тоже не знала, надо бы Тихона покликать — мальчишка все молитвы знал, — но Яре сейчас перво-наперво нужно было будить паренька, чтобы тот погнал коров на вольные выгоны.

Поднимаясь по лестнице к верхней повалуше¹, где ночевал мальчик, Яра прошла мимо дверей горницы Вышебора, отметив при этом, что на лавке возле входа нет Моисея, — овчина брошена на лавку, но самого хазарина нет. Она особо не задумалась, где он расположился на ночь. Она вообще недолюбливала Моисея и сторонилась его. Имелись причины.

В повалуше под самой крышей было темно, ставни закрыты от дождя. Правда, не на щеколду, а потому открылись легко. Яра распахнула их и при нежном свете раннего утра принялась будить Тихона. А то уже слышны рожки пастухов, собирающих скот для выгона за градские пределы, где начинались превосходные луга. Еще Яра отметила, что Тихон спит, сжавшись в клубочек, натянув на себя с головой пестрое тканое покрывало, — видеть, ночью озяб от сырости.

Яре рассказывали, как Тихон, эта птичка из града у теплого моря, первое время по приезде постоянно мерз. Он и сейчас любит тепло и, будто ящерица, вечно где-нибудь на солнцепеке устраивается, однако до холодов, пока позволяла погода, предпочитает спать в неотапливаемой повалуше. Здесь же он хранил свой нехитрый скарб — под стеной в корзине были сложены его игрушки, всякие деревянные волчки, резные лошадки, лукошко с какими-то глиняными свистульками.

Ключница потрясла мальчика за плечо, окликнула ласково. Он вскинулся, тарашился на нее сонно, потом заулыбался.

— Это ты, Яра?

— А кого ты ждал? Пора тебе за дело браться, постреленок. Хотя и вижу — сладко спал.

¹ Повалуша — неотапливаемое помещение над горницами, чердак. В повалуше могли ночевать в теплое время года.

— Заснул только под утро, — буркнул Тихон, свешивая худые ноги с лежанки. — Ночью так грохотало... Страшно мне было. Я в окно выглянул... Всякое мерещилось.

— Что мерещилось? — мягко спросила ключница. Но в глазах интерес. — Так что же показалось тебе, Тишка мой?

— Не знаю. Вроде по двору кто-то ходил под дождем.

— А, это... Ну да мало ли кому понадобилось. А теперь давай-ка собираться. Погонишь пеструх наших, пока пастух далеко не ушел.

Потом она направилась в свою маленькую уютную горницу. Привела себя в порядок, обула чеботы из рыжей кожи, поверх светлой рубахи натянула синее платье без рукавов, а на него еще и вышитую по краям узорами завеску¹ надела. Потом подпоясалась: пояс был ее самым главным украшением — из хорошо выделанной кожи, с блестящими металлическими бляшками. Вообще-то вековухам не полагалось украшать себя, как уже невестребованным бабам. Но Яра не могла отказать себе в удовольствии хоть так придать нарядность своей одежде. А еще к поясу подвешивалась связка ключей — знак положения ключницы в доме.

С волосами пришлось повозиться — расчесывать, переплетать, укладывать сзади узлом. Когда Яра вновь спустилась вниз, все уже были заняты делом, и ей пришлось поспешить, чтобы открыть лари хозяйские, достать соль, припасы, сбегать к Голице и в кладовые, учитывая при этом все, что выдала: заспу², клубни репы, морковку, луковицы. Вскоре появился и хазарин Моисей, спустился сверху по лестнице, на Яру даже не посмотрел. И то хорошо.

Уже совсем развиднелось, во двор выпустили кур, Лещ посадил на цепь Лохмача, и пес с важным видом наблюдал

¹ Завеска — большой передник (бывает с рукавами или без).

² Заспа — овсяная крупа.

за оживлением вокруг. Со стороны конюшни донеслось тревожное ржание, ворота во двор были открыты еще с того мига, как Тихон погнал коров.

На лестнице мыла ступени крыльца Любуша. Старательная девушка, Яра знала, что на нее можно положиться, и, проходя мимо, похлопала ласково по плечу. А та просто засияла улыбкой. С собой этакая серая мышка, но улыбка у нее хорошая, добрая.

Будька вынесла выбивать дорожки, ревниво глянула, заметив, как ключница приласкала Любушу.

— А постояльцы все дрыхнут, — сказала она, кивнув в сторону сеней, чтобы привлечь к себе внимание хозяйки.

Но Яре не до постояльцев. А вот Будьке дала задание — вымести двор от самых ворот до крыльца, потом и работу по дому начинать: пыль протереть, покрывала скатать и убрать в лари, начать чистить светильники и бронзовую посуду. И не так, как в прошлый раз, когда копоть застарелая осталась. Яра сама за этим проследит.

Будьке не понравилось, что хозяйка упрекнула ее в нерадивости. Вон Любушу, как кошку, приласкала, а ей только наказания. Но не поспоришь же. И она прошла мимо Любуши, нарочно толкнув ту. Однако Любуша только усмехнулась, показав в спину Будьки язык. Было между девушками-чернавками некое соперничество за расположение ключницы. Говорят, Яра сама некогда была тут чернавкой, но потом купец Дольма возвысил ее за старание. И кто знает, если Любуша будет такой же усердной, то и ее однажды...

Но сейчас она лишь посторонилась, когда Яра в своем тканого сукна синем платье с блестящей опояской сошла с крыльца, направляясь к службам. Любуша же вновь за ступени принялась. Терла их с шелоком и песком, смывала водой. Замечательно, когда воды столько, полные бадейки везде. А так обычно таскай в коромысле, таскай.

Хорошо, если силача Бивоя снарядят привезти воды или еще кого из холопов с хозяйского двора. Сила холопов самая дешевая, вот их и гоняли с горы к реке и обратно. Правда, в последнее время в самом граде появились сноровистые люди, какие подвозили к богатым дворам на возвышенностях целые возы с кувшинами и кадлушками, а то и бочками, полными воды. Выменивали на соль, муку, продукты, кто чем заплатит. Летом этим многие подрабатывали, когда съестного на мену достаточно. Но в хозяйстве Дольмы подобное считалось расточительством. Тут своих скорее отправляли.

Любуша протерла ветошью последнюю ступеньку и выпрямилась, потирая поясницу. Покосилась в сторону риги, где на сеновале спал Радко. Если пойти к нему сейчас... Как-то он притянул ее к себе, еще сонный был. Любуше это очень понравилось, хотя после того как Радко от сна очнулся, он сразу прогнал ее. Ну что тут поделаешь, к нему вон первые градские красавицы ластятся... Что ему какая-то чернавка податливая. Хотя Любуша и не прочь ощутить, каково это — полюбиться с таким-то пригожим молодцем.

Тут Любуша вновь увидела ключницу, и та показалась ей какой-то странной. Вышла из конюшни, стоит посреди двора, руки как-то странно сжимает, словно мнет что-то в ладонях. И долго стоит, Любуша уже прошла мимо с бадейкой грязной воды, но потом оставила ношу, вернулась.

— Вам что-то нужно, госпожа хорошая?

Яра посмотрела на нее, будто не узнавая. Потом заморгала.

— Ты это... Пойди разбуди Озара-волхва. Скажи, пусть на конюшню придет.

Сама же вернулась к проему конюшни, стояла, словно не решаясь войти. Видела, как из стойла, где топтался и взволнованно фыркал вороной Буран, натекла темная

гуща крови, скопилась лужицей. От дверей еще видна откинута на соломенную подстилку рука — мозолистая, небольшая и сильная. Рукав тоже в крови. А подойти и снова глянуть... Яра еще ранее увидела, что это Жуяга раскинулся, голова вся в месиво, да и копыта Бурана в крови.

Она отступила, закрыла за собой двери. Ну и где эта Любуша ходит?

Чернавка неспешно сошла с крылечка, пересекла двор. По пути развела руками:

— Звала я его, будила, окликала. Не просыпается. И охранник его дрыхнет.

— Так растолкала бы их.

— Да как я посмею!

Яра пошла сама. Действительно, спят, да еще как крепко. Ей долго пришлось их трясти, окликать. Сзади появилась и остановилась, наблюдая, горничная Мирины Загорка.

— Что тут у вас?

У нее в руках была бадейка с водой для омовения хозяйки. Яра взяла ее у служанки и решительно вылила на лежавшего ближе к ней Златигу. Тот с рыком дернулся, встал, мотал головой и тарашился.

— Ты чего это вытворяешь, девка?

Остатки воды Яра бесцеремонно хлопнула на голову волхва. Тот поднимался тяжело, моргал, шурился со сна.

— А ну, пойдём со мной, — властно приказала ему Яра. — Дело есть.

Он и пошел. Зевал широко, не торопился. Даже когда увидел распростертое у ног жеребца тело Жуяги, только смотрел какое-то время. Отвернулся и ушел.

Яра видела, как он несколько раз опускал голову в воду, налитую в колоду у конюшни, потом откинулся — брызги так и полетели с длинных мокрых волос.

— Что-то мне не можется сегодня, — произнес через время.

— Ты хоть узрел, на что указывала? — дернула волхва за рукав Яра.

Он закричал и снова направился в конюшню. Смотрел какое-то время. Потом молвил:

— Ну, вижу. Гроза ведь была. Похоже, что ваш коняга взбесился от грохота и затоптал холопа.

— Может, и так, — отозвалась Яра. Понимала, что сейчас и другие соберутся, узнают новость. Потому и добавила быстро: — Да только Жуюга не такой увалень, чтобы Буран мог его затоптать. Ладил он всегда с живностью, послушной она у него была, ласковой. Был у него дар управлять всем ржущим, мычащим, блеющим. А тут...

— Да что тут? — вдруг рассердился Озар. — Думаешь, живность домашняя никогда лихого не сделает? Это же не люди. А тут так грохотало... наверное.

— Что значит твое «наверное»? — спросила Яра. — Или не слышал ничего?

Озар повернулся, рассматривал ее внимательно. Глаза его... Вроде и светлые, но порой как темный твердый камень становились.

— Что было в узваре, каким ты нас поила? — вдруг спросил ключницу. — Уж слишком крепко и глубоко мы спали.

Яра просто смотрела. Потом ее бледные щеки еще белее стали.

— В чем меня подозреваешь, кудесник?

Он не ответил, так как рядом оказался Златига. Лицо помятое, волосы как попало торчат. А ведь всегда следил за собой, гребень у пояса носил, рубаху шнуровал до последней петельки. Сейчас же растрепанный, сонный, мокрый после того, как Яра его облила. Но завидел окровавленного Жуюгу — и взор стал острее. Присел возле него, присвистнул тихо.

— Ну вот. Я-то думал, что этому перепуганному холопу от нас не отвертеться, странный он был, дерганый. Как будто о чем-то знал и боялся. Надавить на него по сильнее надо было, он бы и раскололся. А теперь... Кто же его так? Неужто конь? Или еще кто, — добавил негромко дружинник.

Яра чувствовала, что Озар по-прежнему не сводит с нее взгляда, но и сама посмотрела на него с вызовом.

— Твой страж, волхв, правильно понял. Все заметили, что Жуяга словно сам не свой стал, когда вы пришли на наш двор.

— А до нашего появления?

— Раньше он хорошим слугой был. И за Вышебором мог приглядывать, и с лошадьми хорошо управлялся. Порой и Дольму сопровождал в поездках. Жуяга ведь местный, отменно знал всю округу. Да и вообще, к нему с любым поручением можно было обратиться — никогда не откажет. Но как вы появились... Напугало Жуягу что-то. И вот теперь с ним приключилась беда.

Озар больше не спрашивал. Смотрел вглубь конюшни, на топтавшихся за перегородкой лошадей, на высокого красавца Бурана, сейчас забившегося в угол, подальше от распростертого тела Жуяги. Волхв пошел к нему, и Буран вскинул голову, фыркнул. Даже когда Озар стал его оглаживать и что-то нашептывать, конь не сразу успокоился.

Но все же притих. Тогда Озар накинул на него недоуздок, вывел.

— Пусть лошадей отведут к реке на водопой. Мне тут осмотреться надо.

Весть о том, что Жуягу во время грозы потоптал Буран, быстро облетела подворье. Люди собрались близ конюшни, заглядывали внутрь. Яре пришлось повыситься голос,

приказав, чтобы шли заниматься делами. Только Моисей помедлил. Но и он, отходя, молвил:

— С чего это вороной потоптал холопа? Обычно Жуяга с живностью умелым был, да и хорошо знал повадки лошадей. Они порой беседовали с Вышебором о скакунах, тот ведь некогда лихим конником был.

Озар, сидя на корточках возле Жуяги, слышал эти слова. Златига был рядом, и они многозначительно переглянулись.

— Видишь, ведун, — кивнул в сторону двора дружинник, — люди удивлены случившимся. А тебе есть что сказать? Ты ведь все примечаешь и верно толкуешь.

Озар не отвечал. Он осторожно приподнял разбитую голову Жуяги, стал осматривать. Конь-то его сильно потоптал, бился, видать, напуганный грозой. Но тут на волхва упала тень дружинника от дверей, и он раздраженно сказал:

— Отойди, не загораживай свет, Златига.

Тот не ушел, воскликнул пораженно:

— Да погоди ты! Разве сам не видишь?

— Вижу, — спокойно отозвался волхв, поворачивая голову мертвого так, чтобы стало лучше видно.

Кажется, среди темного кровавого месива не сразу можно было заметить то, что не укрылось от воина Златиги, не раз видевшего такое после боя и имевшего верный глаз. Да и Озару внимания не занимать. Потому и повернул к свету так, чтобы можно было увидеть среди проломленных копытами коня ран глубокую вмятину. Рана уже не кровоточила, сгустки крови в ней собрались липким комом. Но когда волхв осторожно промыл ее водой, стало заметно, что она наиболее глубока. Как раз на темени, над полуприкрытыми, застывшими глазами Жуяги.

— Что скажешь, служивый? — спросил Озар. — На что это похоже?

Златига смотрел, потом тряс головой, будто так ему лучше соображалось.

— Скажу, что рана эта отличается от этой и этой, — указал он на пару проломов на затылке и виске мертвого. — И если бы Жуюга умер на поле брани, я бы сказал, что кистенем или булавой шипастой голову ему проломили. Сильный удар был, мастерский, глубокий. От него он и испустил дух. Ну а конь... Думаю, конь бился ночью, мог и еще потоптать мертвого. Лошади обычно на тело не наступают, но если напуганы сильно... Гроза ведь была.

— А ты слышал эту грозу, служивый? — задумчиво спросил Озар. — Я вот спал как убитый. С вечера-то я различал громовой зов Перуна Громовержца, да и с утра видно, как славно заливало двор. Но чтобы ночью что-то потревожило меня во время сновидений — не припомню.

Златига молчал какое-то время, потом оглянулся в проем дверей конюшни. Было видно, что дворня собралась, бабы начали тихо голосить, но Яра что-то им негромко говорила, принуждая разойтись. Даже когда сонный, растрепанный Радко появился и, узнав новость, хотел пройти к конюшне, ключница удержала его.

— Следовало бы девку эту белобрысую расспросить, — негромко молвил Златига. —

Это она узвар нам приносила, я тогда еще сказал, что странным он мне показался. Словно чем-то непривычным отдавал. Я было подумал, ну мало ли чего хозяйка в пойло добавила для вкуса? Но мы с тобой спали крепко, как после дружинного утомительного перехода от рассвета до заката, когда ничего уже не ощущаешь от усталости. Слышь, Озар? Вы, волхвы, в травах разбираетесь. Может, подлила нам что-то ключница, чтобы мы спали как убитые?

— Ну вот, теперь ты ее обвиняешь. А еще вчера говорил, что славная девка, — отозвался Озар, продолжая рассматривать тело.

Коней уже увел Лещ, можно было все спокойно осмотреть в конюшне. И что-то привлекло внимание волхва. Снял с деревянной загородки нитку, разглядывал. Когда Златига хотел приблизиться, резко повернулся.

— У кого в хозяйстве может быть булава или кистень? — спросил Озар.

— Ну, это не у меня спрашивать нужно. Но если помозговать... то у Моисея. Да и у Радко наверняка есть. Три года назад он еще отроком отправлялся в войске князя Владимира в поход на болгар. Наверняка у него есть и шелом, и рубашка кольчужная, да и оружие где-то хранится.

— И у тебя есть.

— Ну ты сказанул, Озар! — даже хохотнул дружинник.

Но волхв продолжал смотреть на него, и Златига кивнул.

— Я в суме своей под лавкой храню. Не разгуливать же мне с оружием по дому.

— Ладно, — глубоко вздохнул Озар. — Надо будет поглядеть, какое оружие есть у Радко и хазарина. Да и ты свое покажешь. Так надо, — поднял он ладонь, увидев удивленный взор возмущенного Златига.

Однако нести всем оружие не понадобилось. Озар как раз был занят, развешивая мокрые после утреннего полива Яры овчины на перилах гульбища, когда Златига едва не налетел на него.

— Ты только взгляни на это, Озар! — прошептал он, дико вращая глазами. — Я ведь не так все укладывал. Да и вообще...

Его рука дрожала, когда он протянул волхву булаву. Тот осмотрел. Небольшая, но ладная была булава у дружинника киевского. Литая стальная гиря на деревянной рукояти, шипы острые умело в нее впаяны. Не густо сидят, но при точном ударе страшное оружие... Верная смерть.

— Ну, булава, — подытожил Озар. — Что тебя удивило, служивый? Не так укладывал? В твоём мешке все могло перемешаться. Но...

Больше волхв ничего не добавил, просто смотрел. И увидел. Возле одного из шипов, у самого основания, будто темный ободок виднелся. И больше всего это напоминало след от засохшей крови.

Озар поглядел на Златигу. Сам не раз замечал, как тот любовно чистит и полирует тряпицей оружие. Чтобы у такого чистюли да кровь застарелая на оружии осталась? Тут и пень дубовый рассмеялся бы, если бы ему такое сказали.

— Когда ты в последний раз чистил оружие, дружинник? — спросил Озар.

— Да ты сам видел. Вчера еще, до вечерней трапезы. Делать-то мне было нечего...

Тут он умолк, глянув за спину Озара.

По ступенькам поднялась Яра, но смотрела не на постояльцев, а на развешанные овчины.

— Так сильно вас залила? Сказали бы, я бы чернавкам велела на стену ограда повесить, там больше солнца.

И умолкла, заметив, как постояльцы уставились на нее.

Златига сразу пошел в наступление:

— Чем это ты нас опоила, баба глупая? От обычного узвара не спят таким беспробудным сном. Что добавила в напиток?

— Погоди, служивый, — удержал его Озар. И к Яре: — Не напраслину несет мой страж. Сама видела, еле пробудились мы.

Она нисколько не смутилась:

— Ты уже спрашивал, Озар. Напиток я взяла вечером возле печи, он еще теплый был. Хотела вам услужить, вот и принесла.

— И ничего не доливала в него?

— Зачем?

— Чтобы мы крепче спали. Мы ведь в сенях разместились, мимо нас из дома никто не пройдет незамеченным. И если кто злой умысел имел, ему лучше, чтобы мы его не увидели.

Яра продолжала на него смотреть, но от него не укрылось, как по ее шее под сливочной кожей прокатился комок — сглотнула трудно. Но заговорила — голос спокойный.

— Значит, так. Узвар стоял на приступке у печки, остывал. Печь под навесом. Любой проходивший мимо мог в него что-то долить.

— И ты?

— И я бы могла. Но не подливала. Это только и могу сказать. Нет, не только это. Ты расспроси Тихона нашего, как вернется. Он что-то видел ночью. Будто кто-то выходил во двор в потемках.

Озар потер переносицу:

— Тихон? И не сказал, кого видел?

Яра поправила ключи на поясе и собралась уходить.

— А вот сам и расспроси мальчишку.

В это время по ступенькам поднялась горничная Загорка с какими-то коробками и горшочками, остановилась, глядя с любопытством. Озар властно приказал ей идти куда шла, и девушка прошмыгнула в дом. Но не успел он и слова сказать, как на гульбище со двора поднялся Радко.

— Тут поговаривают, что Жуягу не конь затоптал, а убить могли.

Младшего из Колояровичей так просто, как горничную, не отошлешь. Вот и пришлось начать с расспросов, где парень был ночью.

— Ну, не в тереме, — поглядел тот с вызовом. — Я с этой, — он кивнул куда-то вверх, на ярусы, — дышать под одним кровом не могу. А потому устроился на

сеновале в риге. Сено там свежее, душистое... почти как весной, — добавил он и как-то грустно усмехнулся.

— И ты ничего странного ночью не заметил?

— Как не заметить? Просыпался несколько раз от грома. Перун-то ваш не на шутку разошелся. Не любо ему, что в Киеве христиане всем заправляют. Но это и тебе самому не любо, волхв, — засмеялся парень.

Озар опустил глаза, сдержал дыхание. Потом сказал:

— Ты некогда в дружине княжеской был. Оружие у тебя осталось?

— Зачем мне? Как брат приказал больше не отлучаться, повелев быть у него на побегушках, так я свое добро и продал по сходной цене. Дольма тогда злился, что с ним не посоветовался, кому продать, и, выходит, продешевил я.

«Небось, в поход брата собирал именно Дольма, — подумал Озар, — и наверняка справно собирал, чтобы парень его рода не выглядел хуже других. А этот потом сбыл с рук вооружение абы как. И все же цену получил немалую, да денежки спустил. Назло Дольме».

— Ладно, иди пока, парень. Позже с тобой переговорим.

— Ишь раскомандовался, — подбоченился Радко. — Ты тут из милости...

— Я здесь по воле воеводы Добрыни! — двинулся на него Озар. И пусть Радко был немалого роста, но под напором внушительного волхва попятился.

Озар же добавил:

— А ведь говорил мне Добрыня, что ты толковый малый, хотя и бузотер. Вот и не заставляй меня уверить воеводу в том, что он ошибся насчет тебя. Ибо пока я вижу только озлобленного потерей наследства юнца. Ведь никому иному смерть Дольмы не была так выгодна, как тебе. И когда убили соляного купца, никто еще не ведал, что Мирина дитя его носит.

Радко смотрел на волхва, и лицо его стало заливаться гневным румянцем. Но стоявшая неподалеку Яра тут же подошла и взяла парня за руку, словно успокаивая или желая удержать. Радко перевел на нее взгляд, даже попытался улыбнуться. Однако обратился не к ней, а к Озару:

— Ты вроде мудрым ведуном сывешь, волхв, а доверяешь всяким досужим сплетням. Но знай, я бы на брата своего никогда руки не поднял. Я недолюбливал его, это правда, да и ссорились мы часто. Однако я бы не убил его. Ибо это грех. А я хороший христианин. Может, даже лучше, чем был сам Дольма.

С этими словами Радко заложил пальцы за кушак и, беспечно насвистывая, пошел прочь. По пути шлепнул по заду убиравшую во дворе Будьку, потом присел на корточки у собачьей конуры, стал ласкать потянувшегося к нему Лохмача.

Яра тоже хотела уйти, но Озар ее удержал.

— Погоди еще, древлянка. Что ты на это скажешь?

И он протянул ей свою находку из конюшни.

Златига с любопытством заглянул через его плечо. Ну, нитка. Ну, синяя. Что с того? Правда, учитывая, где ее подобрал Озар...

Яра тоже смотрела на нитку, но, похоже, соображала быстрее дружинника.

— Это крашено корой дуба и ржавым железом. Наверное, и цветы черники добавляли для оттенка. Синий цвет дорогой, много добавок в краску требуется. Но не это главное.

Она подняла на волхва свои прозрачные глаза сероголубого оттенка. В лице ни кровинки. Но она и была бледной: кажется, ни работа на солнце, ни ветер не могли обжечь ее кожу, на диво ровную и белую. От этого ее лицо казалось холодноватым и неподвижным. Однако грудь женщины бурно вздымалась.

— Ведь неспроста ты мне эту нитку показываешь, волхв. Где нашел? Неужто у тела Жуяги?

— Раз такая разумница, то и подскажи, кто мог на конюшне зацепиться?

— Я могла, — спокойно отозвалась Яра. — Как увидела тело, то в испуге прижалась к загородке у стойла. Видишь, в синем хожу, — провела она рукой по бедру, обтянутому синей тканью. В этом жесте не было ничего соблазнительного, просто коснулась. Да и не выглядела она соблазнительницей — худышка, бедра неширокие, грудь едва обозначена.

А тут еще и Златига из-за плеча бросил:

— И узвар она нам приносила.

Озар поднял руку, отстраняя дружинника. Голос его звучал спокойно:

— Радко тоже в синей рубахе хаживает. А он не в доме почивал этой ночью.

— Да. Однако не мог он проходить через сени, где вы спали. Зачем бы тогда ему вас усыплять?

— Ну, мало ли. Чтобы надежнее.

— Но гроза грохотала, любой мог проснуться и в окно выглянуть. Некоторые окна в сторону конюшни выходят.

При последних словах какая-то тень прошла по неподвижному лицу ключницы. Волхв это заметил.

— Ну? — склонился к Яре. — Говори, о чем подумала?

Она сказала другое:

— У Моисея отвороты кафтана синим обшиты. А еще тесьма синяя на рубахе у Леща. Однако ему-то что до Жуяги? Да и спал Лещ с Голицей в истобке прошлой ночью, не выходил никуда. Бивой там же расположился.

— И эти двое — родня поварихи Голицы. Она ведь узвар готовила?

Опять Яра о чем-то своем думала, смотрела в сторону.

— Не знаю, где Моисей спал. Должен был почивать у двери Вышебора на полавке у стены, но, когда я утром шла будить Тихона, его на месте не было.

Озара это будто и не заинтересовало.

— А Радко? Сеновал-то в стороне от дома стоит, причем неподалеку от конюшен.

Откуда-то сверху раздался зычный голос Вышебора. Звал Яру. И она словно бы хотела поскорее уйти, но все же сказала:

— Ты уже разговаривал с Тихоном, Озар? Говорю же, видел он кого-то. А окошко в его повалуше как раз на двор перед конюшной выходит.

Озар с интересом уставился на нее:

— Как я мог переговорить с ним, если с самого утра мальчишки во дворе нет? Сама же ты и уснула Тихона.

Яра замялась, опустила ресницы. Они у нее были золотистые, темнее светлых бровей и красиво загнутые.

— Да, я уснула. Коров он погнал на луга, но должен был уже вернуться. Хотя особых дел ему не поручала, так что мог пойти Тихон по Киеву погулять.

И вдруг неожиданно взяла из рук Озара синюю нитку. Поглядела и улыбнулась:

— Сухая, видишь? А ночью лило. Она бы могла и не высохнуть.

И стала оглядывать себя. Пока не заметила зацепку на бедре. Повторила:

— Моя это нитка. Думаешь, я причастна? Но повторю: когда тело Жуюги увидела, отступила и налетела на загородку. Так что не морочь себе этим голову, волхв.

И поспешила в дом на зов Вышебора.

— Она как будто и не боится ничего, — заметил Златига. — А ведь сразу поняла, что неспроста ты о нитке спрашивал.

Озар открыл ладонь, уронив свою находку.

— Она умная. Быстро сообразила. И нитка эта, похоже, и впрямь ее. Какая баба не зацепится, когда шархнется, найдя мертвеца. Но заметила верно — нитка сухая. Яра сразу этим с себя подозрение сняла. Да и могла ли она так огреть мужика по голове, чтобы враз свалить? И он при этом даже заорать не успел.

— Однако тот, кто сгубил Жуягу, был ему знаком, — отметил дружинник. — Ну посуди сам, Озар, удар ему прямо по темени пришелся. Значит, холоп смотрел на подошедшего и не ожидал нападения. От бабы и подавно. А что баба с булавой к нему явится, вообще, видать, не думал. Но скажу, что умелая да ловкая вполне могла бы свалить плешивого Жуягу. Я вон как-то Светланке показывал, как булавой бить, — так у нее получалось.

Озар отметил, что Златига рвется ему в помощники, интересно это служивому. Но пока что рано им выводы делать. Поэтому волхв так ничего ему и не сказал, просто смотрел то на плахи, какими двор мощен был, то на раскрытые по дневной поре ворота. Было видно, как мимо двора какие-то люди проходили, кто-то заглядывал, — весть про убитого холопа не скроешь. К тому же он заметил, как Будька выбегала за ворота, а эта чернавка уж точно весть разнесет. И что люди скажут? Только-только Дольму отпели, как уже один из его челяди тоже помер странно. И уж лучше всех заверить, что с Жуягой просто несчастье случилось. Ну, мало ли как... Вон конь испуганный затоптал. Бывает.

— Ты вот, Златига, ранее все время советовал мне переговорить с этим холопом, — негромко начал Озар. — И оказался прав. Жуяга вел себя странно, дрожал, шаргался. А при допросе все бормотал, что его заподозрят в убийстве хозяина. И почему? Какая ему выгода убивать человека, который его при дворе пригрел, в челядь ближнюю принял? Да и с чего это вдруг опасался, что на него

свои же укажут? Кому он тут нужен, чтобы на него поклеп наводить? Так что пустое он нам втемяшивал. И это только подтвердило мою первую догадку — именно Жуяга метнул литой шип в соляного Дольму.

— Догадку? Твою догадку? — потрясенно отступил дружинник. И вспыхнул: — Ты, выходит, сразу его заподозрил! Так чего же тянул, молчал! У тебя тут головник под боком ходил, а ты все чернавок каких-то расспрашивал.

— Чернавки мне тоже много толкового рассказали. А Жуяга... Он всего лишь холоп. Но непростой. Мне вон поведали, что некогда он к нашим думал примкнуть, к волхвам. Однако его не взяли. Не подошел. Но я ведь давно в Киеве среди служителей, а вот ни о каком Жуяге никогда не слыхивал. Бесспорно, наши особой болтливостью не отличаются, однако этого Жуягу я даже близ главного капища не упомяну, не видел никогда. Память у меня цепкая, а этот... Зато я знаю, что есть у волхвов некое верное воинство, обучают их биться особым лесным методом, когда и без оружия можно за себя постоять, а уж с оружием — умельцев славных готовят. Вот этот Жуяга, пусть и мелкий, но ты сам видел — жилистый он, крепкий. Матерого увальня Вышебора не всякий потягает, а этот плешивый справлялся. И если из наших был... Такому незаметно метнуть шип... ну что тебе на коня вскочить. Говорю же, неплохие они умельцы в бою.

— Да знаю я. Были у нас такие в дружине. От ваших перешли. И хорошо бились, отмечу.

— Вот то-то. И Жуяга этот, Перун мне свидетель, явно из таких. Но, видимо, в чем-то неумелым оказался, раз прогнали его волхвы. Вот он и пошел в услужение, прижился в усадьбе купеческой... и пригодился кому-то своими былыми навыками. В первую очередь нам надо вызнать — кому? Кому было выгодно убивать купца Дольму.

Златига хмурил брови, тер кривую скулу.

— Радко мог подкупить плешивого Жуягу. Все говорят, что с Дольмой меньшей из Колояровичей не ладил и после его смерти мог наследство получить, хозяином тут стать. И Вышебор мог тоже. Он старший в роду. И пусть калека, но помыкать людьми, как я видел, ему ох как нравится. А во время обряда — и это все говорят — Жуяга постоянно при Вышеборе оставался, толкал в воде его кресло. Вроде простое занятие, но когда толпа и люди скопом мельтешат, ему поневоле пришлось бы остановиться. А потому в нужный момент и мог метнуть шип.

— Это ты верно заметил, друг Златига, — отвел со щек длинные волосы Озар. — Сделать бросок, когда в воде такого увальня тащишь, можно, только если остановка вышла. Но ведь тогда в реке чего им было бродить без толку? А я когда все продумывал да определял, кто где находился, отметил, что Вышебор с Жуягой как раз за Дольмой пристроились. Купец-то наш к берегу повернулся, как сказывают, а поразили его в аккурат под кадык. Прямо били. Вот и выходит, что Вышебор мог быть в курсе. Однако не только он. Мирина тоже подле Дольмы была и могла что-то заметить. Но если у нее есть выгода, разве скажет? Она пусть и дура, но из таких дур страсть какие хитрые бестии порой получают. Как-то у нее с Дольмой житье-бытье складывалось? В ладу ли жили?

— Как бы ни жили, но Дольма ее не обижал — это точно. Наряжал, лелеял, красой жены похвалялся — тебе многие об этом в Киеве скажут.

— Слыхивал о том. К тому же понимаю, что Мирина — дочка старосты древлянского, от которого Дольма меды из леса получал. А спрос на мед в Корсуне, где торговал Дольма, велик.

— Да что ты мне про меды рассказываешь, волхв! Медами Дольма и до брака с Мириной торговал умело. Так что...

— Так что, — подхватил Озар, — почти каждый из людей Дольмы мог желать от него избавиться и нанять Жуягу. Мирина наверняка хотела бы стать владелицей всего нажитого, особенно после того, как поняла, что дитя под сердцем носит и, значит, при ребенке от законного мужа главной на хозяйстве может быть. Но и Вышебор с Радко на наследство рассчитывали и потому могли от купца избавиться, если чем-то допек. Даже Бивой мог уговорить Жуягу, ведь Дольма обозлился на парня, когда тот отказался идти на обряд крещения. За это хозяин мог его и со двора прогнать. Моисей... Этот остался верен иудейству, хотя и сошел за Дольмой в Почайну. Ну а купца Хована ты сам упоминал. У того тоже могли свои интересы быть. Дольма же не только медами с корсунянами торговал, но и меха возил. Причем Дольму в Корсуне знали и любили, так что скорее у него возьмут товар, а не у Хована, им чуждого. Подумай, служивый, мешал ли Ховану такой соперник в деле? Наверняка мешал, и он под шумок мог бы от него избавиться. А для виду перед крещением якобы помирился с соляным купцом.

— Еще и Хован, — приуныл Златига. — Хотя... Как мог проникнуть Хован во двор и хлопнуть Жуягу по голове? Разве что нанять кого. Ну не Будьку же? Нет, тут надо разобраться во всем ладком и по разуму.

— Как и выяснить, кто твою булаву ночью брал, — подмигнул дружиннику Озар. — Неужто ты бы такое оружие грязным оставил? Нет! Значит, чужой взял. И этот чужой ночью, в потемках, недосмотрел, что след кровавый остался. Но, может, так хотели и на тебя напраслину навести.

Последнее окончательно огорчило дружинника. Попник, облокотился на перила с развешанными на них мокрыми овчинами, только через какое-то время выпрямился, взглянул на мокрые от шерсти следы на рубахе.

— Вот что, ведун, — сказал Златига, — сейчас я тебя оставлю и поеду к воеводе Добрыне. Надо поведать ему о случившемся.

— Больно надо воеводе князя выслушивать о гибели какого-то холопа, — иронично выгнул бровь Озар. — У него дела государевы, до того ли ему будет. Вот если визнаем, кому Жуяга хотел услужить и кто его нанять мог, тогда и доложить стоит.

Но Златига набычился, смотрел исподлобья.

— Мне велено докладывать, вот и пойду. Отчитаюсь.

— Ага. Да только есть у меня к тебе дело. Выяснить нужно кое-что. Я мог бы и сам сходить, ну да и тут есть чем заняться. А ты парень толковый, так что вызнай для меня... — Он склонился к Златиге, стал пояснять негромко.

Тут как раз Голица поднялась на гульбище, держалась привычно, властно приказала, чтобы не толпились на пути, она сейчас накрывать на стол будет. Если бы не ее покрасневшие от слез глаза, то и не скажешь, что стряпуха кого-то недавно оплакивала. А ведь оплакивала. Люди здесь все друг дружку знали, не чужими были. А тут еще и смертоубийство.

Озар смотрел, как Голица и служанки суетятся, видел с гульбища, как во двор вошел Бивой с корзиной рыбы и чернавка Любуша остановила его, огорошив новостью. Бивой даже охнул, корзину чуть не уронил. Потом поставил свою ношу на землю и, поразмыслив, пошел закрывать ворота. Златига как раз вышел наружу, и Бивой стал сдвигать тяжелые створки. Оно и верно, нечего кому попало во двор заглядывать. И так со всеми этими делами дворовые не побеспокоились закрыться от посторонних. И как это рачительная Яра подобное проглядела?

ГЛАВА 7

Мириня не пожелала явиться к завтраку, и Вышебор опять приказал усадить себя во главе стола. Это сразу подняло ему настроение, он улыбался, даже когда расспрашивал о том, как погиб Жуяга.

— Буран вполне мог его затоптать, если холоп уснул в стойле, — заявил он. — Вон как ночью грохотало в поднебесье. Это Перун лютовал на христиан, не так ли, Озар-кудесник?

— Перун не люзует, а показывает свою мощь, — отозвался волхв. — Ее трудно не заметить всякому. А еще Перун несет влагу и плодородие земле, убивает всякую нечисть.

— Вот он и убил копытами Бурана бедного Жуягу, — подытожил Вышебор. — И говорить о том больше нечего. Зато теперь холопа обернут саваном и отнесут на Поле вне града. Кургана могильного он, конечно, не получит, зато попы его отпоют как должно. Говорят, на том свете любой верующий, даже раб, будет принят добрым Господом. Хотя я и не знаю, насколько Жуяга заслужил подобной милости. Крестился-то он лишь по приказу Дольмы. Это Бивой постоянно ходил за моим братом к церкви, якобы свиту составлял, а на деле слушал, что там попы толкуют. Нравилось ему, что они рассказывают о добром и всемогущем Боге.

Озар с удивлением посмотрел на Бивоя:

— Ты что, и правда слушал проповеди христианских попов, парень?

Бивой отложил ложку, какой хлебал маслянистую овсяную кашу, вытер капли с усов.

— А почему бы мне их не послушать? Они за это платы не берут. Не то что ваши волхвы. Вашим все требы, все

подношения давай. А что толку? Сами пузо наели, а обещанного от них кто видел?

— Ну, детей-то мы не ели. А вот Вышебор, помнится, даже ребенка некогда предлагал на алтарь. Помнишь, Вышебор? Ты купил дитя у мамки в бедном селении и к нам принес — дескать, отдайте богам, только пусть они защитят меня от гнева князя Владимира за верность Ярополку.

Вышебор даже поперхнулся кашей:

— Ты что такое несешь, ведун?

Озар с нарочитой медлительностью вытер свою ложку, пристроил за кушаком на поясе. Одновременно отметил, как все застыли за столом, переглядываются. Выдержав паузу, сказал:

— Это сейчас о подобном говорить уже не принято. Хотя человеческая жертва и ранее была... чисто княжьем подношением богам. Нынче же вообще смертоубийством считается. Но успокойтесь. Того мальчика наши служители не убивали. Пожалели, а потом пристроили к хорошим людям.

Радко, сидевший по правую руку от замершего Вышебора, хлопнул брата по плечу:

— Так вот откуда все твои напасти, старшой! Решил, небось, что, жертвуя небесным покровителям ребенка, их милость получишь, а оно вон как вышло. Хотя Владимир за Ярополка тебе и впрямь не пенял, а даже в дружину взял. Вот ты и успокоился. — И, повернувшись к остальным, парень добавил: — Да только милосердие к мальцу служителей капища боком нашему Вышебору вышло — разгневались боги, не получив своего. Вот и покалечило его в походе. Так говорю, Вышта?

Вышебор сурово глянул на младшего Колояровича, облизнул ложку и вдруг сильно ударил ею парня по лбу. Треск раздался, однако Радко лишь расхохотался. Видимо, такими «ласками» старший брат и ранее потчевал

младшего. И парень не озлился на увечного — к чему это ему, молодому, рьяному, сильному.

Вышебор потом вкушал пищу молча, лишь порой косился на Радко. Как и тот на него. Озар поневоле обратил внимание, как братья Колоярвичи схожи обликом: оба широколицые, с крутыми густыми бровями, носы у обоих крупные, ровные, кудри темные, только у Вышебора уже сединой присыпанные. И все же у старшего брата и на вытертую вервицу¹ не было такого обаяния и живой прелести, как у младшего. А еще Озар размышлял о том, что заметил, когда Вышебор огрел Радко ложкой по лбу: показалось, что для такого рывка надо было на ноги опереться. На увечные, неподвижные ноги, всегда покрытые сукном. Вот Озару о всяком и подумалось.

Спустя время он все же поднялся в горницу Вышебора. Хмурый Моисей отворил ему дверь, впустил и отошел в сторону, замерев в углу с опущенной головой. Вышебор же сидел в своем кресле-каталке и прихлебывал поданную ему Ярой хмельную брагу. Улыбался довольно, обнажив крупные желтые зубы.

— Ну вот, ведун великий, наконец ты и меня вниманием почтил. Но знай, я теперь крест-оберег ношу на груди. Видишь? — И он предъявил металлический крестик на бечевке. — Так что меня твое чародейство волховское не сильно заденет.

Озар неспешно огляделся. Хорошая горница была у Вышебора — с широким окном, расписными ставнями, которые сейчас были распахнуты, с оштукатуренными и побеленными стенами — с первого взгляда будто каменный покой в княжеских палатах. Вдоль стен не простые лавки, а широкие лари, покрытые белыми козьими

¹ Вервица — белка, беличья шкурка. В Древней Руси служила в качестве денег. Вытертая вервица стоила особенно дешево.

шкурами. Как и широкое ложе в углу. От этого в горнице было светло и уютно. Даже полы светлые — широкие осиновые доски, выскобленные и вымытые.

Еще Озар отметил небольшой стол под цветной скатертью, на котором стояли литые серебряные подсвечники — явно воинский трофей из прошлых походов, — в Киеве таких не умели делать. Но было еще нечто, на чем остановился взор волхва: на стене была развешана пушистая волчья шкура, а на ней красовался каплевидный щит бывшего дружинника, червлёный, с круглым выпуклым умбоном¹, на котором были заметны насечки от былых ударов. Но щит что, а вот меч в зеленых сафьяновых ножнах с медной окантовкой был ну чисто боярский. Как и булава воинская — крупная, литая, немало денег стоившая. На ней Озар особо задержал взгляд. На висевшую рядом плетку с ременной петлей и вшитыми стальными шипами взглянул лишь мельком.

— Что, нравится, как живу? — прихлебывая брагу, довольно спросил Вышебор.

— Оружие у тебя хорошее, Колоярович, — ответил Озар и, подойдя, провел рукой по рукояти булав. А как провел, то и успокоился — рукоять была в пыли. — Да только как же при такой хозяйке, как Яра ваша, не протирают его как следует?

— А что Яра? Она от меня старается подальше держаться. Да и девки ее лишь на миг забегают. Вот и заскучало мое оружие. Как и я сам, — вздохнул Вышебор.

Озар на слова его мало внимания обратил, больше поглядывал на застывшего, потупившего очи Моисея. Но тот ничего, стоит себе и стоит. А вот Вышебор просто соловьем запел: от князя Ярополка — светлая ему память! — щит у него. Булаву при Владимире заимел. А вот

¹ Умбон — металлическая бляха в середине щита

меч еще отцовский. Не каролинг¹, конечно, но вовсе не плох. И рубил им Вышебор некогда отменно, много выпадов отвел в сторону, да и сам сек соперников от плеча, так что крови сей клинок попил немало. Там на бороздке клинка даже темная отметина по сей день имеется.

— Я ведь с отрочества мечником был, — словно смакуя воспоминания, рассказывал Вышебор. А поговорить ему, запертому в горнице калеке, страсть как хотелось. — С юности воевал. Еще с нашим знатным Святославом ходил на хазар, и на ясов, и на касогов, потом на дунайскую Болгарию в его войске отправился. Потрепали нас там сильно, но ничего, я-то уцелел. И вернулся с обозом воеводы Свенельда в Киев стольный, да еще и с добычей... — Вышебор почти любовно поглядел на подсвечники червленого серебра на столе. — Да, тогда мне повезло. А вот тех, кто со Святославом остался... многих порубили печенегии на Хортице. Пал и сам князь-воитель — пусть ему всегда поют птицы в светлом Ирии². — Он поднял руку, забыв, что еще недавно похвалялся своей христианской верой. — Я же и тогда не прогадал, стал гриднем при новом князе Ярополке. Сытое там было житье, почетное, да только заскучал я без ратных подвигов. И как только появилась возможность, решил отправиться на степные рубежи биться с ворогом, отгонять печенегов от наших южных градов-крепостей. И всегда с добычей возвращался. А за службу меня Ярополк ценил. Поэтому, когда Владимир на брата пошел, я за князя своего киевского встал. Ну и пришлось мне в Родне побывать, где несчастный Ярополк от Владимира укрылся. Не помогло это, но я до конца верен ему оставался. А как иначе, если он князем моим был? Это потом пришлось мне к Владимиру податься.

¹ Каролинг — ковавшиеся в землях на Рейне лучшие мечи в Европе. На Руси стоили неимоверно дорого.

² Ирий — славянский рай в старых языческих верованиях.

И он меня принял, ибо знал, что в нашем роду все великими воинами были. Прадед мой, варяг, еще с Олегом в Киев явился. А варяжская кровь — она лучших витязей в дружину дает. И дед мой таким же рьяным в боях был, а уж отец... Колояр с Хоревицы — это не какой-то купчина киевский. А вот от моей матери Добуты началось это торгашеское в нашем семействе. Она и Дольму к этому приучила, он, почитай, сызмальства бегал к ее родне в Вышгород, пока мы с отцом мечи в ворожей крови топили. И вышел из него соляной купец — ну ж ты, поди ж ты! Но я на все его успехи смотрел... как на возню мелкую. Ведь тогда достаток в дом именно я привозил из походов, как и отец мой, и дед поступали. На том и поднялись.

Вышебор склонился, отставил опустевший кубок изпод браги. Лицо его покраснелось, на Озара смотрел, подбоченившись, улыбался.

Озар негромко заметил:

— А вот Добрыня сказывал, что именно Дольма возвысил ваш род.

— Добрыня... гм... Я на год его старше буду, потому и помню его еще, когда он при конюшне состоял да скакунов дружинных гонял поить к Днепру. Не забыл и то, как он уезжал с юным Владимиром в Новгород. Ну это когда новгородцы сына Святослава Воителя себе в князя выпросили. А Добрыня при нем был. Помнится, еще в лаптях уезжал... А явился... ну чисто князь пресветлый.

В голосе Вышебора чувствовалась неприкрытая злоба. А Озар вдруг подумал, что если Вышебор и старше Добрыни лишь на год, то по виду своему, пусть он еще и мощный в плечах, все же выглядит куда старше своего века. В то время как Добрыня — как бы ни относился к нему волхв — ну чисто молодец жених.

— Как вышло, что тебя в походе покалечило, Вышебор? — полюбопытствовал Озар, присаживаясь на ларь

у стены. — Знаю, что немало дружинников калеками в Киев из далеких краев возвращаются, но твоя-то в чем беда?

— А!.. — махнул рукой старший Колоярович. — Коня подо мной вятичи сулицей¹ из зарослей убили. Неожиданно это вышло, вот жеребец мой и взвился, а там сразу опрокинулся, да так скоро, что я и ног из стремян вынуть не успел. Вся конская туша на меня и рухнула. Помню боль... и ничего больше... А как пришел в себя — боль вернулась. И не бегали больше мои ноженьки ретивые. С обозом меня покалеченного в Киев отправили, — закончил он печально.

Конечно, впору бы пожалеть бывшего дружинника, но было в его нахмуренном челе и зло сверкавших глазах нечто такое, отчего Озар не проникся к нему состраданием. Словно такому, как Вышебор, и надо было от богов получить кару за былые кровавые дела.

Озар откинул за плечо длинные волосы и сказал:

— Мать тебя, видно, сильно любила, если такое имя выбрала — Вышебор. Выше даже дубов высоких тебя видеть желала.

— А? Что? Ах, мать... Да я толком и не знаю, кто имя мне дал. Отец, наверное. Я у него в любимчиках хаживал, меня он поучал и надеялся, что род я продлю. А матушка Добута... Гм, она с Долемилом все носилась. Вроде и не ее родная кровь, а вот же, привязалась. Ну и с купцами его своими вышегородскими свела. Да говорил ведь уже!

— И все-таки именно Дольма известен на весь Киев стал. И при дворе князя Владимира его часто принимали, и на пирах княжеских он мед-пиво пил. Не это ли тебя обозлило?

¹ Сулица — короткое копые с острым наконечником, дротик.

— Ха! Да я и сам при Святославе и Ярополке на пирах сиживал. Вот были денечки! А что Дольма возвысился... Что с того? Закололи братца моего, и всего делов. У Христа, небось, теперь за пазухой греется да на меня поглядывает. А я вот что ему покажу! — И Вышебор сделал неприличный жест куда-то к потолку. — На, выкуси!

— А ведь ты не любил среднего брата. — Озар откинулся на стену, заложив руки за голову. Казался даже расслабленным, когда вдруг неожиданно спросил: — Это ты приказал Жуюге убить Дольму?

— Что? Жуюга? — искренне удивился Вышебор.

Похоже, имя холопа удивило его даже больше, чем подозрение волхва на него самого. Но потом стало доходить. Смотрел, моргал, лицо его медленно багровело. Озар же как ни в чем не бывало продолжил:

— Неужто ты не почувствовал тогда, что Жуюга тебя в кресле не только толкал в Почайне, но и... Пусть и немного времени для быстрого броска надо, однако ты в прошлом воин, должен был заметить.

Краем глаза Озар заметил, как смиренно стоявший у стены Моисей при этом поднял глаза, сверкнул злым, подозрительным взором на калеку.

Вышебор вдруг рассмеялся. И хохотал долго, зло. А как перестал, улыбка его больше на оскал походила.

— А еще ведуном себя великим считаешь. Такую напраслину несешь!.. И потому я напомним тебе, сколько по Правде¹ за поклеп на мужа нарочитого берут! Последней рубахи лишишься, выплачивая виру², без штанов останешься, если говоришь такое без видоков и послухов³, кои бы твою дурость подтвердили.

¹ Правда (позже Русская правда) — свод законов на Руси.

² Вира — штраф на Руси.

³ Видоки и послухи — свидетели; видок — тот, кто заметил что-то, послух — который что-то услышал и может подтвердить.

— Но брата ты не любил, — повторил Озар, с невозмутимым видом разглядывая ногти на руке. — А потому мог смерти ему желать.

— А поди докажи! Но того ты, ведун бестолковый, не знаешь, что Дольма был мне нужен. И связаны мы с ним так... Вон Моисей может поведать... однако не скажет.

И он подмигнул молчаливому хазарину.

Озар на миг задумался, а потом спросил:

— Говорят, ты пытался сосватать ключницу Яру за себя. А она отказалась. Как же посмела? Или Дольма не сильно настаивал? За это тоже обижался на брата?

Вышебор сразу как-то насупился.

— Как по мне, Дольма много воли Яре давал. Эта древлянка так возвысилась в нашем доме, что и слова ей не скажи. Да и Мирина ее сторону вдруг взяла. Хотя сказать, что они душа в душу с вековухой нашей были, нельзя. Но рано или поздно Дольма на своем настоял бы. Иначе, — тут Вышебор хохотнул хитро, — иначе ему много хлопот со мной было бы.

— Да знаю я, что это за хлопоты, — неожиданно сказал Озар и, поднявшись, склонился к Вышебору. — Или, думаешь, мне не ведомо, что прославленный христианин Дольма покупал для тебя рабынь на капище?

Вышебор остался спокоен, только губы плотнее сжал, словно сдерживал себя, не желая отвечать. Озар же невозмутимо продолжил:

— Понимаю, что тебя удова страсть донимала, а никто из домашних баб и девок твоей ласки не желал. Та же Яра отказалась, пусть и прибыла сюда как холопка. Вот Дольма и шел на злое дело, чтобы тебя уважить да усмирить. А ты рабынь тех мучил до смерти и калечил. — Озар покосился на плетку с шипами, на какую ранее едва глянул.

— А что, надо было, чтобы они потом болтали языком, насколько я увечный? — не стал отпираться Вышебор. —

Да и сладко это, когда бабу... как полонянку зависимую берешь не только плотски, но и души лишаешь.

Темные глаза Вышебора загорелись по-волчьи. Он ничего не боялся. Так и сказал: поди докажи. Но сейчас он даже не таился.

— Ведь купленная раба всего лишь товар. Хочешь — храни, хочешь — сломай. Какая кому забота? Даже ваши волхвы на это наказания не накладывали.

Озар выпрямился, при этом мельком взглянув на хазарина. У того глаза умоляющие: просил ведь не выдавать его. Объяснил, что по наказу хозяина Дольмы в это дело ввязался. Да и требовалось от него немного: привести Вышебору девку для утех жестоких, а потом просто вынести покалеченное тело рабыни и утопить в водах Днепра.

Но волхв и впрямь не собирался выдавать Моисея. Может, тот еще пригодится. Поэтому сказал Вышебору:

— Служителям с капища киевляне порой докладывали, что находят тела удушенных и порезанных рабынь. И мы долго гадали, кто же так лютовал. Но чтобы из такого почтенного дома, как ваш...

— Да не лютовал я! — ударил руками по резным подлокотникам кресла Вышебор. — Свое брал, уплаченное.

Озар несколько минут просто смотрел на него. Такому не растолкуешь. Христианин, видишь ли. Как и Дольма их прославленный, но тайно потворствовавший животной страсти брата, только бы тот не лез в родовые дела, не требовал свое наследство, не делил богатство рода. А ведь Вышебор мог. Пусть он к Владимиру от его соперника Ярополка перешел, но князь всегда права и заботы служивших ему воинов отстаивал. Даже порой вопреки Правде.

Озар старался держаться невозмутимо, но, видимо, на его лице все же проступила некая гадливость. И под его взором Вышебор заерзал в кресле и сделал знак Моисею. Тот подошел, поняв, что требуется, развернул кресло дру-

жинника к открытому окошку, спиной к волхву. Дескать, разговор закончен. При этом сделал волхву знак уходить, но тот отрицательно помотал головой.

— Я не спешу. Да и есть еще о чем поговорить.

Вышебор мог возмутиться, но смолчал. Глядел в открытое окно. Озар, став рядом, тоже стал смотреть.

Хороший вид открывался из горницы Вышебора с Хоревницы. Напротив окна кудрявилась березовой рощей узкая гора Детинка, где обычно девушки по весне вели свое коло и жгли огни в честь Лели весенней. Спрашивается, что плохого в том обряде было? Красота да и только. И что бы нынче ни втемяшивали людям в головы, роща эта и по сей день считалась священной. Березы на Детинке никто не рубил, высокими они росли, блестели на солнечном ветру серебристой листвой. А от самых белых стволов уходили вниз обрывистые склоны, спускались к урочищам Гончары и соседнему, Кожемяками называвшемуся. С высокого теремного окна то, что происходит внизу в этих урочищах, не увидишь. А еще обзор немного закрывал навес летней кухни, как и часть заборола, протянувшегося по ограде над обрывом. Зато другая его часть хорошо обозрима — можно увидеть, как на стене вытряхивают половики чернавки Будька и Любуша. Нечистоты тоже со стены вниз сливали, но высота Хоревницы такова, что до лежавших внизу урочищ Гончары и Кожемяки могли и не попасть, застревали на крутых склонах, потом вымывались дождями. Вон какой ливень был прошлой ночью, да и, судя по тяжелым облакам, этой ночью тоже может разразиться гроза. Облака шли по небу, как ладьи на могучих парусах, как башни мощных цитаделей. Из окошка Вышебора это красиво смотрелось. Казались красивыми и срубные башни разросшегося на холме за Гончарами Копырева конца, градской окраины. Теперь там немало киевского люда поселилось,

а исстари там обычно жили торговые хазары и иудеи. И до того как Святослав разгромил Хазарию, проходили там большие торги. Сейчас же хазарские усадьбы все больше перемежались с добротными домами киевлян, торговцев, дружинников, разбогатевших ремесленников. Торг же с хазарами давно сошел на нет, и теперь оставшиеся хазары переселяются на Подол, уступая некогда облюбованные возвышенности богатым киевским людям. А те дали местности новое название — Кудрявская. Ибо течет там ручей Кудрявец, вьется среди орешника и бузины, пышно разросшихся на его склонах.

Оказалось, что Вышебор тоже рассматривал Копырев конец на Кудрявце. Сказал вдруг:

— Когда я с князем Святославом был в походе, а в Киев пришли дикие печенеги, вон там, — указал он на вышки и кровли Копырева конца, — ничего тогда не уцелело. Все было сожжено, все порушено. А вот наша Хоревица выстояла. И сколько ни лезли на нее степняки копченые, их отбросили, отбили. Люди тут голодали и делились последней каплей воды, но набежчиков к своим домам не подпустили. Руководил той обороной родитель мой Колояр. Он рассказывал, как к нашему двору несколько раз пытались взобраться печенеги, ну да все напрасно. Их откидывали раз за разом, пока те не отступили.

Вышебор вздохнул, его светившиеся только что воодушевлением глаза потускнели.

— А рядом, — махнул он рукой в сторону, — княжеская Гора Кия тоже была в осаде. Люди там, как и на Хоревице, голодали, потому и поспешили при первой же возможности отправить из града мать Святослава Ольгу и детей его. Это воевода Претич постарался, вывез их, да еще хитростью отвадил печенегов от Киева. Напугал их сообщением, что, мол, Святослав уже на подходе к граду. Святослав-то и впрямь спешил на помощь своей столи-

це, но если бы не уловки Претича, может, и не отошли бы копченые. А когда разгромили врагов и был пир в Киеве, князь богато одарил Претича, боярскую шапку ему дал. Мог бы и отца моего наградить за спасение Хоревицы. Но ведь не наградил же... Лишь похвалил за то, что спас дворы и имущество жителей Хоревицы, — и на том все. Знаю, что отец мой был тогда в большой обиде на князя. Однако позже все равно кручинился и плакал, когда узнал, что зарубили Святослава на острове Хортица. Ибо верен ему был, пусть и не получил от него положенной награды. А вот лукавый Дольма смог отличиться и добиться княжьей милости. Слышишь, что говорю, ведун? Лукавый был Дольма. Хитрый. Всегда себе на уме. За то, думаю, и поплатился. Прижал кому-то хвост, вот его и того...

— Я это уже понял, — отозвался Озар. — А еще понял, что тебе, Вышебор, теперь без брата среднего плохо будет. И девок тебе больше никто не приведет, и Яру тебе Мирина не отдаст на жестокую жизнь. Так что свои подозрения я с тебя снимаю.

Вышебор издал какой-то хлюпающий звук — то ли всхлипнул, то ли хохотнул так.

— Ну, раз ты такой добрый ко мне, ведун, то налей-ка мне еще браги из того кувшина.

— Налью, но ты сперва ответь: как Жюяга оказался на вашем двореище?

— Нууу... Толком и не припомню. Дольма и наша мать Добута холопами тут занимались, они же и дворню набирали. А я из какого-то похода вернулся, гляжу, а этот плешивый коня у меня принимает. Ну я и понял, что взяли ко двору.

Он опять кивнул на кувшин, но Озар даже не шевельнулся. Зато Моисей быстро подошел, налил в протянутый Вышебором кубок. И повернулся к Озару:

— Мне известно про Жуягу. Это Дольма, наш добрый господин, его принял. Жуяга крутился на Подоле, искал, к кому бы наняться, и подошел к Дольме. Хозяин переговорил с ним, узнал, что Жуяга умел в работе с лошадьми, вот и взял его в дом на разные работы. Ну а со скотиной Жуяга и впрямь отменно ладил. Стоило ему взять под свою опеку хилых лошадей или коров, и они тут же поднимались на ноги и набирались сил.

— Ну, если такой умелый был скотник, как вышло, что его Вышебору прислуживать поставили?

— Да мне он служил лишь от случая к случаю, — завозившись в кресле, буркнул Вышебор. — Как-то, когда меня боли в костях мучили, Жуяга сказал, что может делать мази и припарки, какие снимают нытье костное. Он и лошадей так лечил, потому взялся мне помочь. И, надо сказать, помогало. К тому же покорный он был. Не то что дерзкий Бивой. И хотя Бивой — наш прирощенный раб, однако порой он артачится, потому что разбаловали его в усадьбе. Хотя изначально везти меня в Почайну Бивой не отказывался. А потом как будто мары¹ его попутали: не пойду сказал — и все! Хорошо, что верный Жуяга сразу вызвался.

Озар слушал и хмурился. Потом вдруг подошел к Вышебору, опустился рядом на корточки.

— Давай я на ноги твои гляну. Я ведь тоже в лекарственных мазях знаюсь, как все наши. Может, и помогу.

Вышебор хотел было отказаться, но Озар быстро сорвал с его колен покрывало, положил руки на колени, стал ощупывать. Ноги в широких домотканых штанах дружинника были слабые, кривые, как будто кости изначально были вправлены не так, как надо. Но на ощупь

¹ Мары — духи, мутящие разум; когда что-то марится, мерещится. Отсюда и слово «кошмар», т. е. видение.

не такие уж слабые. Даже чуть дернулись, когда Озар посильнее нажал. А ведь если бесчувственные, то боли ощущать не должны были.

— А ну, убери руки, слугитель, — подался вперед Вышебор и вдруг оттолкнул волхва с такой силой, что Озар опрокинулся. — Знаю я ваших лекарей, — сказал зло Колоярович, будто выплюнул сквозь зубы, — таскали меня ко всяким знахарям. Думаешь, ты умнее тех, кто лекарскому ремеслу всю жизнь посвятил? Ты ведь перунником был, у изваяния Перуна Громовержца службу нес и обряды выполнял. Помню я тебя. Такие, как ты, больше покрасоваться перед священным огнем любят, чем настоящее дело знают. Так что не смей меня лапать!

Озар ничего больше не сказал, вышел из покоя. Слышно было, как поскрипывают ступени лестницы под его шагами.

Вышебор подождал, когда звук удалился, хмыкнул.

— Даже не поклонился, прощаясь. А все их волховская гордыня. Все себя ближе к небожителям считают, на простых смертных смотрят, как на пыль под ногами. Потому многие невзлюбили слугителей и не ворчали, когда весть о смене веры пошла.

И внимательно посмотрел на Моисея:

— Ты меня за дурня не считай, хазарин! Думаешь, этот хлыщ Перунов по облакам прочитал, что девок ты от меня таскал и бросал в заводи? Я ведь вызнал, что тебя он допытывал недавно.

Моисей смотрел на Вышебора, потом повалился в ноги.

— Прости, почтенный хозяин, прости! Но я будто под чарами был, когда он меня допытывал. Но если велишь, я все отрицать стану.

Вышебор запустил руку в густой чуб хазарина, несколько раз сильно рванул, но потом таки разжал пальцы.

— Пустое. Кто ему поверит теперь? Да и не то его нынче интересует. Все хочет вызнать про Дольму и его убийцу. Надо же ему как-то перед Добрыней выслужиться. Однако...

Он опять склонился к скорчившемуся у его ног Моисею.

— Надеюсь, у тебя хватило ума не все ему рассказывать? Или о том, как бывшей жене Дольме по наказу брата шею свернул, тоже поведал?

Хазарин яростно затряс головой, глаза его расширились.

— Нет, нет, почтенный! Зачем старое дело ворошить? Зачем память Дольмы порочить?

— Ну тогда молчи и про то, что я задумал сделать! — ударил по подлокотнику кресла Вышебор. — Поможешь мне в том. А не сможешь... Учти, пес хазарский, ты полностью в моих руках. И, кроме меня, тебя тут никто не защитит.

И воин Моисей, сильный, решительный, плечистый, сжался перед калекой и только покорно кивнул, поникнув головой.

Озар отошел от дверей без единого звука. Умел он почти неслышно двигаться, знал, где наступить, чтобы половица не скрипнула. Еще миг назад по лестнице спустился как обычный человек, а назад вернулся кошкой тихой. Вот и послушал, о чем по его ухodu Вышебор с хазарином говорили.

Но оказалось, что так же беззвучно двигаться мог не только он один. Какое-то движение уловил волхв в соседней светлице, а распахнул дверь — никого. Дверей в светлице было две — одна, которую Озар открыл, а другая вела к переходу, ведущему в покои хозяйки Мирины, и оттуда можно было выйти на верхнее гульбище над двором. Как и положено в самом светлом помещении, тут было три окна, одно из которых выводило на

галерею второго этажа. То есть выскользнуть в окно вполне возможно — красное оно тут, широкое, с открытыми по летнему времени ставнями. И выбраться из него на гульбище было проще простого. А то, что мгновение назад тут кто-то был, Озар не сомневался. Вон на ткацком стане еще и челнок качается.

Волхв усмехнулся, догадываясь, кто мог их подслушивать. Но сперва подошел туда, где за станом, ближе к окну, на широком полке были разложены какие-то берестяные свитки, абак лежал с деревянными кругляками на проволоке, восковые таблички и остро заточенное писало свинцовое.

— Эй, Яра, не убегай! — позвал волхв. — Я все равно хотел поговорить с тобой.

У нее хватило ума не упрямитесь.

— Как догадался, что я тут была? — спросила ключница, появляясь у входа.

— Ну, ты древлянская охотница, знаешь, как неслышно перейти с места на место. К тому же для тебя Вышебор — самая главная опасность тут. Сватал ведь тебя?

Яра вскинула подбородок, смотрела на волхва светлыми прозрачными глазами.

— Что с того? Ему отказали.

Озар уперся бедром в станок, сложил руки на груди. Вроде даже как улыбался.

— Старший из Колояровичей не стал настаивать на своих правах, понимая, что калеке править таким хозяйством никто не позволит. Да и не по сердцу ему торговыми делами заниматься. Однако он властолюбив, желает, чтобы с ним считались. И может потребовать то, в чем раньше Дольма отказал, — женой тебя взять. Ты волнуешься из-за этого. Вот и подслушивала. Ну а еще догадался, потому как у тебя тут все для работы разложено, — кивнул он на полку с абакон и табличками.

Яра на миг закусил губу. Губы ее были нежно-розовые, не яркие, но пухлые и красивого рисунка. Озар уловил себя на мысли, что не может отвести от них взгляд. Но заметил и некое веселое превосходство в ее глазах.

— Все-то ты понимаешь, ведун мудрый. Но что скажешь, если поправлю тебя? Не мои это труды на полоче, а госпожи нашей Мирины. Дольма обучал ее понемногу, рассчитывая однажды сделать из нее помощницу. Вот теперь это и пригодилось.

Озар резко выпрямился. Оказывается, он не ошибался, когда подозревал, что Мирина не так-то проста. Счету да учету дурочка простецкая вряд ли научится. А вот то, что она хозяйство сможет вести — вопреки тому, что тиун говорил, — надо учесть. Готова была Мирина к этой работе, знала, что справится.

Но Яра уже отвлекла его, сказав, что мечтать Вышебору о ней все равно что надеяться вновь вскочить на скакуна и понестись в чисто поле с воздетым мечом.

— Некогда он приказал Моисею затащить меня к нему в покой. Однако меня выручил Жуяга, шум поднял, созвал всех. Дольма тогда рассердился, даже стегнул плеткой своего хазарина. Но потом сам предлагал мне супружницей его брата увечно стать. Умело так предлагал, намекая, что я родней Колояровичей стану да возвышусь. Но я отказалась. А Моисей с тех пор не любит меня... как и я его. Но менять сейчас охранника как-то не с руки. Пусть уж в услужении у калеки Вышебора состоит. Пока тот его не прогонит.

— Думаешь, прогонит?

— Ну, как говорится, рука руку моет, но обе свербят. Так что у обоих у них рыльце в пушку. И все же не о том ты спрашиваешь, ведун. Лучше скажи: узнавал ли, где был Моисей прошлой ночью? Говорила же, на лавке под дверью Вышебора его не было.

Озар отмахнулся:

— В такие грозы часто у былых дружинников кости ломит, раны застарелые болят. Думаю, Моисей всю ночь при нем находился.

— Может, и так, а может, иначе.

Ключница приблизилась, и Озар уловил исходящий от нее аромат полевых трав, какими бабы волосы споласкивают. Отчего-то это его взволновало, даже попятился от нее.

Яра же сказала:

— Когда Вышебора мучают такие боли, я добавляю ему в питье маковой настойки. Чтобы не мучился, а спал сладко. Но вчера ее у меня не просили. Вот об этом и шла тебе сказать, однако ты тут тенью неслышной бродил. Тем и напугал меня. Не хотела, чтобы заметил.

— Маковой настойки? — сразу заинтересовался волхв. И вспомнилось, как они спали с Златигой прошлой ночью. — Значит, она у тебя всегда под рукой?

— У меня все под рукой. Только я могу взять. Хочешь посмотрим, сколько там? Может, еще кто брал?

Озар прошел за ней, смотрел, как, выбрав один из ключей, она отпирает обитый железными полосами ларь. Все-то у нее было в порядке разложено, все на месте, о чем она и сказала.

Тогда Озар о другом спросил:

— Когда тебя за Вышебора сватали, ты сама смогла на своем настоять или родичка Мирина заступилась?

Взгляд светлых глаз ключницы стал напряженным.

— Это уже дело прошлое, ведун. Не бывать этому браку и все. Но если тебе так важно выведать подробности, то скажу, что я тогда собиралась даже дом покинуть, если Дольма настаивать станет. Вот Мирина и поддержала меня. Я ведь все дела на себя взяла и справляюсь, а ей это удобно.

— А вы вообще близки с Мириной? — как бы между делом спросил Озар, раскачивая челнок стана на нитке. —

Может, она делилась с тобой или сокрушалась, что все никак понести от мужа не получается? Вторая бесплодная супружница Дольме вряд ли была нужна. Он мог бы ее обратно в леса древлянские отослать. Сам бы женился на тебе. Ты ведь тоже родня тамошнему старосте.

На лицо Яры словно тень набежала.

— Я для рода своего — ничто. А Мирину он никогда не отправил бы. Он гордился, что у него такая жена. Весь Киев о ее красе говорит, и Дольма этим страшно доволен был.

— Где сейчас Мирина?

— Неможется ей. У баб непраздных такое бывает.

Озар посмотрел на проход в сторону дверей Мирины. Подумал немного и прочь пошел.

Ко двору Колояровичей прибыли христианские священники, забрали обмотанное пеленами тело холопа Жуяги. Челядинцы вышли проститься, бабы опять всплакнули. Только купчиха Мирина все не показывалась. Накануне Озар видел ее возле открытого окошка. Стояла у себя в высокой одрине, наблюдала сверху, сама была с расплетенными косами, как дева-невеста. Через год-другой она и на людях может распустить волну своих волос, дав понять, что готова нового мужа выбирать. Но захочет ли? Она теперь госпожа вольная, что пожелает, то и делает. А родит ребенка, так для него будет стараться. Но сначала еще роди. Много баб родами уходят за кромку, в царство теней.

Озар отвернулся, смотрел, как попы вывозили тело раба. А те затагнули свои песнопения христианские, словно какого боярина провожали в последний путь. Ну, христианам сейчас надо стараться, чтобы все видели, какие они внимательные и уважительные со своими верующими. Холопа вон хоронят, а отпевают, как мужа нарочитого. Знали бы они...

После их ухода Озар опять расставил свои резные фигурки на столешнице, рассматривал. И хотя уже не сомневался, что убил хозяина именно Жуяга, надо было еще выяснить, кто мог заметить это... и смолчать о происшедшем, чтобы потом обо всем толково отчитаться перед Добрыней. То, что Жуяга сам такое надумал, князь-ему дядьке покажется странным. Да и не было особых поводов у холопа. Это Златига наивный считал, что Добрыне достаточно будет узнать о Жуяге и он этим удовлетворится. Нет, Добрыне важен повод, а не имя убийцы соляного купца.

Насчет того, что странная и неожиданная гибель Жуяги не взволнует воеводу, он не ошибся. Вернувшийся в усадьбу Златига так и сказал: дескать, Добрыня лишь выслушал и назад его отправил, заявив, мол, разбирайтесь да выясняйте, что и почему. Но Озара интересовало иное — то, что вызнал по его наказу дружинник на самой Хоревике про того же Хована.

— Я почти час болтал с дворовыми меховщика о всяком. Они похвалялись службой: удалой да ловкий у них хозяин, да и богат без меры. Но это я и сам заметил — и челяди у Хована поболее, чем у Дольмы, да и терем расписной до самого резного конька на крыше. Хован и сам не из бедных, а жена его Симания вообще из богатого купеческого рода. Как говорится, богатство к богатству тянется. Так что теперь у него половина купцов в Киеве через жену родня. Однако все они приверженцы старых богов. И все же Хован пошел сразу за Дольмой в реку Почайну в тот день. Эй, да ты хоть слушаешь, что говорю тебе?

Спросил так, потому что Озар вроде не перебивал и слушал, откинувшись на стену, но глаза были какие-то отсутствующие, думал о чем-то своем.

Это обидело дружинника. Буркнул, дескать, сам же давал задание, сам направил.

Озар перевел на него взгляд.

— За то, что справился, благодарю. Но с твоих слов как раз и выходит, что Хован тут ни при чем. У него такое положение, что рисковать он не станет. Это ранее я думал, что они в торговле соперники, но теперь понял, что просто Ховану надо было сойтись перед обрядом с Дольмой, чтобы тот не перечил, когда он со своими людьми сразу за ним спустится в воду во время крещения. Ну, чтобы князь его отметил за старание. Такому нарочитому купцу расположение Владимира не помещает, выделиться при нем желает. Всего и делов-то. Был момент, когда я подумывал, что Хован хочет гибели Дольмы, чтобы за молодой вдовой Мириной приударить, однако, если у него самого столь выгодный брак, он вряд ли пожелает ругаться с половиной Киева, даже будь Мирина-краса и по сердцу ему.

— Мирина? Я думал, что он на Будьку поглядывает.

— Да он Будьку просто за нос водит. Ему нужны свои глаза и уши в усадьбе соседа-соперника, вот и морочит девке голову. А эта глупышка на что-то надеется и старается для него.

— А не мог ли Хован подговорить Жуягу на убийство, чтобы самому стать первым купцом на Хоревнице? — потирая скулу, вслух размышлял Златига.

— Ну и зачем Жуяге ему помогать?

— Мало ли. Мог прельстить холопа серебром купец соседский.

— И?.. Человек не богатством силен, а родней, окружением. А кому немолодой одинокий Жуяга был бы нужен, даже с мошной серебра? Хотя... Я же говорил, что наши не зря не приняли Жуягу в служители. Может, глуп был, а глупый мог и на серебро позариться.

— Ну знаешь ли!.. — стукнул кулаком по колену Златига. — Ты как будто и не в Киеве обитал все это время.

Знаешь, как тут люди с богатством устраиваются? Мог и Жуягу Хован куда пристроить.

— И сразу бы все обратили внимание, что бывший холоп убитого Дольмы в рост пошел, да еще при посредничестве Хована-меховщика. Нет, Хован умен, раз сумел таким нарочитым стать, и рисковать бы поостерегся. Но собой он хорош. Вот и мог глянуться Мирине, и она с ним...

Последние слова Озар произнес совсем тихо, словно мысль потаенную высказал. Однако Златига слова те слышал и даже охнул.

— Ну ты сказанул! Да зачем Мирине, любимой жене и хозяйке, с каким-то Хованом сходиться и долей своей рисковать? У нее самой муж в самом соку, к тому же любящий.

— Да это я просто так, — отмахнулся Озар. — Подумалось вдруг, что тут краса богатая овдовела... А у Хована сколько детей от супружницы его?

— Есть одна дочка.

— А Симания Хована уже в годах. Значит, детей больше может и не быть. Ну да ладно, пустое это. Так, размышляю. Все одно теперь, когда Хован крестился, он с женой не разведется, не положено это у христиан. Так что оставим меховщика в покое. Все, что нужно, ты мне поведал, и думать о том мне больше нечего.

Златига завозился на лавке, тер грудь, где у горла виднелась тесемка крестика нательного. Потом вдруг сказал:

— А я ведь и еще кое-что для тебя вызнал, ведун. Встретил я на Подоле одного приказчика из лавок Мирины, попил с ним пива. И он поведал... Мирина вчера долго с тиуном Творимом оставалась, вроде как дела они обговаривали. Да только когда она вышла, лица на ней не было. Творим же улыбался, и слышали люди, как он сказывал, чтобы вдовица подумала о том, что лучше его никого для себя не найдет. И у него есть резон. Мирина-то

в делах не очень разбирается, а Творим мужик толковый, да и как жених еще в самом соку.

— Может, он цену себе набивал, как управляющий? — предположил Озар.

— А это уж ты разберись, ведун, — отозвался Златига.

Да, тут было о чем подумать. И Озар умолк, смотрел перед собой, размышлял. Пока опять не услышал со двора голос Тихона.

Но едва Озар вышел на крылечко, Тихон остановился, глянул на него исподлобья, потом отвернулся и пошел прочь. Ох и непримиримый же христианин этот мальчишка! Но Озару надо было с ним поговорить. Он не забыл, что Яра сказывала, будто Тихон мог что-то видеть из окошка.

— Эй, а ну постой, постреленок!

Куда там! Свернул за угол и был таков.

Однако Озар не отступал. Прошел за терем на хозяйский двор и увидел Тихона за сараями на стене-городне, но не одного, а с Лещом. Лещ на что-то указывал парнишке внизу, Тихон смотрел, а потом вдруг исчез за мощными заостренными бревнами палисада. Озар даже охнул от неожиданности, кинулся на стену. Но ничего особенного не случилось. Лещ как ни в чем не бывало стоял, склонившись над бревнами палисада, а Тихон что-то кричал ему снизу.

Озар догадался. Видать, еще вчера вечером Лещ заметил какую-то неполадку у основания примыкавшей ко двору городне, и мальчишка по его просьбе спустился, чтобы осмотреть все.

— Ты бы хоть обвязал его веревкой, — подходя, заметил волхв. — Высота-то тут немалая.

Лещ поглядел на волхва искоса.

— Ничего. Этот парнишка лазит как кошка. Ему не впервой. — И крикнул вниз: — Ну как там? В самом деле сгнило бревно в кладке или еще постоит?

Озар тоже стал наблюдать сверху. Видел, как Тихон, цепляясь парой кованых крючьев за бревенчатую стену, спустился туда, где бревна были вкопаны в выступы земной породы, повозился там, а потом вскинул голову и с улыбкой отозвался: постоят еще, крепкие. Лещ махнул, чтобы парнишка поднимался, но тот стал пробираться куда-то в сторону, держась за крючья, которые уверенно вставлял в пазы между бревен.

Озар поежился. Высота и в самом деле была немалая. Он вспомнил рассказ Вышебора, как его отец Колояр сбрасывал с крутых склонов Хоревицы находников-печенегов. Не так уж сложно было их отсюда валить, а донизу вряд ли уже кто живой долетал — наверняка разбивался в лепешку. Разве что можно было удержаться на кое-где проросших сквозь горную породу деревьях. Хотя были ли те деревца в ту пору? Лет пятнадцать уже с того набега прошло, если не более. Но как-то же взбирались копченые? Значит, и тогда какие-то березки, осинки росли на склоне. Вот и сейчас Тихон подобрался к одной из таких, крючья свои на пояс повесил, а сам стал по ней карабкаться. Березка начала клониться над бездной, а Тихон, к ужасу Озара, принялся еще сильнее ее раскачивать. И в какой-то миг, когда она приблизилась к стене, мальчишка ловко ухватился за какой-то сучок, торчавший из бревна, переместился и, отпустив деревце, начал карабкаться по выступам, цепляясь за какие-то трещины и выбоины. Да ловко так. Миг — и его рыжая голова уже оказалась над парашютом. Запыхавшийся был, но улыбался довольно.

— И правда как кошка лазит! — восхитился Озар.

Лещ потрепал парнишку по рыжим волосам.

— Удалец у нас растет, ох и удалец же!

— Но ты его это... все равно веревкой на будущее обвязывай, — посоветовал волхв. И поглядел вниз с опаской. А если бы постреленок сорвался?

Лещ хотел было увести Тихона со стены, говорил, что за такую помощь тот заслужил от Голицы медовый пряник, но Озар попросил парнишку задержаться.

— Мне есть о чем его порасспрашивать, — пояснил. — Ну а потом отведу его к Голице.

— Я и сам могу к ней пойти, — сказал Тихон и мотнул головой, уклоняясь от протянутой руки Озара.

Лещ поглядел на них обоих и двинулся прочь по стене. Тихон же, облокотившись о парапет, смотрел вдаль.

— Вижу, что не нравлюсь я тебе, дитя из Корсуня, — произнес Озар.

— Ты не девка, чтобы мне нравиться, — подражая бассистому голосу кого-то из взрослых, отозвался Тихон.

С его иноземным выговором это звучало забавно. Но Озару совсем не понравилось то, что потом добавил мальчик:

— Ты ненужный тут человек. Такие, как ты, Христа не любят.

— А за что мне его любить? — тоже прислонившись к парапету, спросил Озар. — Он для меня чужой. Всю жизнь я чтил своих богов, они мне близки были, я их понимал и слышал везде — в шуме листвы, в крике птиц, в порывах ветра. Вон несется облако по небосводу — значит, Стрибог ветренный дует на него, гонит над видокраем¹. Светит солнышко — значит, несется по небесному своду в своей колеснице ясный Хорос-солнышко. А ночь наступит, Месяц Месяцович взойдет в вышине — это тоже ясно и понятно. А Христос где? Кто его видел?

— Христос, он здесь, — приложил руку к груди Тихон. — Ты просто знаешь, что он есть, и живешь, стараясь следовать его учению и не творить зла.

¹ Видокрай — горизонт.

— А ведь кто-то сотворил зло, Тихон. И в вашем доме. Слышал, небось, что с Жуягой случилось?

— Так это его Буран затоптал во время грозы, — удивленно выгнул брови парнишка. Но затем о чем-то задумался, посуровел.

Тогда Озар склонился к нему и спросил:

— А не видел ли ты чего странного прошлой ночью, малец? Яра вон сказывала, будто марилося тебе всякое. Может, заметил нечто, о чем мне стоит поведать? Вроде как прошел ночью кто-то по двору. Было такое?

Тихон посмотрел прямо в глаза волхву:

— Странно, что именно ты об этом спрашиваешь.

— Отчего же странно, — ответил Озар после некоторой паузы. — Я здесь и приставлен, чтобы вопросы задавать.

— Ну да, конечно, — сказал Тихон, все так же глядя на него. Глаза у парнишки были рыжие, лишь немного темнее падавших на лоб рыжих прядей. — Но почему именно волхву такое поручили?

— Потому что Добрыня мне доверяет. И мне для него надо вызнать, что у вас происходит, дабы он мог отчитаться перед князем. Ведь это князь приказал разобраться, кто дурное на родителя твоего задумал да злодейство совершил.

Про свои догадки насчет Жуяги волхв парнишке не сказал. Зачем мальчика огорчать? Вон как он понурился. И пусть Тихон христианин непреклонный, но ведь дитя еще...

Тихон задумчиво смотрел на дальние березы на горе Детинке. Молчал. И Озар понял: не нравится ему язычник, перед которым ответ надо держать. Потому и не торопил мальчишку, тоже повернулся в сторону Детинки. Там среди березовых стволов порой мелькали белые девичьи рубахи. Была середина рабочего дня, однако девушки все же находили время, чтобы сбегать в священную рощу и надеть венок на ветви или ленту повязать — по поверьям,

так девушки-славницы вымаливали у Лады внимание понравившихся им молодцев. Красивый старый обычай. Ну как такое может быть кому-то не по душе? Исстари так жили люди в этих краях. А малец злится на волхва уже потому, что тому мило все родное и привычное, а не привезенное из чужих краев.

— Так будем говорить, парень? Учти, если ты что-то видел, мне помощь твоя может понадобиться.

— Видел, — тихо отозвался мальчик. — Но думал, что померещилось... Ходил кто-то ночью под ливнем. Как раз к конюшне прошел. Я из окошка заметил.

Озар напрягся:

— Когда это было? Под утро, ближе в полночи? Когда?

— Да не знаю я! Просто от грохота проснулся, потом заметил, что в окно заливает, и поднялся, хотел ставни поплотнее закрыть. А тут вспышка молнии. Вот я и увидел, как человек, накрытый белой шкурой... ну, или накидкой, прошел к конюшне. Тогда я даже испугался. Но успокоил себя мыслью, что это кто-то из наших решил проверить, как там кони.

— А ты не мог бы определить, кто это был?

— Говорю же, накрытый он был. К тому же темно было, дождь лил. Если бы не вспышка молнии, то, может, вообще не заметил бы. Поэтому не рассмотрел я его толком.

— Ну хоть высокий, низкий?

— Сгорбленный. И двигался как-то странно, будто переваливаясь. Но самого под покровом не рассмотрел.

— Что значит переваливался?

— Ну вот так ходил.

И мальчик, сгорбившись, стал ковылять, приволакивая ногу.

В этот миг Озару показалось, будто следит за ними кто-то. Они с Тихоном находились на забороле стены за двором, их было видно отовсюду. И от поварни, где у пе-

чи хлопотала Голица, и со двора, по которому сейчас шел Радко и поглядывал на них. А еще волхв заметил в открытом окне наблюдавшего за ними Вышебора, за которым маячила темная фигура Моисея.

— А ну, отойдем-ка в сторону. — И он взял Тихона под локоть.

Но тот вырвал руку.

— Никуда я с тобой не пойду, кудесник. Я сказал уже все, что мог сказать. Так что если я и заметил кого-то, то вряд ли смогу узнать. Что еще тебе от меня надо?

Тихон хотел уйти, однако Озар загородил ему путь.

— Еще один вопрос. Ты ведь ночуешь над горницей Вышебора. Оттуда слышно, что внизу происходит?

— Ну, когда Вышебор шум поднимает, я слышу.

— А как думаешь, он может ходить? Ноги его двигаются?

Тихон вдруг так побледнел, что веснушки на носу стали почти коричневыми.

— Я порой слышу странное... Такое — ляп-ляп. Так не ходят, но звук такой, будто лягушка большая прыгает.

И, произнеся это, Тихон словно испугался чего-то и убежал.

— Надо бы Тихона усадить у окошка его повалуши да заставить каждого из челядинцев пройти к конюшне, накрывшись шкурой, — советовал Златига после того, как Озар поведал ему, о чем говорил с мальчишкой.

Было это в послеобеденное время, когда все по обычаю отправились на отдых. Тихо-тихо было в тереме, только где-то оставленный незакрепленным ставень постукивал при порывах ветра.

Озар сидел с закрытыми глазами и размышлял. По-прежнему не поднимая век, ответил:

— Сложно мне с Тихоном дело иметь, сторонится он меня, смотрит волчонком. Я было хотел попросить, чтобы

Яра с ним поговорила, вижу, что ей страсть как любопытно. Но, знаешь ли, служивый, особого толку все равно не будет.

— Как это не будет! — развел руками Златига. — Если Тихон видел убийцу Жуюги, то эта ниточка и поведет к тому, кто тут злодействует. Ну а что Яра тебе советовала?

— Думаешь, я ее советов спрашивать буду? Она-то баба неглупая, однако себе на уме. Да и поймите вы оба, Тихон не рассмотрел как следует того, кто по двору ночью шастал. Много ли можно различить при вспышке молнии?

Златига сидел рядом, сопел недовольно. Тогда Озар повернулся к нему, положил руку на колено.

— Посуди сам, служивый, ведь тот, кто пробирался через двор, мало того, что накрылся, так еще, со слов Тихона, двигался странно, переваливаясь. Так, чтобы его не узнали. Или чтобы подозрение пало на калеку. И накрой мы сейчас кого угодно да заставь двигаться по двору, любой постарается изменить походку, только бы на него не подумали. Поверь, тот, кто совершил злодеяние, знал, что делал, ковыляя.

— Ну а если проверить, чем там мог злодей накрыть себя? Ведь это надо было достаточно большую полость взять, чтобы всего себя спрятать под ней.

Озар вздохнул, не поднимая век.

— Златига, овчина или козья шкура самые используемые в хозяйстве. Стоят они недорого, чистятся легко, долго служат. Это тебе не белая северная лиса или нежный мех рыси, это даже не горностай белоснежный, какой лишь для подчеркивания богатства и положения накидывают на себя и наряды украшают. А ты загляни в истобку или пройдишь по горницам — везде лари, лавки, а то и половицы овчинами покрыты. Вон и нам такие выдали, думаю, что и на скотном дворе подобные найдутся, только

поизношеннее, но вполне еще пригодные. Я, конечно, могу Яру расспросить, но учти, любой мог взять светлую полость с ларя или лавки и накрыться, чтобы пройтись под ливнем. А может, и простое покрывало из некрашеной холстины мог накинуть на себя убийца — Тихон точно не рассмотрел, а при вспышке молнии любое полотно может светлым показаться в ночи. Нет, единственное, что мы узнали от Тихона, — это лишь то, что кто-то действительно входил в конюшню во время ливня. Я на одно могу надеяться: Тихон мальчик сообразительный, он понял, как важно то, что он видел, поэтому сам может приглядеться ко всем да поразмыслить. Однако я ему не по нутру, сторонится он меня. Так что, скорее всего, тебе за ним придется приглядывать.

— Как за ним приглядывать? Он как отобедал, так и убежал куда-то. Кто его удержит?

— Ну тогда угомонись, служивый, и дай мне подумать.

Златига растянулся на скамье, вскоре и похрапывать начал, когда Озар вдруг потряс его за плечо.

— Слышишь, служивый, думаю, есть смысл пойти потолковать о дружбе Дольмы с Творимом тиуном. Он нынче сюда и носа не кажет, а раньше, как я понял, частенько заглядывал.

— Тебя, видать, опасается, — кряхтя, пробормотал Златига. — Ну ладно, идем. Но только...

Он не договорил, сопел носом. И волхв понял.

— Давай так: я схожу к соляным лавкам Колояровичей, а ты, чтобы над душой у меня не стоял, отправишься Светланку свою проведать. Ну, ну, не вращай глазищами. Говорил ведь уже, что не сбегу. А ты уж сам решай: под дверями лавки на Подоле будешь стоять, пока я Творима буду спрашивать, или сбéгаешь, куда душа зовет. Но к вечерней трапезе надо быть тут. Ну, чтобы отведать дивную стряпню Голицы и чтобы люди разное не болтали. Условились?

Златига ничего не ответил. Но затянул пояс и поспешил за уже направившимся к калитке волхвом. Спустившись с Хоревицы к Подолу, они разошлись в разные стороны.

Если в обед из-за прощания с убиенным Жуягой Голица выставила на стол только тюрю с льняным маслом и солью, то для вечерней трапезы подала отменную уху — наваристую, с крупными кусками осетра и налима, со сладкими корешками и зеленью. К ней выставила пироги с икрой, нарезанный лук и чеснок, зелень разнообразную, чтобы посыпать юшку. И запивалось все простоквашей или сывороткой. Домочадцы остались довольны, только Вышебор ворчал: ни браги тебе, ни меда, ни пива пенного.

— Через день подам тебе пиво, — заверила его Яра. — Я поставила солод, так что будет у нас пиво отменное.

— А с рынка в бочонке трудно было притащить? — продолжал ворчать Вышебор. — Вон Творим явился отужинать, мог бы и принести с собой или прислать кого из приказчиков, чтобы трапеза достойная вышла.

Творим и впрямь сидел среди собравшихся, заняв место по правую руку от волхва Озара, с которым они вместе пришли в усадьбу. Это многих подивило, косились на тиуна. Но он ел молча, ни на кого не смотрел, даже на Мирину, которая то и дело бросала на управляющего косые взгляды.

Да, на этот раз хозяйка Мирина сошла к вечеру из своих покоев и теперь восседала во главе стола, молчаливая, степенная, ела неспешно.

— А где же твой кривоватый охраннык, волхв? — спросила как бы между делом.

— У него жена вот-вот должна рожать, потому и пошел проведать.

— Хорош охранник, — только и молвила Мирина.

— Ага. Если бы я думал сбежать, уже давно бы скрылся, — отправляя в рот очередную ложку ухи, отозвался Озар. — Да только вот он я. Рады вы этому или нет.

Ему никто не ответил, но Озара это не обескуражило. Понятно, что доглядник в своем доме мало кому радости доставляет. Подняв глаза, волхв встретился взглядом с ключницей Ярой и прочитал в нем некое сочувствие. «Нечего жалеть меня, милая, — подумал он. — Сегодня я здесь, завтра поминай, как звали. Но дело свое я все же сделаю. И кому-то это очень не понравится».

Где-то вдали прогрехотал гром. Озар видел, как Тихон посмотрел в ту сторону и перекрестился. Так же, но с какой-то неуверенностью, перекрестился и Лещ, Голица и еще кое-кто из челядинцев в нижнем конце стола тоже сотворили знамение. Понятное дело, слугам нравится, что с принятием крещения их всех как бы и не полагалось рабами считать. Но ни братья Колояровичи, ни Мирина этот жест не повторили. Только когда трапезничать садились и Тихон прочел молитву, все выслушали ее, прежде чем начать есть.

И тут, уже отставив тарелку, Мирина сказала:

— Радко, дело к тебе есть.

Парень чуть не поперхнулся, поднял на нее глаза, посмотрел настороженно.

Мирина аккуратно вытерла платочком губы. Сидела в расшитом повое, хотя, как вдовица, вроде и не должна была так наряжаться. Но эта красавица не утруждала себя придерживаться траура дома, вон серьги блестят, бусы на груди в три ряда.

— Хватит тебе, Радомил, от дела летать. Мне помощь нужна, поэтому пойдешь завтра в наши лавки, заглянешь в склады, все проверишь. Творим тебе все укажет и пояснит. Так, Творим?

Тот, не глядя на хозяйку, согласно качнул головой в меховой шапке. Не снимал ее и за трапезой, даром что к вечеру опять душно было.

Мирина продолжала:

— Хочу, чтобы ты проследил, как готовят склады к приему соли. Не на этой седмице, так на следующей должны прибыть наши ладьи из Корсуня, вот и погляди, чтобы все было готово. Также надо будет договориться, чтобы места на Почайне к тому времени были свободны, дабы нашим стругам было куда пристать. Слышишь, надо договориться и дать залог, чтобы иные суда наши места не занимали. У Творима другие дела сейчас, вот и поручаю тебе.

Творим за все это время слова не молвил, не встрял. Хозяйка говорит — он должен лишь слушать и принимать к сведению. Надо же, а ведь уверял, что краса эта без его слова нужного ни одно дело не решит. Она же, как отметил Озар, все верно и толково говорила. И вспомнились табличка и абак на полке в верхней светлице. Ох и Мирина! При муже была пава павой, а как жизнь заставила, решила взять управление в свои руки. И Радко вон как на нее смотрит. Никакой угрюмости, а как будто даже с восхищением... или удивлением.

А вот Мирина на него не глянула до последнего момента. Ложку свою вытерла, поправила нитку блестящих бус на шее. Но, так и не получив ответа от парня, все же бросила в его сторону быстрый взгляд.

— Справишься?

Радко отвел глаза. Слова не сказал, но кивнул.

— Теперь к тебе дело, Лещ, — так же спокойно, не меняя тона, обратилась хозяйка к челядинцу. — Жуяги не стало, а надо, чтобы кто-то за лошадьми ухаживал. У нас дворовых не так уж много, поэтому нужно будет сходить на Подол и поговорить с лошаадниками. Может, кто кого и присоветует для найма.

Но не успел Лещ отозваться, как Озар поднял руку, привлекая к себе внимание.

— Этого делать не следует, госпожа. Пока идет дознание, тут лишние люди ни к чему.

Мирина бурно задышала, по блестящим бусам заскользили отсветы огня от стоявшей рядом плошки.

— Указывать мне будешь?

— Приходится.

Он чувствовал на себе множество взглядов, но продолжал невозмутимо доедать остатки ухи, заел пучком укропа и посмотрел на собравшихся. Многие отвели взгляд, но Мирина по-прежнему смотрела на него. И Озар молвил как можно приветливее:

— Ты пойми меня, хозяйюшка, у вас в доме убийца обитает. Вы все знаете друг друга — мне же надо увидеть в каждом из вас то, что иные не замечали. И выяснить, кто может быть злодеем. Если же новые слуги начнут под ногами крутиться, сложнее будет. Или вы сами не хотите узнать, кто среди вас зло сотворил? Тогда мне придется донести Добрыне на ваше самоуправство. Дескать, мешаете дознанию. А уж он, поверьте, иначе с вами разберется. Надобно ли вам это?

Возникла пауза. Сидевшие за столом стали переглядываться, но тут же отводили глаза, словно боялись заметить в ком-то из челядинцев что-то опасное.

— Мы можем скотника Медведко к лошадям приставить, — подала голос Яра. Сказала это спокойно и со знанием дела. — Людей у нас куда меньше, чем у того же соседа Хована. Но ведь обычно всегда справлялись.

— А и в самом деле, отчего на вашем хозяйстве так мало людей? — спросил Озар. — Я сегодня мимо усадьбы Хована прошел — там людей двор полон, как колос зерен. А у вас...

— У нас только те, кто нужен, — подал голос Вышебор. — Дольма не желал садить за стол столько ненужных

ртов. И в том я с ним согласен. Вот погоди, когда корабели наши придут, тогда и у нас шумно и людно будет. А кормить всякую захудалую родню и челядь, какой только подавай кормежку... Нет, тут Дольма был прав.

— Да и тебе, ведун, пришлось бы непросто, если бы у нас челяди расселилось столько же, сколько у Хована, — весело подытожил Радко. — С кем бы только толковать да визнавать всякое не пришлось. Умаялся бы.

Озар отметил, как эти двое сразу сплотились, когда надо было честь семьи поддержать. Но о другом подумал. В стольном граде и впрямь было принято кормить немало прихлебателей и приживалок, чтобы тем самым показать, сколь ты богат и хлебосолен. Дольма же этим похвалиться не мог. Выходит, скуп был. Или рачителен? Вон же говорят, что скоро его корабели придут.

Зарницы вспыхивали где-то вдаль, небо с востока светлело, а на западе ходили тучи. Накроет ли снова ливнем Киев-град или гроза пройдет стороной?

Радко сидел на ступеньках крыльца и при свете масляной лампы вырезал из дерева. Нож у него был острый, поделка из мягкой липы получалась красивая — сплетенные вместе колос и цветок. За такую цацку, да еще раскрашенную, на рынке не одну вервицу получить можно. В Киеве резьбой по дереву не занимался только ленивый, но кто-то мог от силы ложку смастерить, а у кого и цветы под ножом оживали. Как у того же Радко. Дольма однажды сказал меньшому брату, что он с такими руками мог бы на жизнь зарабатывать — наличники окон, карнизы теремов, все вплоть до девичьих прялок мог бы мастерить. Но при этом тот же Дольма добавил, чтобы парень даже не думал чем-то подобным заниматься. Иначе пусть домой не возвращается. Негоже купеческому брату подаваться в простые ремесленники.

«Эх, Дольма! — вздохнул Радко. — И сам не гам, и другому не дам». Не оценил брат, когда Радко удачно в поход ходил, да и к корабелям его не отпускал. Даже когда Радко сам сбежать решил и явился на ладью брата, его и не подумали пустить. А ведь Радко ничего так не хотелось, как отправиться в торговую поездку, чтобы доказать непримиримому Дольме, что и от меньшого Колояровича может быть толк. Но Дольма не верил в него. И когда кормчий с ладьи выдал его, донес купцу о том, что Радко задумал, тотчас по приказу Дольмы за младшим Колояровичем явился Моисей, скрутил, как раба непокорного, и доставил домой. А потом Дольма велел своему хазарину выпороть брата, не пожалел, не побоялся опозорить меньшого перед всей челядью. После этого Радко как с цепи сорвался — гулял, дрался, бузил, забирал из лавок Дольмы все, что пожелает. А тот ничего. Ну как сказать, ничего. Велел Моисею еще пару раз поколотить непутевого брата, когда тот уж слишком щедро раздавал и раздаривал его добро. А пожаловаться Радомил никому не мог. Засмеют. И не поймут. Тот, кто живет у родни нахлебником, права голоса не имеет. И это приводило Радко в ярость. Но ничего, он нашел способ, как отомстить Дольмилу за его постоянное пренебрежение.

И вспомнилось... Даже на губах заиграла недобрая улыбка.

Тут как раз мимо прошли Яра с Голицей. Радко проследил за ними взглядом. Их ключница хлопотливая вечно в заботах, но оттого, что она все на себя берет, в доме спокойно, незыблемо и надежно. Радко к этому уже привык, ему это нравилось. Правда, порой от безделья и тоски ему совсем грустно бывает. Раньше в конце дня они все собирались на гульбище и песни пели. Дружно пели, хорошо. Даже Вышебора из горницы притаскивали, и старший Колоярович тоже что-то глухо

порыкивал, пусть и не в лад, но беззлобно и немного забавно. А Мирина-то как замечательно пела! И как Загорка ей складно подпевала! Другие тоже песню поддерживали, душевно так, радостно. И Дольма сидел рядом, слушал, улыбался. Хорошее время было.

Песни и сейчас можно петь. Но не будут. Ведь еще и месяц не сменился с момента гибели Дольмы. Да и как-то не поется, когда этот сыч Озар все время рядом крутится, высматривает что-то, спрашивает и вынюхивает.

Радко вспомнил, как Озар задержал его после трапезы, задал все те же вопросы, что и другим задавал. Где был в тот день во время обряда? Что видел? Да что он, Радко, видел? Что надо, то и видел. Но сычу Озару просто объяснил, что все время подле брата находился, добавив, что за Жуягой не смотрел. Больно надо Колояровичу на плешивого холопа пялиться!

Сверху на двор упал сноп света. Это из Мирининой одрины, можно и тень ее рассмотреть. Вот постояла, отошла. А свечи палит, как в церкви на праздник. Любит древянка себя богатством мужа побаловать. Она вообще много чего любит...

А другая древянка Яра опять прошла мимо, на этот раз с Медведко. Стоят теперь у конюшни, разговаривают. Для Медведко ходить за лошадьми все же повышение по службе. Медведко — огромный, лохматый, чисто медведь. Яра же тоненькая, маленькая, кажется особо хрупкой рядом с ним.

Но через миг эта хрупкая дала отпор появившемуся у ворот Моисею. Раньше хазарина все побаивались, но это раньше, когда он всегда за плечом Дольмы стоял и мог выполнить по его указу все, что купец пожелает. Но после гибели Долемила Моисей заметно присмирел. Старался быть услужливым и неприметным, чтобы не прогнали. Даже успел к Вышебору пристроиться. И сей-

час явно хотел пронести для старшего Колояровича кувшин вина — видно, калека, не получив хмельного от ключницы, отправил хазарина за пойлом в город. Ну и что с того? Хотя пьяный Вышебор всей усадьбе морока. Так что не зря Яра гневается на Моисея, вон как напирает, ругается. Совсем хозяйкой себя тут почувствовала.

На помощь Яре пришел Озар. Этот тоже чувствует себя тут не последним человеком, уверенности волхву не занимать. А вот суровый Моисей явно побаивается его, сразу отдал кувшин, а сам проскочил мимо тенью. На ступеньках крыльца задел полой накидки Радко, но даже не извинился, побежал дальше. Ну вот, скоро и рык Вышебора раздался. Ничего, поорет старшой да спать уляжется.

Яра же поблагодарила волхва за поддержку и пошла с отнятым кувшином за терем. Озар же остался стоять у калитки. Дождался своего охранника, что ли? И Радко не ошибся. Вскоре и правда появился дружинник, сели они оба у ворот на лавке, беседуют. Ну чисто приятели добрые. Обаял служивого волхв, тот слушает его во всем, в глаза заглядывает.

Из-за терема вновь появилась Яра, стала подниматься на крыльцо. Радко немного подвинулся, но она, проходя мимо, все же похлопала ласково по плечу парня. Она всегда была с ним ласкова. Еще с тех пор, как приехала из лесов древлянских и жалела его, подростка, нелюбимого в доме.

Радко вспомнил, что ему пятнадцать зим минуло, когда Дольма привез в дом новую жену-раскрасавицу и ее белобрысую прислужницу. А незадолго до этого прежняя купчиха Збудислава упала с лестницы и сломала шею. Радко помнил, как тогда сокрушался по ней. Ведь именно он нашел Збудиславу под лестницей со странно вывернутой шеей. Жалко ее так стало. Збудислава

была тихая, добрая, слова никому поперек сказать не смела. Потому и слуги при ней совсем разболтались, работали, лишь когда сами того хотели. Другое дело при Мирине. Вернее, при Яре. Яра, которой тогда уже за двадцать зим перевалило, сперва все при Мирине состояла, прислуживала, но постепенно взяла все хозяйство на себя. Дольма тем был только доволен. Вот и отдал ей ключи от всех сундуков и ларей, заявив дворне, что всякий, кто новую ключницу не послушает, будет наказан строго. И постепенно люди привыкли к ее порядкам. Правда, пару сенных девок, какие ее не устроили, все же пришлось услатить со двора, новых взяли. Голица же с Ярой поладила сразу, довольна была, что у них теперь такая хозяйка толковая. Но еще больше Голица привязалась к Мирине, можно сказать, души в ней не чаяла. А вот братья Дольмы, Вышебор и Радко, долго привыкали к этой новой купчихе-красавице. Дольма вскоре после свадьбы вынужден был уехать по торговым делам, и Мирина тогда даже плакала, просила не оставлять ее среди непривычных ей людей. Но когда муж уехал, очень быстро вошла во вкус городской жизни. Яра понемногу брала на себя дела управления домом, а Мирину, которую Дольма богато одарил, что ни день наряды меняла, гуляла по шумному Киеву в сопровождении хмурого стража Моисея. Вышебор ворчал на нее, но она ему не перечила, да и особо не донимала. Он же был доволен, что в хозяйстве такой лад, у самого все чистое, еда вкусная, заботой он окружен. Только это была заслуга Яры, а не любившей праздно проводить время Мирины.

Радко тогда на Мирину засматривался, но при этом почему-то злился. Мирина же его едва замечала. Только когда он из похода вернулся, показалось, что и она его отличает. Порой так лукаво посмотрит своими дивными глазами, что у него дыхание перехватывает. Вот он

и решился, прижал ее как-то в сенях... Она крик не подняла и, как ему тогда показалось, не сильно противилась... Однако мужу своему купчиха-красавица о случившемся сразу же и донесла. Ну и началось. Дольма тогда разлютился, как никогда прежде, снова своего пса Моисея на Радко натравил. Ну ничего, Радомила было кому утешить, обойдется он и без Мирины, без красы ее несказанной. Но обиду все же надолго затаил. А Мирине хоть бы что, ходит павой, гостям приветливо улыбается, сидит подле мужа всем довольная, ластится к нему. Она умела быть очень ласковой, когда хотела...

Радко улыбнулся своим потаенным мыслям, сдул легкую стружку с обвивавшего деревянный колос деревянного же цветка. Надо будет какой-нибудь любушке подарить эту безделицу. Мало ли у него любушек по Киеву. Но сейчас эта мысль почему-то не грела. Тоскливо было. Хорошо, что хоть завтра есть чем заняться. Эта мысль его тешила даже больше, чем сам себе хотел признаться. Надо же, Мирина ему задание дала. Гм. Вот братец Дольма никакого дела ему не поручал, считал, что младший брат-вертопрах не справится. И ничего-то ему суровому не докажешь. Когда Радко из успешного похода на болгар вернулся, он даже никак не отреагировал. Сказал только:

— Будешь по свету мотаться, закончишь так же, как и Вышебор. Или как родитель наш Колояр. Или забыл уже, как отец выл, когда его старые раны мучили?

А вот Мирина...

Радко все же оставил свое место на ступеньках, когда приблизились Озар и Златига. Златига видел, что Лещ уже готов Лохмача с цепи спустить, а этот пес на дружинника порывивал, никак не мог привыкнуть к нему. Когда же волхв проходил мимо пса, тот даже поскуливал ласково, на лапы припадал, привлекая к себе внимание. Ну чисто колдун этот Озар, раз так быстро приручил

собаку сторожевую. А вот тиуна Творима Лохмач хоть и знал, но так и не полюбил. Заходился лаем, рвался с цепи, когда тот этим вечером покидал подворье.

Засунув резную поделку за пояс, Радко подошел к псу, почесал за ухом, смеясь, увернулся, когда Лохмач хотел его лизнуть. К ним подошел Тихон, присел на корточки и, в отличие от Радко, позволил псу облизать себя всего. На них упал сноп света из окна верхнего этажа — опять Мирина распахнула ставни, а свет в ее покое... ну чисто в церкви на праздник. И Яра ей ничего не скажет на это. Вон вышла опять из дома, снимает развешанные на веревках постиранные рубахи. И верно, а то гром постоянно в поднебесье грохочет, того и гляди опять польет ночью. Яра сложила белье в корзину и застыла, глядя на окошко купчихи, вздохнула. А о чем думала? Радко никогда не мог понять, что таится в светловолосой головке ключницы-вековухи.

— Слушай, Тишка, — склонился он к мальчику, — сможешь для меня кое-что сделать?

Тот повернулся, пытливо посмотрел. Тихон страсть как любил Радко, хотя Дольма и твердил сыну, что от Радомила одни неприятности, и предупредил, чтобы он даже не думал с ним сходиться. Но как-то все же сошлись.

— Видишь эту вещицу? — Радко достал из-за пояса свою деревянную поделку. — Я сейчас уйду, а ты передай ее нашей хозяйке. Она поймет, что к чему. А ты скажи ей, что, как месяц выйдет, я буду ждать ее за постройками Копырева конца, в том месте, где Поле вне града начинается. Там рошица есть у истоков ручья Кудрявца. Знает она это место, — улыбнулся каким-то своим мыслям Радко. И добавил: — Скажешь, что у меня дело к ней такое важное, что до утра не дотерпеть.

— Так гроза же скоро будет! — удивился Тихон.

Радко поглядел на небо. Проследил за облаками, плывущими в стороне, за звездами над Хоревицей и ответил, что по всем приметам ненастье пройдет стороной. А поговорить с хозяйкой укромно от других ему страсть как нужно. Он бросил быстрый взгляд на терем, на освещенное окошко одрины, на силуэты слуг на гульбище, на отдававшую им последние наказания Яру. И Озар там же сидит, довольный, молчаливый. Ох и не нравился же он Радко!

— Так сможешь выполнить незаметно то, что я тебе приказал, друг Тишка? Но только так, чтобы о том никто не прознал!

— Положись на меня! — с важностью ответил мальчик.

Яра держала в руках деревянные колос и цветок и в первый миг слова не могла вымолвить. Потом произнесла с дрожью в голосе:

— Так это он мне передал?

— Тебе. Сказал, мол, передай хозяйке, а она сама поймет, что к чему.

Резной толстый колос, обвитый деревянным цветком. Мастерски выполнено, залюбуешься. Яра стала догадываться, зачем Радко передал ей такой подарок. И поспешила отвернуться, словно опасалась, что и в полумраке Тихон заметит, как она покраснела.

— И место тебе назвал? — прошептала.

— Ага. Велел только, чтобы тайно все. Но уточнил, что место это ты точно знаешь — у истока Кудрявца в роще. Только ведь, Яра, ночь надвигается. Стемнело от туч ползущих, гроза кругами ходит. Может, мне с тобой пойти? Охранять буду, — добавил важно мальчик.

— Нет! — резко отказалась ключница. И, накинув длинную темную шаль, поспешила к выходу со двора.

— Куда это она, Тихон? — с гульбища окликнул Озар мальчика, оставшегося стоять в проеме открытой калитки.

— Все этому язычнику надо знать, — пробурчал под нос Тихон. Но ответить все же пришлось. — Дела у нее. Ждать буду.

И, прикрыв створку калитки, Тихон вышел и сел на завалинке под забором. Смотрел на небо. Вон звезды прямо над Хоревицей, а туча в стороне. Может, и впрямь грозу пронесет?

Яра сильно запыхалась, пробираясь сквозь заросли по склону вдоль берега Кудрявца. Вышки Копырева конца остались в стороне, рядом журчала вода, стекая по склону возвышенности. Яра поскользнулась на влажной земле, замерла на миг. Радко... Как он догадался? А ведь ни словом, ни взглядом не дал понять, что знает все. Что ж, лучше сразу все выяснить да обговорить, прежде чем этот вертопрах потом что-нибудь выкинет. С него станется. А Яре это совсем ни к чему.

Ночью в темноте одинокой женщине за сторожевыми вышками ходить небезопасно. Но Яра не боялась. Она умела с оружием обращаться — жизнь заставила, — да и нож при ней. А если случится что, она шум поднимет. Вон башни городен Копырева конца совсем недалеко, а охранники киевские не ленивые, вмиг откликнутся. И все же зачем Радко позвал ее? Что так срочно сказать хочет? Почему просто не подошел на своем дворике? Не хочет, чтобы остальные узнали? Или... или... Сердце гулко забилося в груди вековухи.

Она остановилась за рощей, стояла, кутаясь в темную шаль. Впереди раскинулось широкое поле, наполовину уже сжатое, пустынное. Ветер то налетал, то стихал. Где-то в стороне грохотало, но тут было тихо, так тихо...

Некогда древлянка Яра была отменной охотницей, проворной, умелой, могла всякое уловить и углядеть. И все же Радко приблизился к ней из-за кустов так легко и не-

приметно, что она даже охнула, когда его руки легли ей на плечи.

— Ты все же пришла, голубушка моя!

И дыхание горячее у затылка.

Яра какое-то время стояла не шевелясь, наслаждаясь мгновением. Радко!..

Она шепотом повторила его имя, словно произнести громче не имела права. Но она и не имела. А когда повернулась, когда при движении шаль сползла с ее головы...

Радко стремительно отпрянул:

— Яра?

Он охнул, стал отступать, растерянный, пораженный. А она только смотрела на него и чувствовала, как в груди нарастает холод. Не ее он ждал в условленном месте, не ее покликал!

Но не такова была ключница, чтобы показать, как ей больно.

— Зачем вызвал меня сюда, Радомил? Тихон сказал, что важно это. И я здесь. Слушаю тебя.

Голос ее был спокойный, холодный. Ничего-то они про нее не узнают. Он не узнает! Раз до сих пор так ничего и не понял.

— Я не тебя звал!

Она уже поняла. Но шагнула к нему.

— А кого?

Радко не ответил. Быстро развернулся и кинулся прочь.

И только гром загрохотал в вышине, словно кто-то демонически смеялся над ними.

Тихон то и дело зевал. Но продолжал дожидаться ушедшего Радко. И Яру. Мальчик немножко волновался за них обоих, гадал, зачем в такую ночь где-то бродить, когда дома так хорошо. А потом Тихон задремал,

отключился. И вздрогнул, когда рука Радко сильно сжала его плечо.

Парень тяжело дышал, как после бега.

— Ты что натворил, щенок! Я тебе что велел?

При вспышке молнии Тихон рассмотрел его лицо — ни тени прежней ласковой улыбки, скулы напряжены, брови сдвинуты.

— Ты... ты... — чуть ли не заикаясь, начал Тихон. — Ты велел хозяйке резную поделку передать. И сказать, где ждать ее будешь. И я все сделал, клянусь, — быстро перекрестился мальчик.

— Но ты ведь передал мою резьбу Яре?

— Ну да. Сам же сказал — хозяйке передать.

Радко рывком отбросил Тихона, и тот ударился спиной о столбы ограды. Радко же резко распахнул калитку, вошел во двор. Как раз капать начинало.

Зарычал Лохмач, но, подбежав, стал поскуливать радостно. Однако Радко был ему не рад, увернулся от скачущего пса. Хотел было пойти к себе на сеновал, побыть в одиночестве да обмозговать, что случилось. В этот момент мимо прошмыгнул Тихон, затрусил к крыльцу. И Радко окликнул его:

— Эй, погоди, малец!

Тихон подошел. И в темноте Радко уловил его сбивающееся дыхание.

— Ревешь, что ли?

— А что? Я тебя ждал, волновался, а ты вон какой злющий.

Радко понял, что перестарался. Не стоит ему сейчас ссориться с Тихоном. Надо постараться, чтобы мальчик молчал о своей ошибке. Вообще чтобы молчал обо всем.

Радко приобнял Тихона за плечо:

— Вот что. Видишь, сейчас польет как из ведра, так что пойдём-ка со мной. Поговорим маленько.

И он увлек парнишку за терем, в сторону хозяйских построек, к сеновалу, где предпочитал ночевать в последнее время.

Яра вернулась уже после того, как отшумела легкая быстрая гроза. Вошла в калитку, опустила засов. Нехорошо оставлять двор незапертым. Хотя с таким сторожем, как их Лохмач, особо опасаться нечего.

Яра медленно прошла по двору. Мокрая шаль тяжело давила на голову, плечи. Хотя, возвращаясь, она и старалась по пути укрыться под навесами воротных наверший, все равно промокла до нитки. Хорошо еще, что никого не встретила. Даже градские стражи-обходники переждали где-то шумный густой ливень, а нищие калеки не приставали, попрятавшись от дождя.

Она сперва прошла за дом, ходила между кладовых и клетей, словно искала что-то. Потом просто стояла, почти неразличимая во мраке в своей темной длинной шали. Вокруг ни души, тихо, только с навесов крыши капает. Терем в ночи казался черной громадой, но ключница знала на нем каждый выступ, каждый завиток резьбы на столбах и наличниках. Ей не хотелось никого видеть, ни с кем встречаться, потому даже мелькнула мысль взобраться наверх по резным перилам гульбища, а оттуда на верхнюю галерейку, чтобы пройти в светлицу, а там и в свою горенку, расположенную неподалеку. Когда-то, живя в древлянских лесах, она умела ловко карабкаться по деревьям и скалам. Но сейчас, подойдя к перилам, Яра вдруг подумала, что она уже не та дикая древлянка, какой ее привезли сюда, в стольный Киев-град. Она ключница в богатой городской усадьбе, уважаемая хозяйка. К лицу ли ей вытворять такое? Да и мокро все вокруг, скользко... К тому же, честно говоря, Яра не была уверена в былой сноровке, которую,

скорее всего, утратила за время спокойного житья в доме соляного купца, да на сытых харчах, да без каждодневных упражнений.

К ней подбежал Лохмач. Ткнулся мокрым носом в руку. И от ласки пса Яре стало как будто легче. Какое-то время гладила его, вздыхала о чем-то своем. Потом направилась в терем, миновала гульбище, прошла сени, где спали постояльцы. Старалась двигаться потише, хотя дружинник Златига так храпел, что и хлопни она дверью, никто бы не услышал. А вот волхв спит беззвучно, Яра уже давно это отметила.

Впрочем, Озар не спал. Он видел, как Яра темной тенью прошла через сени, как осторожно затворила двери. И только после этого он повернулся на бок и закрыл глаза.

ГЛАВА 8

Горничная Загорка еще с утра приготовила все, чтобы привести свою госпожу в надлежащий вид: и свекольный сок взболтала, чтобы губы хозяйки от него ярче стали, и огуречную мякину натолкла для омовения лица красавицы — протрешься таким, и кожа словно лунным светом отсвечивает. Этой мякиной Загорка и себе лицо намазала: говорят, веснушки хорошо выводит. Но как бы ни старалась Загорка подражать купчихе, все же понимала, что красотой с ней не сравнится. Да и кто с ней сравнится, с такой дивной... Ну прямо дева лебединая¹. Уж никак не длиннолицая, зубастая Загорка. Но ничего. Зато госпожа добрая, верной горничной отдала свое очелье с чеканкой, а к нему и височные подвески, словно из звездочек соединенных. Качнешь головой, а они так и колышутся, нежно касаясь щек. Красота! И богато смотрится. А на богатую и нарядную Загорку иной молодец наверняка обратит внимание, даже не заметив, что личико у нее конопатое, а зубы крупные и кривые. Так думалось Загорке.

Но когда она поднялась в одрину хозяйки, то сразу поняла — не до убранств и украшений той нынче. Мирина стояла на четвереньках у бадейки в углу, и ее всю выворачивало наизнанку. И так который день подряд...

— Ох, хозяйюшка, тяжело же вам приходится. Зато младенчик ваш ух и бедовый внутри! Ишь как растет, пробивается.

И ведь ласковое сказать хотела, но Мирина так зыркнула синими глазами из-под растрепанной волны волос,

¹ Дева лебединая — существо редкой красоты, олицетворение невероятной прелести.

что Загорка сразу притихла. О том, чтобы собирать госпожу к выходу, даже не заикнулась. Пусть отлежится. С утра ей всегда плохо, но ближе к полудню наверняка оправится да велит себя принарядить.

А вот кухарка Голица оказалась более сообразительной и сноровистой, чем Загорка. Явилась в одрину госпожи с целой крынкой ароматного мятного отвара.

— Вот, голубушка наша, я настой принесла, какой вам поможет. С вечера мяту настаивала густо, да и с утраца свеженького отвара добавила. Чтобы запах был крепче, чтобы помогло тебе. Испей-ка, милая моя. Когда бабу в тягости так мутит, мята стоялая самое то, что нужно.

Загорка не вмешивалась, замерла в стороне с обиженным видом. Надо же, в других теремах-усадьбах именно горничная самый близкий человек для хозяйки, а тут какая-то повариха все внимание госпожи на себя отвлекает. Ну чисто матушка родимая. А Загорку при этом могут и выставить. И ладно бы о делах хозяйских говорили, тут понять можно. Но Мирина в домашние дела не сильно-то вникает, все в доме на белобрысой вековухе Яре держится. И тем не менее именно с Голицей Мирина нет-нет да и закроется в одрине, шепчутся о чем-то. Загорке от этого обидно, хотя ей и рассказывали, что с первых дней, как Мирина вошла в дом женой купца Дольмы, так повелось.

Да и сейчас, выпив мятный настой и передохнув, Мирина, будто маленькая, прильнула головой к плечу кухарки, а та все голубила ее, утешала.

— Что ж поделаешь, милая, у баб, когда они в тягости, такое часто случается. Зато когда родишь да прижмешь к груди своего малыша, вот уж возрадуешься!

Мирина молчала. Никогда раньше она на хвори не жаловалась, здоровой была, красивой, спелой, как яблочко наливное. И хотя одно время пошли слухи, что и вторая

супружница соляного купца бесплодна, постепенно они затихли, ибо, глядя на румяную, статную Мирину, люди сошлись на том, что всему свой час. Ну а теперь вообще никто слова злого о Мирине сказать не посмеет.

— Эй, Загорка, а ну-ка поди помои вынеси, — кивком указала Голица служанке на бадью. — Стоишь как колода. Делом займись.

Ну, дело горничной как раз утешать госпожу. Да и с чего это кухарка ей приказывает? Ух и властная же Голица! Всего-то прислуга от печи, но взяла волю повышать голос на челядинцев. А ведь по положению в доме Загорка ее повыше будет, она теремная девка, а не пришлая с хозяйского двора.

Но не успела Загорка все это высказать, как Мирина подняла руку.

— Выполний, что тебе велено, девушка!

Ну не обидно ли? А приходится подчиниться.

Когда горничная удалилась, Мирина откинулась на пышные подушки и спросила:

— Что за дело у тебя, верная моя Голица?

Кухарка выждала немного, поправляя на голове повойник. И сказала:

— Я вот подумываю оженить сына своего Бивоя.

— И то ладно, — вздохнула Мирина. У самой под глазами круги, личико бледное, волосы сбились на одну сторону, а все равно красавица. — И кого присмотрела для сыночка? Кого-то на стороне или из своих? Девочек при нашем дворе хватает. Загорку мою за него не желаешь? Давай. Я ей приданое хорошее справлю. А может, Бивой на разбитную Будьку обратил внимание? Она пригожая, даже купец Хован на нее поглядывает.

Голица молча смотрела на госпожу. Лицо у кухарки круглое, щеки такие пухлые, что глаза кажутся узкими. И смотрит с хитрым прищуром.

— Зачем моему Бивою эта Загорка? — спросила Голица, чуть выждав. — Он что, не видит, что на роже ее противной будто горох молотили? Да мать ее словно от барана понесла — ну чисто овца овцой обликом.

— Ты мою девушку не обижай. Она хоть и не красавица, но с хорошим приданым...

— Говорю же, не нужна Бивою Загорка! — резко перебила Мирину Голица. И уже мягче продолжила: — Вы сами подумайте, Бивой мой славный парень. Да и по натуре своей добрый, покладистый.

— Как же, покладистый. Вспомни, как он уперся, когда Дольма к Почайне его в тот день кликал на обряд крепления.

— Я же вам сказывала, почему Бивой тогда отказался. Осраму не хотел на себя взять. Он хоть и простого положения, но гордый. Есть в кого. Зато в обычной жизни Бивой всегда послушен и незлобив, ну чисто сам Род-прародитель добрый. Да и собой парень хорош — сажень кося в плечах, усищи ну чисто варяжские.

— К чему ты клонишь, Голица?

Повариха еще пуще прищурилась. Склонилась к Мирине.

— А к тому, что какая-то холопка дворовая ему не подойдет. Зато при хорошей жене Бивой будет как иной боярин выглядеть. Чем не жених для вас?

Мирина настолько оторопела, что слова вымолвить не могла. А потом вдруг засмеялась, мелко и беззвучно.

— Это мне за холопа дворового идти? Да еще после Дольмы прославленного? — И схватила Голицу за пухлые руки. — Ты что, погубить меня надумала, кикимора?

— Отчего же погубить? — с силой отстранилась Голица. — Да и не тороплю я вас. Вам еще дитя родить надо, укрепиться в своем положении. А Бивоя можно тем временем услатить в торговое плавание. После того как кора-

белы вернутся да с делами управятся, они начнут к следующему походу готовиться. А вы Бивоя снова с ними отправите, уже как смотрящего за караваном судов. А вернется он... ну чем не купец будет! Кровь-то в нем хорошая, благородная. К тому же послушный он, с ним у вас бед не будет. Я сама за тем присмотрю. Вы же будете, как и теперь, сама себе хозяйка. С таким-то мужем покладистым.

Мирина смотрела на нее, широко распахнув ясные барвинковые очи. А заговорила... Голос был охрипшим, как после удушья:

— Ты что же, не соображаешь? Да меня люди засмеют! Позор мой на весь Киев известен станет. Чтобы богатая вдовица да за холопа пошла!

— Я же сказала... — начала Голица, но Мирина резко вскочила. И ее тут же повело. Голова пошла кругом, и ей пришлось ухватиться за резной столбик изголовья, чтобы не упасть. А Голица тут как тут, поддержала, мягко усадила обратно.

— А какой муж вам еще нужен? Решили кого-то из людей князя присмотреть? Ха, я ваш гонор знаю. Да только не всякий муж с подворья Владимира будет столь учтив и покладист, как вы привыкли. Или думаете, что Радко непутевый вам лучшим мужем станет? Он-то пригожий парень, но что у этого оглашенного на уме... Вам ли его не знать? Такой, как он, немало бед вам принести может. Сами должны понимать.

Мирина мелко дрожала, дышала бурно. А Голица уже услужливо налила ей в чашу мятного отвара, но прежде чем протянуть, сама сначала пригубила.

— Ох и хорош! Словно холодком от единого глотка повеяло. Я пробовала прежде, чем вам нести. Что попало не подам.

Мирина послушно отпила из поднесенной чаши. Смотрела перед собой расширившимися глазами.

— Не ожидала я от тебя такого, Голица.

— Говорю же, не тороплю вас. Тут с умом подойти надо. А что я не дура, вы сами знаете, — похлопала она по руке хозяйку. И хохотнула, колыхнувшись всем телом. — Ну не за Вышебора же вам идти! Сами это понимаете. Хотя он и не против. И сила у него мужская есть. И учтите, без присмотра Дольмы, да еще при Моисее верном, он на всякое решиться может.

Мирина посмотрела на кухарку, и ее бездонные густосиние глаза наполнились слезами.

— Погубишь ты меня, баба глупая. А того не ведаешь, что Творим меня уже сватает. А он много зла мне сделать может. Дольма-то ему сознался, что бесплодный.

— Как же бесплодный, если вы в тягости? — пожалала плечами повариха. — И пусть Творим голову вам не морочит. Мы всем двором против него пойдем, если нужно будет. Уж тут я настрою людей. Я смогу, — подбоченилась она.

Мирина поникла. Голова ее склонилась, как цветок на стебле, пышные, словно мех соболя, волосы упали, скрывая лицо.

— Я обдумаю все, Голица, — молвила покорно.

— Ну вот и ладно. Повторюсь, что не тороплю. Вы разродитесь сперва. А до той поры я донимать вас не стану.

И, с важным видом перекрестив хозяйку, Голица вышла, не забыв при этом поклониться у дверей. Как и положено. Только в ее заплывших глазах горели недобрые искорки. Пусть хозяйка поймет, с кем дело имеет.

И Мирина поняла. Была словно каменная, когда вернувшаяся Загорка обмывала и наряжала ее. Дважды спросила, не сойдет ли хозяйка к трапезе. Яра сказывала, что окрошку прохладную на завтрак подадут. Запахов от нее жирных и мутящих не исходит, свеженькая, так что хозяйке, может, и понравится. Но Мирина даже не ответила. И Загорка пошла доложить, что госпожа

и на этот раз у себя останется. Бывает такое с непраздными. Покой им нужен.

Яра позже приходила справиться, что с родичкой. Видела, что Мирина сама не своя. Ее отчет почти не слушала, но Яра все же сообщила: и баню сегодня сготовит, и солод для пива поставлен, вон Вышебор все просит, не отстает. А с рынка брать пиво в такое хозяйство как-то не к лицу. Сами справятся. А еще Яру волнует, что Тихон куда-то запропастился. Ключница заходила к нему с утра в повалушу, а паренька уже не было на месте. Не давала ли ему каких поручений госпожа? Но Мирина лишь поглядела странно и отвернулась. А Яра какое-то время стояла рядом, смотрела внимательно на молодую вдову. Та сидела, пила мятный настой и молчала, устремив туманный взор внутрь себя. Хотела бы Яра вызнать ее мысли. Однако ни сейчас, ни ранее Мирина не была с отданной ей в прислужницы вековой откровенна. Кажется, от одного рода в Киев приехали, должны друг дружки держаться, но никогда дочка старосты древлянского не была с ней прямодушна, всегда давала понять, что она госпожа, а Яра раба ее. И хотя Мирина зла ей не делала, даже вступилась, когда Вышебор заикнулся, что возьмет за себя Ярозиму, все равно они как чужие были.

Мирина полностью пришла в себя только ближе к полудню. Вышла в светлицу, склонилась над берестяными свитками. Творим давеча говорил что-то о закупах¹, дескать, надо проверить, за кем долги числятся. Он-то и сам может заняться закупами, однако ранее этим Дольма занимался, так что пусть теперь вдова все просмотрит

¹ Закупы — обычно обедневшие крестьяне, какие брали у хозяина в долг, когда зерном, когда участком земли или инвентарем. Свой долг крестьяне отработывали на господской земле до выплаты долга. По сути зависимые крестьяне.

да решит, как быть. Мирина, чтобы отвлечься от горестных мыслей, стала просматривать значки и цифры, какие были отмечены на бересте, сперва словно и не видела их, но постепенно начала понемногу вникать. Ее же это хозяйство, и чем скорее она начнет в нем разбираться, тем меньше от тиуна будет зависима. Да и проехаться по селищам и спросить, как там с должниками, лучше не Твориму, а... Она бы Радко это поручила. Он-то вертопрах, но своих смердов в селищах за Киевом хорошо знает. Надо же ей в конце концов наладить с ним отношения. Все ж таки деверь как-никак. Хотя и непросто ей с ним будет...

Мирина покликнула в окошко Яру. Когда та явилась, купчиха справилась, когда Радомил обещал вернуться. Яра доложила, что Радко еще с утра отбыл по поручению купчихи и вестей о нем до сих пор нет. Мирина сама ему наказ дала, так что навряд ли он скоро вернется. Важный такой уходил.

— Когда явится, пусть ко мне зайдет, — приказала Мирина.

— Зачем он тебе? — негромко спросила Яра.

Вопрос этот подивил Мирину. Повернулась, посмотрела на ключницу, брови соболиные выгнула изумленно.

— Что означает твое «зачем»? Я, что ли, тут не хозяйка, чтобы с него спросить?

Яра опустила очи долу. Вышла смиренно.

Мирина сразу и забыла о ней. Все старалась вникнуть в принесенные вчера Творимом записи. Он нарочно так криво писал, что едва разберешь. При Дольме все чин чинарем выписывал, в столбик. Дольма, пытаясь научить жену в делах разбираться, указывал, как Творим толково все ему подает. Тут же... Творим был уверен, что Мирина без него не управится, и старался ее запутать. Но ничего, она неплохой ученицей у Дольмы была.

Вот и Творима рано или поздно на место поставит. Чем бы он ее не запугивал. А вот с Голицей... Эта баба еще может ей бед наделать.

И задумалась красавица Мирина. Сидела, подперев подбородок кулачком, смотрела перед собой невидящим взором.

Такой застывшей, погруженной в думы и застал ее поднявшийся в светлицу Озар. Замер в проходе, засмотрелся. Ишь какая! Ну чисто матрона византийская. Платье темного сукна от колен до остроносых башмачков в пестрой блестящей парче, такой же и рукава обшиты. Никакого тебе однотонного одеяния вдовицы горькой. Да и покрывало на голове голубое, яркое, очелье ажурное блестит чеканкой позолоченной. Любит наряжаться да красу свою множить вдова соляного Дольмы. А вот вспоминает о муже убиенном хоть изредка? Наверное. Вон какая грустная сидит.

Озар покашлял в кулак, чтобы привлечь ее внимание.

— Прости, что побеспокоил тебя, хозяйка. Я уважаю твое горе, но все одно давно нам с тобой переговорить надо было. Сейчас, думаю, самое время.

Однако начинать беседу не спешил. Просто смотрел на вдову, причем восхищенно, как и полагается созерцать красоту несказанную. Пусть Мирина поймет, что он любит ее. И она это отметила, даже румянцем вспыхнула. Любят такие, как она, когда ими восторгаются. Даже колты¹ блестящие у висков поправила, прежде чем сказать:

— Говори уже, раз явился.

Самой же словно легче на душе сделалось. Подумала: разве такая, как она, пропадет, когда многим столь мила?

¹ Колты — древнерусские женские украшения, подвески, крепившиеся к головному убору и свисавшие вдоль висков и щек, обычно богато украшенные.

Разве не найдет заступника? Того же сильного, уверенного в себе ведуна Озара. О нем челядь всякое болтала, поначалу многие побаивались, но потом, кажется, ко двору он пришелся. Девки-чернавки твердят, что Озар добрый да внимательный, и Бивой сказывал, что не донимает его чужак-доглядник, лишь иногда спросит о чем-нибудь. Но спрашивать он сюда и приставлен. А что Вышебор его опасается, так Мирине это даже нравится. Моисей при нем тоже ходит тише воды, ниже травы. Вот Лешу, правда, он не по душе пришелся. Ну да за Лещом Голица, которой доглядник не люб. К тому же Голица сама себе на уме, ее мнение сейчас Мирине не указка.

А еще молодая вдова в который раз отметила, что волхв хорош собой. Рослый, плечистый, грива волос за плечи русой волной ниспадает. Впрочем, у волхвов всегда волосы не стрижены, этим никого не удивишь. Но обычно волхвы все длиннородые, а у этого бородка короткая, аккуратная, Озару она идет. Вот бы заручиться его поддержкой! Этот знает, как на людей влиять. Вон его почти не видно, а уже имеет влияние в усадьбе. Все с ним считаются.

— Присаживайся, Озар, — указала на лавку у окна Мирина. — А то как холоп повинный стоишь, мнешься у порога.

Он послушался. Разговор начал с того, что жалеет о том, что не были они знакомы ранее. Слышать-то о ней он слышал, мол, есть в Киеве жена дивная, краса несказанная, а вот встречать не доводилось.

— Так ты же при большом капище служил, — улыбнулась ему лукаво Мирина. — А мне мой муж христианин не позволял туда хаживать. Даже когда уезжал по делам, всегда упреждал, чтобы демонам вашим я не поклонялась.

— Хороша та жена, которая мужа слушает, — кивнул Озар. — Но вот сказывали мне, что, когда Дольма родичку твою Яру надумал за Вышебора отдать, именно ты за нее встала и воспротивилась. И настояла на своем. Так что слово твое тут было не последнее.

— Ну так я ему все-таки водимая жена, не меньшеца покорная. Да и Яра за себя постоять может. Гордячка она, сама сумела отговориться. Дольма даже гневался на нее, обещал поговорить с непокорной вековухой и своего добиться.

Озар внимательно слушал ее. Затем, поправив ремешок, удерживающий волосы вокруг чела, посмотрел на Мирину лукаво, даже подмигнул.

— Ну, это ваши семейные дела. Меня, честно говоря, другое подивило. Я ведь старым богам служу, при которых и ты выросла, а потому интересно мне: как же легко ты стала избегать капищ. Или у вас, древлян лесных, наших небожителей уже не почитают?

Ну как не почитают, усмехнулась Мирина. У себя в племени она все обряды выполняла, во всех игрищах участвовала. Тогда ей это забавным казалось. Но чтобы особо задумываться про все таинства обрядные и их связь с богами — так нет. До того ли ей было, если давно знала, что не им судьбу ее решать и что не останется она в селище надолго. Мирину Дольма еще девчонкой приметил, из-за нее выбрал их селище для торговой мены медов на свою соль. А как подрастать она стала, то Дольма и сговорился с ее отцом, объяснил, что, дескать, дома у него жена хвора да бесплодная, люди уверены, что долго не заживется его купчиха. И когда придет ее час, он сразу приедет к древлянам за Мириной, увезет дочь старосты в стольный Киев, по праву руку от себя посадит, женой наречет. И все это в их селище знали. Да только хвора купчиха Дольмы все жила, все тянулись ее денечки. А Мирина ждала.

Тут Озар решил прервать предавшуюся воспоминаниям женщину:

— А ведь прежняя супружница Дольмы не была хворой. Значит, получается, что обманывал вас Дольма. Но то, что его Збудислава бесплодной была, об этом в Киеве многие говорили. Правда, от бесплодия бабы не умирают. Так что взял тебя Дольма из селища уже после того, как приказал погубить ее.

Мирина часто заморгала ресницами. Длинные они у нее были, чисто крылья бабочки. А рот похож на спелый, сочный плод. Особенно когда приоткрыла его удивленно. И по ее виду изумленному Озар понял, что Мирина ничего о смертоубийстве Збудиславы не подозревала.

— Уж такое скажешь, — замахала она на волхва руками.

— Да вот скажу, — склонился к ней Озар. И взгляд его стал твердым, внимательным. — Ты в чаще жила, ждала своего часа, а Дольма о тебе все думал, хотел женой взять. Бесспорно, у него дела с твоей родней имелись, но и то, что ты полонила купца киевского, не отнять. Полюбил он тебя сильно за красу твою дивную, но еще больше мечтал, чтобы ты, молодая да крепкая, нарожала ему детей, дабы было кому наследство свое передать. Раз уж Збудислава этого не смогла. И вот не стало Збудиславы, вы поженились, а детей у соляного купца как не было, так и нет. Сколько лет ты с ним прожила бездетной? Как я вызнал, четыре года этим летом исполнилось. Неужто плохо тебя покрывал все эти годы супруг твой? Такую-то красавицу-жену! Думаю, ни одной ночи вне одрины супружеской не провел. Загорка твоя, да и другие тоже, поговаривали, что после молитвы перед иконой в конце дня Дольма сразу к тебе навверх поднимался. А ты все пустая и пустая. Думаешь, люди не болтали, что и ты пустоцвет? Словно порчу кто навел на нарочитого купца, раз ему только бесплодные

бабы попадаются. И не сомневаюсь я, что поговаривал с тобой об этом и сам Дольма, гневался, что дитя ты никак зачать не можешь. И наверняка упреждал, что если детей не будет, то назад в чашу вернет. Была бы ты венчанной супругой, как та же христианка Збудислава, он бы с тобой не мог так просто расстаться. Однако Дольма, сам будучи христианином, не зря тебя к попам не водил. Думал, что если не сладится с тобой, то отправит обратно, а сам... Баб, что ли, на его век не хватит, какие ему рожать будут? Или не будут... Как думаешь? Но мог ли сам Дольма зачать дитя? Горько такому, как он, не иметь сына-наследника. Ну, не Тихону же богатство родовое отдавать. Тихон ведь не его сын.

— Не его сын... — как эхо, повторила Мирина. Даже не удивилась, словно знала.

Озар довольно потянулся к бороде, желая погладить, но лишь ухватил воздух. Эка напасть! И он строго продолжил:

— Скажи, Мирина, тебе ведь страсть как не хотелось возвращаться с позором обратно в чащи. Особенно после того, как ты тут прижилась в богатстве и славе. Потому у тебя могло возникнуть желание избавиться от мужа. Бесплоден он был или нет, но ты понимала, что разочаровался в тебе супружник. Строг с тобой стал, даже на капище киевское ходить не позволял. Все держал, как голубицу в клетке, без сопровождения никуда со двора не пускал. А если и выводил, то лишь затем, чтобы похвалиться женой-красавицей. Но если уже пошла молва, что и ты пустая, как заброшенный пустырь, если насмешки пошли, то какая тут похвальба? Думаю, и впрямь он думал отправить тебя восвояси. И это тебя пугало. Вот ты и могла...

— Дольма бы меня не усла! — резко подскочила Мирина. Даже свитки на пол попадали, но она и не заметила. — Не посмел бы усласть хотя бы потому, что родитель мой

не просто староста древлянский, но и погостом¹ правит, к нему многие окрестные мужи прислушиваются. И поступи со мной Дольма плохо, отец немало неприятностей ему мог бы наделать. Уж меха и меда на соль менять Дольме точно не пришлось бы у древлян. А какому купцу захочется от налаженного дела отказаться да на стороне все сызнова начинать?

Озар посмотрел на нее внимательнее. Надо же, думал, что красавица в беспредельной к ней любви мужа начнет убеждать, а она вон как завернула. Пусть и хлопает ресницами, однако зрит в корень, на дела торговые перешла. И уж точно не так проста Мирина, как хочет казаться. Но тем она и опаснее.

— Думаю, подобное его и впрямь остановило бы, — согласился Озар. И вновь бросил пристальный взгляд на купчиху. — Однако лишь на какое-то время. А вот что бы он сделал, если бы вдруг ты оказалась брюхатой... но не от него. Муж-то твой бесплодным был. И понял это. И если ты сообщила бы, что дитяносишь, то как бы он с тобой поступил? Думал бы о выгоде, если бы ты ему нагулыша стороннего в наследники Колоярова рода навязала? Нет. Он избавился бы от тебя, и это так же верно, как и то, что Перун велик. Поэтому, дабы избежать беды, ты и могла нанять кого-то, чтобы Дольму порешили. В своем доме ты этого сделать не могла, а вот в толпе... да в речке Почайне, где столпотворение всего града было, твой человек и погубил его. Так говорю?

Мирина вдруг заплакала. Надо же, еще миг назад Озар ей даже пригожим казался, а теперь врага опасного в нем

¹ Погост — маленький городок, куда свозили дань с ближайшей округи или — в ранний период полюдья — останавливалась дружина. Т. е. тот, кто управлял погостом, был очень значимый человек в окрестных землях. Значение же «кладбище» это слово приобрело позже, когда от системы полюдья не осталось воспоминаний.

видела. Такое наговаривает... И так складно, так ужасно складно...

— Я не осмелилась бы на Дольму зло задумать. Я боялась его. И думала, что он обрадуется, когда поймет, что дитя во мне.

При этом Мирина прижала руки к животу, словно хотела защитить жизнь, таившуюся в ней. И осознание того, что она оберегает не только себя, но и дитя, придало ей силы. Она вытерла слезы краем головного покрывала и взглянула на волхва своими дивными барвинковыми очами — но теперь колючие они у нее стали, острые. А губы надула обиженно — это уже по привычке.

— Ведунюм себя выказываешь, Озар-перунник. А на деле глуп ты, как воротный столб. Ха! Насочинял себе, что Дольма бесплоден! А чье же тогда дитя во мне?

— Это тебе виднее, красавица. А вот Дольма в своем бесплодии кое-кому признался. Да и сама пойми, разве такой пригожий муж не валял в Киеве баб, охочих до его ласки? Да только никогда никто не сказывал, что нагулыши от него имеются.

— А кто-то искал этих нагулышей? К тому же Дольма во Христа веровал, потому греха боялся, вот подолы на стороне и не задирает. А то, что кому-то сказал о своих подозрениях в бесплодии... Ну так чего в горький час не скажешь сгоряча. Докажи теперь это, когда Дольма уже в сырой земле лежит. Это Творим тебе наболтал... Я видела, как вы вдруг вчера вместе с ним явились. Думал напугать меня этим? Наверняка на его речи пустые теперь ссылаешься. Однако тиун и меня хотел припугнуть, чтобы власть надо мной иметь. Размечтался Творим, что с перепугу я ему в ноги кинусь, а там и мужем соглашусь назвать. Однако я прямо в лицо ему рассмеялась. Как и тебе сейчас. Ха-ха-ха! — делано засмеялась красавица.

Озар тоже улыбнулся. Ишь как разошлась! И ей это идет. Щеки пылают, очи горят. А ведь еще недавно слова Озара про Тихона купчиху не удивили. И волхв напомнил это.

— Ты же спокойно приняла весть о том, что муж твой взял в дом чужого ему Тихона и выдал его за своего сына со стороны. Дольму-то понять можно: так он отводил от себя подозрение в бесплодии. Но брал он мальчишку от гулящей корсунской бабы, какая от кого только не могла забеременеть. Однако Дольма будто и не сомневался. И это при том, что парнишка на него совсем не похож. Нет в нем крови Колояровичей. Русые они или темные. А Тихон рыжий весь.

Мирина оправила парчовые отвороты рукавов, перевела дыхание.

— Говори что хочешь, волхв, на каких только богов не ссылайся, да только никто тебе не поверит, что Тихон не дитя Дольмы. А то, что парнишка рыжий... Так ведь и дед, и отец Колояра были рыжими. Сам Колояр в мать-славянку пошел обликом, а до этого в роду от варягов-прародителей все были рыжие, как котлы медные. Вот и Тихон такой. И если не веришь мне, то Леща расспроси. Он помнит Судислава, отца Колояра, который от варяга Глума родился. Да и как не помнить, если Лещ сам брат Колояру по отцу. Судислав потешился с сенной девушкой-рабыней, вот и родился Лещ. В отца ликом Лещ не пошел, а варяжская рыжина в их с Голицей сыне Бивое проявилась. Как же такой мудрый ведун, как ты, этого не проведал? Так знай, что Бивой не в отца и не в мать пошел, а в варяжскую кровь Колояровичей, что от Судислава и Глума идет.

— Ну, так далеко я не заглядывал, — вздохнул Озар. Но явно был озадачен. И все же не хотел отступить. Пусть купчиха и хорохорится, но еще нажать на нее можно.

И он с ходу спросил, зачем она в Почайне в тот день почти голая вертелась, стараясь привлечь внимание к себе? От кого оторвать взгляд хотела?

Этот вопрос красавицу только потешил. Даже заулыбалась. Ну да, рубаха на ней была тонкого льна, вот мокрая и прилипла к телу. И да, она вертелась, брызгалась водой, как и многие другие. А что? Разве грех покрасоваться перед людьми, когда есть что показать?

В этом была вся Мирина. Ей пленять и привлекать взоры было слаще всего. А Озара она уже не боялась. Не докажет он ничего. Ведун, видишь ли!..

В итоге Озар ушел от нее раздосадованный. Думал, напугает красавицу, она и поддастся. А она вон как повернула. Но про Бивоя ему вызнать все же следует.

Внизу в истобке трудолюбивая Любуша протирала мебель. Других девок не было видно. На вопрос Озара девушка ответила, что Загорка в город ушла по поручению хозяйки, а Будьку Яра отправила на речку рубахи выполоскать. С прошлого вечера они отмокали в корыте с золой, пенились, и теперь их надо было чистой водой промыть. При этом Любуша вздохнула: в такой-то погожий день ей тоже хотелось куда-нибудь пойти из усадьбы, да только Яра наказала работать.

День и в самом деле был дивно хорош. После дождей солнце сияло, как умытое, даже от бревен частокола усадьбы веяло свежестью. Но тешить душу в закрытой усадьбе — это не то, сейчас бы пойти на склоны киевские и на простор над Днепром поглядеть, на зеленые дали заречные. Потому-то все разошлись кто куда — и девки-чернавки, и Тихон забежал куда-то, а Радко еще с утра по поручению хозяйки Мирины отправился. Лещ тоже ушел во град, отчитываться о состоянии городни над обрывом у их двора. Даже огромный Медведко, новоявленный конюх, повел лошадей к водопою. Тихо в усадьбе.

Озар подумал, что и сам бы прошелся, прогулялся в такой ясный денек. Ему, по сути, не возбранялось, да только не стоит по Киеву зря шастать, когда сам Добрыня ему тут дело поручил. Но Озар сейчас в тупике, все не сообразит, с какого конца за ниточку потянуть, чтобы клубок размотался, дав возможность разобраться в этом деле. Так, догадки лишь одни. Ну разве что в том, что хозяина Жуяга убил, волхв не сомневался. Но как объяснить, что Жуягу погубили, чтобы не указал на того, кто нанял его? Тут надо было еще раз обмозговать все да определить, к кому ближе всего плешивый холоп в усадьбе был. И чем больше думал об этом Озар, тем грустнее ему становилось.

Он вышел на гульбище теремное, стоял, опершись на перила, да вспоминал прошлую ночь. С Ярой стоило бы переговорить, расспросить, где так поздно шастала. Но отчего-то медлил. Да и смущало бывалого мужа Озара, что эта светловолосая вековуха его так волнует. Вот он сейчас с красавицей Мириной разговаривал — и ничего, не дрогнуло сердце ретивое. А при Яре как будто во рту пересыхало, в груди тесно становилось. Озар признался себе, что Яра ему нравится. Есть такие бабы, какие с юности ничего собой не представляют, но с возрастом словно соком наливаются. Вот и эта древлянка, видать, из таких — строгая, отстраненная, но собой как будто выточенная из белой дорогой кости, ее потрогать хочется. А заодно вызнать, что утаивает вековуха. Она вроде и делилась с ним, чем считала нужным, вон сказала, что Моисея не было на положенном месте в ночь, когда убили Жуягу, и про то, что Тихон кого-то видел. Недавно опять спрашивала у волхва про это, интересовалась, все ли Озар выяснил, может, стоит еще парнишку расспросить. Однако Озар решил больше на рыжего мальчика не напирать. Так и ответил ключнице, мол, не стоит Тихона донимать, тот рано или поздно сам не утерпит, чтобы с другими

дворовыми не поделиться тем, чему свидетелем был. И будет лучше понаблюдать, как другие на его слова реагировать станут.

А Озар еще вспомнил, что вековуха была особо дружна с Жуюгой, именно у нее тот заступничества искал. Кроме того, не стоило ему забывать, что ключница принесла им со Златигой узвар с маковой настойкой, как верно указал дружинник. Однако понять, какой может быть резон ключнице замышлять зло на своего благодетеля Дольму, он так и не смог.

По двору от порыва ветра заклубилась пыль, где-то закудахтали куры, важный гусь прошел по двору. Без воды ему плохо, потому и злющий такой. Вон Озар даже с Лохмачом поладил, а гусь этот уже не единожды волхва щипал. Но Голица его все никак не пустит в дело, бережет для чего-то. И, вспомнив кухарку, Озар решил, что стоит переговорить с ней. Не про гуся, разумеется. О том, что Мирина поведала о Бивое.

Сам Бивой сейчас возле баньки колол дрова. Был он без рубахи, при движениях мышцы так и бугрились. Само тело белое, причем покрыто веснушками. Рыжий, значит. Как варяг. А еще Озар увидел шрамы и отметины от недавних побоев на его теле. Поговаривали, что Бивой отменный кулачный боец, и похоже на то, что недавно он знатно с кем-то бился, да только, скорее всего, ему самому досталось. Но, судя по всему, он уже оклемался. Вон как лихо размахивает топором.

Голица привычно возилась под навесом у летней печи. Сидела на колоде, чистила овощи.

— Ты, как я погляжу, вся в трудах, хозяйюшка, — сказал Озар, подсев на соседний обрубок бревна.

Обычно он начинал разговор с приятного, чтобы расположить к себе людей. Вот и сейчас принялся расхваливать стряпню Голицы, говорил, что столь вкусных

кушаний, как она готовила, давно не пробовал. При этом добродушно улыбался поварихе, однако она лишь искоса поглядывала на него, не прерывая своего занятия.

— После полудня дам вам перекусить ягодницей¹ и пока будет с вас. На ужин похлебку гороховую на прикопченных ребрышках подам. — И повернулась: — Ну что еще спросить хотел, ведун?

— Про сына твоего хочю поговорить.

Голица, в руке которой был зажат нож, утерла тыльной стороной запястья вспотевший под повойником лоб, но при этом посмотрела не на волхва, а в сторону терема.

— Никак с дволицей нашей разговаривал, если о Бивое спрашиваешь?

— Да, от нее пришел.

Озар не спешил дальше вести разговор, ждал, когда кухарка сама заведется. И она не сдержалась:

— Что ж, разговаривала сегодня я с Мириной про Бивоя. Женить его подумываю.

«Ну, ну, говори еще», — ожидал Озар, не сводя с Голицы дружелюбного взора. Однако она вдруг рассердилась, бросила нож в корзину и стала вытирать руки передником с такой силой, словно кого-то измять хотела.

— Мой сын достойных кровей. И хоть сами мы с Лещом оба холопского звания, однако уже крещеные и, значит, как обещал ранее Дольма, свободными стали.

— Тогда при чем тут Мирина? Вы можете невесту сыну подбирать, не сильно с ней его будущее обговаривая.

Сказал то Озар и пожалел — заметил, как Голица успокоилась, перевела дыхание. Снова за нож взялась и склонилась над корзиной, давая понять, что разговаривать больше не намерена. А ведь сперва будто ожидала чего-то. Ну ладно, Озар ее направит.

¹ Толченны в молоке ягоды.

— Правда ли, что твой муж родня Колояровичам? Значит, такому, как Бивой, на простой холопке необязательно жениться. Думаешь Яру за него сосватать или еще кого присмотрела?

— Яру тут все сватают, — буркнула кухарка, не прекращая своего занятия. — Тот же Вышебор. Ну и зачем тогда моему сыну гневить злобного калеку, забрав то, что старший из братьев себе присмотрел?

— Но Вышебору же отказано. Так говорю?

— Ну, это как поглядеть. Дольма от задуманного редко отказывался. Однако Яра... Она ведь страсть какая упрямая.

— И эта упрямая смогла даже хозяину отпор оказать, когда за брата ее посватал, — продолжил Озар, едва кухарка умолкла. — Она же древлянка, а эти могут за себя постоять. Или уйти восвояси. Справилась бы тогда Мирина с таким хозяйством?

— Захотела бы — справилась, — только и ответила Голица. — А я госпоже всегда помочь рада. И... И... все мы рады помочь ей!

При этом посмотрела с вызовом. Озар согласно покивал, принимая пояснения. А о чем думал, поди догадайся... Голица пристально смотрела ему вслед, когда уходил.

Озар прошелся по двору. Скучно ему было. Решил было подняться на заборол, осмотреть окрестности, но в это время стали слышны звуки била со стороны Княжеской горы — и волхв передумал. Понял, что у князя сейчас молебен начнется, а Озару не хотелось об этом думать. Лучше он подумает о небесном своде, где в облаках таится светлый Ирий, или будет думать о ветрах, носящихся на просторе, — северном Сиверке, ласковом южном Витриле, беспокойном подателе ясных солнечных порывов Стриге. Все они внуки божественного Стрибога, которые всегда над Русью веяли, всегда были своими.

Подняв голову, волхв заметил откиннутые ставни на окошке Вышебора, представил его неподвижно застывшим в кресле и даже пожалел калеку: каково бывшему дружиннику, мир повидавшему, теперь все время сиднем сидеть... Вот и Моисей его сегодня оставил, ушел в город. Сменил хазарин свое почетное звание охранника на служение калеке, согласился таскать его увечное тело, обмывать и быть на побегушках. Озар не сомневался, что Моисей и в город отправился по наказу Вышебора, сам он от такого хозяина сварливого гулять бы не пошел по своей воле. Охранять же подворье теперь будет всякий из своих, в ком сила есть. Тот же Медведко огромный или Лещ, которого сила еще не оставила. Волхв вспомнил Леща в его колпаке линиялом: надо же, рожа, как у простого селянина полянского¹, а в нем, оказывается, благородная варяжская кровь течет! Через него и Бивою она передалась. Переговорить, что ли, с Бивоем? Озар уже несколько раз пробовал пообщаться с этим немногословным парнем, но всякий раз почему-то беседа у них не клеилась. Да и не было Бивою в тот день в Почайне. А мог бы он подговорить Жуюгу? Челядинцы уверяли, что эти двое приятельствовали. Но зачем смерть купца Бивою? Раньше Озару думалось, что Бивой мог опасаться, что Дольма за отказ от крещения его со двора прогонит, но если, как оказалось, Бивой родня Коляяровичам, то родного человека позорно прогнать. Так что пусть Бивой, который сейчас топором машет, продолжает свое дело делать. Надо же для баньки дрова приготовить. А в баньку-то самому Озару страсть как хотелось! Он так и сказал об этом Златиге, который лениво сидел у ворот, вырезая ложку из мягкой липы. На дружелюбные слова

¹ Полянский, т. е. полянин: поляне, славянское племя, обитавшее по Днепру в районе Киева.

подсевшего волхва, что и им неплохо бы в баньке попариться, только хмыкнул.

— Мы сюда не затем прибыли, волхв, чтобы тело парить да бока наедать. Торчим тут... который день. Или ты о своих собратях по вере забыл, что в подземелье томятся? Нам надо было уже все вызнать да Добрыне доложить. А мы... Тьфу! — в сердцах сплюнул дружинник.

Но Озар лишь отметил, что Златига сказал «нам надо вызнать». Значит, уже сладилось у них. Хотя какой прок от того Озару, если Златига, пусть и старался помогать, все же человек Добрыни. Ну и ладно. И Озар стал разглядывать замысловатую витую резьбу воротных столбов. Красиво смотрятся, но если надумать забраться снаружи во двор, по таким выпуклым завиткам это даже удобнее. Когда сказал об этом Златиге, тот лишь хмыкнул. Ясно, что душа дружинника не здесь, а там, где его беременная женка обитает. Вот бы и пошел к ней, предложил Златиге Озар. И даже подтолкнул плечом, мол, иди, иди. Все равно сегодня банный день, когда ничего им вызнать не удастся.

И Златига, сразу позабыв о службе, ушел. Озар остался сидеть у ворот, размышлял о всяком. Даже подремывать на солнышке начал, но миг очнулся, заметив, как купчиха Мирина, накрывшись легкой накидкой, сошла с крыльца и направилась за терем к гудевшей баньке.

Не во всяком дворе в Киеве была своя баня. Люди тут давно привыкли париться в срубных баньках, поставленных вдоль рек и ручьев, — благо их немало как по Киеву, так и в окрестностях было. Но двор купца Дольмы считался богатым, тут полагалось иметь свою собственную. К тому же воды на хозяйстве сейчас много, учитывая прошлые грозы и полные бочки с водой под водосливами с крыш, какие тут потоками назывались, — с них в дождливую погоду вода стекала в подставленные емкости. Сама же баня, ладно срубленная, с хорошей каменкой,

располагалась чуть в стороне от других усадебных построек. Париться в нее сперва шли хозяева и ближние челядинцы, поскольку сухой пар сохранялся лишь до мытья. Вот первыми и отправились в баню Мирина с ключницей Ярой и властной кухаркой Голицей. Причем Голица, как заметил Озар, по старинному обычаю взяла с собой немного топленого масла в горшочке — угостить банника¹. Озару это понравилось. Крещеные они тут или некрещеные, а обидеть банника опасаются. А то еще ошпарит или кипятком обдаст. С банником шутки плохи. Вот и задабривают маслицем, чтут обычай.

После женщин парились челядинцы-мужчины. Бивой даже Озару кивнул, мол, идем. К ним и Радко присоединился, явившийся как раз вовремя, а там и Лещ вошел. Голые и мокрые, они расселись на полках, лупили себя вениками, а в шайках шумела нагретая раскаленными камнями вода. Лещ подсуетился квасу принести, но сперва плеснул напиток на каменку — и сразу пошел приятный злаковый запах.

Радко был весел, доволен собой, рассказывал, как управился в городе с делами. Пару раз спрашивал о Тихоне. Лещ сказал, что не видел парня с утра, наверное, ушел со двора еще утречком, как порой за ним водилось. Радко начал расспрашивать, кто из них последним видел Тихона, но осекся, заметив внимательный взгляд Озара.

— Что, и о родиче вызнать не могу? — спросил резко.

— Так вроде ты с ним на сеновале ночевал, — хлеща себя веником, невозмутимо отозвался Озар.

— Все-то ты знаешь, доглядник. А того не ведаешь, что ночью мы немного поболтали с парнишкой, а потом он к себе подался.

¹ Банник — один из домовых духов, обитавших в бане. Его побаивались и задабривали, чтобы не ошпарил в парной, чтобы не угореть.

Озар промолчал. Сказал, что, видно, уснул он, вот и не заметил, когда Тихон через сени в терем прошел. Выходит, что долго они вчера с Радко болтали. «О чем, спрашивается?» — подумал, обливая себя из кадки, и пошел одеваться.

На дворе заметил, как вернувшийся хазарин Моисей уже вытащил кресло с Вышебором, покатил увечного к бане. Яра стояла на гульбище, вытирая светлые волосы, и показалась она Озару озабоченной. На вопрос Озара ответила:

— Не дело это, что Тихона до сих пор нет. Мы еще вчера обговаривали, что баня сегодня будет, мальчишка знал об этом. К тому же этому рожденному у моря корсунянину страсть как нравится мыться в парной. И вот же, по сию пору не явился. Да и Будька куда-то запропастилась. Вон Загорка уже вернулась, прошла к хозяйке. Как раз вовремя. Сейчас чернавок мыться отправлю. А если Тихон не придет, то все пропустит. Ну что за мальчишка неугомонный!

Озару бы задуматься над ее словами, но он только смотрел на ее длинные светлые волосы. Еще не заплетенные, как положено вековухе, распущенные по плечам, они напоминали расчесанную льняную пряжу, пронизанную лунным светом. Красиво.

Яра почувствовала его взгляд, смутилась и поспешила уйти в дом.

Тихона все не было. А Будька явилась, когда все уже попарились. Да не просто явилась, а с бедой: ее поймали люди купчихи Хована и опозорили страшно — обрезали косу. Хуже этого для девки и быть ничего не может — теперь по всему околотку слух пойдет, что гулящая. Ох и наказала же ее за назойливое заигрывание с Хованом купчиха Семания! Но людям со двора Колояровичей тоже позор — их дворовую девку обидели. И началось:

выскочили все, похватали ломы, даже Моисей, оставив Вышебора, тоже за плеть взялся, вышел вместе со всеми поквитаться с дворовыми Хована.

Вот когда Озар пожалел, что отпустил Златигу, — княжий человек вмиг мог бы предотвратить уличную свару. А так пришлось Озару вмешаться, расталкивать и обозленных Колояровых людей, и выбежавшую разбираться с ними дворню Хована. Хорошо, что он умел влиять на людей, сказалась волховская выучка, и, когда гаркнул на них зычно да пошел на толпу, раскинув руки, собравшиеся и расступились. Но народу-то с соседних дворов набежало немало, кто-то кричал, что сейчас стражу градскую позовут, а кто-то вопил, что Бутька давно осраму заслужила, вот пусть теперь и таится по закутам, опозоренная. Едва снова не завелись все, опять Озару пришлось метать громы и молнии, разбрасывать разъярившихся людей, даже проклятием угрожать, чтобы угомонились. Наконец верховые из княжеской дружины появились, потеснили толпу.

«Ну и зачем мне все это надо! — думал Озар, опустившись на завалинку во дворе. — Сами бы разобрались».

Но чувствовал, что челядь ему благодарна за вмешательство, их все же меньше было, чем хованской дворни, могли бы и накостылять людям с Колоярова дворища. И ради кого? Ради непутевой чернавки. Пожалуй, теперь многие это понимали. Потому и рады были, что без бойни обошлось. Довольная Голица даже квасу волхву поднесла, впервые смотрела по-доброму. А Яра уже отправила Бивоя и Любушу, чтобы подобрали разбросанное меж дворами белье, какое Бутька обронила, когда ее по возвращении встретили люди Хована. Грязное, затоптанное оно было. Опять полоскать придется.

А потом еще долго шумели и обсуждали случившееся дворовые, возбужденный Лохмач рвался на цепи, лаял, еще пуще внося сумятицу. Однако постепенно все ста-

ли успокаиваться, цыкнули на пса. Сами же собрались у крыльца и на гульбище, судачили. Даже Вышебор не спешил, чтобы его наверх оттаскивали, сидел в своем кресле, как на троне, грозил кому-то кулаком, насылая проклятия. А потом с важным видом советовал Мирине сходить к старосте, который за порядком на Хоревеце следит, да пожаловаться на самоуправство хованских. Пусть виру выплатят за то, что девку с их двора опозорили. Что с того, что Будька Ховану глазки строила? А по кустам он ее не валял. Ну, если видоки не найдутся да не подтвердят клятвенно.

Это многим показалось разумным, правда, предложили вызнать, насколько далеко у Будьки с Хованом зашло. Озар сказал, что это сейчас только сама девка прояснить может.

— Как говорится, девичий стыд — до порога. А переступила и забыла.

Вот и вытащили чернавку, опухшую от плача, кутающуюся в плат, стали расспрашивать. Она лишь выла — и не поймешь, что отвечает сквозь рыдания. Мирина ей оплеуху отвесила, требуя успокоиться. И тогда Будька достала крестик и стала целовать его, доказывая, что, кроме объятий и кратких ласк, ничего у нее с купцом-меховщиком не было. Блюла она себя. Понятное дело, купца-то она приманивала, но повалить себя не позволила. Надеялась истомить мужика, пока он, разохотившись, в свой дом не введет ее невестой. Наивно это, но все же девка оказалась и не такая дура, раз поиграть с собой меховщику не позволила. И опять все говорили, что немалую виру с Хована и его дворни возьмут за позор чернавки.

Пока все толпились и обсуждали, сквозь толпу собравшихся пробрался Лещ — лица на нем не было, белый как мел, глаза вытарщенные. На него не сразу и внимание

обратили, а он смотрел на всех, топтался, потом голосить начал, рухнул на колени, волосы рвал на голове.

— Да что ж такое с тобой творится! — прикрикнула на него Яра. — И без тебя тошно, а тут... — И уже тише добавила: — Сказывай, что случилось.

Лещ говорил прерывисто, всхлипывая. И страшное сообщил. Дескать, пока они тут судили да рядили, он, памятуя, что завтра придет вымысленник городню проверять, решил сходить на заборол да осмотреть все, чтобы отчитаться. А как глянул сверху на обрыв...

— Он там, внизу, — всхлипывал Лещ. — Я не сразу и заметил. Смотрю, на березке, проросшей сквозь склон, висит. В ветвях зацепился. Ох, Тихон, Тихон, такой ведь ловкий всегда был, лазил ну чисто кошка цепкая. А тут... Сорвался наш парень, убилися...

Все затихли, переглядывались, даже Будька рыдать перестала. А потом так и кинулись на заборол стены за хозяйским двором.

Крутой обрыв уходил вниз до самых урочищ. Сверху склон почти расчищен, но где-то с середины горы началась давно не срезаемая поросль. Именно там виднелось перекинутое через ветки дерева тело мальчишки. Голова и руки вниз висят, причем голова странно вывернута, туловище перевалилось через ствол, ноги неподвижно вытянуты. Береза, на какой болтался Тихон, была искривленная, но ветвистая, по всему ее изгибу тянутся густые ветви, скрывая снизу тело паренька. Да и сверху заметишь, только если склонишься над парапетом заборола.

Первой заголосила Голица, потом и Загорка взвыла, Любуша и Будька — за ней. Мирина вцепилась в края головного покрывала, глаза округлились, взгляд растерянный, бегаёт с одного из собравшихся на другого. Мужчины тоже переглядывались, смотрели то друг на друга, то на тело внизу.

— Достать его надо, — произнес наконец Озар. — Сверху лезть придется, снизу навряд ли кто вскарабкается. Высоко. Отсюда все же ближе.

— Бивой, принеси веревку, — приказала Яра.

Когда Бивой вернулся, Озар спросил:

— Кто из вас самый ловкий, чтобы спуститься?

— Я полезу, — сразу вызвался Радко.

— Нет, ты погодь, — остановил его Озар. И так предплечье сжал, что парень даже поморщился.

— А ну,пусти!

— Нельзя его подпускать к телу, — обратился ко всем Озар. — Мало ли чего... Еще и сбросит вниз, чтобы мы ничего не вызнали.

Сам же горящего взора с парня не сводил, дышал бурно.

— Ты ведь говорил, что ушел от тебя ночью Тихон. А не врешь ли? Я следил. Как вы отправились к сеновалу, заметил, но сколько ни ожидал потом, парнишка так и не вернулся в терем.

Настала тишина. Теперь все смотрели на Радко, кто-то тихо ахнул. А он сам сначала побледнел, а потом вдруг румянцем гневным залился.

— Ах ты, змей подколодный! Намекаешь, что это я Тихона сбросил?

Миг — и кинулся на Озара в ярости.

И ведь был Радко не новичок в кулачных боях, часто и умело дрался, а тут сразу промахнулся — крупный Озар легко уклонился и вмиг подставил подножку, а когда парень упал, насел сверху, заломил ему руки, скрутил.

— Тише, тише. Не бейся, как угорь. Мне еще с тобой поговорить нужно.

И, посмотрев на опешивших челядинцев, даже прикрикнул:

— Ну что? Кто тело Тихона доставать будет? Или городскую стражу покликать? Они, небось, еще далеко

с Хоревицы не отъехали. А этого соколика я сам в клетки запру. Разговор у нас будет.

Никто не вмешался. Только оставшийся на гульбище Вышебор стал возмущаться, когда увидел, как волхв поташил его брата к сараям, запер в одном из них.

— Что это ты, пес шелудивый, вытворяешь? — кричал Вышебор. — Люди добрые, да что же это делается на белом свете? А Тихон как? Живой ли? Ко мне все! Доложить приказываю!

Он еще долго шумел, но даже хазарин Моисей к нему не поспешил. Все были слишком поражены как случившимся, так и подозрением на Радко. Вот и слушали Озара. А он, никого больше не вопрошая, проверил веревку на прочность и приказал Лещу и Моисею, чтобы удерживали его, когда начнет спускаться. Здоровый мужик был Озар, но спускался умело, ловко.

— Ишь как перебирается, — даже восхитился Лещ. Но, поглядев на хазарина, который вместе с ним натягивал веревку, неожиданно шепнул: — А может, пусть сорвется? Вот не удержали мы веревку, а он и того — вниз. Зачем нам доглядник этот? Чужой он в доме.

— Он-то чужой, а ты дурень, — негромко отозвался Моисей. — Если со служителем беда случится, Добрыня уже не будет к родне Дольмы так милостив. Всех потащат к палачам. И уж там, когда клещами рвать начнут, кто из нас чего только не напоеет. Я знаю, как князьки каты работать умеют.

Лещ притих. Втаскивал вместе с хазарином наверх волхва, Бивой к ним присоединился, помогал, он же первый и принял из рук Озара застывшее, оставшееся согнутым тело Тихона.

Яра в первый миг и смотреть на мальчика не могла. Отвернулась. И при этом заметила, как люди внизу, в урочищах ремесленных, смотрят наверх. Да и на горе

Детинке напротив какие-то девки столпились, наблюдают, пальцами указывают. Плохо это. Слух по всему Киеву теперь пойдет, что опять несчастье в усадьбе Колоярвичей, что беда за бедой среди христианской родни убиенного купца. Шила-то в мешке не утаишь...

Похоже, и Озар об этом подумал. Сказал собравшимся:

— Как бы все ни складывалось, будете говорить, что случайно парень сорвался. Мол, лазил по заданию Леща, да и скovyрнулся вниз.

— Да я-то тут при чем! — сразу возмутился Лещ. И к Мириной: — Матушка хозяйка, да что это на меня наговаривают?

Но Мирина молчала. Сжала руки на груди и смотрела, как волхв склонился над застывшим телом мальчишки. Яра вдруг сказала:

— Тихон часто лазил за забором над обрывом. Все это знали. Но чтобы ночью... такого не бывало. Может, и помогли ему убиться. И сделал это тот, кого он видел в ночь, когда Жуягу порешили. А он видел. Сам мне говорил об этом.

— Он видел кого-то? — ахнула Мирина. — И ты и словом никому не обмолвилась, молчунья глупая?

Яра вздохнула:

— Я волхву говорила.

Озар почувствовал на себе взгляды собравшихся, но продолжал ощупывать тело мальчика, неспешно закрыл застывшие глаза Тихона. И только после этого сказал:

— Да, Тихон кого-то видел. Но кого — не рассмотрел. И все же кто-то явно опасался мальчишку, боялся, что тот на него мне укажет.

Все притихли, кто-то тяжело вздохнул. Озар же продолжал оглядывать тело.

— Долго он там провисел, всю ночь, это уж точно. Дождь несколько раз в потемках начинался, но за день

одежда на Тихоне высохла под солнцем и ветром. Но не везде... — Он перевернул тело мальчика. — Вот тут, где за березу зацепился, еще влажно. Прикрытая коченеющим телом ткань высохнуть не успела. Значит, всю ночь провисел. Да и утром... Ответь-ка мне, Яра, ведь ты с утра к Тихону заходила?

— Зашла лишь на миг. Его не было, но я не встревожилась. Такое уже бывало, что постреленок наш... — Она сглотнула ком в горле и продолжила: — Бывало, что он еще засветло убежал. То поглядеть, как рыбу ловят на реке, то на раннюю службу в церковь на Подоле отправлялся. Вот и на этот раз подумала, что ничего дивного в том, что парнишка ушел с утра, нет. И не искала его. Зачем? Скотину мы оставили на пастбищах, и мне не нужно было давать задание Тихону. Я лишь позже, когда он к трапезе не явился, немного озаботилась. Но ведь он мог попросту с окрестной ребятней заиграться.

Она еще что-то говорила, когда Моисей, присев у тела мальчика, обратился к волхву:

— А чего голова у него в сторону повернута?

Озар тоже обратил на это внимание. Казалось, будто мертвый Тихон смотрит себе за плечо.

— Это ты верно заметил, хазарин, — сказал волхв. — Доводилось ли тебе такое уже ранее видеть? Ну, допустим, когда купчиха Збудислава с лестницы в тереме свалилась?

Моисей поперхнулся, издав какой-то звук горлом, словно заблеял. И задышал бурно:

— Не я... Не я... Мне лишь когда приказывают. — И уже более внятно произнес: — Я ночью в горнице Вышебора был, не выходил никуда. Спросите его!

— А когда Тихон падал с кручи, не мог сам так своротить? — подала голос Мирина. — Говорили же ему, не лазь, опасно.

Лещ вдруг заплакал:

— Вы говорили, а я то и дело просил его. И Тихон всегда справлялся, помогал. Ловок был, сноровист. Еще вчера днем помогал мне, вон ведун может подтвердить. Однако в потемках я такого бы не допустил — упаси небо! Да и я сам... Слышите, я вчера ночевал вместе со всеми в истобке. Любой это подтвердить может!

В стороне от терема время от времени слышались крики Вышебора. Он звал Моисея, и тот, будто опомнившись, поспешил на его зов.

Яра негромко произнесла:

— Может, старшего Колояровича расспросить? Его окна как раз на заборол выходят.

— Расспрошу, — сказал Озар, поднявшись над телом мальчика. — Но сперва переговорю с Радомилом. Он последний уводил Тихона. И больше мальчишку живым никто не видел.

Тут вперед выступила Мирина:

— Думай, что говоришь, ведун ты никчемный! Пусть Радко и сорвиголова, но на лихое дело не пойдет!

И как это сказала! Прямо горела вся от возмущения.

Озар посмотрел на купчиху, брови его удивленно выгнулись. В самом взоре насмешка лукавая. И Мирина отступила, укутавшись в покрывало.

— Все правильно госпожа говорит, — пошла на волхва Голица. — Ты чего это тут приказываешь? Радко наш, не позволим обижать!

А за ней и Лещ кулаком погрозил, а Бивой стал рукава закатывать. Медведко, стоявший в стороне, нахмурился. Мастеровой Стоян выглядел растерянным, но больше следил за своими и тоже был готов броситься, если что. Да, не ко времени Озар отпустил Златигу. Не хватало еще, чтобы драку над телом Тихона учинили. Он-то справится, научен, но ему еще тут какое-то время жить, так что ни к чему свои умения показывать.

— Вы о мертвом позаботились бы, — произнес ровным голосом. — У вас горе, а вы только на рожон лезть и горазды.

И кивнул удовлетворенно, когда они отступили.

— С Радко я сейчас переговорю, а там видно будет. И если решу, что нет на нем явной вины, то, может, и выпущу. Но повторю: с ним я последний раз Тихона видел. Или думаете, что парнишка сам среди ночи на стену полез?

И прошел мимо, когда они расступились.

Радко покорно сидел в сарае. Больше не шумел, потерянным каким-то выглядел, смиренным. На пришедшего Озар даже не посмотрел. И лишь через время произнес:

— Я любил Тихона. И зла бы ему никогда не сделал.

— Ты говорил, что и Дольму любил. А нет твоего брата. Убили. Что-то гибнут один за другим те, кто тебе по сердцу.

Радко еще ниже склонил голову, и через миг волхв понял, что парень плачет.

Он сел рядом, прислонился к бревенчатой стене, вдохнул запах сухого сена и росного хмельника, доносившийся из соседней клетки. Сеновал почти рядом, там полюбил ночевать Радко. Это понять можно — и не храпит рядом никто, и мягко, удобно. Вот так он вчера и прошел туда, обнимая за плечи Тихона. А потом паренька никто больше не видел.

Но спросил Озар о другом:

— Ты куда вчера уходил, даже не убоявшись грозы?

Радко перестал плакать, повернулся.

— Это мое дело.

— Теперь нет. Я видел, с кем ты говорил перед уходом. С Тихоном. И его же увел с собой, когда вернулся. Так что у вас за дела были?

Радко молчал.

И тут Озар выложил обвинения.

— Ты что-то скрываешь, Радомил Колояров сын. Давно за тобой наблюдаю. Гнетет тебя что-то, вот и бесишься. Ну понятно, наследства лишили. Но ведь Мирина не выгнала тебя со двора. Ей сейчас это не с руки — мало ли какая молва пойдет о вдове, если своих родичей начнет за порог гнать. И то, что ты бесишься от злобы, тоже понятно. Может, знаешь что-либо? Такое, о чем мне стоит Добрыне доложить? Добрыня поверит, он хорошо о тебе отзывался.

Молчание. Всхлипывать Радко перестал, сидел напряженный, неподвижный. Ясно, что делиться не станет.

Озар решил ему помочь, сказал:

— Дольма на твои своевольства смотрел сквозь пальцы, даже баловал, много чего позволял. Но главное — никуда тебя от себя отпускать не хотел. Вроде и к делу не поставил, однако и в люди не отправил. Неразумно это, как мне думалось изначально. А потом вдруг понял — бережет он тебя. Ни в дружину не позволяет уйти, где ты можешь сгинуть, ни в плавание опасное. Нужен ты был ему. Видимо, решил для себя, что однажды свое дело тебе передаст. Не Тихону же, который не родной ему.

— Как это не родной? — встрепенулся Радко.

Озар не хотел вдаваться в подробности, вот и сказал о другом:

— Если бы ты с женой Дольмы не сошелся, то рано или поздно сам бы понял, что брат в тебе наследника видел. Ты же подло с ним поступил. Хотя понимаю — непросто устоять против такой манкой и сладкой, как Мирина-краса. А она тебя соблазнила, когда поняла, что так лучше будет для нее, но потом сразу в сторону, дабы никто не догадался. Еще и мужу жаловалась, дескать, ты прохожу ей не даешь. Вот это тебя и обозлило. Потому так и отреагировал, когда узнал, что она непраздна. Понял, использовала

тебя красавица, чтобы внакладе не остаться. И дитя у нее, и ты побоку.

— А докажи, что не от мужа она понесла!

Озар вздохнул. Эти двое никогда не признаются в содеянном: Мирина — чтобы не потерять свое положение и наследство, Радко — потому что честь брата умершего блюдет и саму Мирину, которая ему все еще мила, ни за что не подставит.

— Ну, возможно, многое станет ясно, когда вдовица разрешится от бремени. Но кровь Колояровичей сильна, ее дитя, даже если на тебя похоже будет, обязательно нагульшем признают. Но думается мне, что если Дольма подозревал тебя, то вы с Мириной могли сговориться погубить его.

— Я не убивал никого! Я готов каленое железо в руки взять, чтобы доказать это!¹ Так и сообщи Добрыне. Меня ничего не устрасит.

— А возьмешься ли за каленый булат, чтобы доказать, что не было у тебя ничего с супружницей брата?

Радко смолчал. И тем выдал себя. Любился он с женой Дольмы, тут и ворожить не придется. А вот чтобы кровь пролить... Похоже, даже ради любви к Мирине он на такое не пойдет.

Озар понял: Радомил не умел врать. Честно говоря, такие люди ведуну нравились. Да и Добрыня, видимо, имел это в виду, когда сказал, что Радко ему по душе, — любил воевода честных, гордых, отчаянных. Для таких честь и совесть дороже жизни, с такими легко, таким можно довериться. Поэтому, в какие бы свои секреты ни вовлек Тихона Радко, мало кто поверит, что он мог совершить под покровом ночи злодеяние.

¹ Один из видов так называемого божьего суда: человек брал в руки раскаленное железо, и по его ожогам определяли, виновен он или нет.

— Ну вот и поговорили. — Озар поднялся.

Но даже когда он открыл двери и жестом дал понять, что отпускает парня, Радко не поднялся.

— Оставь меня, волхв. Тут побуду. Тошно мне.

Но остальные появление Озара в одиночестве поняли иначе.

— Не смей моего брата уличать в душегубстве, ведун! — заорал со своего места Вышебор. — Я велю к самому Владимиру меня доставить, молить за Радко стану. Я все же был одно время в его дружине, а своих князь не обижает!

— И правильно сделаешь, Вышебор, — поддержала деверя Мирина. — Мы все за Радомила вступимся. Нет на нем зла, не такой он.

Озар шагнул к ней:

— Тебе, красавица, это уж точно известно. Или не точно? Знаешь ведь, что есть нечто, что может сбить Радко с честного пути.

Мирина попятилась, губы ее задрожали, а там и слезы выступили. Но Озар уже не верил ее слезам. Зато другие верили:

— Ты чего это тут угрожать взялся! — замахал руками на Озара Лещ. — Мы к тебе всей душой, а ты...

— А я тут по приказу Добрыни! — повысил голос Озар. — Не хотите терпеть меня, так он живо всех вас к своим камтам-дознавальникам отправит. А там, когда подпалят вам пятки, норы свой уже проявлять не сможете.

Лещ отшатнулся, покосился на стоявшего в стороне Моисея, и тот, поймав его взгляд, только кивнул мрачно. Но для других упоминание о том, что может ожидать их, было откровением. Вот и притихли. Поняли, что, пока этот ведун тут, они его присутствием защищены.

А Озар уже более миролюбиво молвил:

— Я переговорил с Радко, он свободен. Но это не значит, что он не на подозрении. Просто шум поднимать

не буду и Добрыне ничего не сообщу. Да и для вас всех будет лучше, если скажем, что Тихон лазил по заданию Леща и случайно свалился.

Лещ хотел было что-то возразить, но Мирина подняла руку:

— Все верно волхв советует. Только вчера Жуягу похоронили, а сегодня Тихона нашли. И так молва дурная о нас пойдет, поэтому лучше сошлемся на то, что Недоля горькая подстерегла Тишку.

Казалось бы, Озар должен был остаться доволен таким поворотом. Но на деле все пошло не так. Хоть и разумный совет дала купчиха, но сама двинулась на Озара, брови соболиные нахмурила, личико пунцовым сделалось.

— А палачами ты нас пугать не смей! Мы люди крещеные, нас первыми в Почайну вводили, чтобы пример показать. Да и сейчас на нас весь Киев смотрит. Тот же Добрыня не позволит на нас такую осраму навесить. И еще надо разобраться, наши ли убивали Дольму моего? Вон сколько людей было в Почайне в тот день.

Все сразу закивали, зашумели. Дескать, чего это к ним волхва подселили? Они, дескать, готовы отправиться к Владимиру поклоны бить, чтобы выяснил, отчего это на крещеную родню Дольмы подозрение пало, да еще служителя старых богов приставили, чтобы донимал добрых христиан.

Озар лишь пожал плечами: ну, это уже не к нему. Пусть тогда и поведают князю, почему что ни день, кто-то гибнет у них в усадьбе. И одной этой фразой вмиг всех усмирил.

Тут наконец вышел из сарая понурый Радко, и Мирина сразу направилась к нему. Даже приобняла по-родственному. Потом они все долго беседовали, обсуждали похороны Тихона. Тело мальчика, уже выпрямленное насколько возможно, обернули в саванные пелены, и было

решено, что, как смеркнется, поскорее отправить его на Подол, к церкви, где им займутся священники. Мирина велела Радко заняться похоронами, дала ему денег, чтобы расплатился с попами, которые должны отпеть и похоронить христианина Тихона как положено. Потом еще денег добавила, сказав, что нужно договориться, чтобы все без особого шума было сделано. Хотя все понимали — без слухов не обойдется.

Когда Радко с Бивоем вывозили тело, все домашние плакали.

Озар же ушел, расположился у стола на гульбище и, вынув свои чубышки, вновь расставил их и надолго задумался. У него из головы не шли слова Мирины, что Дольму мог порешить кто-то со стороны. Пока он полагал, что нанятым убийцей мог быть Жуяга, который во время обряда стоял за плечами отвлеченного всеобщим шумом Вышебора, все ладно складывалось и оставалось только определить, кто его нанял. Иначе Добрыня не поверит, что плешивый холоп вдруг ни с того ни с сего по собственной воле решился на такое злодеяние. Наняли свои или все же кто-то со стороны? Вон, говорят, воевода Волчий Хвост там был. Но что этому обласканному Владимиром предателю Ярополка до соляного купца Дольмы? Да и вообще, сколько бы ни ломал голову Озар, кто из чужих мог затеять смертоубийство при всем честном народе, ничего подходящего для объяснения ему на ум не приходило. А ведь Добрыне нужен толковый ответ. Вот и выходит... выходит, что свои все же.

Волхв сидел один, челядинцы разошлись, как будто стараясь быть от него подальше. Когда же заплаканная Голица выставила кушанье, все забрали его к себе кто куда, только бы держаться от волхва подальше. Ему даже горько сделалось. Еще совсем недавно почти благодарили, что вступился за них против хованских, а тут сторонятся.

Ну и ладно! Ему-то что до них? А вот то, что Яра ходит мимо и даже не взглянет, расстроило. Подумал, что надо бы ее расспросить тоже, ведь поздно так прошла в дом... Но отчего-то Озар медлил, тянул.

Все поменялось ближе к вечеру, когда явился шумный и веселый Златига. Просто сиял весь — жена Светланка родила ему дочку! И такой он был радостный, что и у людей в усадьбе будто отлегло от сердца. Даже сказали: боги, забрав одну жизнь, дали взамен другую. Пусть не в их доме, но все же... Озар отметил, что по старинке все говорят «боги», не помянув еще непривычного им Всевышнего.

Златига же, узнав о гибели Тихона, действительно расстроился. Даже злился на Озара.

— И как же ты не проследил, ведун хренов! — ворчал дружинник, когда позже они сидели у себя в сенях. — Все вы, волхвы, такие важные, все и всегда знающие, мудрые... А на деле только болтать горазды!

Озар даже опешил:

— И это так ты благодаришь меня, что к супружнице тебя отпустил?

Златига посопел носом, но смолчал. В том, что в усадьбе опять беда случилась, тоже его вина была. Но когда немного успокоился, признался, что ему бы и сейчас хотелось пойти к себе, побыть с женой и дочкой. Однако теперь не посмеет, будет за всем тут приглядывать.

— Да ты в потемках даже во двор не смеешь выйти — Лохмача опасаясь, — усмехнулся Озар. — Ладно, тебя понять можно, что отлучался. Но к Добрыне пойти тебе завтра придется, дабы рассказать, что тут творится.

— А что творится? Есть у тебя что воеводе сообщить? Или опять одни догадки?

— Догадки. Но отчитаться уже пора. Что ни день, тут кто-то к праотцам уходит. Или ты не веришь, что к праотцам, христианин Златига?

Тот промолчал. Видать, сам еще не определился, где его пращуры обитают — за кромкой мира, в старом языческом Ирии или там, где Иисус всех принимает. Озадаченность дружинника понравилась Озару. То-то же, ломай теперь голову. И хотя Златига сразу сказал, что даст новорожденной христианское имя Дорофея, что означает «подарок», но вот разобраться с тем, как быть с отцами и дедами, которые не были христианами, пока не смог.

На закате Озар прошел за терем, миновал хозяйский двор и поднялся на стену городни. Осматривал место, откуда мог упасть Тихон. Обрыв, уходивший вниз, был крутой, да и парапет на забороле оказался не так высок, чтобы было трудно столкнуть легкого мальчишку. Тихон мог запросто свалиться прямо к избам-мазанкам в урочище Гончары, но зацепился при падении среди зарослей на середине горы. Снизу его могли не заметить за весь день, да и сверху не высматривали. Если бы Лещ не стал приглядываться к основанию городен, то и поныне парнишка висел бы там, а все гадали бы, куда он запропастился. Озар подумал, что Мирина приплатила серебром, чтобы Тихона тайно отпели и похоронили... Да, это у христиан умершего как татя могут похоронить, а раньше бы не позволили, чтобы душа не вернулась в мир. Надо было тризну отгулять и поминать про ушедшего из мира только хорошее. А у христиан... Новые порядки, новые законы. Может, что-то из старинного и останется. Озару хотелось в это верить.

Он еще осматривал все вокруг, когда уловил, что по лестнице на заборол кто-то поднимается.

Яра. Волосы зачесаны назад и уложены простым низким узлом, темное строгое одеяние с привычной связкой ключей на поясе. Связка наверняка тяжелая, но сама вековуха такая легкая, что кажется: подуи ветер посильнее — и унесет. Ее даже защитить хотелось, такой хрупкой

она была. Однако Озар еще не забыл, что ему тиун о ней сказывал — ловкой и умелой охотницей Ярозима была в лесах древлянских. А те, кто леса не боится, особой силой обладают.

— Хорошо, что ты пришла, Яра, — сказал Озар. — Не хотел первым тебя тревожить, но мы-то оба знаем, что тебе есть что сообщить.

Она стояла рядом, положив руки на бревенчатый парапет заборола, смотрела на синее вдали небо, на позлащенные розовыми отсветами заката бревенчатые вышки на киевских возвышенностях. Видать, не просто так пришла сюда Яра, но почему-то не решалась начать разговор, молчала.

Озар заговорил первым. Он не стал сразу расспрашивать, а просто указал на заметные сбоку башни княжьей горы и частоколы Копырева конца напротив, при этом заметил, что как бы ладно все это ни смотрелось, с другой стороны Хоревицы вид куда краше. Там и людный Подол к Днепру подступает, и сам Днепр сияет, как диво широкое, украшенное до самых далей зелеными островами по течению. А какой привольный простор за рекой открывается! словно сами боги постарались вложить всю душу, когда создавали этот край.

Голос у волхва при этом был задушевный, чуть хриплый и негромкий, прямо обволакивающий. И так же задушевно он признался, как был поражен этими киевскими землями, когда пятнадцать зим назад прибыл сюда служить на капище из дальних лесов волянянских.

— Так ты родом из волянянского племени? — спросила, повернувшись к нему, Яра. — Надо же, даже в говоре твоём того не угадывается.

Она улыбнулась. Племя волянян истари соседствует с древлянскими землями. Бывало, что древляне и воляняне воевали между собой, бывало же, что и мирно жили,

торговали, на праздники вместе сходились. Вот и говор друг друга узнать могли. Однако и сама Яра от древлянского произношения в Киеве избавилась, как обычно избавляются все, кто пожил в стольном граде несколько лет. Но все же то родовое, старое всегда пришлых волнует. Вот Яра и стала слушать Озара, который рассказывал ей о том, как жил в волынянской земле, где особенно почитали бога Рода, прародителя людей. Однако и иных небожителей воляняне почитали, того же Перуна Громовержца грозного. Именно на его капище на речке Горыни и служил Озар с отрочества. Капища на реках обычно самые богатые и значимые, ибо каждая река — это путь, по которому идет основное движение, где ходят струги под парусами или на веслах, привозят издалека торгующий люд. И как-то от торговцев Озар и прознал, насколько еще при князе-воителе Святославе стал почитаем в Киеве Перун Громовержец. Вот и решил он из глуши своей перебраться туда, где божество, которому служил, возвеличили над остальными. И получилось же, когда добрался до столицы на Днепре. Хотя и не сразу.

Озар раскрывал ключнице свое прошлое искренне, но в то же время с умыслом — хотел, чтобы она перестала дичиться его и доверилась. Он поведал, что сперва киевские перунники не приняли юного волянянина в свой круг. Они были озлоблены и недовольны тем, что при Ярополке Святославовиче им не оказывают былого почтения, и закрывались от людей. Но киевляне и сами не сильно жаловали тогда Перуна. Ведь несмотря на прославление воинственного Громовержца, тот не защитил князя Святослава от печенегов на Хортице. А потому пошли киевляне к капищам других богов — благо их немало было как в Киеве, так и в окрестностях. В те времена славили все больше Велеса, помогавшего торговым людям и скотоводам, несли дары и Сварогу небесному,

и Дажьбогу плодородному, а бабы особенно Макошь почитали и одаривали ее капище, чтобы Долю им легкую сплела пряха людских судеб. Перун же как бы особняком тогда стоял, капище его часто пустовало.

Озару пришлось устроиться там, где приняли. Одно время даже прислуживал у изваяния Марены¹ злой, которую киевляне не любили, но подношения все же несли, чтобы откупиться от богини, насылавшей беды. Правда, ее служители тоже особым расположением у людей не пользовались, так что при ней трудно было возвыситься. Однако время шло, люди успокаивались после гибели Святослава. К тому же в Киеве становилось все больше христиан, а это смущало и тревожило служителей. Именно тогда они начали понимать, что пора усилить свое влияние, пока чужая вера не разрослась, не увлекла людей. Вот и стали набирать на капища служителей более молодых, толковых, знающих. Это было его, Озара, время, и он смог подняться и заслужить уважение. Ну а потом, восемь лет назад, он стал волхвом на главном капище, какое установил над Днепром князь Владимир.

— Славные были деньки! — воскликнул Озар. — Молодой князь — дерзкий, смелый, умный. Князь-победитель! Он и вечно бунтующих вятичей покорил, и ятвягов побил, и с булгарами заключил выгодный мир. Перун благоволил к нему. А Владимир... Он предал старую веру!

Озар застонал, склонился над парапетом, опустив голову на руки, и надолго умолк. Горько ему было. А еще ждал. Ждал, что скажет Ярозима. Он открывал перед ней душу, зная, что и она отзовется. Одинокая, по натуре своей заботливая, пережившая много в жизни... Озар

¹ Марена (Мара) — богиня ненастья и смерти, владычица земного мира зимой, подательница холода и тьмы.

не сомневался, что ей тоже есть чем поделиться. И Яра ответила.

— Меня в капище Лады родовичи некогда отправили. Ты ведь знаешь, что это такое, волхв?

Озар вздрогнул. Ну кого-кого, а Яру... и на капище Лады!.. Лада — богиня любви и плотских утех, людям она мила. Если насильно туда не отправляют.

Он так и сказал. Но Яра лишь вздохнула глубоко.

— Я когда повзрослела, не играла в ладины любовные игрища у нас в селении. А уйду в лес на охоту — и мне там хорошо. Я ведь сирота, матушка умерла, когда я еще совсем малая была, кто отец мой — не ведаю. Так что, если пропадала в лесу долго, никто особо не тревожился. Потом и вовсе стали поговаривать, что мать меня от лешего понесла, — слишком я отстраненная да нелюдимая им казалась, ни к кому не тянулась, ни с кем не заигрывала. Да и с кем, если знала, что меня красавицей не считали и скорее бледной кикиморой назовут, чем подарят венок на весенних гуляниях. Но я как-то свыклась с этим. К тому же из леса я всегда не с пустыми руками возвращалась, и это ценили. Потому и не обижал меня никто.

А потом как-то случился недород на наших репищах¹. Один год репа вся усохла в жару, второй год неурожай случился, а там и на третий не было всходов. Сперва люди обходились — лес-то накормит, да и в реках рыба водится. А вот с земли взять было нечего. Словно проклятье кто наслал на наши грядки и участки вокруг селения.

— А вы не пробовали оставить старые поля и взять у чащи новые участки да обработать их? — не сдержался Озар. — Земля у вас просто истошилась, в лесном краю такое бывает.

¹ Репище — огороды.

Яра повернулась к нему. Закатный отблеск розовил ее скулу, светлые брови казались золотистыми в этом свете. Как и пушистые ресницы, осеняющие прозрачные глаза.

— Умный ты, волхв, все знаешь. А те, которых наши старейшины покликали из чаши, такого сообразить не сумели. Но долго ходили да пели заклинания вокруг плетней, знаки какие-то выкладывали камнями по кромке вспаханной земли. А когда и это не помогло, они заявили, что в селище есть некто, кто заповеди богов не исполняет, вот и разгневались небожители. И пошли волхвы с заклинаниями от двора ко двору, вглядывались в лица моих родовичей. А потом указали на меня. Дескать, я законы Рода нарушила, не для того меня бабой он сделал, чтобы я жила, как парень, и долг свой перед родовичами не выполняла.

Озар понял: есть непреложное правило — каждая женщина в селениях обязана забеременеть и дать новую жизнь роду. Это ее первейший долг, ее обязанность. А еще понял, что не просто так волхвы указали на Яру. Видать, сперва расспросили людей в селении и нашли того, кто подойдет им. Яра была сиротой, за нее вступиться некому. Вот и было решено пожертвовать ее.

— А ты сама разве не ведала, что должна быть с мужчиной? — спросил Озар. — Впрочем, это ваш родовой старейшина должен был озаботиться тем, чтобы тебя пристроить замуж. А не справился — его вина.

— Ну, волхвы старейшине такого не сказали. Как посмеют? А он сам устраивать мою судьбу не утруждался. Зачем? Его обо мне никто не просил, не намекал. К тому же в голодные зимы я всегда с добычей, да еще и меха приношу, какими он дань в тот же Киев отправлял. Его все устраивало.

— Сколько же лет ты к тому времени уже пережила? — с невольным волнением спросил Озар.

— Да больше двадцати уже.

Озар поник головой. К этому возрасту не побывавшая с мужиком девка считалась и впрямь нарушившей обычай.

А Яра продолжала:

— Волхвы приказали отправить меня на капище Лады и отслужить упушенное. Да только ко мне Лада милостивой не была. Лесное капище на перекрестке дорог... Ну, ты сам понимать должен.

Да, он понимал. И горько ему сделалось. На таком лесном капище девка, отданная на утеху любовную, должна отдаваться любому, кто возжелает. Отказать не смеет — иначе кормить перестанут, а то и избивать будут. Вот Яре и пришлось принимать любого, кто похоть почувствует. Особенно ей доставалось, когда полюдни-ки¹ из Киева приезжали, давно соскучившиеся по женскому телу. Или долго промышлявшие в чащах охотники, которые хотели утешиться плотски. Тут надо всех ублажить, всем достаться.

— Когда год моего служения был на исходе, — продолжила Яра, — я была уже брюхатой. Рожала тяжело и мучительно. Да только ребеночек мой мертвым на свет явился. А родовичи сказали, что если сама я от кикиморы или лешего родилась, то и дитя мое не жилец. Так они меня утешили. Я же решила, что отлежусь немного, окрепну и навсегда в чащи уйду. Сама стану кикиморой, а к людям больше не вернусь. Однако не ушла. Болела я долго. Но отлеживаться мне никто не позволил — поручали всякую работу, от какой иные откажутся. Как-то зашел разговор, что надо бы меня все же выдать за мужа, чтобы жила, как обычная мужняя жена. Но не выдали.

¹ Полюдники — люди в обозе правителей, совершавшие сбор дани — полюдье — по подвластным землям.

И что хочешь говори, волхв, но все же мужики брезгуют бабой, какую кто только своим семенем не наполнял. Да и хворая тогда была, как уже говорила. Кому хворая нужна? А потому, когда Мирину в Киев отдавали и жребий уезжать с ней на меня выпал, я даже обрадовалась. Отдавали меня в холопки, но отпускали же! А Мирина, надо отдать ей должное, по прибытии в Киев особо не распространялась, что я общей полюбовницей на капище Лады служила. Да еще и бесправной, в наказание. А вот Дольма... И кто его за язык тянул? Хотя это не помешало тому же Вышебору за себя сватать меня. Но в Киеве я уже стала другой. Не последняя в роду, а первая на хозяйстве. Вот и отказалась повиноваться. И ничего. Дольма, правда, долго ворчал, но вроде как смирился. Ибо знал, какова я на самом деле!

Яра закончила свое горькое повествование с неожиданной гордостью. Даже улыбалась. Она уже почувствовала свою силу, она знала, что не пропадет в миру. Поэтому, поведав волхву о своем позорном прошлом, она все равно не чувствовала себя униженной. Но и Озар не испытывал к ней ничего, кроме уважения. Ну было с ней в минувшей жизни лихое, однако днями и годами уже отодвинуто куда-то в прошлое. Сейчас Яра вон какой стала. Пусть и тоненькая, как березка, но сильная. И он смотрел на нее, смотрел...

Яра почувствовала его взгляд и улыбнулась волхву. Она так редко улыбалась... Однако это был лишь один краткий миг. Уже в следующее мгновение помрачнела вековуха, поникла. И вдруг сказала:

— Я пришла сюда не затем, чтобы душу изливать. И что ты за человек, ведун, если я создалась тебе в том, о чем и сама не думала? А на деле я хотела сказать вот что: зря ты Радко выпустил! Опасался он Тихона. Ибо ему было чем рисковать, если парнишка заговорит... Вот

и... О, помоги Всевышний, страшно мне тебе в таком признаваться!

«А при чем тут Всевышний?» — с досадой отметил Озар. Но не перебивал, слушал. И про свидание Яры с Радко по знаку, какой парень передал, и про то, как он сразу убежал, поняв, что не та к нему пришла.

— А что за знак он передал, чтобы явилась? — спросил Озар.

Ключница вынула из калиты на поясе резную поделку и протянула. Волхв какое-то время рассматривал: толстый колос, обвитый искусно вырезанным цветком.

— И этим он мог приманить тебя?

— Мог, — поникла Яра.

Она вдруг заплакала. И призналась... Оказывается, в вечер гуляний на день Дажьбога плодородного, когда на игрища девицы прячут лица под личинами да мужиков приманивают, Яра сошлась на Поле вне града с пригожим Радомилом. Она ведь знала, что под берестяной маской полюбовницу трудно узнать, вот и решила — хоть один-единственный раз полюбиться по собственной воле, а не по принуждению. Девки о Радко говорили, что и ласковый он, и сладко с ним. Яра и приманила его, насладились страстью. Но потом, пока он не узнал в ней дворовую ключницу, быстро сбежала обратно в терем.

— Жуюга тогда мне помог, — добавила негромко. — Он и коня мне за ворота выводил, когда на игрища собралась, он же и Дольму задерживал после вечерней службы в церкви на Подоле, чтобы я успела вернуться. Дружны мы были с Жуюгой, вот он и взялся подсобить. В итоге никто ничего не проведал. Я и решила — обошлось все. А потом мне Тихон вдруг резную поделку от Радко передает, говорит, что ждет меня младший Колоярвич. И место указал верное, где на Дажьбога день

мы встречались. И подумалось тогда: неужели я что-то значу для Радко? Но оказалось...

— Оказалось, что другую ждал, — закончил за нее волхв.

В груди у него запекло, старался унять бурное дыхание. И сам удивлялся тому, как его задело признание белобрысой вековухи. Хотя с чего бы? Игрища в честь богов часто такими любовными потехами славятся. А Яра — баба вольная, с кем хочет, с тем и сойдется. Но обида на нее не проходила. Озар едва сдерживался, хотя и понимал: он служитель богов, а потому не должен чувства выказывать. И все же невольная обида заставила произнести:

— И как только ты поняла, что не мила красавчику Радко и все его желания с Мириной связаны, то и решила предать их обоим. Небось, сама сообразила, что, отправив Тихона к хозяйке, он не тебя, ключницу, звал, а ту, что всем тут владеет.

Яра стояла с поникшей головой, тихая, покорная. А Озар все рассматривал колос и цветок. Ну да, такие поделки молодцы дарят своим милым в особые праздники — на Ярилу ярого, на Купалу, когда кто с кем только не сходится, да и на Дажьбога плодородного, когда парочки прямо на поле страсти предаются. А эта поделка является символом любовного соития. Колос — знак мужской силы, цветок — девичьей красоты.

— Ну и как тебе Радомил Колояров показался? Хорош-то хоть колос у него?

Яра сцепила руки до хруста, вскинула светловолосую голову:

— А что тебе в том, каково мне с Радко было? И учти, созналась только тебе, но больше говорить об этом ни с кем не стану! Просто дала понять, что с Мириной он был. Вот и мог опасаться, что Тихон разболтает.

— А тебя, молчунья дворовая, похоже, совсем не опасался?

— Он и глянуть на меня на другой день не мог. Но знал, наверное, что не выдам его. Однако когда Тишку нашли... я подумала, что тебе следует знать, что в тот вечер случилось. Хотя, если честно, теперь даже не понимаю, зачем все рассказала...

— Я ведун, мне люди все о себе говорят. Однако сейчас иное тебе скажу: ты же все замечаешь, а значит, должна была понять, как я к тебе отношусь. И знаешь, что во зло тебе твоё признание не использую.

Яра заморгала ресницами, смотрела на него, на его мягкую улыбку в полумраке. И ей сделалось легче. Выходит, не ошиблась она, признавшись. Не обманулась, доверившись ему — такому доброму, такому понимающему. Но отчего-то и смущение было. Может, потому, что он так на нее смотрит?

Яра потупилась, затеребила окованные концы пояса.

— А ведь я до того, как Тихон передал мне поделку, и не догадывалась, что брат Дольмы с его женой... Как же умудрились? Ведь Дольма с Мирины глаз не спускал, все при себе держал да похвалялся, какая она у него красавица.

— Но при этом бесплодная, как уже судачили.

Яра как будто не услышала последних слов. Другое сказала:

— Когда мы с Мириной от древлян приехали, Радко лишь свою пятнадцатую весну проживал. Длинный был, худенький, совсем еще отрок. Но дерзкий, красивый. Он Мирину сперва задирали, злился на нее, словно новая жена Дольмы виновата, что заняла место Збудиславы. Ведь Збудислава всегда с младшим братом мужа была ласкова, заботилась о нем. А тут какая-то древлянка, которая и не посмотрит на отрока. Однако когда Радко через время из похода на болгар вернулся, то уже витязем себя посчитал и совсем иначе жену брата затрагивал.

Мирина лишь на три года его старше, но в ту пору цвела красой, как никогда, — всегда нарядная, убранная, будто царица заморская. Да и красотой своей похвалиться любила, на иного мужика так глянет... Тот же Творим немел от ее взора, а Бивой прямо трясся весь, стоило ей к нему обратиться ласково. Даже Хован женатый на нее засматривался. Радко же просто взора с нее не сводил. И ведь уверен был, что такой, как он, всякой голову заморочит, как Любостай¹. Вот к ней и подступился. А она сразу мужу пожаловалась. Тогда Моисей сильно Радко выпорол. Еле отлежался парень, я же его и выхаживала. Жалко мне его было, глупого, но такого пригожего юнца. Но что-то в нем опасное было. Я его, честно говоря, немного побаивалась.

— Видать, еще тогда он запал тебе в душу, вот и побаивалась, — сухо заметил Озар.

Яра посмотрела с вызовом:

— А кому бы такой не запал в душу — веселый, дерзкий, пригожий, как сам Ярила. Но мне тогда он как младший брат был, я ведь почти на шесть годочков его старше. Да и ко мне Радко лишь с почтением относился. Мирину же, казалось, сторониться начал. Но она не такая, чтобы хоть кому голову не заморочить. Вот и заигрывала порой. И все же я была уверена, что оба они блюли себя ради Дольмы. Однако этим летом, как только отгуляли мы Ярилу², Радко вдруг снова как с цепи сорвался. И Мирине просто проходу не давал. Да только она опять мужу пожаловалась. И снова Дольма приказал Моисею выпороть Радко.

— Ну, все ясно, — заложив руки за голову, молвил Озар и вдохнул всей грудью. — Подманила красивого деверя Мирина, когда поняла, что от мужа понести не может.

¹ Любостай — дух в облике красивого молодца, который изводит женщин любовью, добиваясь взаимности ласками.

² Праздник Ярилы отмечался в конце мая или в начале лета. Приблизительно как в наше время отмечают Троицу.

А как почувствовала, что получилось у нее, то сразу в сторону. И Перун мне свидетель, Дольма бы их за подобную связь не помиловал.

Сказал это ровно, без особого удивления, так как сам давно все понял. А вот Яра никак не могла успокоиться:

— Ты пойми, волхв, если про их связь кто прознал... Страшно и подумать, но, может, опасаясь огласки, любовники Дольму и того... Ведь в тот день Мирина почти нагая в реке плясала, все на нее смотрели, да и Радко возле самого Дольмы был. И теперь... Горько мне теперь, — всхлипнула Яра. — Особенно как подумаю, что и Тихона Радко мог сбросить отсюда... — И она посмотрела на уходящий вниз склон. — К тому же Тихон углядел кого-то из окна в ту ночь, когда Жуюге голову проломил. А вдруг бы опознал, что это младший Колоярович? В ту грозовую ночь Радко в доме не ночевал. Ну а потом... Потом Тихон меня к нему вместо Мирины покликал. И знаешь, как меня, еще неопознанную, Радко во тьме назвал? Голубка моя! Но я бы его не выдала, если бы не Тихон... Вот и решила поделиться с тобой тем, что меня гложет.

— А не потому ли, что взревновала? — резко спросил Озар. Голос его уже не был душевным, чарующим.

И опять волхв почувствовал, как что-то сдавило в груди. Смотрел в сумерках на ключницу, злился и сам себя осуждал за это. И на что ему эта вековуха белобрысая? Но как подумает, с какой охотой Яра побежала к Радко, решив, что тот покликал ее... А потом еще вспомнилось, как она ласково улыбалась парню, как волосы ему лохматила. Тянуло ее к пригожему Колояровичу, тут и гадать не надо.

А его самого...

И Озар вдруг сделал то, что давно хотел: схватил ключницу за плечи, сильно прижал к себе и поцеловал яростно в губы.

Она и не сопротивлялась, замерла, стояла в его руках притихшая, покорная. От его неожиданной силы и страсти совсем в голове помутилось. И губы его — горячие, яростные, властно раздвинувшие ей рот, — словно подчинили ее, оглушили, унесли куда-то, где нет ни мыслей, ни возмущения. Да какое же тут возмущение, когда неожиданная сладость вдруг опалила в груди, когда поддаться его зову захотелось так... как и представить себе не могла. И она продолжала стоять в его руках, ощущая, как жесткий поцелуй становился мягким, упительным, сладостным...

Только после бесконечно долгого мгновения Озар прервал поцелуй, сам еще потрясенный, но довольный ее покорностью.

— Дивная моя... — прошептал в запрокинутое лицо Яры, в закрытые глаза.

Он все же отступил, переводя дыхание, заметил, как она пошатнулась, ухватившись рукой о парапет, как будто опасалась споткнуться, осесть. Смотрела на него какое-то время, но потом, так ничего и не сказав, начала пятиться, пока не повернулась и кинулась прочь, унеслась, сбжав по лестнице легкой тенью. Словно померещилась.

Но ничего ему не померещилось. Ни то, что она поведала, ни вкус ее прохладных покорных губ. Ведь не откликнулась... но и не вырывалась.

И только немного спустя, оглянувшись, Озар заметил над крышей летней кухни открытое окошко Вышебора. Темным оно было, не разглядишь во мраке, смотрел ли Вышебор оттуда или уже почивать лег. А еще подумалось: что мог видеть старший Колоярович из окна прошлой ночью? Хотя, если бы видел что-то, отмалчиваться бы не стал. Или стал? Смолчал бы, если бы дело касалось его брата Радко?

Яра же успокоилась лишь у себя в горнице. Сама не помнила, как сюда пришла, как, минуя истобку, где уже все укладывались, что-то отвечала на пожелания добрых снов. Или не отвечала? Поцелуй Озара многое ей открыл. Ишь ты, волхв, ведун, перунник! Но такой... О, она ведь и ранее замечала, что он с нее глаз не сводит.

В темноте, разматывая узел волос, ключница довольно улыбнулась.

— Вот так-то! — сказала в темноту. И улыбка ее стала шире, глаза засветились, как у кошки в ночи.

ГЛАВА 9

Добрыня старался не вмешиваться, когда Владимир обговаривал что-либо с византийцами. Вот и сейчас, находясь в расписной палате, воевода стоял себе в сторонке, вроде как присутствовал, но при этом оставался незаметным. Ему-то и дел сейчас, так это сообщить князю, что охотники высмотрели славного оленя в лесах за речкой Либедь, да сказать, что к ловам все готово. Но приходилось ждать, пока Владимир с послами заморскими обсуждение закончит. Это не Добрыни дело, его племяш — умелый правитель, сам сладит. Да и царице Анне не нравится, что дядька возле ее мужа по поводу и без. Жёны Владимира, они все такие, им желательно самим влиять на супруга, чтобы никакой Добрыня не вмешивался. Такой и Рогнеда Полоцкая была, теперь же Анна ромейская тоже не сильно рада, что Владимир то и дело с дядькой советуется. Вот Добрыня и старался себя не выпячивать. Он уже понял, что решение Владимира отправить его в Новгород от Анны исходит. Хотя не сильно и расстроился. Новгород Добрыня любил, давно там посадником состоял и теперь даже несколько сердился на себя, что в Киеве стольном засиделся. Ну, сотворили они тут великое действие, окрестили народ, но по всей великой и дремучей Руси еще немало сделать предстоит, дабы люди приняли веру в Иисуса Христа. Не просто это. Но тем и интереснее. Добрыня любил, когда ему интересные свершения предстояли. Это воеводу всегда окрыляло, позволяло себя сильным и нужным чувствовать, дарило ощущение ретивости ярой.

Так что на супружницу Владимира Добрыня, по сути, не обижался. Нравилась она ему. Вон какие порядки за

столь короткий срок на Горе киевской завела, на службы ее церковные народ стекается, смотрит, слушает; а еще она людей нужных привечает, на пирах не стыдится подзвать ближников супруга, знает, кому какое слово сказать. Язык она учит быстро, вникает во все дела. Сейчас вроде как в сторонке за рукоделием сидела, но не пропускала ни слова из того, о чем Владимир с ее евнухом Евстахием речь вел, и в какой-то миг отложила пяльцы, повернулась.

Добрыня тоже прислушался. Этот полный гладколицый Евстахий, по мнению Добрыни, был самым непростым из прибывших с Анной ромеев. Он вроде как глава цареградского посольства, с ним Владимиру чаще всего приходится дела вести, но все при дворе киевском уже поняли, что этот муж обрезанный не так-то прост. И как бы Владимир ни наседали на него в своих интересах, Евстахий всегда умел высказать собственное мнение. Даже слово Анны теперь, когда она стала супругой этого варвара, для евнуха не много значило. Ибо она, даром что порфирогенита, уже не столько цесаревна ромейская, сколько жена опасного соперника Византийской державы.

Сейчас Владимир обсуждал с Евстахием возможную доставку греческого огня¹. Дескать, раз он теперь родня базилевсов из Константинополя, то отчего бы с русским родичем не поделиться этим оружием?

Такого даже Добрыня не ожидал от сестрича. Вот же отчаянная голова! Да ромеи ни за какие блага свое тайное оружие никому не передадут! Правда, ранее они и царевен своих порфирородных не отдавали в жены правителям других государств, а вот же она, Анна Константинопольская, сидит на покрытом ковром кресле

¹ Греческий огонь — горючая смесь, применявшаяся византийцами в морских битвах и при осаде крепостей.

под расписным деревянным сводом, качает головой, так что вдоль лица колышутся жемчужные грозди подвесок. Видать, сама поражена дерзостью мужа.

Однако евнух Евстахий оставался спокоен. Лишь брови его чуть шевельнулись в первый миг — только так осмелился выразить посол ромейский неудовольствие требованием князя.

А Владимиру хоть бы что. Чуть подался вперед, упершись рукой в колено, смотрит из-под обвивающего чело блестящего венца.

— А не пришлют мне твои базилевсы смесь горючую, то учти, я могу и сам за ней в Царьград нагряться.

Евстахий потер пухлые ручки у груди. Они казались такими маленькими на фоне его облаченного в хламиду круглого тела.

— Удивляете вы меня, пресветлый архонт. Поэтому я кое-что поведаю. Был в прошлые годы на Руси правитель, Игорем звавшийся. Дед ваш, если не ошибаюсь? Вот и осмелюсь напомнить, что некогда он тоже хотел получить греческий огонь и пошел с флотом на богохранимую нашу империю. Вы ведь знаете ту историю? Как и знаете, чем она закончилась. Сгорели корабли Игоря Киевского в море, мало кто спасся тогда¹. Разве для вас это добрый пример для подражания? И Свендослав, отец ваш прославленный, воевал с ромеями в надежде получить ту горючую смесь. Но тоже как-то так... не вышло у него. Вы из архонтов Руси самый везучий: вам удалось добиться того, чего не сумел никто в целом мире, — получить руку цесаревны и породниться с императорами ромейскими. Вот и цените это, ибо теперь много о чем мы сможем договориться, однако отнюдь не о горючей сме-

¹ В 941 году князь Игорь пошел в поход на Византию, окончившийся для него поражением: встречный ромейский флот сжег его суда греческим огнем.

си. Ибо это великая наша тайна и мастера, знающие ее, спасением своей души клянутся, что никому ее не откроют. Вы ведь понимаете, как это сильно — покаяться спасением души? А, новообращенный Владимир?

Владимир вздрогнул. Став христианином, князь часто вспоминал о своих былых деяниях и понимал, как много грешил в прошлом. Что ж, теперь ему надо молиться и молиться, чтобы спасти душу для Царствия Небесного. Тут уже не до угроз, тут позаботиться о себе самом нужно.

Князь ни на миг не сомневался, что после земной жизни есть еще и жизнь духа. Видел он не раз, как менялся облик умерших, когда их покидал земной дух, — казалось, лица становились одинаковые, менялось их выражение, душа исчезала. И что теперь, куда денется душа самого Владимира, если светлый Ирий для него заказан? А может, и не было его никогда, Ирия этого, если, как говорят, и небо, и землю сотворил тот, кого называют Творцом?

И уже маловероятно, что Творец создал славянский Ирий. Может, где-то и есть уголок небесный, где обитают пращуры русского князя. Но тот уголок уже переполнен жившими до Владимира, а ему самому открывалось нечто иное, более великое — целое небо. Для его души. Если он спасет ее. И он должен это сделать. Разве не обязан он теперь постараться выполнить все необходимое для вечной жизни после смерти, если уж ему удалось столько свершить за свою непростую бурную жизнь? Хотя сам себе Владимир признался... а еще корсунянину Анастасу на исповеди говорил... что душу спасти очень непросто.

Лицо князя при этих мыслях сделалось таким отстраненным, мечтательным, что Добрыня решил все же вмешаться. И скоро перевел разговор на то, что, по сути, все установы договора с ромеями уже улажены, так что настала пора отправляться им восвояси. Пока еще по высокой воде можно миновать днепровские пороги,

не нарываясь на засады степняков-кочевников; да и время осенних штормов еще не настало, вот и поплывут гости ромейские к себе домой, поплывут...

— Но вы же обещали, что сперва мы узнаем, кто убил христианина в день крещения людей, — напомнил евнух.

— И впрямь, как там обстоят дела с дознанием об убийстве Дольмы Колоярова сына? — тоже повернулся Владимир.

А сам смотрит не столько с интересом, сколько умоляюще. Дались ему эти расспросы ромеев про дознание. Но, услышав ответ, что толковый человек Добрыни уже занялся этим делом и скоро все будет выяснено, довольно улыбнулся. А там и вообще просиял, узнав про охоту на оленя.

— Собираемся все! — приказал.

Любо ему отвлечься от споров-разговоров на настоящее живое дело да размяться на ловах.

Добрыня, уже выйдя на крыльцо, заметил среди толпившихся на широком дворе дружинника Златигу. Хорошо, пусть сообщит, что там за дела в усадьбе Дольмы. Разрешилось там все или опять лишь сообщит, что холопа какого-то убили? Добрыня сразу понял, что смерть холопа неспроста произошла, но ведь для ответа по расследованию этого мало. Вот и поманил к себе Златигу.

Дружинник был одет, как и положено являться ко двору князя: кольчуга вычищена, плащ легкий через плечо свисает, на голове кованое очелье. Витязем достойным выглядит, даром что рожа кривая. Добрыня слушал его, понимая, что раз опять кто-то помер в дворе соляного купца, пусть и мальчишка приемный, то, может, имеет смысл самому туда съездить да разузнать, что творится? Негоже это, если по Киеву пойдет слух, что в доме купца Дольмы, верного поборника крещения, люди гибнут один за другим. Но не успел сказать это, как Златига

вдруг уставился на кого-то за плечом воеводы, а там и кланяться начал.

Возле них на крытой галерее дворца княжеского стояла Анна. На дружинника едва посмотрела, а вот к Добрыне обратилась учтиво:

— Я хочу узнать вести, как идет дознание по делу погибшего купца Дольмы.

Она говорила с заметным иноземным выговором, осторожно подбирая слова:

— Вы умный человек, воевода. И во имя самого Господа и его Пречистой матери хочу, чтобы вы не забывали про это дело. Расследование должно пройти разумно и с доказательствами. Этого и я желаю, и иные послы. Это божье дело. Дело о справедливом возмездии.

И добавила:

— Напомню, что при дознании обвинить кого попало не должно. Надо сделать все по правде, а не лишь бы отчитаться. Поэтому не надо, чтобы этим занимались ваши пытошники. Известно, что у них любой заговорит, только неизвестно, истину ли скажут, дабы мук избежать. А нам не нужно... эээ... поклепа. Верно я это произнесла — поклепа?

Ну да, все верно она сказала — не нужно ей искажения дела, наговора и лжи. Истина нужна. Это, по сути, даже хорошо. И как же она смотрит темными глазами — умными, настороженными. Этой что ни попадя не подсунешь, лишь бы утешилась.

Добрыня сообщил ей, что как раз собирается проехать к дому убиенного, узнать, что там и как. И когда Анна отошла, кивнул в ее сторону Златиге:

— Видел, кто за делом Дольмы надзор учинил? Сама царица! И она не отступится. Сколько вы уже с Озаром на Хоревнице обитаете — три, четыре дня? Раньше этот волхв куда скорее дела распутывал. Так что, думаю, пора

мне туда наведаться. А по пути ты мне расскажешь, что там и как у вас. Мальчишка, сказываешь, свалился с обрыва? Днями ранее холопа конь потоптал, теперь это. Учти, Златига, мне не нравится, если о бедах в усадьбе покойного Дольмы слух будет ходить по Киеву. Наш соляной купец на себя все внимание взял, отправившись со всей родней в Почайну, а тут такое началось. Мало того что самого Дольму порешили, да еще что ни день, беда с его домашними случается. А люд у нас такой, что сразу начнет болтать всякое. Дескать, беды с христианами новообращенными творятся. Отказались от старых богов — и вот что теперь происходит с ними.

Златига молча хмурился. Прошел за воеводой, сел на коня, ехал рядом, почти стремя в стремя. Попытался было по дороге поведать все до мелочей, но в шумном Киеве, да в такой толчее это не особо получалось. Людно было на Боричевом увозе, по которому спускались с Горы, еще более людно стало, когда на Подол выехали. Народ то и дело обступал, люди шли приветствовать воеводу, желали здравия. Добрыня ответно поднимал руку, с кем-то даже заговаривал, но сам о своем все думал: уезжать ему пора, дел вон сколько. Владимиру он тут толком уже и не нужен. Князь на ловы сейчас отправится, даже не столько для забавы, а чтобы пополнить запасы. Шутка ли, столько ртов надо кормить при дворе — и своих всех, и посольство ромейское. А эти все артачатся, ждут конца следствия. Нашли причину задержаться, хотя уже сами должны понимать: сделали дело — и пора восвояси.

Но когда они явились ко двору Колоярвичей, иные заботы увлекли Добрыню. Ибо там был переполох. Воевода едва с коня слез, как Радко к нему так и кинулся.

— Опять беда у нас, славный Добрыня. Ну чисто кто порчу навел!

Добрыня заметил среди вышедших к нему навстречу волхва Озара. Тот был хмурый, мрачный. На вопрос, что случилось, ответил:

— Кухарка здешняя внезапно померла. Голицей звали. Да не просто померла: кричала, задыхалась, желчью ее выворачивало. А потом испустила дух.

Ну вот, даже в это Добрыне придется вникать — стряпуха преставилась. И все вокруг растерянные, смущенные, страхом охваченные. То, что мрут здесь как мухи, совсем не дело. И тут не порча — тут злодейство творится.

Добрыня сперва зашел на хозяйский двор, посмотрел на толстую неподвижную женщину, лежавшую у большой печи-каменки. Глаза открыты, вокруг рта грязные желтоватые разводы. Добрыня ничего не сказал, отошел, сделав знак волхву идти следом. В доме, в просторной истобке, опустился на главное место, велел остальным выйти.

— Рассказывай, — велел коротко.

Вскоре выяснилось, что этим утром Голица, как обычно, приготовила для своей госпожи травяной настой. Мирина страдала от случающихся у беременных баб немочей, и кухарка для нее постаралась: мяту заварила, Melissa, иные травы пахучие, какие от дурноты помогают. Ну и, видать, сама попробовала, каково оно получилось. Может, сразу хотела отнести, может, дала еще немного настояться да остыть, но только после того, как попробовала, ей сразу плохо стало. Сперва, видать, не сильно, если только покликкала горничную Загорку, велел отнести. Ну та и понесла в терем.

— А как сама Мирина? — всполошился Добрыня. — Я что-то ее среди собравшихся не заметил. Ну что молчишь, ведун? Одно дело — если кухарка пойлом тем отравилась, другое — если сама...

— Да ничего с купчихой не случилось, — отмахнулся Озар. — Она даже на шум не вышла. Загорка с перепугу

кинулась назад, но упала и разлила напиток. А как явилась к Голице, та уже опрокинулась, каталась по земле, кричала, что горит у нее все в горле и груди. Загорка так испугалась, что только смотрела, но кое-кто стал поднимать Голицу, поить водой ключевой. Я тогда как раз подошел. Вижу, Голица уже обрыгалась вся, глаза вытаращенные, задыхается. Ключница Яра над ней стояла перепуганная, не знала, чем и помочь. Ну, я и поспешил к поварихе. И знаешь, воевода, когда подхватил я ее, она только и твердила, что Мирина ее отравила. Все это слышали, как и заметили, что Голица на терем указывала.

— Но настой же Голица сама готовила?

— Сама. Но знаешь, то ли с вечера настаивала травы, то ли с утра залила, я узнать не успел. Тут летняя печь на хозяйском дворе под навесом находится, там всякий пройти может. Если Голица отвлеклась или отошла, пока травы настаивались, кто угодно мог добавить отраву в опарницу¹. Но когда кухарка уже отходила у меня на руках, я стал догадываться, чем ее могли отравить. Запах уловил знакомый. Есть такая трава, борец-корнем называется, или волкобоем, а то и ведьминой травой. Ее обычно используют для изготовления мазей, чтобы суставы не болели. И в доме такая была, потому как калеку Вышебора ею мазали. Но ключница Яра, у которой подобное снадобье хранилось, уже показала мне ларчик и заверила, что у нее все под замком, ничего не брали оттуда. Выходит, что отраву из града принесли.

— И ты вот так сразу понял, что это за отравка?

— Говорю же, знаю это зелье. Я ведь волхв, нас в травах учили разбираться. Растет борец-корень на влажных местах вдоль ручьев и рек. Цветы у него синие с лиловым, ну чисто как глаза у купчихи Мирины.

¹ Опарница — высокий глиняный горшок.

— Вот и ты заметил, какие у Мирины глаза, — усмехнулся Добрыня. — Но как же сама она? Почему кухарка ее уличить хотела, если своими же руками готовила зелье?

— Да открылось мне тут кое-что из прошлого вдовицы-красавицы. Не всегда она была верна Дольме, и, видать, Голица могла ее уличить кое в чем, что Мирине было нежелательно. Вот она, возможно, и захотела избавиться от кухарки. Да и горничная ее Загорка вчера в город уходила, могла принести отравное зелье. Там, где травами торгуют, можно всякое приобрести. Так что, думаю, стоит порасспросить тамошних торговцев, не являлась ли к ним девка со двора Коляяровичей. А потом и с самой Загоркой поговорить. Девка она не очень умная, и если нажать...

— Это та самая Загорка, которая так вовремя разлила настой, для хозяйки предназначенный? И часто она разливает питье хозяйское?

Озар хотел что-то сказать, но вдруг застыл. Смотрел на Добрыню, а потом как-то странно улыбнулся:

— Ну и голова же у тебя, воевода! Как ты сразу догадался?

О чем догадался Добрыня, тот и сам еще не понял. Но вскоре увидел, как толково Озар умеет работать. Волхв велел привести Загорку, а она, оказавшись перед воеводой и служителем, сразу в слезы. Но Озара ее слезы не тронули. Смотрел на Загорку, потом за руки взял и так их сжал, что девушка вскрикнула.

— Кричи, не кричи, Загорка, а я тебя насквозь вижу! — глухо и властно начал Озар. Рванул так, что она на колени перед ним упала. — Отвечай — часто ли ты под дверью госпожи подслушиваешь? Что Голица Мирине сказывала? И что из того тебя так обозлило? Говори без утайки, пока воевода не велел с тебя кожу ремнями резать!

«Ну, царица-то как раз этого и не велела», — подумал Добрыня, но говорить ничего не стал, видел, как горничная трясется. Может, от слов волхва и толк будет.

Тут как раз сама Мирина на лестнице появилась. Худо ли ей было этим утром или нет, но нарядной павой вышла купчиха — косы короной уложены, серьги блестят в ушах не менее ярко, чем синие очи.

— Здрав будь, боярин Добрыня, — произнесла, сходя по ступеням. — Что же это ты позволяешь своему волхву мою девушку обижать?

А Загорка как увидела хозяйку, так и запищала:

— Матушка госпожа милая, защити! Я бы никогда тебе зла не сделала! Я не дала бы тебе настой отравленный. Это все Голица противная, для нее все поганой!

Мирина так и замерла на лестнице. Тут уж и Добрыня к Загорке шагнул, тряхнул ее сильно:

— А ну говори! Скажешь сама, мучить не станем! Но если умолчишь... Страшно умрешь, люто! Весь Киев на лобном месте твою кончину наблюдать будет!

Загорка только завывала пуще прежнего. Озару даже пришлось ее успокаивать. И та призналась, поникшая и смирившаяся.

Оказалось, что вчера она подслушивала — как и часто ранее — под дверью госпожи. И узнала, что Голица надумала женить своего сына Бивоя. Мирина, добрая и великодушная, сразу сказала: Загорку за него отдам, хорошее приданое ей справлю. У горничной даже сердце зашло: вот оно, счастье! — подумала. Но кухарка давай Загорку поносить да оскорблять: дескать, и мать ее от барана понесла, и боги изуродовали. Загорка знала, что не так хороша собой, но ведь и здорова телом, и в милости у хозяйки, да и не урод она! Только Голица ее как раз уродом выставила. Причем ни о какой свадьбе горничной с сыном и слышать не хотела. Ведь что задумала проклятущая Голица — саму Мирину возжелала супружницей Бивоя видеть! Говорила: как только та разрешится от бремени, пусть скажет, что Бивоя мужем возьмет. А до-

брая Мирина даже растерялась, загоревала. Вот тогда Загорка и решила: отравит она Голицу, когда та пробовать настой станет. Она всегда его пробует. И как послала Мирина Загорку во град по делам, она и приобрела нужное зелье на Подоле. А утром, еще затемно, сбегала на кухню и плеснула содержимое в отстаивавшееся пойло. Но хозяйке своей Мирине она никогда бы подобное зелье не поднесла — боги свидетели! — и горничная уже по привычке подняла руку к небесам, призывая тех в видоки.

Мирина слышала это со своего места на лестнице и, охнув, кинулась наверх. Добрыня же позвал Златигу. Пусть дружинник кликнет стражей, дабы увели куда надо отравительницу.

Загорка была как резаная, когда ее уводили. Люди на улице собрались, болтали всякое, на двор Колояровиной указывали.

— Не дело это, что дурная молва о ближниках Дольмы пойдет, — вздохнул сокрушенно Добрыня. — Нам, Озар, надо чисто все проведать да отчитаться. А тут... Ох, не ладно все это.

Они вышли из дома, стояли вдвоем с волхвом на гульбище, смотрели, как Лещ и Бивой закрывают калитку. Отец и сын отравленной Голицы смотрели друг на друга, бурно дышали. Хорошо еще, что стражники их удержали, не позволили растерзать Загорку. Но кары ей теперь все равно не избежать.

Добрыня снял удерживающий волосы ремешок, тряхнул головой: во тут дела какие. И к Озару обратился:

— Как считаешь, ведун, если эта девка Загорка такая прыткая, то могла ли она и хозяина Дольму порешить?

Озар посмотрел на воеводу почти весело.

— Ты сам хоть веришь в то, что говоришь? Кто же сочтет ее мастерицей так ловко метнуть шип каленый? Нет,

убийцу Дольмы я уже знаю. Но вот кто его на это надумил — вопрос.

— Так что же ты тянешь, Озар? Раньше ты более приткий был, соображал быстрее. Или хочешь, чтобы твои приятели-волхвы начали в подземных пещерах пухнуть с голоду? Учти, я могу приказать, чтобы их перестали кормить, так что поторопись с дознанием.

Озар приблизился к воеводе. Они с Добрыней смотрели друг на друга как враги, но Озар был в услужении, его наняли — и он согласился. Теперь же сказал:

— Идем, я все поведаю тебе, Добрыня. Я не только бока тут отъедал, но и работал до ломоты в затылке от размышлений.

Они долго беседовали, вновь расположившись в истобке, и никто не смел к ним даже подойти. Мирина больше не выходила из своей горницы, а Вышебор притих, не требовал, как было сперва, чтобы Добрыня его навестил да почет бывшему соратнику выказал. О дворне и говорить не приходилось: все понимали — сейчас что-то решается.

Добрыня внимательно выслушал волхва. И про то, как Озар расспрашивал каждого в усадьбе, как решал, кому может быть выгодна смерть купца Дольмы. Рассказал ведун и о том, как пришел к выводу, что убийцей мог быть именно Жуяга. Он даже расставил перед воеводой свои чубышки, объясняя, кто и где находился в тот день в Почайне и что мог совершить. В итоге доказал — метнуть шип в хозяина было удобнее всего именно Жуяге. И теперь осталось Озару разобраться в том, кто мог плешивого Жуягу на это надоумить.

— Знаешь, как говорят в народе, Добрыня: комар лошадь не повалит, пока медведь не подсобит. Вот и тут так же. Был за Жуягой кто-то, кто его подвел к смертоубийству. Сам бы он вряд ли ни с того ни с сего на подобное пошел.

Добрыня не забыл, что, когда по его наказу волхва привели в усадьбу Колояровичей, холоп Жуяга повел себя странно. Воевода, как и волхв, тоже это приметил. Теперь же спросил: а разве Вышебор, за которым находился Жуяга, не мог метнуть? Ведь оба, и калека, и Жуяга, находились как раз в том месте, откуда можно было попасть в Дольму. К тому же ранее Вышебор был умелым воителем, руки, небось, не забыли, как оружие метать. Озар же подумал, что воевода явно не питает симпатии к старшему Колояровичу и ему пришлось бы по душе, если бы именно этот калека оказался душегубцем. Но Добрыня не стал настаивать на своем, когда волхв пояснил, почему Вышебору невыгодно было избавляться от брата: оказывается, благодетельный Дольма покрывал кровавые забавы старшого и даже потворствовал им.

Воевода не на шутку расстроился.

— Не ожидал я такого от Дольмы, — молвил он, сокрушенно покачав головой. — Однако сейчас выносить сор из избы не позволю. Не ко времени. Позже разберусь с Вышебором. Ишь что задумал тать: девок-невольниц резать! Это ему не в походе на непокорных, это в самом стольном граде он такое непотребство творил. Но говорю же, сейчас то дело прошлое.

Озар бросил суровый взгляд на княжьего дядьку.

— Люб тебе Вышебор или не люб, но вижу, что ты всех их готов покрывать. А причина в том, что Дольма был известным христианином, купца и его родню выбрали, чтобы привлечь киевлян к новой вере. Но вот что я скажу тебе, Добрыня: семейка эта — настоящее змеиное гнездо. К примеру, тот же Вышебор считает, что имеет право убивать низших по положению. Да и Мирина могла желать избавиться от мужа, который грозился услатить ее обратно в леса. Радко, который уверяет, что любил строгого брата, тем не менее на его красавицу-жену позарился.

Поэтому и он мог желать избавиться от Дольмы, чтобы потом сойтись с милой его сердцу Мириной.

— Тут навряд ли, — подперев голову кулаком, возразил Добрыня. Задумчив был. — Потерять сердце от несравненной красы Мирины младшему Колояровичу легко, но вот сойтись с ней в браке он не сможет. Радко крещеный, как и сама Мирина. А у христиан не позволено брать за себя жену брата. Это грехом считается и кровосмешением, да и дети помирать будут в таком союзе. Вот если бы ни Радко, ни Мирина не пошли в тот день в Почайну на обряд, то по старым языческим верованиям Радко мог бы взять вдовицу старшего брата. А теперь — нет!

— А они это знали? — поинтересовался волхв.

— Ну, попы про это говорили. Не глухие же Радомил с Мириной, чтобы не услышать? Так что если бы хотели сойтись, то отказались бы от крещения. А так... Нет, если они и милы друг другу, то оба понимали, что стать мужем и женой им теперь не позволят. Выходит, и умысла валить Дольму у них не могло возникнуть.

Озар лукаво посмотрел на воеводу, его глаза так и лучились иронией.

— А ведь ты бы не хотел, чтобы я на них указал. И сам Радко тебе по нраву, да и в городе его любят. И Мирина слишком хороша, чтобы ее, христианку и жену известного купца, объявили головницей. Так что тебе нужно на самом деле, княжий дядька? Истина или удобный убийца, чтобы выставить его перед князем и ромеями?

— Мне нужна истина. И пока мне из всего, что ты поведал, самым подозрительным кажется Бивой.

Добрыня оглянулся в окно, откуда через двор была видна калитка, подле которой на завалинке сидел пригорюнившийся сын Голицы. Здоровенный парень, он сейчас выглядел таким унылым, что и его вислые усы казались поникшими в печали по своей родительнице.

— Вон как убивается, — покачал головой воевода. — А я ведь знаю, что парень этот дерзкий, самоуверенный и не раз в кулачных боях себя проявлял. Дольма даже подумывал его к себе в охранники пристроить, поднять в доме по положению. Нравился ему Бивой. Нравился и сам по себе, и тем, что интересовался новой верой. И вдруг этот силач заартачился и не пожелал идти на обряд крещения в тот день. Станным мне это кажется. Словно бы Бивой не хотел быть на месте убийства и тем самым считывал от себя все подозрения отвести. А ведь ты говорил, что дружен он был с Жуягой плешивым.

— Да, они приятельствовали. Однако какой резон Бивую избавляться от Дольмы? Тот его возвышал, добрым хозяином был. Уж не надеялся ли Бивой, имея толику крови Колояровичей, наследство получить? Смешно и наивно. Он хоть и простой парень, но тут должен был понять, что есть еще два брата Дольмы, да и жена. Которая к тому же оказалась в тягости.

— Бивой, возможно, и прост, как ты говоришь, а вот матушка его новопреставленная, оказывается, имела свои виды на вдовицу Мирину. Ну, если взять в расчет то, о чем поведала отравительница Загорка.

— А вот насчет Голицы ты правильно приметил, воевода, — даже подмигнул князьему дядьке волхв. — Эта кухарка что-то знала о тайне госпожи. Она к ней близка была с первых дней, как Мирину от древлян привезли. Видать, та ей и доверилась, когда поняла, что надо завести ребенка. Голица наверняка помогала, хотя позже эта хитрая баба решила выгоду свою поиметь и стала давить на хозяйку. А как поняла, что саму ее отравили, то решила, что это Мирина задумала от нее отделаться. Поэтому на нее и указывала перед смертью. Но все это не касается убийства самого купца Дольмы. Ибо я просто не представляю, что какая-то кухарка могла уговорить

плешивого Жуюгу пойти на такой риск, как смертоубийство господина. Не пошел бы он на это из-за Голицы и даже ради своего приятеля Бивоя, что бы ему те ни пообещали. Да и сама идея Голицы со сватовством только в ее глупой голове могла родиться. Какая бы слава разнеслась о вдове известного всему Киеву Дольмы, если бы его вдовица сошлась с бывшим холопом? Так что это были пустые надежды хитрой, но недалекой кухарки. Да и родня Мирины, братья ее мужа вряд ли бы такое позволили. Радко, так тот скорее бы пришиб Бивоя, если бы он на его ладу стал рот разевать.

— Тебя послушать, Озар, так никому смерть Дольмы не была нужна. И все же убили его. Да еще при всем честном народе. И если бы не поступок цесаревны Анны, если бы не отвлекла она людей, могло бы и столпотворение в тот день на Почайне произойти. Люди и тогда всякое поговаривали. Да и теперь болтают невесть что. И вот тебе мое слово, ведун: упаси Господь, если в усадьбе еще кто-то умрет лихой смертью. С тебя первого спрошу. И уже не помилую ни тебя, ни твоих волхвов!

Озар молчал. Смотрел на Добрыню потемневшими глазами.

— Тогда укажи, кто тебе нужен как убийца. Того и выставлю. Мне это легко. Докажу что угодно. Ибо любой тут может быть головником. Говорю же — гнездо змеиное.

Добрыня, погрузившись в размышления, вновь собрал волосы и перетянул ремешком. Вот выберет он сейчас того же Бивоя — и все, считай, дело сделано. И кто докажет, что Голица была так уж глупа, надеясь на брак сына с овдовевшей Мириной? Да и кто за Бивоя, челядинца простого, заступится? Воевода уже открыл было рот, чтобы высказать свой замысел, но тут его взгляд внезапно упал на икону в углу, украшенную рушниками, с горевшей лампадкой, которая высвечивала строгий лик

Христа. Суровые очи, серьезный взгляд, строгий лик. Добрыня смотрел на него, и постепенно что-то менялось в его лице. Молчал долго. Озар ждал.

Тут в истобку вошла Яра. Поклонилась от порога.

— Не обессудьте, что потревожила, но не откажется ли достойный воевода Добрыня с нами поттрапезничать? Пока суть да дело, мы с девками пироги напекли, каша готова, репа испеклась. И пиво как раз настоялось — славное, густое.

Добрыня какое-то время смотрел на нее — прямую, величавую, будто боярыня, спокойную. Потом повернулся к Озару и подмигнул:

— Видал, какова? Тут хоть небо пусть рухнет, а у нее все будет готово.

И к ключнице обратился:

— Согласен, душа моя. Угощай, а то и впрямь маковой росинки еще во рту не было.

Это оказалось даже кстати. За стол все садились молчаливые, помянули Голицу, выпили за ее душу. Добрыня говорил, что отпоят челядинку как полагается, добавив, что скрывать, кто на нее покусился, смысла нет. А то слишком часто гибнут люди у них на двореище — то конь затоптал одного, то парнишка свалился с городни. Так что пусть не скрывают злой умысел горничной. Без тайн надо обойтись, чтобы людям понятно было.

— Все ты правильно рассудил, Добрыня, — молвила сидевшая по правую руку от воеводы Мирина. — Горько мне, что такую змею, как Загорка, на груди пригрела, ну да что поделаешь.

Она промокнула глаза синим, как и ее дивные очи, покрывалом. Добрыня поглядывал на молодую вдову с удовольствием. Любы ему были такие красавицы. А кому же не любы? И он глаз не мог отвести от Мирины-древлянки, смотрел на нее, даже когда сдувал

пену с пива, какое Яра подала ему в чаше. Отпил и похвалил питье.

Вышебор, которого к трапезе Моисей стащил с верхнего поверха, тоже хвалил пиво.

— Ради тебя ключница наша постаралась, воевода. А я вот сколько ни просил, не давала мне хмельного глотнуть.

Озар тоже с удовольствием пил имевшее приятный дрожжевой привкус пиво, густое и темное. С хмелем — он это вскоре почувствовал, когда в голове зашумело. А уж Вышебора как развезло! Битвы былые стал вспоминать, слезу пустил. Как будто уже к столу выпивший явился. И дворовые как-то странно на старшего Колояровича поглядывают. Словно бы с тревогой. С чего бы это?

— Ты бы еще нас чаркой обнесла, Яра, — требовал Вышебор. — Вон волхва нашего ты потчуеть, как своего милого избранника, а мне лишь плеснула немного. Подлей, говорю!

Шумный Вышебор заметно раздражал Добрыню. Воевода поднялся, поблагодарил за угощение и направился к крыльцу. Мирина, как хозяйка, пошла его проводить. Они спустились по ступенькам, но задержались внизу, разговорились. Озар невольно прислушался и, не утерпев, подошел к перилам гульбища, под которыми те двое стояли, посторонившись с крыльца, когда челядинки стали уносить посуду.

Волхва, находившегося на гульбище выше их, Добрыня с Мириной не заметили. Купчиха сперва жаловалась, что дворни у них осталось совсем мало, надо бы новых людей взять. Но Добрыня отказал: дескать, пока Озар не скажет свое слово, никого из чужих в дом кликать не следует. Это обидело Мирину. Стояла, поджав губки, сетовать начала, что из-за присутствия чужака они вынуждены обходиться меньшим числом прислуги, чем ей

положено как купчихе. Уж она бы завела тут иные порядки, набрала бы прислуги, все бы у нее как шелковые были. Добрыню ее речи развеселили. Ему и коня уже подвели, а он вернулся к Мирине, взял ее руки в свои, ласково говорил, что пусть потерпит немножко. И вообще ей сейчас поберечься надо, а не в хлопоты уходить, пусть думает о рождении ребеночка. Это для каждой бабы важно. Ну а как разродится она и снова в силу войдет, так ей в мужья выберут добра молодца не из последних.

— А разве я сама не смогу выбирать? — спросила Мирина, но не с тревогой, а скорее игриво. — Я стою госпожой над немалым хозяйством, и если справлюсь с делами, то никто мне не нужен будет.

Добрыня подмигнул ей:

— Али с Радко-раскрасавчиком думаешь сойтись? Забудь. Он тебе родня, вам это не положено. К тому же Радомил парень толковый, может, я его в свою дружину покличу. Помнится, стрелком он был не из последних. Вот поупражняет немного руку — и в дружину. Ну а тебе, как бы ты ни хорохорилась, сам князь выбирать суженого будет. Чтобы такая богачка нарочитая да собой пригожая не подошла кому-то из его молодцев? А будешь себя блюсти и доброй славой покроешь, то, может, кто из его бояр мужем тебе станет. Неужто откажешься, если сам Владимир Красно Солнышко к тебе сватом заявится для кого-то из самых именитых своих витязей?

Мирина заулыбалась, поводила плечами, словно в пляс душа ее рвалась. Но следующие слова воеводы ее озадачили.

— Ты только проследи, чтобы дурная слава о твоём дворце и о тебе самой не пошла. А то уже всякое о Колояровичах в Киеве болтают. Тень темную на вашу честь бросают.

— Да кто смеет! — возмутилась Мирина.

— А вот и смеют. Убийца в вашем доме обитает. И Озару еще следует разобраться, кто из ваших мог заколоть Дольму при всем честном народе.

— А точно ли из наших, Добрыня? — уперла руки в бока Мирина. — Это Озару сказали, что близники Дольмы могли такое сотворить, вот он и донимает моих людей. Но если не наши? Если кто из его волхвов учинил зло? Им христианин Дольма был как кость в горле.

— Увы, красавица, волхвы этого сделать не могли, — покачал головой Добрыня. — Мы их еще до крещения изловили всех, в укромном месте держим.

И снова идти к коню хотел, однако Мирина удержала его за рукав:

— Вот послушай меня, воевода. Это ты просто тешишь себя мыслью, что всех волхвов изловили. И пусть верно то, что служителей с капищ похватали люди князя, но как же быть с теми, кто успел скрыться? Слыхала я, что незадолго до того, как киевлян повели к Почайне, кто-то сразил стрелой христианского священника прямо на судне в гавани Притыка. А ведь Притыку хорошо охраняют. И все же нашелся стрелок-убийца. К слову, я даже имя того христианского священника помню — Нифонт. Знала я его, добрый такой был, улыбчивый. Дольма его как-то приводил сюда, и челяди нашей он понравился. Может, если бы не его речи приветливые, то наши люди и не с такой охотой пошли бы в тот день на обряд. Так кто же такого доброго и радушного Нифонта мог поразить стрелой? Не иначе как кто-то из волховских приспешников. Вот и Дольму они могли погубить.

— И кто же из волхвов был в тот день в Почайне?

— Да мало ли кто! Народу вон сколько было.

Тут с гульбища стало доноситься разудалое громкое пение захмелевшего Вышебора. Мирина поморщилась и, подняв голову, увидела стоявшего над ними Озара.

— Подслушиваешь, ведун?

— Я тут для того и приставлен, чтобы за всем наблюдать, все знать и примечать.

— Ох и надоел же ты! — топнула ножкой красавица. И к Добрыне: — Когда уже твой доглядник от нас съедет? Извелись мы с ним.

— Так уж и извелись, — вставляя ногу в стремя, отозвался Добрыня. Поднялся в седло и, посмотрев на Озара, перевел взгляд на разгневанную и оттого еще более красивую вдову: — Ты его не задевай, Мирина, душа моя. И учти — Озар сейчас тут главный. Что он скажет, то, считай, моя воля. И все пусть его слову покорны будут!

Мирина стояла, обиженно надув пухлые губки, челядинцы тоже, несмотря на слова Добрыни, недобро поглядывали на волхва — он чувствовал их взгляды. И только Яра смотрела на него светящимися радостными глазами. Она единственная была ему тут другом. И оттого хорошо вдруг на душе Озара сделалось. Волхв опустил голову, занавесившись длинными волосами, чтобы другие не заметили его счастливую улыбку.

Добрыня, уже гарцуя на коне, вдруг окликнул его:

— Эй, ведун, что ты скажешь на подозрение вдовы насчет участия волхвов в деле Дольмы?

Озар развел руками:

— Только одно: был бы ты в этом уверен, не отправил бы меня сюда на дознание.

— И то верно! — согласился воевода и, вздыбив скакуна, пустил его в спешно открытые Лещом ворота.

Мирина же смотрела на волхва с обидой. Не любо ей было, что кого-то в ее доме главным поставили вместо нее самой. Но Озар нашел, как сбить с вдовы спесь. Задержал ее, когда поднялась на крыльцо.

— Есть у меня нечто, что хотел тебе показать, госпожа.

— Мне и дела до тебя нет, — отмахнулась купчиха. Уже и пройти хотела, но резко повернулась: — Думаешь, сможешь опорочить нас, ведун? А того не понял, что на самом деле Добрыне это не нужно. Он и впрямь скорее на ваших приспешников укажет, если ему по-умному это дело преподнести.

— Ну да. И Жуягу, если тебе верить, тоже благодаря нашему волховству конь затоптал? И Тихона наши люди со стены сбросили, сломав пареньку шею? Так думаешь?

Ох и умела же принимать обиженный вид красавица! Но Озару не было заботы ее жалеть.

— Я услышал, что тебе дядька князя предлагал. Сказал, мол, сам князь тебя за кого-то из своих мужей именитых посватает. Вот ты губу и раскатала. Но какая слава о тебе пойдет, когда узнают, что ты при живом муже с деверем пригожим спуталась?

Мирина быстро оглянулась — не слышит ли кто? Но Моисей уже потащил Вышебора в терем, девки под присмотром Яры ушли, унося остатки трапезы за дом, Радко стоял у конюшни, оглаживая вороного Бурана, — собирався ехать, чтобы договориться насчет отпевания Голицы. С ним же были Лещ и Бивой, которым надлежало перевезти тело кухарки, вот и обсуждали что-то. Даже Златиги не было — закрывал ворота в усадьбу после отъезда Добрыни. Так что рядом никого. И все же Мирина зашипела злым шепотом сквозь зубы:

— Ты что это себе позволяешь, ведун? Напраслину на меня возводишь? И уже не единожды. Думаешь, если Добрыня тебя главным назначил, то мои люди за меня не вступятся?

Озару на ее злость — тьфу.

— Вот на это погляди, хозяйка, — достал он из-за пазухи переданный Ярой резной колос с цветком. — Радко

это сделал. И как мастерски! И тебе велел передать поделку через Тихона. Знаешь, на что это похоже?

Мирина разглядывала красивую резьбу подарка, угадывала его смысл, и щеки ее бледнели.

— Ага, вижу, намек поняла, — усмехнулся волхв. — Знаешь, когда подобное дарят? Это знак плодородия и цветения. На Ярилу такие поделки милым передают, а еще на Купалу ласкового или когда Дажьбога гуляют. Вот и тебе Радко такой подарок передал, но, как видишь, у меня он оказался. И подумал я: видать, сошлись вы любовно в один из таких праздников. Прикинул маленько — выходит, на Ярилу, в начале лета. Вот тогда ты и понесла от деверя пригожего. Срок-то у тебя по приметам и самочувствию как раз такой, что с Ярилы забеременеть могла. Полюбившись на зеленых травах и цветах. Так говорю? На это и намекал Радко, передавая тебе цацку резную. Да только не попал к тебе подарочек. Я перехватить успел.

Мирина горделиво вскинула подбородок. Смотрела своими невероятными очами, словно хотела пронзить синей молнией.

— Да Радко всегда мне поделки разные дарил, что с того? Нет мне дела до его подношений. А то, что ты сам себе надумал, меня не касается. Я дитя от мужа ношу, и ни в чем ты меня уличить не сможешь, язычник поганый.

И потопала в дом. А Озару и рассмеяться, и выругаться хотелось. Ох и лиса! Ее тут простушкой выставляют, но древлянка хитра, как все бабы этого племени коварного!

Однако, подумав о древлянских женщинах, Озар вспомнил и Яру. Совсем иной отклик вызывала вековуха светлая в его душе. Ее оберегать и защищать хотелось. Хотя... разве такая нуждается в защите? И с гульбища Озар увидел, как ключница ловко и быстро поймала злощего хозяйского гуся. Тот крыльями бил и щипался, но она раз — и ловко свернула огромной птице шею. Значит, похлебка

наваристая будет к обеду, а то и жаркое с яблоками. Что Яра с готовкой управится не хуже Голицы, Озар не сомневался. Эта со всем справится так же легко, как и с гусем. С виду вроде хрупкая, а вон как действовать умеет.

Задумался надолго Озар, так задумался, что, даже когда Златига к нему обращался, не заметил. А тот понял, что не до него сейчас. Привык уже, что, когда Озар сидит с закрытыми глазами в раздумье, лучше его не трогать. Это хорошо. Может, сообразит наконец что-то и завершится их дознание на Хоревнице. И Златиге уже было неинтересно, кого волхв назовет головником перед Добрыней. Дружиннику домой хотелось, к жене, к дочери новорожденной. Волновался, как там у них?

Что сердце Златиги чуяло беду, стало ясно, когда к вечеру прибежал отрок с Копырева конца, сообщив, что сильный жар у жены дружинника. Повитуха сказала, что родильная горячка у Светланки. От этого многие бабы уходят за кромку. А то и ребеночек без матери погибнуть может. Люди поговаривают, что является за ослабленной после родовых мук бабой злой дух, называющийся Вещицей. Сорокой обращается и утягивает к себе того, кто слабее — либо мать, либо дитя. И тут без волховства умелого не обойтись.

Потому и кинулся Златига к Озару:

— Ты умелый кудесник, ты ведун, обученный всякому. Помоги же, отгони Вещицу от моих милых, спаси. А я за это... Все, что хочешь!..

Озар испытующе поглядел на Златигу. Светлые, чисто медовые глаза дружинника горели потаенным страхом, кривое лицо подергивалось. Озар же оставался спокоен, смотрел внимательно.

— Что это ты так заговорил, приятель? Пойди к своим попам христианским, пусть молятся, пусть взывают

к тому, кого ты называешь Всевышним. А я тут оставаться должен.

У Златиги задрожали губы, он кинулся было к воротам, но вернулся.

— Вы, волхвы, лекари умелые, знаете травы и можете снадобья изготовлять. А попы лишь на небеса полагаться могут. Отзовется ли Всевышний, если молить его стану? Где он? Далеко. Да и кто я ему? А с тобой, ведун, мы вроде как ладили. Неужели откажешь? Не прогонишь Вещицу коварную, не изготовишь зелье помогающее...

Озар отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Вот такие они все — призвали чужого Распятого, а как припекло, так и волхвы понадобились. И если Озар поможет человеку Добрыни... Это хорошо для поддержки старой веры. Другое дело — как оставить усадьбу, где то и дело что-то происходит?

Но Радко первый поддержал Златигу:

— Поезжай с ним, Озар. Мы и без тебя тут управимся. Жили же как-то раньше. Или решил, что без твоего наглядя все тут передеремся?

Озар задумался, потом посмотрел на небо. Серое оно было, тучи заволокли солнце. Может, к ночи опять дождь польет. А все эти Колояровичи и их дворня... Радко прав, жили же они раньше дружно, ничего не случилось. Да и после того, как сам дядька князя тут побывал, неужто не угомонятся?

И ушел с Златигой. А в тереме Колояровичей все как будто перевели дух после их ухода. Исчезло напряжение, люди перестали приглядываться друг к дружке, общались приветливо, как и ранее, — никому не хотелось верить в то дурное, что, казалось, гнездилось тут от одного присутствия расспрашивающего всех подозрительного ведуна. А из кухни как ароматно пахло! Яра сделала жаркое из гуся с печеными яблоками и рассыпчатой кашей,

чернавки крутились рядом, помогая ей. А когда за стол сели, перво-наперво помянули Голицу. Добрым словом помянули, как и полагается. Никто ничего дурного о ней теперь говорить не хотел.

— И зелена вина нам выстави, ключница, — потребовал Вышебор. — А то закрыла все закрома, ничего у тебя не выпросишь. Прикажи-ка ей, Мирина, голубушка. Надо же Голицу проводить тризновой чашей, как в старые добрые времена. Да и Тихона следует помянуть. Не одним же попам петь им свои восхваления вослед. Нам тоже есть чем помянуть ушедших за кромку.

Яра, проходя мимо купчихи, склонилась и намекнула, что Вышебор в последнее время то и дело находит повод напиться. Он и Моисея уже отправлял в город на рынок за хмельным. Мирина должна догадаться, чем это может грозить. Так что хватит с Вышебора и пива.

Купчиха помедлила, хмуря соболиные брови, призадумалась, но тут на пороге появился управляющий Творим. Сел со всеми за стол. Мирина на него смотрела с вызовом, позабыв, о чем ключница только что упоминала.

— Неужто думаешь, Творим, что без твоего присутствия у нас мало что заладится? Или опять явился, чтобы Озару невесть что наболтать на меня? А может, думаешь, что без тебя не смогу дела по закупам решить? Однако справилась я, все отметила.

— Так уж и справилась, — буркнул Творим, невозмутимо наблюдая, как Яра накладывает ему в миску желтоватый бок гусятины с яблоками. Любил вкусно поесть управляющий.

Мирине страсть как хотелось этого болтуна зловредного выгнать взащей из-за стола. Но не дело это — своему управителю в гостеприимстве отказывать. Да и не стоило ей с ним ссориться: Творим пусть и наглец, однако знающий и умелый тиун, замену которому непросто

подобрать. Да и не впервой купчихе тайно сохнувшего по ней тиуна на место ставить. Потому, выждав паузу, заметила, что, дескать, вот поедим сейчас, а затем я покажу, как справилась, и приказы нужные отдам.

Сама же вдруг с приветливой улыбкой повернулась к сидевшему по правую руку от нее Радко:

— А ты что скажешь, Радомил? Я слышала, что тебе Добрыня давеча сказывал. Пойдешь ли опять к нему в дружину, если поκληчет? Не забыл княжий дядька, что ты был стрелок из лука отменный. Ну и мы все помним, как ты на стрельбищах городских всегда отличался. Так я говорю, други мои? — обратилась она к собравшимся.

Радко скорее отметил ее доброе отношение, чем о грядущем подумал. А Мирина, словно бы для того, чтобы подразнить Творима, сделалась особенно ласкова с молодым деверем. То глянет на него лукаво, то велит Яре еще попотчевать угощением Радко. Даже приказала вина подать. Вышебор этому обрадовался, стал невестку расхваливать. А она самолично плеснула в чашу Радко зелена вина. Но сама пила осторожно, разводя хмельной напиток ключевой водой.

Зато довольный Вышебор с ходу опорожнил целый кубок и еще подставил. При этом, наблюдая, как мило воркуют Мирина и его брат, склонился к Моисею и прошептал:

— Говорил же я тебе — не просты они. Вон при Дольме сварились, как два бойцовых петуха, а сейчас чисто кошки мурлычут. Потому думается мне, что эти двое и отделились от нашего Дольмы. А сами... Ты только погляди каковы! Давно указывал на то, а ты мне все не верил.

Хазарин не поднимал глаз от кубка. А как глянул — ну разве что огнем его темные глаза не полыхнули. Желваки на скулах заходили. Но смолчал, сдерживая дыхание.

Зато Вышебор разошелся:

— Что ты, Радко, с нашей вдовицы глаз никак отвести не можешь? Был бы тут Дольма, уж он бы, как и ранее, приказал Моисею отхлестать тебя плеткой.

— Унялся бы ты, Вышта, — резко бросил ему младший Колоярович.

Все знали, как Вышебор не любил, когда его этим сокращенным именем — Вышта — называют. Лещ попытался было успокоить братьев, но Вышебор уже сказал:

— Не тебе, меньшей, так меня называть. Я и в дружине был только Вышебором! Выше самого высокого леса — так-то! А ты... Думаешь, нужен ты в дружине воеводы? Стрелок — ха! Может, и был когда-то, но уже сколько лет не упражнялся с луком. А всякий знакомый с ратным делом знает — без разминки каждодневной навыки сходят на нет. И никакой ты сейчас не стрелок. Только бабам задирать подолы и горазд.

И засмеялся, указывая на Мирину.

Купчиха так и замерла, щеки вспыхнули. Сидела, пережевывая кусок птицы, слова вымолвить не могла.

А вот Радко подскочил:

— Не будь ты увечным, Вышта...

Казалось, бросится сейчас на Вышебора. Бивою его даже удерживать пришлось. Яра поспешила положить руку на плечо парня, что-то сказала негромко.

Вышебор же смеялся:

— Нянчатся тут все с тобой, как с глуздырем¹. А ты и есть глуздырь, никак не воин. Да я и без ног тебя одними ручищами сверну. Это бабы перед тобой заваливаются с охоткой, а вот мне в охотку тебя память будет. Так я говорю, Мирина? Память мне твоего разлюбезного, что ли?

— Глуп ты, Вышебор, — сухо ответила вдова, наконец-то прожевав. — И чтобы ты знал да успокоился, скажу: вы

¹ Глуздырь — младенец (насмешливое).

оба с Радко для меня в одной цене. Что тебя вынуждена терпеть, что его. От обоих вас никакого толку, одна морока.

— А весело тут у вас, — хохотнул со своего места тиун. — Надо было раньше мне зайти да посмеяться.

Он и впрямь засмеялся, глуповатый Медведко стал ему вторить, а там и чернавки захихикали. А чему? Но уж лучше смеяться, чем опасаться, что кровные братья и впрямь схлестнутся.

Радко посмотрел на всех и лишь тряхнул кудрями.

— Ну и сидите тут, — сказал он, оправляя пояс. — Надоели вы мне пуще лихomanки трясучей¹.

И, бросив выразительный взгляд на Мирину, добавил:

— А я и впрямь пойду к дружинным избам воеводы Добрыни. Там меня примут. Ибо воинское побратимство куда лучше, чем такие родичи.

Яра попыталась остановить его, да и стриженная Будька повисла на рукаве.

— Куда тебе уходить на ночь глядя? Да и дождь вон опять пошел.

Дождь и впрямь зашуршал по кровле, и Радко остановился, однако перво-наперво поглядел туда, где во главе стола восседала Мирина. Остановит ли? И потускнел лицом, увидев, что купчиха продолжила попивать из чаши, даже не взглянув на него. Однако то, что для Радомила все от Мирины зависело, собравшиеся заметили. Вышебор опять толкнул Моисея в бок, чтобы и хазарин то отметил.

— Мирина! — все же окликнул Радко купчиху, и даже голос его предательски дрогнул. — Мирина, ты и впрямь считаешь, что я такая же обуза всем, как и Вышебор?

Но красавица, обиженная, что Радко ее с лихomanкой сравнивал, не ответив на мольбу в голосе парня, повернулась туда, где сидел управляющий.

¹ Лихomanка трясучая — болезнь, лихорадка с ознобом.

— Раз место рядом со мной освободилось, придвиньтесь, почтенный Творим. Нам еще поговорить кое о чем надо.

Управляющий просиял. Поправил лихо кунью шапку, смотрел довольно. Даже за руку взял купчиху, а она ничего, улыбается и не отнимает десницу. Но все же нашла, как Творима на место поставить, чтобы не увлекался.

— Говорил Добрыня сегодня, что однажды меня со сватают за боярина. А что? Разве я не гожусь для того, чтобы восседать возле нарочитого супруга на пирах княжеских? А вас, милый Творим, я сделаю главным во всем моем хозяйстве. Любо ли вам это?

Творим только заморгал, не зная, что ответить. Пусть хозяйка и глупышкой кажется, но с ее Долей удачливой да красой несказанной всякое может случиться. Только заполучить ее самому вряд ли удастся. Надо же, сам Добрыня ей именитого мужа пообещал!

А вот Радко вздрогнул, закусил губу, чтобы не дрожала. Сдерживался, но потом часто заморгал, словно стремясь удержать слезу. Наблюдавшей за ним Яре даже стало жалко парня. Вот глупый... нашел кого полюбить. Любая девка его, а он будто околдован Мириной. Вон как дышит тяжело. А потом сказал:

— Так ты уже присматриваешь себе нового суженого, Мирина?

— А что? Или думал, что я буду вдоветь до седых волос? Придет и мое время полюбиться с тем, кто меня достоин.

И этого оказалось достаточно, чтобы Радко кинулся прочь. Было слышно, как калитка грохнула, когда уходил. Мирина лишь посмеивалась:

— Какой же он слабый! Чуть что — и в бега.

И тут Яра не сдержалась:

— Зря ты так с Радко, Мирина. Он к тебе всей душой, а ты его как щенка гоняешь.

— А что мне до того Радко? Захочу, так сама его со двора погоню. Если донимать будет.

— Так уж он тебя и донимает. Может, тебе есть за что и поблагодарить парня?

Мирина хищно прищурилась на ключницу:

— На что это ты намекаешь?

— Ни на что. Но ты слишком уверенно себя тут чувствуешь, не понимая того, что однажды и тебе, возможно, от Радко защита понадобится. Мало ли что станется.

— А что может случиться? А?

Яра вздохнула:

— Напомню я тебе, как порой в нашем селище говаривали: «Не заглядывай за радугу, пока не взлетел».

Молодая вдова поднялась, не сводя глаз с Яры. Лицо ее словно окаменело, только брови чуть дрогнули.

— Продолжай, если начала, вековуха!

— Да вот как погляжу, ты от слов воеводы Добрыни будто забыла, что тебе еще предстоит. Ты дитя носишь, благодаря этому и наследство получила. И если хочешь остаться тут госпожой, то вноси сперва да роди, а там еще выживи после этого. И постарайся, чтобы дитя твое живым осталось. Не самое дивное дело, когда сороки-вещицы душу ребенка за кромку уносят... Прости Господи, что скажешь, — перекрестилась Яра.

У вдовы побледнели щеки, глаза сверкнули, как у рыси перед прыжком.

— Господь, может, и простит, а я вот не забуду того, чего ты мне желаешь.

— Да не желаю я...

— Замолчи! — взвизгнула Мирина. — Я доброй тебе госпожой была, а ты за это на меня — на непраздную! — злое слово сказала! Да за это... Завтра же уйдешь отсюда! Отправишься в чем пришла обратно в чащи дикие! И чтобы духу твоего здесь не было!

Настала тишина. Все смотрели то на Яру, то на Мири-ну. И Яра первая отступила:

— Прости, хозяйка, если слова мои тебя обидели. Но будешь так с челядью поступать, совсем одна останешься. А зла я тебе не хотела. Просто напомнила...

— Вон поди! — затопала ногами вдова. — Видеть тебя больше не желаю!

Вышебор зашелся довольным злым смехом.

Со своего места поднялся Бивой — огромный, хмурый.

— Вольготно же вам ссориться и шуметь, когда матушка моя еще не погребена. Или забыли, что нашей она была и служила верно?

Это немного успокоило всех. Даже Мирина опустила на место. Зато Вышебор счел это поводом потребовать еще вина. Надо же помянуть верную кухарку. И обозлился, когда Яра помедлила. Зато Мирина его поддержала:

— Поддай ему вина, если приказывает. Пусть хоть залется.

Ну вроде как попустило всех. И Яра покорно вынесла еще один нераспечатанный кувшин. Правда, все же сказала:

— Дольмы на вас нет. Он бы угомонил.

— А ты волхву своему пожалуйся, что не слушаем тебя, — сквозь зубы произнес Моисей. — Видели мы с Вышебором, как ты с ним миловалась на забороле.

— Ого! — рассмеялась Мирина. — Полонила, оказывается, нашего ведуна вековуха, никому не нужная!

И Яра не сдержалась:

— Если так со мной обращаетесь... Будька, Любуша, вы и без меня тут управитесь. А я пойду снимать крашеное полотно, а то дождь его испортит.

Дождь и в самом деле поливал, но не это заставило уйти Яру. Не насмешки, не злые слова Мирины, что выгонит. Больше всего Яре было тревожно оттого, что может вы-

творить Колоярович, если напьется. Или другие забыли, какой бес им тогда овладевает? Правда, уже нет Дольмы, который потакал злым прихотям старшего брата, однако есть Моисей, вызвавшийся ему прислуживать. Хорошо, что в доме задержался Творим. Может, и останется до утра — уже смеркалось, да и дождь идет проливной. А тиун все же влиятельный человек, его слово много значит. И Яра даже обрадовалась, заметив, что управляющий поднялся в светлицу с Мириной, дабы обговорить насущные дела. Или о чем там с ним вдова будет толковать.

Но толковала с Творимом Мирина на этот раз долго. Яра уже прошла к себе, расплела волосы, спать укладывалась, а тиун все еще не вышел от хозяйки. А еще ключница слышала то и дело раздававшийся хмельной смех Вышебора. Яре стало страшно. Вот когда она пожалела, что не ночует с челядью в истобке по летней поре. Собственный покой обычно ее радовал, но не сейчас. И она поискала на груди женский оберег лунницу, но на привычном месте на бечевке был ее крест. Яра сжала его в ладони и взмолилась:

— Спаси и охрани! И пусть мне все только кажется. Пусть все будет в порядке и ночь пройдет спокойно!

И так плохо стало, что нет рядом Озара! Присутствие волхва хоть и держало всех в напряжении, но все же поддерживало в доме порядок. Сейчас же они все предоставлены сами себе. Будто овцы, возле которых нет пастуха. И каждый должен о себе сам побеспокоиться. Поэтому ключница достала из сундучка подле ложа свой старый охотничий нож. Яра искренне надеялась, что он не пригодится, но пусть все же рядом будет.

Однако не только ключнице стало тревожно этим вечером. Уже укладывающиеся на покой челядинцы все больше молчали, то и дело поглядывая на верхние ярусы терема. Лещ первый сказал:

— Вроде тихо, может, и обойдется. Однако... Не думал, что такое скажу, но останься тут волхв Добрыни, было бы мне спокойнее.

Любуша уже улеглась на своей лавке под лестницей, сжалась в комочек, а глаза у самой тревожные, перепуганные. Но сказанное Лещом подтвердила:

— Озар и на Вышебора мог повлиять, и хазарин его слушался.

— Да не выдумывали бы вы! — проворчал Бивой.

— Тебе-то что, — всхлипнула Любуша, — а мне вот страшно. — И, поглядев вверх, откуда доносилось рыкающее бормотание Вышебора, добавила: — Но ведь не отправлял же Колоярович хазарина в город. Да и Мириня-хозяйка не позволит подобное. Может, и обойдется все.

Тут как раз по лестнице спустился тиун Творим. Заметил, как все встrepенулись и на него уставились.

— Что это с вами?

Только недавно приближенный к домашней челяди Медведко захихикал дурашливо: чуял холоп, что всякое может случиться, но ведь не положено чужого в дела хозяйские посвящать. А Лещ, приподнявшись со своего тюфяка, вдруг спросил:

— Может, останешься с нами сегодня, Творим? Вон уже смерклось совсем, да и дождь поливает.

Управляющий казался задумчивым, хмурым. Когда с хозяйкой наверх поднимался, то просто гоголем шел, а сейчас темнее тучи стоит. Только когда Лещ повторил вопрос, повернулся.

— А? Что ты сказал?

— А то и сказал. Нечасто я тебя прошу погостить в усадьбе, но сейчас...

— Думаешь, милость мне оказал, рожа холопская, если просишь? Да плевал я на тебя! На всех вас тут плевал! Ясно?

Лещ отвернулся, стал демонстративно разматывать онучи на ногах, скинул поршни.

— Ну вот и топай восвояси, важный господин. Где выход, сам знаешь. А то была мне охота тебя выпроваживать. Много чести.

Ишь как с управляющим заговорил!

— Это для меня много чести, холоп? — упер руки в бока Творим. — А вот прикажу Мирине выпороть тебя за слова дерзкие!

— Да пошел ты, — отмахнулся Лещ.

Творим сжал кулаки, казалось, в драку сейчас кинется. Злой он после беседы с госпожой был. Но тут подле Леща приподнялся его сын Бивой, закатал рукава... Ну и Творим просто плюнул в сердцах.

— Недобрый дом у вас, — буркнул в бороду. — Вечно что-то неладное происходит. То одно, то другое. Как говорится, курочка по зернышку клюет, а весь двор в помете. Тьфу на вас!

Хотел было идти к выходу, но тут вдруг к управляющему подскочила Будька, заскулила, просила не уходить, остаться. Оглядывалась на челядинцев, словно искала у них поддержки. Однако на нее саму стали смотреть осуждающе, и девушка притихла, отошла, сжалась в комочек на своем тюфяке у холодной по летней поре каменки.

Тиун сообразил, что тут что-то странное происходит, но понять не мог. Подумал даже: «Мне-то что?» Да и после того, как хозяйка его отчитала... А ведь во время трапезы милой такой была. И вновь злость обуяла Творима. Негодный это дом. Довелось же служить. Но оставаться тут он не намерен. Больно надо. У него самого свой дом при лавках на Подоле, там клеть имеется, да не просто клеть, а с широким ложем, с мягкими перинами, одеялами простеганными, как у какого купца.

Хлопнул дверью, выходя, миновал сени, гульбище. А вот дальше пройти не смог — рычащий Лохмач преградил дорогу, оскалился. Ох и зверюга же!

Творим отступил обратно на галерею, постоял у перил, глядя на оскаленного Лохмача внизу. Дождь льет, пес рычит, но на крыльцо не забегает — не приучен. Вот Творим и смотрел на него с безопасного расстояния. Он боялся собак, однако вернуться в дом и просить челядинцев о помощи ему положение не позволяло. К тому же просить Леща проводить после недавней дерзости холопской... Не хватало, чтобы дворовые на смех его подняли. А ведь по обычаю должны были бы проводить тиуна до ворот и еще поклониться при прощании. Но холопы эти словно чувствовали, что он сегодня у госпожи не в чести, вот и дерзили. Да и сама Мирина хороша — все не забудет, что он поведал волхву о бесплодии Дольмы. Но ведь купец сам Твориму это сказывал, и управляющий понадеялся подчинить вдову его... Мечтая о такой красе, тиун ночами заснуть не мог. Однако купчиха слишком упертой оказалась, дерзкой. Она и неприятностей наделать могла. Разобраться бы с ней как следует, поставить дуреху на место!.. И Творим перевел взгляд на подпоры гульбища. Мелькнула мысль: а не забраться ли? Насесть на Мирину, когда она ничего такого не ждет, напугать как следует... Однако потоптался у перил и вздохнул сокрушенно. Понимал: еще неизвестно, что вдовица эта выкинуть может. Она то вдруг ласкова бывает, как сегодня, а то и зашипит гадюкой злой. И тут еще надо обмозговать, как ему с ней дальше быть.

С такими мыслями тиун и вернулся в сени. Можно и тут переночевать, благо, что постояльцы от Добрыни отсутствуют. Творим стал устраиваться на одной из покрытых овчинами лежанок. Скинул свою пышную шапку, обнажив лысеющий затылок, накрылся вышитым корзно. А там под шум дождика и подремывать начал.

А вот в истобке все еще не спали. Лежали по местам, вздыхали порой, ворочались.

— Ну не связывать же нам Колояровича, — глухо про-
бормотал со своего места Лещ.

Стриженная Будька все крутилась с бока на бок, ворочалась на разостланной на полу меховой полости. Днем чернавка пыталась стянуть волосы лентой — хоть и не сильно прикрывала она ее позор, но все же... А сейчас, когда скинула ленту, волосы то и дело напозлали на глаза. Сзади их совсем коротко обкромсали, впереди длиннее, и все лезут на лицо.

Будька старалась думать о чем-нибудь хорошем. Так чем не радость, что госпожа Мирина назначила ее к себе горничной вместо отравительницы Загорки. И Будька готова была ей верно служить, ждала, когда та покличет. Однако этим вечером купчиха задержалась с Творимом и лишь раздраженно сказала, что сама управится. А уж завтра... О, скорей бы наступило это завтра! И Будька, как и другие, стала прислушиваться к звукам наверху. Из горницы Вышебора слышались какой-то грохот, бормотание, пьяный смех. Никак не угомонится Вышебор. И от этого так страшно! А еще страшно, что Моисей с ним. Будька всегда побаивалась этого мрачного хазарина. И почему Мирина не выгнала его сразу? Ах да, они не имели права менять слуг, пока идет дознание. Как же надоело это дознание! Озар вроде и не злой, но все знают, что тот, на кого он укажет, пойдет на казнь. Вот Моисея и казнили бы — кто о нем заплачет? Однако же исхитрился хазарин, пошел в услужение к полоумному Вышебору. Нехорошо так холопке о ком-то из хозяев думать, но все же... И Будька тихонько заплакала.

Неожиданно к девушке подсел Бивой.

— Ну не надо, милая. Неужели тебе так страшно? А я на что? Я ведь рядом, я здесь...

Будька опешила, смотрела на богатыря, а потом подвинулась. Лучше уж с ним, чем сверху за ней спустится хазарин. А Бивоя он убоится, Бивой сможет ее оградить.

Со своего места Лещ наблюдал, как его сын устраивается возле опозоренной Будьки. Ишь, нашел, кого себе выбрать. Ну да ладно, позабавится, а там отец ему более подходящую девку подберет в невесты. Главное, чтобы сын не начудил из-за Будьки, если что случится.

А то, что может произойти неладное, понимали все. Любуша заскулила на своей лежанке под лестницей, а там вдруг кинулась к иконе. В истобке было уже темно, только у лика Иисуса Христа горел огонек в лампадке. И Любуша стала шепотом молить христианского Бога, чтобы заступился, а там и подвывать слезно начала.

— Да угомонись! — шикнул на нее Лещ. — И так тошно.

Но Любуша не унималась:

— Я одна, я совсем одна. Кто за меня вступится, кроме Господа? А он добрый, говорят. Он всех слышит.

И тут сверху стукнула дверь и неспешно спустился Моисей. В темноте на него устремились все взоры. Даже Любуша перестала скулить. Хазарин же огляделся и сказал:

— Все. Угомонился Колоярович. Можете быть спокойны.

Вверху и впрямь было тихо. Моисей прошелся по истобке, выискивая себе место. И отчего не остался ночевать с Вышебором, как обычно? Никто не спрашивал. Любуша мышкой шмыгнула мимо хазарина в свой закут под лестницей. Медведко услужливо поспешил уступить стражнику место на своей лавке: хазарин — воин, не на половицах же ему овчины расстилать, как холопу. Но Моисей еще долго не ложился. Сидел, опустив голову на руки. Бормотал что-то по-хазарски.

Лежавший неподалеку Лещ знал этот язык — в Киве многие понимали речь хазар-торговцев. И разобрал сказанное. Но к чему было это произнесено? В любом случае то, что Вышебор угомонился и не дал никаких приказов Моисею, успокоило старого слугу. Значит, можно спать.

Он первый и захрапел — негромко, размеренно. А там и другие постепенно провалились в сон. Даже Бивой не стал приставать к прильнувшей к нему Будьке. Он матери родимой сегодня лишился, потому ему не до любовных утех.

Дождь шумел ровно и монотонно, будто река текла. Под этот звук сладко было спать. Но в какой-то миг Яра проснулась. Отчего? Вроде все тихо. Но что-то подсказывало — опасность!

Она приподнялась на лежанке, прислушалась. И узнала этот звук: будто огромная лягушка прыгает. Вроде и легко, но одновременно тяжело. Половица не скрипнет, ничем твердым не стукнет, но этот сильный, хлюпающий звук приближался — ляп-ляп. А там и сопение стало слышно. Прямо за ее дверью.

«Я опустила засов, ко мне не проберется, — лихорадочно думала Яра. — Я крик подниму, шуметь на весь терем начну!..»

Но от страха еле дышала. К тому же темно так. Ставни она от дождя задвинула, ночник не зажгла. Яра вообще никогда его не зажигала, берегла масло, хозяйское добро. Однако сейчас потянулась к огниву, стала шарить рукой, нащупывая кресало. И в темноте коснулась ножа, припрятанного в изголовье. Сжала его.

«Он не посмеет, — думала. — Раньше не посмел, так и теперь не решится».

Хлюпающий звук стал удаляться.

«К Мирине пополз», — догадалась ключница. И потерялась от этой мысли. К Мирине! Да как он смеет?

Не посмел. И вскоре сопение и странные звуки опять были различимы у дверей ее горенки.

В темноте женщина видела, как кошка, а от напряжения, охватившего ее, казалось, что даже колебания воздуха улавливает. Рука, сжимавшая нож, дрожала.

«Убирайся!» — молила мысленно. Закричать боялась. Разве кто вступится? Раньше не вступались. Но раньше не вмешиваться приказывал Дольма, ему не перечили. Но своих-то Дольма защищал. А теперь...

Яра различила новый звук — будто дерево трется о дерево. И поняла — засов поднимается. Что-то просунул сопящий снаружи в щель, отворяет. И ей надо кинуться, надавить, не впустить. Что бы там ни просунул в щель этот ползун, она успеет закрыться. Но если с ним Моисей, если они вдвоем... Сможет ли она сопротивляться двоим?

Пока размышляла, дверь стала отворяться. Тихо, петли смазаны по-хозяйски. От этого было еще страшнее. И Яра упустила миг, когда в проем проползло *это*. Ибо сейчас Вышебор и на человека не походил. Всклокоченный, низкий, сутулый. Опирался на руки, его мощные плечи удерживали на весу ползущее следом тело. В горнице сразу стал ощутим запах перегара и пота, раздался негромкий хихикающий смех. И ползун вдруг стремительно, как огромное насекомое, посеменил к ней.

Яра тут же занесла руку с ножом для удара. Но Вышебор рывком бросил тело вперед, навалился и с удивительным проворством перехватил у запястья ее руку с оружием. Миг — и Яра оказалась под его тушей, запястье будто стальные тиски сдавили, однако она продолжала бороться, пока, охнув, не разжала онемевшие пальцы.

Вышебор дышал ей в лицо перегаром и гнилью рта. Калека, пьяный и обезумевший, но не утративший воинской выучки, да и ловкость еще при нем. Он враз заломил ее руку, прижав к изголовью, а другую придавил своим тяжелым телом. И все же Яра продолжала брыкаться, рвалась под ним. В какой-то миг вцепилась зубами в его лицо, впилась, грызла, но тут же ощутила такой удар по голове, что, охнув, бессильно откинулась назад.

Вышебор же давил на нее, одновременно шаря рукой и выискивая оброненный нож. Дышал, как фыркал, но нашел оружие, и Яра ощутила, как острие уперлось ей в горло.

Вышебор шумно выдохнул. Прошептал:

— Резать не буду, если подчинишься и сама разведешь ноги. А то мой нетерпеливый уд уже наготове. Вот получу тебя всю изнутри и тогда отпущу.

У Яры все плыло вокруг, почти спокойный голос Вышебора ее, казалось, оглушал.

— Тебе не привыкать, волочайка¹. Тобой на капище кто только не пользовался. Вот и мне достанешься. Давно я хотел тебя получить всю. Ну же!..

Но она вновь стала вырываться. Выгибалась под ним, как будто и силы удесятерились, даже приподняла на себе его тяжелое тело. Но охнула, ощутив, как в горло вонзается острие.

— Могу и прирезать, — довольно произнес сквозь дребезжащий смех Вышебор. — Мне с окровавленными пленницами даже слаще. А ты сейчас моя пленница. Ну же, или подчинись, или... Моисею не привыкать вытаскивать тела и спускать в реку.

Яра попробовала собраться с мыслями и найти хоть какой-то выход. Но была придавлена, боль в горле

¹ Волочайка — потаскуха, шлюха.

обжигала, страшно было. Неужели придется отдаться калеке? Он уже ноги ей раздвигал, вился вьюном, давил полуподвижным телом, тыкался твердым стержнем ей в живот, пробирался. Яра стала отбиваться, что-то в ней упорно противилось подчиниться такому. «Пусть лучше зарежет», — подумала. Ибо знала — все равно потом полоснет ножом. Яре не доводилось ранее видеть, что оставалось от доставленных к Вышебору невольниц, однако она помнила пятна крови на половицах, какие сама же вытирала по приказу Дольмы, скрывая забавы старшего Колояровича.

Может, попробовать выиграть время? Для чего? Чтобы подольше мучиться? Она все же надеялась, что кто-то придет, услышав их возню. Даже показалось, что различила некий приглушенный голос где-то неподалеку. Однако никого не было, и она извивалась, пока боль в горле не стала такой сильной, что едва не задохнулась. А Вышебор уже пристраивался, сопел. Беззащитность дрожащей жертвы волновала и возбуждала его. Он страстно желал погрузиться в бьющуюся под ним плоть. Вот прямо сейчас, он уже почти попал. Но потом...

Потом он затих. Навалился всей тяжестью и затих. Рука с ножом обмякла, и Яра смогла вздохнуть.

И лишь через бесконечно долгий миг поняла, что рядом есть еще кто-то. Откуда-то из раскрытой двери падал свет, и она различила высокую длинноволосую фигуру. Которая склонилась и быстро скинула с нее грузную тушу Колояровича.

Озар!

Яра не думала, откуда он тут, как оказался рядом, ведь должен быть далеко. Она просто потянулась к нему и, когда он обнял, прижал ее, затряслась в дерганом плаче.

— Шшш... Ну все, тише, тише, — утешал ее волхв, но она не могла успокоиться и редела все пуще.

В какой-то миг он отпустил Яру — и она почувствовала себя совсем одинокой, беззащитной. Цеплялась за него, но Озар мягко удержал ее руки. Говорил, что она в крови, надо перевязать. Яра и впрямь была окровавлена, рубаха в потеках, а когда плакала, кровь из раны на шее текла еще сильнее. В конце концов Озар все же высек искру, зажег огонек на носике глиняной лампы и занялся ее перевязкой. Косился на неподвижного Вышебора, дышал бурно, но сам умело оторвал от какой-то одежды из ларя полоску ткани, стал обрабатывать порез. Промыл из стоявшей рядом лохани, что-то бормотал, заговаривал кровь. Яра ничего толком не понимала из его быстрой речи. Попыталась было спросить, но волхв приложил палец к ее губам.

— Молчи пока, молчи, — настаивал он, прижимая к порезу возле ее ключицы свернутую ткань, потом стал осторожно перевязывать.

Яра только теперь при свете огонька посмотрела на лежавшего неподвижно огромного Вышебора. Он и сейчас казался ей страшным, опасным.

Озар проследил за взглядом ее расширенных глаз.

— Не бойся, нас учили, как ударить, чтобы человек отключился. Но связать его все же придется. Ишь как силен! И без ног смог сюда добраться. И вот что думается мне...

Тут он умолк, но Яра все же уловила его мысль.

— Думаешь, из-за Вышебора все? Он и есть тать, он убийца?

Озар не ответил. Закончив перевязку, сел рядом и, опершись о сложенные руки, задумался. И тогда Яра осторожно, шепотом спросила:

— Ты-то как тут оказался?

Озар выпрямился, устало улыбнулся ей и погладил ключицу по щеке.

— Да вот же, оказался. Непросто это вышло.

Она слушала. Как после того, как ушел с Златигой, он места себе не находил, как беспокоило ему было. Добрыня же повелел, чтобы ничего тут не случилось, а он отлучился. Будто страж свой пост оставил, а это неладно. И когда Озар приготовил целительный отвар для жены Златиги и та спокойно уснула, его уложили на полатах в доме дружинника. Но волхв так и не смог заснуть, все ворочался и словно чувствовал — надо вернуться. Вот и ушел среди ночи, никому ничего не сказав.

В темноте добрался до усадьбы Колояровича, а тут заперто все. Но на счастье Озара, между дворов на Хоревице проходили городские стражи, узнали его. Они же и помогли попасть в усадьбу, лестницу притащили, позволили забраться через частокол. Кажется, совсем недавно это было. Но войти в сам терем Озар не смог. Заперто было. Вот тогда он и взобрался по галереям. А как взлез, услышал странные звуки из горенки Яры. К тому же дверь была открыта. Но и по тому, что он различил во тьме, догадался, что на милую ему ключницу напали. Причем почти сразу понял кто.

В этот момент Вышебор чуть пошевелился, застонал. Озар тут же резко и сильно ударил его куда-то в шею — и калека, захрипев, снова обмяк.

Но этого хватило, чтобы Яра опять испытала настоящий ужас. Вышебор все еще был здесь! И он был в своем доме, где она всего лишь служанка... которую завтра обещали выгнать. Значит, у Яры даже нет прав пожаловаться госпоже на калеку-насилльника. Разве той нужно, чтобы опять пошли недобрые слухи о ее семье?

— Вышебор хотел меня взять, потому что... — Яра осеклась, так и не договорив. Слезы снова хлынули из глаз, она всхлипывала, прижав руки к болевшей на шее ране.

— Ведь он тебя даже в жены звал, — произнес Озар. — С чего бы это Вышебор так разошелся? Раньше Дольма ему рабынь для кровавых утех поставлял. А теперь...

— Он много пил в последнее время. Моисея в город отправлял за хмельным, да и тут все время требовал. Я говорила Мирине, но ее сейчас иное занимает.

Волхв, казалось, слушал ее, но тут вдруг стремительно кинулся к двери. Миг — и он уже заламывал руки Моисею. Впрочем, тот не сопротивлялся. Когда Озар втащил его, только и смотрел на Вышебора, лежавшего на полу.

— Я не хотел в этом участвовать, — подавленно произнес хазарин. — Ни идти за невольницей в город не пожелал, ни помочь Вышебору с вековухой потешиться и удерживать ее, пока он... Он ведь хмельной был, злющий, однако я все равно его бросил. Видел, что вроде как угомонился калека, затих. Клянусь самим богом Авраама, я не хотел больше потакать его прихотям жестоким!

Моисей схватился за звезду Давида у себя на груди. Дышал бурно, последние слова почти выкрикивал.

— Да тихо ты! — замахнулся на него волхв.

Яра не понимала, почему тихо-то? Ей теперь хотелось кричать, поднять весь дом. Озар был здесь, он человек Добрыни, он заступится за нее.

Но Моисей понял по-другому. Вышебор неподвижно лежал подле лежанки, на полу валялся окровавленный нож, и хазарин вдруг кинулся к Колояровичу, стал трясти того.

— Что ты с господином моим сделал, язычник? Неужто убил? Добрыня за то с тобой...

— Вашего Вышебора уже давно надо было отдать палачам, — рыкнул на него Озар. — И завтра я так и сделаю. Да живой он, живой. Отключил я его маленько и все. Оклемается через время. А сейчас...

Но оставить все в тайне было невозможно. И, судя по отсвету огня в переходе, наверху еще кто-то был. В проходе появился Бивой со свечой в руке, из-за его спины выглядывал ошарашенный Медведко, всклокоченный седой Лещ топтался за ними.

— А где Радко? — спросил Озар, не видя младшего брата насильника. — Зовите его сюда. Будем решать, как с Вышебором поступить.

Узнав, что Радомил ушел из дома, Озар только покачал головой.

— Выходит, младший Колоярович опять убежал подальше от беды, а вы все, псы шелудивые, затаились внизу и выжидали. Хотя знали, что этот оборотень кровавый мог вытворить. Ну погодите у меня! Завтра все донесу дядьке князя. При всем честном народе отвечать будете.

Этого явно никто не хотел. Бивой поинтересовался, отчего это Озар им угрожает? Они тут ни при чем. Да и вообще, откуда он взялся в тереме? Однако стоило волхву повернуться к Бивою, как и этот силач, и остальные сразу попятились. Молчали угрюмо, чувствуя за собой вину. Поэтому, когда волхв приказал вытащить бесчувственного Вышебора и связать того по рукам и ногам, подчинились даже с усердием. Поволокли грузного Колояровича в его горницу, затворили там.

— Сам охранять его стану, — заявил Озар, усевшись на лавку под дверью калеки. — Ну и ночка вышла, Перун мне свидетель! И женка Златиги так не ко времени захворала, и я, остолоп, что ушел, оставив вас неразумных. А ведь знал, что зло в вашем доме таится. И лютое зло! Ну что смотрите? Расходитесь пока.

Яра, закутавшись в шаль, стояла среди своих домочадцев. Уже овладела собой, даже других успокаивала, отправляла вниз.

— Мирину станем будить? — спросил кто-то. — Ну, чтобы поведать все.

Озар ответил не сразу. Но Яра через долгую тягостную минуту произнесла твердо:

— Нечего хозяйку до поры до времени тревожить. Утро вечера мудренее, вот завтра и узнает все. Случившееся не самая радостная весть, чтобы из-за нее поднимать среди ночи беременную госпожу. Да и обошлось уже.

Вот и разошлись все потихоньку. Яра вместе с остальными челядинцами сошла в истобку: не могла она оставаться в столь любимой ранее горенке, где с ней только что такое страшное чуть не случилось. Озар смотрел, как она спускается вместе со всеми, оглядывается на него — светлоликая, с растрепанными, как льняная кудель, волосами, с повязкой на горле. Как же вовремя он поспел! И сейчас волхву больше всего хотелось побыть с ней, приголубить, приласкать. Может, окликнуть ее, позвать? Хотя после того, что она, бедная, перенесла, ей больше покой и сон нужны, чем объятия Озара.

А рядом топтался мрачный Моисей.

— Иди и ты отдохни, служитель. Я Вышебора не выпущу. Я ему потакал, мне и ответ перед Добрыней держать.

«Добрыню только одно интересуется — кто Дольму заказал», — подумал Озар. Да и компания хазарина ему сейчас была вовсе некстати. Однако тот упрямо не уходил — опустил под бревенчатой стеной, сидел с поникшей головой, так что его иссиня-черный чуб свесился на чело. Ну не пиками же его гнать. Пусть уж торчит тут. Озару пока есть о чем поразмыслить. Ибо он не забыл еще, что Добрыня в их последнюю встречу сказал: если еще хоть одна смерть случится в усадьбе, спрашивать он будет с Озара. И собратьев его по вере уже не помирует. Но разве не для того Озар тут, чтобы волхвов спасти? А потому предстоящий разговор с воеводой надо как следует

обмозговать. Хорошо еще, что вовремя успел вернуться и удержать Вышебора. На это и станет Добрыне указывать.

Снизу еще слышались какая-то возня, негромкий разговор. Но постепенно все угомонилось. Да и Вышебор за дверью ни звука не издавал. Тихо стало. Дождь и тот прекратился.

Озар поежился в мокрой рубахе — почти до нитки вымок, когда под дождем на Хоревицу возвращался. Ничего, до утра все высохнет. Только вот Моисей, то и дело поглядывающий на него, раздражал. Может, все же настоять, чтобы убрался? Ишь, сторожить господина собрался. Что ж, этот бывалый воин до утра глаз не сомкнет. Или подумывает пробраться к хозяину, рассчитывая на то, что Озар заснет? Нет, навряд ли. Теперь Моисей перед волхвом заискивать должен, чтобы тот подтвердил, что у стражника, дескать, не было дурных намерений в злодеянии Вышебора. А если так, то, может, и впрямь вздремнуть? После пережитого волнения в душе волхва словно откат происходил, усталость наваливалась. Ладно, он и в самом деле поспит немного, чтобы голова назавтра ясной была. Когда ответ держать придется. Но скрывать то, что происходит среди этих христиан, служитель старых богов был не намерен.

ГЛАВА 10

После такой тревожной, беспокойной ночи, казалось бы, все еще не скоро опомнятся. Но когда петухи пропели зарю, Яра, как обычно, поднялась и принялась будить остальных, готовиться к новому дню. Так уж она привыкла за годы жизни на горе Хоревнице. И все же на этот раз вековуха сделала то, чего раньше никогда не делала: подошла к иконе, перекрестилась и низко поклонилась. Спас ее Творец милостивый от беды. Хотя и странно спас: ведуна-язычника прислал на помощь... И об этом еще стоило поразмыслить. Но не сейчас. Дела-то хозяйские ждать не будут.

К своему удивлению, челядинцы обнаружили в сенях сладко посапывающего под расшитым корзном Творима. Значит, не уходил, хотя и собирался вечером. Люди спрашивали у Яры по обыкновению: что делать, будить ли тиуна? Она же о чем-то ином думала. Дверь в терем была не заперта. Это ее озадачило. Но о том ли сейчас беспокоиться, когда слуг в усадьбе немного, а с делами все равно надо управляться. А что Творим? Спит себе и пусть спит.

Ключница пошла открывать мучные лари, нагрузила всем необходимым для готовки еще сонную Любушу. И та, хоть и была вялая со сна, все-таки спросила:

— Как же ты, хозяйюшка, да после вчерашнего?

Вроде как посочувствовала, но на деле просто интересно ей было. Ее-то сама беда миновала, вот и любопытствует. А Яре было неприятно, что теперь все будут обсуждать, как их ключница такой напасти избежала, — она не любила, когда о ней говорят. Вековуха Яра вообще старалась держаться неприметно.

— Ну, что было, то прошло. Теперь же иное должно занимать. Идем, надо печь затопить, квашню проверить. Еще я блины и овсяный кисель с вечера ставила. Так что идем, Любуша, поможешь мне на хозяйстве управиться. Да и травяной настой для Мирины надо проверить.

Заваренный еще с ночи мятный напиток уже остыл. Яра заметила, что опасается его пробовать. Любой мог плеснуть в него невесть что... разве не так поступила Загорка еще вчера? Вчера... А ведь столько всего с той поры случилось!

Яра старалась пока об этом не думать. Вычистила печь, выгребла золу, собрала тлеющие угольки, которые снова можно использовать. Но, как известно, возжечь огонь в печи она не имела права: простоволосым бабам это не полагается — поверье такое. Хотя сама Яра считала, что так было исстари придумано, чтобы волосы не подпалить. Разводит пламя только та, чья голова покрыта. Вот вековуха Яра и отправила Загорку за одной из скотиц, какая в повое бабьем ходила.

А пока ждала ту, о всяком думалось. Даже о том, что сама она уже давно могла носить бабье покрывало, став женой жестокосердного Вышебора, вроде как породниться с хозяевами, но при этом испытать страх и муки, каких вчера едва избежала. Возможно, стань она супругой Колояровича, он бы и не резал ее. Однако этот бывший дружинник все равно видел в подчиненной женщине лишь пленницу, каких привык брать в походах. Это Дольма считал, что брат его после брачного пира угомонится, и хотел выдать за него Яру. Зная Дольму, ключница не сомневалась, что рано или поздно он бы на своем настоял. Понимал соляной купец, что проделки старшего Колояровича, коим он потворствовал, все равно надо прекращать. Вот и надеялся, что если Яра станет несчастной женой калеки, то хоть риска больше для дома не будет.

Яра вспомнила дыхание Вышебора на своем лице, его тяжелое тело, навалившееся на нее, и едва справилась с дрожью, которая охватила ее от омерзения и пережитого страха. Стать женой такого... Но теперь Дольмы нет. Вот и замечательно, что его нет!

Чтобы избавиться от таких мыслей, Яра отправилась в коровник. Вздохи коров, запах их пота и молока немного отвлекли ее, успокоили. Да и скотницы хорошую весть принесли: две из их коров явно стельные, так что без приплода не обойдется. Яре было приятно об этом слышать, за разговорами не думалось о том, что ее сегодня ожидать может. Выгонит ее Мирина или нет, еще неясно, да и утаивать выходку Вышебора больше не удастся. Опять позор роду Колояровичей. Но уж лучше так, чем если бы калека подчинил ее или порезал себе на потеху.

«Было бы вообще у меня сегодня это утро, если бы не Озар?» — думала Яра, вынося из коровника наполненные парным молоком ведра.

У печи Любуша сцеживала в кувшин травяной настой для Мирины.

— Рано еще нести питье хозяйке, — заметила ей Яра. — Госпожа наша ни свет ни заря не поднимается.

А глупая Любуша опять теребит:

— Что сегодня купчиха наша скажет? Вчера она вспылила... Но что, если и сегодня не забыла свою обиду? Да еще как узнает, что из-за тебя ее деверя старшего наверняка не помилуют... Что же будет? Неужто Мирина прогонит тебя со двора? Как же мы все без тебя будем тут, Ярушка?

Яра повела плечом и ответила сухо:

— А вот как прогонят, так ты тут всем и заправлять станешь вместо меня!

— Я? — даже пролила настой чернавка. — Я ведь глупая, я не справлюсь.

Яра не ответила. Что ей изгнание? После пережитого ночью она уже ничего не боится. Особенно имея такого защитника, как Озар.

А потом она увидела его самого. Волхв стоял на ступеньках крыльца, позевывал. Неспешно прошел к колоде для водопоя, скинул рубаху и стал мыться. Яра смотрела на него и невольно любовалась. Широкая спина, пышные волосы, мышцы на руках так и бугрятся. Но откуда в ее душе этот страх, это волнение? Чего боится?

Озар словно почувствовал ее взгляд, оглянулся и подмигнул. А потом двинулся к ней, на ходу натягивая рубаху.

— Утра тебе ясного от самого Хороса Солнышка, хозяйка. Как ты?

Он чуть коснулся ее повязки на шее, там, где был порез.
— Болит?

И ведь как ласково, как заботливо спросил! «Мой он!» — с довольной гордостью отметила Яра.

Но особо нежничать с ней волхв не стал. Сразу сообщил, что Вышебор уже пришел в себя, скулит и порывает за дверь. Связали его крепко, да и кляп так просто не вытащишь.

— Пусть поразмыслит о том, что натворил, — откидывая за плечи мокрые после умывания волосы, усмехнулся Озар. — Сейчас Моисей его сторожит под дверью.

Яра заметила с тревогой в голосе:

— Ведь Моисей служит старшему Колоярвичу. Не выкинет ли чего?

— Не выкинет. Хазарин теперь тише утреннего тумана будет. Да и выслужиться захочет, чтобы его к этому делу не приплели.

Когда Озар осматривал рану ключницы, из сеней на гულбище вышел Творим. Приблизился, подвигал бровями, рассматривая повязку на ее шее, однако о другом спросил:

— Накормишь ли меня, хозяйка?

Обычно, если Творим ночевал в усадьбе, он никогда не отказывался от хлебосольного купеческого стола. Но сейчас иное заметил:

— Отчего это все такие странные? Шепчутся по углам, на меня то и дело поглядывают. Лещ вон все выпытывал, не слышал ли я какой шум этой ночью? Что случилось-то? Да и пса своего уберите скорее. Вон как рычит на меня, зверюга.

Но Лохмач уже оставил тиуна, вертелся возле калитки и радостно поскуливал. А из-за высокого тына слышался голос Радко: кричал, чтобы поднимали засовы, открывали молодому хозяину. И голос такой веселый, звонкий.

Он и вошел улыбающийся, как ясный рассвет. Смеясь, отталкивал ластящегося к нему Лохмача. Но, когда приблизился Озар, улыбаться перестал.

— Ты ведь уходил вчера, ведун. Но, гляжу, уже тут вертишься.

— Ты тоже вчера ушел, как оказалось. И где был прошлой ночью?

— А то не твоя забота. Где был, там меня уж нет.

Волхв смотрел на младшего Колояровича строгим, давящим взглядом.

— Это ты с девками в загадки играть будешь. А мне отвечай!

Радко насупился, но все же признался: ходил ночевать в дружинную избу воеводы Добрыни. Там его сразу приняли.

— И ты никуда оттуда ночью не отлучался?

— Нет. Но с чего спрашиваешь? Случилось ли что?

— Случилось. Поэтому буду просить тебя съездить за Добрыней. Скажешь, что я позвал.

— Так к тебе дядька князя и поспешит. Да и мне с чего это взялся приказывать? Чай, не на побегушках у тебя.

Но тут вмешалась Яра:

— Послушал бы ты волхва, Радко. У нас тут... Вышебор опять лютовал.

Радко сразу понял, побледнел. Смотрел на всех. Лица у челядинцев замкнутые, суровые.

— С Вышебором хоть ничего не сделали? Я хочу знать!

И, узнав, что тот после нападения на ключницу заперт у себя в покое, поник головой.

— Рано или поздно Вышта бы натворил дел. Горько мне это, да что поделаешь. Ладно, поеду к Добрыне. Хотя и повторюсь: заняться ему, что ли, нечем, как к нам на подворье то и дело заглядывать.

Челядинцы понуро молчали. Что Вышебора наверняка увезут и накажут, все понимали. И все же он самого Дольмы брат. А влияние и добрая слава соляного купца долго оберегали их от порочащих слухов. Теперь же невесть что ждет.

Но жизнь есть жизнь. И вон уже Бивой взялся помогать Будьке вытряхивать полавочки, при этом то и дело задевал девушку, а она улыбалась ему. Скотники обступили Леща, стали спрашивать, и тот, поворчав, все же рассказал, что ночью было. Тиун тоже прислушался, охнул, напялив шапку до самых глаз.

— Да, будут теперь дела. Но поесть-то мне кто-нибудь даст?

Яра отправилась печь блины. Поливала каждый растопленным маслом и велела девкам принести ей свежесбитую сметану. Озар первый подошел, взял блин, макнул его в пышную белую горку сметаны, жевал с удовольствием. Чувствовал себя тут хозяином. Даже Яра не стала ему пенять, чтобы подождал до того, как все на стол выставит. Да и как своему спасителю откажешь? Пусть ест. Ей даже сладко наблюдать, что волхву ее стряпня по душе пришлась.

Заметив ее улыбку, Озар тоже просиял. Но через миг стал серьезен.

— Может, когда все тут закончится, уйдешь со мной? Конечно, ты тут уважаемая хозяйка, но что тебе все это хозяйство, когда перед нами весь мир будет? Что скажешь, ладо мое¹?

У Яры голова закружилась. Как он ее назвал! Да еще с собой зовет! А она-то думала... Хотя чего тут думать. И, уложив на блюдо горку блинов, ключница радостно рассмеялась.

— Вчера Мирина грозилась выгнать меня. Может, погорячилась госпожа, а может, и впрямь я ей надоела.

— Что? Что значит «грозилась выгнать»?

Волхв вдруг как-то странно посмотрел на Яру. Но той было все равно. Да, подтвердила она, Мирина при всех сказала, что выгонит. Дескать, в чащи пусть вековуха отправляется, к родовичам древлянским. Но сейчас ключницу это нисколько не волновало, да и зла на Мирину больше не было. Пусть она остается тут. Даже с Радко. Зато у Яры есть теперь на кого опереться, с кем в мир уходить.

Но долг есть долг, вот она и кликнула Будьку. Хватит той с Бивоем миловаться.

— Тебя госпожа горничной хотела взять. Не упусти свою удачу. Быстро умойся, приведи себя в порядок и иди к Мирине. Понесешь настой, какой та по утрам пьет. Что, не звала тебя еще?

У Будьки личико мечтательное. Ну и славно. Бивой для нее хорошая пара, не то что какой-то нарочитый Хован. Не по тебе шапка, как говорится.

Когда девушка надела чистый передник и понесла отвар, Яра вновь повернулась к волхву. Тот смотрел в сторону, казался задумчивым. И не было на его лице той светлой улыбки, с какой Яру недавно в привольный мир звал.

¹ Именем богини любви Лады называли тех, в кого были влюблены.

— Послушай меня, Озар, — легко коснулась его руки ключница. — Есть кое-что, что меня тревожит. Ты вон говорил ночью, что дом заперт. А я утром как выходила... Засов ведь не был опущен.

— Ну, это ты у своих расспроси, — отмахнулся тот. — Может, и мне стоит вызнать, кто успел засов поднять.

Яра заправила за ухо выбившуюся прядь. Сейчас ей надо было пойти и привести себя в надлежащий вид. Однако ее до сих пор брала оторопь при мысли о том, что окажется в горнице, где с ней ночью такое случилось. А еще озадачивало, что Озар стал каким-то задумчивым, хмурым. Да и смотрит странно. Но она о другом спросила:

— Ты когда вчера забрался в терем, должен был по верхней галерее попасть в светлицу. Там поблизости проход к покою Мирины, но ты все же ко мне кинулся. Отчего?

— Да какое мне дело было до Мирины? — изогнул брови Озар. — Я как влез, так сразу услышал странные звуки в твоей горенке, да и дверь была открыта. До того ли мне было, чтобы о купчихе думать?

Яра подняла голову к небу. Какое же оно синее, умытое после ночного ливня! И облака, будто светлые горы клубятся. И слышен долетающий извне городской гомон, где-то кузни бьют, голоса далекие... Хорошо. И так приятно думать, что Озар перво-наперво о ней позаботился.

И тут ведун ее спросил:

— А теперь сама мне ответь: почему вчера не велела Мирину будить? И еще... Только сейчас подумал. Отчего это ваша госпожа сама на шум не вышла? Все собрались, а она в стороне осталась.

Яра быстро взглянула на него. Отчего не вышла Мирина? Спала, видать. А почему не велела разбудить — вчера все объяснила. Но Озар вон как смотрит. Спросил:

— Но ты хоть навещала сегодня госпожу?

— Зачем? Она меня выгнать надумала. Так чего же мне с ней панькаться?

Озар ничего не сказал, развернулся и спешно направился к терему.

На крыльце на него почти налетела Будька. Все еще держала в руках кувшин с отваром, но говорить не могла, тарашилась, трясла стриженной головой. Потом вдруг охнула и скулить тоненько начала. В ответ на вопрос Озара лишь пищит. А ведь обычно бойкая девчонка, за словом в карман никогда не лезла. И тогда Озар залепил ей пощечину.

— Ну? Чего воешь?

— Ты чего к ней пристал? — словно из ниоткуда возник Бивой и стал рядом.

И девушка к нему сразу бросилась, всхлипнула, выговаривая:

— Там... там... Госпожа наша удушилась. Я захожу, а она... Ох, как я увидела!..

И уронила кувшин, разлетелся он на осколки.

Озар же рванул наверх. За ним Бивой, Лещ следом. Даже услышавший это Творим побежал за ними, на ходу подвигать начал, голосить, как баба.

Они едва не снесли вышедшего навстречу Моисея. А на верхнем переходе остановились, словно никто не мог зайти в оставшуюся открытой дверь купчихи. Наконец Озар двинулся к одрине Мирины. Но не вошел, замер на пороге.

То, что сказала Будька, было не совсем верно. Мирина не висела в петле, как можно было подумать. Она лежала на кровати, раскинув голые ноги, покрывало было в стороне, длинные, соболиного оттенка волосы прядями прикрывали лицо. А когда Озар приблизился — по пути успев набросить покрывало на полураздетую женщину, — то увидел, что глаза Мирины остекленевшие, мутные, уже без того яркого барвинкового

оттенка, какой всех так зачаровывал. Само же лицо синюшное, губы раскрыты безвольно. И руки наверх откинута, словно в полете крылья.

— О великий Перун!.. — выдохнул волхв, сделав предохранительный знак от злых сил.

При чем тут Перун? Но Озар просто воззвал к тому, кому всегда служил. За ним кто-то начал икать. Оглянулся — богатырь Бивой икает. А Лещ крестится быстро, словно отмахивается от кого-то. Тут вперед вышел Творим, приблизился и осел на колени подле ложа мертвой красавицы. И вдруг заплакал.

— Миринушка! Как же это, Миринушка? Краса моя!..

Только подошедший Моисей оставался спокоен. Даже хмыкнул. Но именно он и указал волхву:

— Видишь, руки у нее за голову закинута, как будто были подушкой придавлены. А подушка упала на половицы. И скажу я вот что: не могла она сама удавиться.

— Вижу, — глухо отозвался Озар. — Как и понимаю, что никто сам у себя в постели так не удавится. Значит, злых рук это дело. Но вот чем же ее удавили?

Он хотел склониться, но Творим вдруг коршуном налетел на волхва.

— Не прикасайся к ней, язычник! Красу трогать грязными руками не смей!

Пришлось отпихнуть тиуна, другие его удерживали, когда шуметь начал. Озар же принялся осматривать тело купчихи. Видел след от удавки на ее шее, но никакой удавки рядом не было. Он присмотрелся и снял с багрового рубца тонкое волокно. Ну понятно: обычной пеньковой веревкой задушили красавицу. Обвили шею и тянули со всей силы.

Он осмотрел руки Мирины. Может, купчиха отбивалась? Однако ни под ее ногтями, ни на ладонях никаких следов не обнаружил.

— Думаю, ее сперва оглушили чем-то тяжелым, а потом давили, — произнес волхв задумчиво.

— Нет, — сказал стоявший рядом Моисей. — Тебе ли, убивавшему ранее на алтаре людей, этого не знать. На волосах никаких следов нет, просто растрепана. Вот и повторяюсь: руки ее были заломлены вверх, придавили чем-то, подушкой скорее всего, а сверху сели и стягивали шею удавкой. Мирина была со сна, могла в первый миг и не понять, что происходит. А удавить сонную да к тому же не очень сопротивляющуюся бабу... тут много сил не надо. Как и долго времени подобное не займет.

Озар внимательно посмотрел на хазарина:

— Верно все говоришь, поклонник Яхве. Как будто ты сам все видел.

Лицо Моисея стало сереть. Подбородок дрогнул.

— Не я это сделал, Озар. Хотя и знаю, что Вышебор хотел, чтобы на мне смерть вдовы его брата была. Он все время убеждал меня, что это Мирина с Радко сговорились и убили доброго хозяина Дольму. Но я замысел Вышебора разгадал. Как и понял, что ему бабу нужно позарез. А какую? Мне это было все равно. Вот я и ушел ночевать в истобку, чтобы в его делах не замараться. Там и был все время. Так говорю, Лещ? Так, Бивой?

Лещ вдруг сказал:

— Вышебор это сотворил с госпожой, не иначе. Он Мирину придушил, он и на Яру накинулся. Есть в старшем Колояровиче это злобное изуверство — губить баб. Да он всегда кровавым был. Любил кровушку лить.

И тут Творим вдруг кинулся с яростным воплем из одрины, остальные за ним.

Ох и били же они связанного Вышебора! Тот, как только они возникли на пороге, рванулся было, замычал сквозь кляп, но Творим первый опрокинул его ударом

ноги, а там и Бивой стал пинать, Лещ навалился сверху, молотил кулаками. За простых рабынь они никогда бы так не заступились, но погубить саму госпожу!..

— Не он это! — принялся их оттаскивать Моисей. — Не он. Я его хмельного и расслабленного оставил. Да и не душил бы он. Скорее бы резал страшно!..

Раскидал всех, смотрел на избитого господина. Стал кликать Озара, чтобы волхв разобрался, но тот не появлялся. Моисей кинулся в одрину купчихи, увидел волхва, все так же рассматривавшего Мирину, но тот на его крики даже не повернулся. Творим же и челядинцы вновь принялись пинать Вышебора.

И забили бы калеку, если бы как раз не появился вернувшийся Златига.

— Совсем вы осатанели, мужики! — кричал, помогая хазарину оттащить слуг от избитого в кровь старшего Колояровича. — Если он в чем виноват, его на княжий суд надо. Не холоп, чай, какой, а муж нарочитый. Дружинником в отряде самого князя некогда состоял.

Внизу визжали бабы — смерть хозяйки и самоуправство над Вышебором будто исполохом их обуяли. Только Яра, поднявшись наверх и увидев мертвую Мирину, застыла, словно окаменела. Стянула у груди края шали, слова молвить не могла.

Златига все же кинулся к Озару:

— Вмешался бы ты, что ли, ведун. Люди могли на себя беду накликать, если бы убили Колояровича.

Озар хмуро поглядел на Златигу и кивком указал на мертвую Мирину:

— Вот она беда, служивый. И что теперь будет, опасюсь даже представить.

Тогда опешивший Златига присел рядом, наблюдал, как Озар сильными, но ловкими пальцами обследует багровую отметину на шее мертвой купчихи.

— Она не сильно сопротивлялась — след ровный. А вот это, — показал он дружиннику мелкую ниточку рыжеватого цвета, — я снял с рубца на ее шее. Веревка обычная. Такая у любого есть. Был бы кожаный ремешок... Вроде и более прочный для такого дела, однако все одно не угадаешь чей. Такого добра полно у киевлян, как и пеньковой веревки обычной.

И вдруг спросил:

— Как там твои?

Златига, округлив глаза, уставился на волхва. Потом чуть скривил в улыбке рот.

— Благодарствую, что спросил. Но твоими стараниями Светланке моей уже лучше. Даже дитя утром сама покормила. Но когда же ты ушел от нас? Хоть бы слово сказал, уходя. Я утром хватился, а тебя нет.

— Непокойно мне было, вот и покинул твой дом, никого не потревожив. Эй, Яра, чего тарачишься? Пойди да успокой людей.

Она повиновалась. А когда вышла, Златига сказал:

— Ужасно то, что случилось. Надо же, только на одну ночь отлучились, а тут такое. Ох, в этом доме сами злые духи свили гнездо. Прости, что скажешь! — тут же перекрестился дружинник.

Озар лишь искоса глянул, как он крестится.

— Духов ты опасаясь, служивый, а вот я думаю, что не дух это, а кто-то из своих сотворил. Я когда явился... Мог ли подумать? В тот миг лишь Вышебор меня озаботил. На Яру он полез с ножом в ее покое. А тут... Э, как представлю, что теперь будет!

Златига отер ладонью лицо, как будто так ему думалось лучше. А думалось ему...

— Слышишь, волхв, а ведь тебя за случившееся Добрыня не помилует. Одно дело — холоп или привезенный Дольмой мальчишка сгинул. Но если сама Мирина!..

Озар поник головой:

— Оставь меня, приятель. Мне подумать надо. И подумать крепко.

Но долго ему размышлять не пришлось. Услышал стук подков во дворе, потом крики ярости и боли раздались. И быстрый топот ног. Озар, даже не оборачиваясь, понял, кто взбежал в одрину задушенной купчихи.

— Уйди, волхв, — произнес негромко Радко.

Озар уже от двери оглянулся. Парень почти лежал подле Мирины, гладил ее волосы длинные, смотрел в застывшие очи. Молчал, не шевелился, но от его неподвижной фигуры веяло такой болью!..

«Заслужила ли она такую любовь? — вздохнул волхв. — Видать, чем-то заслужила, коль так убивается. Или попросту глуп Радко, если не понимает, кого полюбил. Что он для нее? Да ничто!»

Но размышлять о горе парня Озару было некогда. Стал спускаться по ступенькам и увидел ожидавшего его в дверном проеме воеводу. Нарядный сегодня был княжий дядька: обруч с камнями удерживал волосы длинные, наручни чеканные поблескивали на запястьях, оплечье рубахи в богатой вышивке, а через плечо корзно парчовое перекинута — все в узорах диковинных.

— С пира тебя, что ли, покличали, Добрыня?

— С раннего утра у Владимира не пируют. А вот служба у нас была праздничная. В честь преображения Господня. И меня Радомил прямо с нее покликнул. У вас тут, оказывается, беды не переводятся. Вот ты и порадовал меня в праздник, ведун!

«Что мне до твоих праздников чуждых!» — думал Озар, но сказать о таком воеводе не мог. Видел, как тот хмурит густые брови, как горят глубокие карие глаза. И ощутил, что страшится воеводу. Даже вспотел под рубахой. Озару казалось, что он никого не боится. А вот же... страшился Добрыни.

А тот и впрямь страшное сказал:

— Был ведь у нас с тобой уговор, Озар-перунник? Был. Ты за каждого в этом доме отвечаешь. Чтобы ничего ни с кем не случилось. А ты что?

— Я уходил. Мне помочь жене Златиги надо было. Родильная горячка у нее начиналась. Вот Златига и попросил помочь. Но я как только отвар ей приготовил, задерживаться не стал. Сюда вернулся.

— Ну, Златига тоже поплатится за то, что вытащил тебя, вместо того чтобы тут помогать. Но неужто ты, разумник, не понимаешь, чем для тебя такое своеволие может обернуться?

Озар подошел совсем близко. Понимал, что главное сейчас — отвлечь воеводу. Тот все грозитя, но дело для Добрыни важнее послушания. Поэтому Озар и сказал:

— Когда я Радомила за тобой посылал, то о смерти госпожи Мирины еще не знал. Мне ты был нужен, чтобы судьбу нарочитого Вышебора решить. Я как вернулся ночью, дабы за усадьбой этой приглядывать, то увидел, как старший Колоярович на ключницу Яру с ножом полез. Ну и скрутили мы его, связали и заперли. Однако решать его участь нам не по сану. Но и держать такого злодея под кровом уже не было сил. Заслужил он кару, хочешь ты для него огласки или нет. Свои же забывают, если ты не проследишь.

— Так это Вышебор убийца? Тогда хочу услышать, что скажешь о нем. Пусть его притащат.

Добрыня расположился за столом на гульбище, наблюдал, как Моисей и Златига выволокли окровавленного, избитого и все еще связанного Колояровича. Но появившийся следом за ними погасший Радко вмиг кинулся на хазарина, сбил его сильным ударом.

— На брата моего поклеп хочешь возвести? Думаешь, не заметил я, как ты вчера волком на нас с Мириной поглядывал!

Моисей сплюнул кровь с разбитых губ, медленно поднялся. Златига удерживал Радко, а Вышебор извивался и выл через кляп, вращал глазами.

— Не я это злодеяние совершил, Радомил, — молвил хазарин. — Я еще с вечера спустился в истобку, спал на лавке у стола. Все это видели.

— А до того, как сошел? — допытывался Радко. На скулах его напряглись желваки, в глазах под упавшими прядями плескалась боль. Однако при воеводе он не осмеливался чинить самосуд над тем, кого подозревал.

Моисей опять сплюнул кровью.

— Пока я оставался при Вышеборе, Мирина все еще разговаривала в светлице с тиуном. Яра тоже поднялась к себе. Думаете, она бы не услышала, что я по терему шастаю, если бы что недоброе задумал? Но, опять же, последний, кто говорил с госпожой, был управляющий Творим.

Все поглядели на тиуна, и тот, нервно поправляя шапку, согласно кивнул. Но глаза при этом забегали.

— Я тут при чем? Ну поговорили мы с госпожой моей ясной, но позже она меня прочь усрала.

— Он страсть какой злой от хозяйки вышел, — неожиданно подал голос Лещ. — Всем нам сказал, что уходит, но сам...

— Да не смог я уйти из-за пса вашего! — резко и как-то несолидно взвизгнул Творим. — Никто из вас не удосужился меня проводить, вот я и остался в сенях. И спал до самого утра спокойно. О, воевода почтенный, я своей христианской верой в том клянусь. Утром только и пробудился. Да и как бы я мог? Я души в нашей Мирине голубушке не чаял!

— Творим действительно больше в дом не возвращался, — вздохнув, подтвердил Лещ. — Я чутко сплю. Если бы он зашел, я бы приметил это.

Возникла пауза. И тут подал голос Озар:

— Какая из девок вышла от Мирины последней?

И хотя Добрыня был зол на него, свое дело по дознанию волхв продолжил.

— Никого не было, — выступила вперед Яра. — Мирина, лишившись горничной, Будьку назначила на ее место, но вчера не покликнула ее. Сама сняла уборы. Она часто так поступает, когда утомлена и не хочет болтовню девок выслушивать.

На Яру продолжали смотреть, и она добавила:

— Я к ней тоже не заходила. Мирина вчера зла на меня была, вот я и не хотела ей навязываться.

— И чем же ты Мирину разозлила? — поинтересовался Озар, вспомнив, что ключница сегодня сказывала: купчиха выгнать ее собиралась.

Добрыня только наблюдал за всеми со своего места, не вмешивался. Но его устремленный на ключницу взор был тяжел, как напор тарана. Да и что было Яре скрывать, когда все при этом присутствовали. Вот и сказала, что, мол, когда Мирина стала похваляться, что ее за боярина сосватают, она и напомнила: той еще разродиться благополучно следует, ну и дитя от Дольмы не потерять, что часто случается. А с дитем и всего наследства не лишиться.

— Она за Радко заступилась, — неожиданно произнес Бивой. — Госпожа младшего Колояровича своими насмешками, почитай, выгнала. Вот Яра купчиху на место и поставила.

Добрыня поднял руку. Ему эти семейные склоки были ни к чему. Он хотел знать, кто убил вдову Дольмы.

— Ты это у Вышебора лучше спроси, почтенный, — вставил Лещ, хмуро поглядывая из-под кустистых бровей. — Он один наверху оставался с женщинами. А Моисей как спустился, так больше и не поднимался к господину.

Мы все тому свидетели. Да и твердил хазарин все время как заклинание, что он в этом участвовать не желает. Я слышал это.

Моисей удивленно взглянул на старого слугу, потом улыбнулся благодарно. Он редко улыбался. Но сейчас понял — выручил его Лещ.

Однако Лещ не растаял от благодарной улыбки хазарина, просто добавил:

— Пусть Моисей и не люб мне, но вины на нем нет. Я ведь вполуха спал. Вот и услышал, как позже он вдруг встрепенулся, смотрю — стоит, прислушивается. А потом наверх побежал. Я тогда разбудил сына, и мы тоже поднялись. А там уже Озар возле Ярозимы окровавленной. А к Мирине мы не заходили. В стороне ее хозяйский покой. И тревожить ее среди ночи не стали.

Добрыня повертел на запястье чеканный наручень, поерзал на месте и спросил:

— Выходит, несмотря на то, что случилось у вас в тереме прошлой ночью, никто не догадался госпоже доложить?

В ответ — молчание. Все понимали, что сплеховали. Но постепенно стали понемногу отвечать: мол, как-то... жалели молодую вдову, к тому же непраздна она. Зачем было ее тревожить, когда сами уже разобрались?

Тогда Добрыня кивнул в сторону Вышебора. Дескать, освободите.

Тот как отплевался от кляпа да размял руки, тут же стал требовать, чтобы его усадили.

— Разве ты простишь такое, воевода? Верного княжьего дружинника да холопы месили!

— Не тебе приказывать тут, Вышта! — рыкнул на него Добрыня. — Ты теперь ответ держать будешь за то, что сделал!

— И буду! Слыханное ли дело, чтобы хозяина судили за то, что служанку подмял! Ну припугнул ее легонь-

ко ножом. Так она так дергалась, что сама напоролась на острие!

— А что насчет Мирины скажешь?

— Она-то тут при чем?

Его ответ удивил многих. Уже ведь решили, что знают, кто убийца. А этот...

— Да что с Мириной-то? — не унимался калека. — Вы тут пялиться на меня будете или отвечать как полагается?

Добрыня поднялся, сделал знак двум-трем из ожидавших его во дворе дружинникам взять Вышебора и доставить в узилище.

— Да за что же это? — отбивался тот.

— Там и узнаешь, — отвечал Добрыня. И к собравшимся обратился: — Вы что же думали, что этот упырь и дальше будет резать девок, а вы помалкивай?

Озар иное сказал:

— Выходит, что старший Колоярович не знает о смерти Мирины. Да и не мог он сперва госпожу задушить, а потом к вековухе залезть. Он хоть и упырь, как ты, почтенный воевода, изволил заметить, но все же не настолько шустрый, чтобы везде поспеть. К тому же в его привычках резать, а не душить. Вот если бы Мирина была в крови, я бы не сомневался.

— Хотел бы я знать, когда купчиху порешили? — задумчиво произнес Добрыня, вращая наручень. — Была ли она еще жива, когда Вышебора утащили, или уже убили ее?

Радко в стороне тихо зарыдал, кусая сжатые кулаки. Любуша тоже всхлипывать начала. Озар же сказал, что по тому, как застыло тело Мирины, он не может точно определить, когда ее смерть наступила. Когда они с Моисеем остались сторожить плененного Колояровича, никто вроде наверх не поднимался. Правда, он вздремнул в какой-то миг, но спит он чутко, поэтому готов заверить, что хазарин все время рядом находился. Так что можно

не сомневаться, что к госпоже никто не входил, пока они калеку сторожили.

— Ты не сомневаешься, — повернулся к нему Добрыня, — а я вот сомневаюсь, что от тебя толк есть. Зря я на тебя рассчитывал да князю на такого разумника, как ты, ссылался. Ты же прост оказался для этого дознания. Подвел меня. Ладно, Вышебора все одно осудят, а вот ты... Со мной поедешь. Эй, стража! Взять его.

Озар побледнел, отшатнулся от обступивших его стражников.

— Эй, погоди, воевода! Что теперь делать надумал?

Добрыня неспешно надел богато расшитые перчатки. На Озара посмотрел без всякого выражения.

— А ты не догадываешься, ведун? Ты не справился с поручением, значит, теперь вернешься туда, откуда тебя взяли. Да только ненадолго уже. Мне уезжать пора. Дела ждут в Новгороде. А с вами, волхвами, я церемониться больше не стану. Была у тебя птица удачи, чтобы и себе, и собратьям своим помочь, да упустил ты ее. Значит, все пойдет, как и было должно. Казнят вас.

Озар так рванулся в руках стражей, что вмиг вывернулся. Кинулся за Добрыней, загородил ему спуск с крыльца.

— Выслушай меня, Добрыня! Есть мне что тебе сказать.

— Да ну? Отчего же таился? Ладно, не хватайте волхва, пусть говорит. Но учти, перунник, я ведь не эти простодушные, — указал он на испуганно столпившихся в стороне челядинцев. — Я водить себя за нос не позволю. Ну-ка, стань передо мной и говори!

Озар поник головой, задышал бурно. Но постепенно стал успокаиваться. Наконец поднял на воеводу взгляд — лицо бледное, в глазах тоска. Чувствовал, что на него все смотрят, и как будто не решался заговорить. То губы закусывал, то опущенные руки сжимал в кулаки и разжимал.

— Яра убийца, — молвил глухо. — Ключница Колоярвичей.

Стало так тихо, что можно было различить негромкое воркование голубей на горище. Все молчали, переглядываться начали. Радко даже хмыкнул насмешливо. Но Добрыня не смеялся. Посмотрел туда, где светловолосая ключница стояла. А она молчит. Уставилась перед собой — и никакого ответа на высказанное обвинение.

— Поясни, волхв, — спокойно произнес Добрыня.

Озар заговорил. Голос его был сильным и тоскливым.

— Долго гнал я от себя подозрение насчет нее. Думал, просто толковая девка, храбрая. Хотя и заметил, что ключница все за мной присматривает да подслушивает. Ну мало ли, решил. Она тут на хозяйстве, вот и старается быть в курсе, знать, что творится. Это потом, когда обмозговал как следует, стало у меня все складываться в единый узор. И каждый завиток этого узора вел к вековухе.

— Да ну? — все еще смотрел на застывшую ключницу Добрыня. — Рассказывай тогда. И поясни-ка нам, зачем ей было Дольму убивать, хозяина своего доброго.

Озар набрал в грудь побольше воздуха.

— Я еще когда только начинал дознание, тиун Творим поведал мне, что Яра была отменной охотницей в древлянских лесах. Такие многое могут. Но и гонор свой возрастает у таких умелых. А что гонора Яре было не занимать, я скоро заметил. Но оказалось, что Дольма ее дважды обидел. Первый раз, когда открыл ее тайну. Оговорила она как-то о том, что предал ее хозяин. Яру некогда отдавали общей девкой на капище Лады. В лесах подобное еще случается, если жребий выпал или старейшины решили. Однако в Киеве стольном о таких доброго слова не скажут, волочайками называют. Хозяйка Миряна о том никому не сказывала, а вот Дольма проболтался. Могла ли Яра не затаить на хозяина зло за предательство?

Но дело даже не в этом. Тот же Творим мне сказывал, что Дольма хотел сосватать Яру за Вышебора. Страшная это участь для бабы. Я потом тут всех понемногу об этом расспрашивал. Кто отвечал, что отказалась тогда Яра решительно, да и Мирина ей помогла. А кто и утверждал, что Дольма все же намеревался сделать по-своему. И Яра это наверняка знала. Вот и решила избавиться от хозяина, который не только опозорил ее, но и по-прежнему подумывал отдать ее Вышебору. И Дольма смог бы выполнить задуманное рано или поздно.

Чтобы избежать подобной участи, ключница сговорила с Жуягой погубить купца. Жуяга одно время состоял при Вышеборе, знал о его кровавых желаниях. С Ярой же он был дружен, жалел ее, по-своему был к ней привязан. Вот и согласился помочь. Я бы не поверил в это, но помню, как Яра за Жуягу заступалась, когда я его допрашивал. Да только Жуяга оказался слишком трепетный. Как явился я сюда, дабы все выведать, так он и начал трястись, будто заячий хвост. Яра же сразу поспешила услатить его по какому-то делу из усадьбы. Но уже понимала, что долго плешивый холоп не сохранит ее тайну, едва я нажму на него как следует.

Потом она нам со Златигой подсыпала сонное зелье в узвар. И пока мы спали, одурманенные, она ночью вышла наружу и избавилась от Жуяги. Да еще булаву шипастую у дружинника взяла. Какой-то особой сноровки, чтобы булавой огреть по голове, этой девке, ходившей на зверя, не нужно. К тому же Жуяга беды от нее не ждал, мы с дружинником это отметили. Не по затылку его били — по темени. Значит, холоп смотрел на того, кто убивал. Ну а потом Яра отмыла булаву, благо воды в грозовую ночь было с достатком, да и положила на место, зная, как мы крепко спим.

Златига не сдержался, сказал:

— А ведь мы и впрямь спали ну чисто замороженные. Утром нас облить пришлось, чтобы очухались да в себя пришли.

Озар согласно кивнул:

— Доступ к маковому отвару в доме имела только Яра. В сундуке он у нее хранился, на ключ запирала, а ключи всегда у хозяйки. А как показывала мне склянки с сонным зельем, то спокойно завершила, что все на месте. Я ей тогда поверил. Позже вспоминал и думал — отчего поверил? А вот Златига верно мне все время указывал, чтобы ключницу побольше расспросил.

Дружинник с готовностью подтвердил слова волхва, сам смотрел в сторону Яры. Она же продолжала молчать, опустив глаза, никак не реагировала.

— Почему же ты не прислушался к речам дружинника? — поинтересовался Добрыня.

Озар развел руками:

— Ну виноват, ну понравилась мне статная светлокосая ключница. Да и разумной, спокойной такой казалась. Не думал, что за ней подобное водится. К слову, тогда я возле тела Жуяги заметил синюю нитку. А одежда Яры как раз была такого цвета. Однако когда спросил, она ловко отвела мне глаза: дескать, сухую нитку я ей показываю, а если ночью кто в конюшню под дождем входил, то за ночь могла и не высохнуть. Хитро ответила, вот я снова и повелся. К тому же Яра стала мне на Тихона указывать. И тем самым отвлекла от себя внимание. И все говорила, что мальчик кого-то видел из своего окошка в повалуше. При чем самого Тихона уже не было в усадьбе.

Расспросил я его только позже. И со слов мальчика понял, что тот и впрямь кого-то заприметил, но распознать не смог. Тот, кто к конюшням пробирался в ту ночь, был накрыт чем-то и шел переваливаясь. Поди узнай. Я одно время даже на Вышебора думал. А вдруг калека

притворяется, что ходить не может? Но потом убедился: руки у бывшего дружинника все еще очень сильные, а вот ноги никуда не годятся. Так что и эта ниточка завела меня в тупик. Теперь мне думается, что, ссылаясь на Тихона, Яра знала, что парнишка не мог рассмотреть убийцу холопа, однако все же рисковать не хотела. Мало ли, что мог со временем вспомнить мальчишка? А потом как-то Яра уходила из усадьбы. Тогда и Радко уходил, но, вернувшись, сразу Тихона с собой покликнул.

— Было дело, — подал голос Радомил. — Мне поговорить с мальцом надо было. Но позже я его отпустил.

— Я даже знаю, о чем ты говорил с парнишкой, — повернулся к нему волхв. — Сперва ругал, что тот Яру к тебе отправил, а потом уговорил никому о том не рассказывать. Ты ведь не ключницу звал на свидание, не с ней говорить хотел.

Радко насутился, молчал. Волхв же сказал:

— Мне только дивно, что ты саму Яру не расспросил, почему она пришла по первому же зову.

Радко вспыхнул:

— А чего ее расспрашивать, если и так ясно. Я сказал Тишке, мол, передай хозяйке, что зову. Вот малец и решил, что я о ключнице говорил. А я хотел, чтобы не Яру, а... а...

Тут он умолк. Однако Озар не отступал:

— Ясное дело, ты с Мириной хотел свидеться. Ведь она дело тебе важное поручила, вот ты и подумал, что наладится у вас все. Позвал на свидание. А пришла вдруг Яра. Сразу же побежала на твой зов, да еще на ночь глядя. С чего бы такая готовность?

Радко не отвечал. Бросил на ключницу косой взгляд, в котором сейчас и впрямь читалось недоумение.

Озар же продолжил:

— Ты, парень, на гулянке в Даждьбога день с бабой спаривался. И, как и положено в этот праздник, она бы-

ла под берестяной личиной, скрывавшей лицо. Однако ты почему-то решил, что это Мирина любила с тобой, и спустя время назначил ей свидание, чтобы обговорить, как теперь вы будете. И вдруг явилась Яра. Это ведь она любила с тобой в тот вечер. Мил ты ей был. Вот и сошлась с тобой. А когда ты Тихону велел направить ее к означенному месту на свидание, она и понадеялась, что любя тебе. Но ты разбил ее надежды. И выдал себя тем, что другую хозяйку звал.

Теперь Радко не сводил глаз с молчаливой ключницы.

— Яра? Это правда?

Никакого ответа не последовало. Но впервые за все время губы ее дрогнули, скривились в насмешке.

Озар продолжил:

— Яра знала, что ты молчать будешь, дабы не выдать Мирину. А вот Тихон мог разболтать. Он и так уже один раз видел ее в ночь убийства Жуюги, но не смог признать. А тут опять мальчишка в ее тайну проник. И решила она от него избавиться.

Озар шагнул к Радко:

— Ты ведь должен был понимать, что Яра последней в тот вечер вернулась в усадьбу!

Похоже, парню ранее это в голову не приходило. Теперь смотрел на Яру в растерянности, потом лицо его будто окаменело. Она же оставалась неподвижной. Смотрела куда-то поверх голов собравшихся, словно рассматривала резьбу на карнизе гульбища.

Радко произнес:

— Я на Яру тогда ничего дурного подумать не мог. Однако ты прав, я в тот вечер раньше ключницы вернулся домой. Почти бежал, страхась того, что с Мириной ее перепутал. Но чтобы она такое сделала!.. — И окликнул: — Яра?

Никакого движения. Будто и нет ее тут.

Озар же сказал:

— Я тем вечером долго не спал, наблюдал за всем. И видел, когда Яра в потемках вернулась. Но сразу в дом не пошла, зачем-то удалилась за терем. Долго ее не было. Однако, как и Радко, я тогда еще ничего дурного не заподозрил. Ну вернулась хозяйка, проверяет что-то. И даже когда она в потемках потом прошла в терем, я не окликнул ее. Правда, я не заметил, когда мальчишка прошел через сени. И проходил ли? Не знаю. Да и не ждал я его в тот час особо. О дурном же не думалось. Вот я и решил, что парнишка остался ночевать с Радко на сеновале.

На другой день Яра несколько раз говорила мне, что Тихона все нет. Дескать, по делам своим мальчишеским убежал. Даже немного волновалась. И я опять не заподозрил ее. А ведь скребло под сердцем, беспокойно мне было. Но тогда я отнес это к тому, что сама Яра мне нравится, о ней больше думал, чем о пропавшем Тихоне. Да мало ли куда мальчишки, эти воробьи беспокойные, могут податься? И только после того, как Лещ сам не свой явился и сообщил, что тело Тихона под обрывом на дереве... Перун свидетель, я ведь Радко больше иных подозревал. И все вспоминал, как младший Колоярович отвел парнишку к себе на сеновал. И только гораздо позже, наблюдая с гульбища, как Яра ловко скрутила голову крупному сварливому гусю, я вдруг подумал — а с мальчишкой могла бы так же поступить? Ей ведь в лесах древлянских не единожды приходилось на зверя выходить. Значит, ловкая и сильная. Эта бы и с парнишкой легко справилась.

Озар глубоко вздохнул. В сторону Яры не смотрел, лишь крепче сжимал веревку, какой был подпоясан. Словно удерживал себя, не позволял смотреть на так понравившуюся ему вековуху... которая оказалась ловчее и умнее его. Наверняка Яра была в этом уверена, особенно понимая, что понравилась волхву.

— Про Голицу я упоминать не стану, — продолжил Озар. — Там все ясно. Еще одно злодеяние в этом проклятом жилище. Только добавлю, что не забыл, как изумленно смотрела на мертвую повариху Яра. Обычно она спокойная, страхи свои не выказывает... А тут как будто поразились, что случилось нечто, ей неведомое. Я это отметил, но, опять же, больше успокаивал Яру, чем злое о ней думал.

А ведь уже подозревал, что у нее был повод поквитаться с Дольмой, а потом и Жуягу убрать. Про Тихона... Тогда я еще сомневался. Да и нападение на нее Вышебора отбросило прочь мои сомнения. Однако после того, как угомонились все прошлой ночью, а я сидел и подремывал под дверью Колояровича, в какой-то миг опять подумал, что вроде как все сходится, чтобы именно ключница оказалась виновной. Но даже тогда я оправдывал ее, думал, так Яра защищалась, от беды себя хотела оградить. И мне ее даже жалко стало. Несчастной она тут была. Поэтому утром я сказал Яре — мол, давай уйдем. Что они тебе все?

Волхв помедлил немного, но потом вскинулся, посмотрел прямо в глаза Добрыне.

— Да, беру небо в свидетели, именно так я и сказал ей. Я не юнец какой, чтобы своего чувства к понравившейся бабе стыдиться. И признаю, что мила мне Яра была. Однако в тот миг я еще про Мирину не ведал. А вот когда сидел недавно над мертвой Мириной в одрине, я вспомнил, как Яра отговорила всех будить вдову... И понял, что, кроме нее самой, да еще пьяного калеки Вышебора, никого больше на верхних поверхах терема не было. Кто на ключницу подумает? Она же, если Мирины не станет... Яре ведь нравился Радко, сама мне в том призналась. К тому же был у нее еще повод от госпожи избавиться: кто, кроме вдовы Дольмы, посмеет признанной всеми хозяйке Яре на дверь указать? На ней же тут все держалось.

А там рано или поздно и Радомил мог бы ей достаться. Убийство же купчихи все на Вышебора спишут. Знают, что он душегуб. Одного не учла Яра. Что Вышебор не настолько хмельной был, чтобы к ней самой не пробраться.

— Погоди, погоди, — поднял руку Добрыня. — Ведь Яра не так уж сильна, чтобы такую женщину, как Мирина, крепкую, молодую, здоровую, вот так просто удавить, бесшумно.

— А ты у Моисея спроси, — кивнул в сторону хазарина Озар. — Мы вместе с ним тело осматривали.

Моисей невольно подобрался, почувствовав взгляды со всех сторон.

— Ну... там это... — начал он, подбирая слова. — Там просто. Руки у купчихи были наверх закинута, можно подушку набросить и сесть сверху, чтобы не сильно трепыхалась и боролась. При этом удавку на еще сонную Мирину накинуть и душить. Баба... такая, как Яра, сможет, сил хватит. Пришлось мне как-то с ней побороться, когда Вышебор велел ее к себе втащить. Она сильная. Я не справился тогда.

Озар кивнул, подтверждая его слова, сказал, что тоже так все понял. Шагнул вперед, подняв к небу руку:

— Поверь, Добрыня, все сказанное мною правда! Пусть сам Велес могучий будет тому свидетель! А ты знаешь, как я предан нашей исконной вере. Я звать к нашему божеству просто так не стал бы.

Добрыня поднялся, закинул за плечо парчовое корзно.

— Та-а-ак, — протянул он, будто переводя дыхание. И к Яре: — А ты что скажешь, Яра-древлянка?

Она даже не повернулась, не взглянула. Стояла и молчала. Если бы светлые пряди волос чуть не шевелились на ветру, то казалось бы, что в ледяную статую превратилась. Все она слышала, ничему не перечила, но и ни в чем не призналась.

— Ты ведь крещеная, Яра, — тихо обратился к ней Добрыня. — Покайся, облегчи душу.

Но она продолжала молчать. Ни кровинки в лице, только губы плотно сжала. Ничего-то от такой не добьешься.

Добрыня отступил.

— Эй, стража! Уведите ее.

Все посторонились. Смотрели, как покорную, молчаливую ключницу уводят со двора. Слова никто вымолвить не мог.

Добрыня тоже пошел с гульбища, но уже на ступеньках крыльца оглянулся.

— Ты свободен, Озар. Можешь идти за всеми четырьмя ветрами, куда вздумаешь.

— А мои собратья? — кинулся к нему волхв. — Ты ведь слово дал!

— Дал слово — выполню. Можешь отправляться к ним и проследить, как выпускать служителей будут. Но учти, начнете снова народ мутить — я уже миловать не стану.

Сошел Добрыня еще на две ступеньки и опять оглянулся:

— А ты, Радомил Колоярович, не жуй сопли. Ты теперь во главе всего хозяйства купеческого будешь стоять, и делу тебя невпроворот. Да и корабелы ваши скоро должны прибыть с торгов, не до горестей тебе будет, заботы иные отвлекут. И хоть поговаривают, что ты вертопрах, я знаю: Радко Колояров сын — толковый парень, со всем справится. Ну а Мирину... Я сам пришлю за ее телом. Похороним нашу красавицу несравненную по-христиански.

ГЛАВА 11

Когда стражи привели обвиняемую Яру на суд князю и она, молчаливая и словно окаменевшая, стояла перед восседавшими на высоком крыльце князем и княгиней, а Добрыня рассказывал, что она сотворила, головницу было решено повесить. Эту казнь стали применять в Киеве только с приходом варягов. Считалось, что простому люду не по чести умирать от каленого булата, как воинам. А вот удушение в петле и быстро, и поучительно, если при всем народе казнь свершить. Сами варяги называли казнь через повешение смертью, вытягивающей ноги: тело после смерти казнимого еще долго не вынимали из петли, и считалось, что ноги его от этого становятся длиннее. Во времена Ольги от подобной кары отказались, да и после Святослава князь Ярополк не приветствовал удушение в петле. Однако в данном случае прилюдную казнь для бабы-убийцы через повешение сочли вполне пригодной.

Однако не сразу пришли к такому решению. Обычно головников топили в Днепре: вывозили в лодке на середину реки, камень на шею и — бултых! — на самое дно, рыбам на кормежку. Однако в этот раз судили такую упорную, молчаливую и нераскаявшуюся злодейку, что изначально даже было предложено покарать ее старым, еще дедовским способом — разорвать лошаадьми. Говорили, что и по заслугам убийце будет, и народ поглядит, потешится. Но тут сам Владимир, не так давно крещенный и помнивший заповедь «не убий», посоветовал попросту бросить ключницу Колоярвичей навечно в поруб. Это была страшная кара: медленно истлевать в подземелье, в вечной тьме, пока смерть не смилости-

вится и не заберет за кромку. Или в ад огненный, как теперь говорили.

Но тут вмешался евнух Евстахий, пояснив, что даже в христианской Византии казнят преступников прилюдно, чтобы другим была наука, дабы страшились люди и не совершали подобного. Именно он предложил казнь через повешение. А так как византийские послы в кои-то веки были всем довольны, Владимир решил, что так тому и быть.

А пока Яру опустили в один из глубоких порубов, располагавшихся возле Лядских ворот¹. Пусть посидит злая баба под землей пару дней, пока Владимир гостей византийских проводит с почестями, а там и казнят при скоплении людей. Место за Лядскими воротами было расчищенное, только несколько дубов росло на склонах. На одном из них, на возвышенности, и повесят головницу. Хорошее место, там как раз перекресток дорог — будут ходить люди, смотреть на нее, болтающуюся на суку, и призадумаются, стоит ли злодеяния совершать.

Владимир еще надеялся, что прошедшая крещение ключница Дольмы покается перед смертью, даже священника к ней направил. Но тот, возвратившись, только покачал головой: сидит и молчит. Кремень, а не баба, слова от нее не добьешься, не то что исповеди и раскаяния.

Для самой же Яры встреча с попом была еще одним наказанием. Он так мягко с ней говорил, так увещевал, так заботился о ее погубленной душе... Овечкой пропащей называл. Но она не желала верить ему и только злилась про себя. Иноземец, грек, чужак!.. И ей ему

¹ Лядские ворота — юго-восточные ворота, выходили приблизительно к современной площади Независимости, откуда начиналась дорога на Печерск.

в чем-то признаваться? Не дождутся! Никто от нее ничего не дождется.

После ухода священника, оставшись одна, она впервые завyla. Сперва тихонько, потом громче, потом вообще на рык перешла. Каталась по усыпанному смятой соломой холодному дну поруба, бросалась на бревенчатые стены, царапала их, как взбесившаяся кошка, даже грызла, задыхаясь от отчаяния. И лишь потом, обессилев, перешла на обычный плач.

Никому нельзя доверять, никому! В этом была сила Ярозимы из древлянского селения. Всегда рассчитывать только на себя. И ведь получалось же у нее. А когда что-то получается, от этого и силы растут. И жить хочется. Одинокий волк силен, он на себя полагается, и все у него выходит. Ну а в стае на него и сильнейший может выйти. И, зная это, Яра считала себя волком-одиночкой. Но вот же... доверилась волхву, душу ему открыла. И вышла на более сильного противника. Теперь она в беде.

Еще когда она была маленькой и ее в селении дразнили кикиморой бледной, Яра замкнулась в себе и поняла, что она выше и сильнее того, что ей могут нанести извне. Отрешишься от всего — и познаешь собственную силу. Поэтому Яра лишь холодно смотрела на селян и как будто снисходительно подавала им свою охотничью добычу.

Потом ее отдали на капище по приказу волхвов. Но и там она, замкнутая и холодная, смогла все выдержать. Ибо в глубине была сильна и терпела все, зная самое главное — даже это еще не конец.

Когда ее как рабу отдали Мирине, счастливой любимице Доли, Яра понимала: она справится. При супруге соляного купца из Киева древлянка должна была стать низшей, а добилась, что ее над другими поставили. И Яра стала чувствовать себя полноправной там, где должна была жить лишь в услужении. Ей сам Дольма уже был

не указ! Даже когда Мирина решила выгнать ее со двора, она знала, что справится.

А еще у Яры появился Озар. Она замечала его внимание, его расположение к себе и поняла — оценил ее ведун. А с таким, как он, ей ничего не страшно. Он же... Он... Он...

И она снова начала выть, бросаться на темные дубовые стенки поруба.

А потом поняла: такое горе, такое беснование и плач — тоже слабость.

Но как проявить силу, когда ты в подземном колодце, когда ждет страшная участь?

Силу надо черпать только в себе. Так что хватит чувствовать себя пойманной, думы-то ее свободны, как облака на небе. Вот она и размышляла, вспоминала, взвешивала и оценивала все вплоть до мелочей.

Долго вспоминала. Отвлеклась, когда ей дали поесть — спустили чугунок с печеной репой и кусок хлеба. Яра думала, что и кусочка не проглотит, однако съела все. Ей надо быть сильной. Для чего? Чтобы гордо выйти на белый свет, когда придет ее время? Или для того, чтобы вновь взбеситься от осознания, что поняла все?

В порубе подземном всегда темно. Только там, где наверху тяжелую крышку-ляду подпирают колышком, чуть пробивается свет. Но если ночь... А была ночь, когда Яра стала различать голоса возле поруба. Она встала, прислушалась. С удивлением узнала голос одного из говоривших. Златига.

— Не проси, — сказал кому-то дружинник. — Меня и так не сегодня завтра на степные рубежи отправят. Добрыня недоволен моей службой, вот и усылают. Хорошо еще, что пока задержали и велели головницу сторожить. Потом отправят. А ведь я здесь нужен — жене, маленькой дочери. А тут еще ты пристаешь. Нет, мне новых бед

не надо. А вдруг ты порешишь бабу? Пусть она и злодейка, но, если сотворишь с ней что, меня уж точно не наградят.

Тот, кто отвечал, говорил слишком тихо. Но потом голос его стал громче:

— Возьми это, Златига. И позволь в поруб спуститься. Я только поговорить с ней хочу. А это серебро твоей Светланке пригодится, если ушлют тебя. Да и оружия у меня, видишь, нет с собой. Просто в глаза ей взглянуть хочу.

Яра узнала голос и почувствовала, что дрожит. Забилась в угол, сжалась.

Такой и увидел ее спустившийся по приставной лестнице Радко.

Был он в темной одежде, только на поясе бляхи поблескивали. В руке его потрескивал факел. Длинная волнистая прядь падала на сдвинутые к переносице брови, сам бледен, на щеках двухдневная щетина. И все же господином смотрелся. Новоявленный соляной купец Радомил Колояров сын.

А Яра, сжавшаяся, грязная, в той же рубахе и безрукавке, в каких ее уводили со двора, подол измят, рубаха порвана на плече, — ее немало пинали и рвали, когда грубо тащили сквозь толпу желавших дотянуться до убийцы киевлян. На щеке ссадина от брошенного кем-то камня, а волосы, обычно тщательно уложенные, сейчас спадали засаленными прядями вдоль скул. Щеки грязные, и на них видны дорожки от пролитых слез.

— Раньше я никогда не видел тебя плачущей, Ярозима, — произнес Радко, осветив ее факелом.

Она не отвечала, отворачивалась от яркого света и от его полного грусти взгляда. Грусти? Яра не ожидала. Она бы не удивилась, если бы в его глазах были презрение и ненависть. После такого-то обличения...

— Что ты в себе так долго хранила, Яра? — произнес Радко. — Ты ведь доброй такой была, заботливой. Мы тебя

все любили. А оказывается... Мне трудно было поверить в обличение, но ты сама все слышала и не стала отпираться.

Яра закрыла глаза. Что она могла тогда? Все так складно с уст волхва слетало. Даже Добрыня его не прерывал. И ей самой казалось, что это она, находясь под мороком чародейским, совершила все, о чем говорилось.

Зачем же Радко пришел? Он ведь, как и все... И Яра только и смогла произнести:

— Велесом он перед всеми клялся! Все время только Велесом!

Радко чуть склонил голову набок:

— О ком говоришь?

У Яры не было надежды, что он поймет. И все же упрямо повторила:

— Он клялся Велесом! А ведь никогда ему не служил. Сам признавался — Перуну служил с юности, потом однажды Морене темной пришлось требы возносить. Но не долго, так как снова в перунники подался. На этой службе и возвысился в Киеве. А вот Велес ему никто. Не служил ему Озар! Но поклялся перед всеми, помянув именно этого бога. Который даже не был его покровителем!

— Зачем ты говоришь мне это? — холодно спросил Радко.

Она ответила с вызовом:

— Потому что Озар лгал всем вам.

Радко долго молчал. Яра поникла. Что еще она могла сказать, чтобы он услышал и задумался? Поймет ли?

Но Радко сообразил. Волхвы, пребывая на общем капище богов, каждый служил лишь своему небесному покровителю. Между ними было даже своеобразное соперничество, причем служители возвышали и возвеличивали лишь того бога, которому возносили требы. А Озар, после того, как указал на Яру, вдруг перед всеми поклялся Велесом торговым, божеством богатства

и вдохновения. Хотя Радко помнил, что Озар был известным в Киеве перунником. А волхв обычно только к тому, кому служит, взывает и на него ссылается.

— Так... — выдохнул он.

Яра поглядывала на молодого Колояровича. Если сейчас начнет обличать ее, говорить злые слова, она ничего ему больше не скажет. Значит, не судьба.

Но Радко произнес другое:

— Мне не нравился волхв Озар. Хотя... был момент, когда он и мне вдруг по душе пришелся. Вот посмотрит порой так внимательно — и все поймет. Мудрым казался, сильным, настоящий ведун.

Яра негромко отозвалась:

— И мне тоже.

И продолжила с дрожью в голосе:

— Он все примечал и понимал. А главное — показалось, что он меня понял и оценил. Вот я и потянулась к нему. Как он смотрел... как целовал упоительно!.. С собой звал уйти в вольный свет. Откуда же мне было знать, что он и есть убийца!

Радко судорожно сглотнул. Скулы его напряглись.

— Что ты такое говоришь? Озар — убийца? Да его сам Добрыня к нам в дом привел! И в тот день в Почайне его и близко не было подле Дольмы. А ты... С чего же взяла, что кровь на нем?

Яра впервые вскинула голову, посмотрела с вызовом:

— Да вот было время поразмыслить, пока тут сидела.

— А раньше?

— Раньше я, как и все, точно под чары волхва попала. Верила ему... верила даже в тот миг, когда он меня перед всеми убийцей объявлял. Сама того не понимаю. Словно оглушенная я была. Зачаровал и подчинил меня Озар. А еще больше ранил больно... так больно, что и слова сказать не могла.

Радко неспешно вставил факел в кольцо на стене сруба. Присел на корточки.

— Рассказывай давай. До рассвета у нас есть время.

Яра даже не поверила сперва. Неужто выслушает? Это он, который и брата, и любимой лишился, причем, как все считали, по вине ключницы. Но вон же, смотрит, ждет. А как рассказать? Не была Яра мастерицей рассказывать. Но придется.

Она собралась с духом, обхватила колени, уставилась на мерцающий огонь факела. На самого Радко взглянуть не могла — опасалась, что на его таком внимательном сейчас лице вдруг отразится недоверие и он снова станет суровым и непримиримым.

— Я часто замечала, что Озар лжет по мелочам, вроде как оговорится по случайности, незначительно. Ну мало ли, думала я тогда. А когда он вернулся от Златиги и взобрался в терем по резным столбам гульбища, то заверил меня, что дом был на запоре. Забраться по опорам гульбища такому, как он, нетрудно было. Ты сам видел, какой Озар ловкий, когда он лазил за телом Тихона. Однако, как оказалось, той ночью, когда ты покинул усадьбу, сам терем не был на запоре. Обычно я засов опускаю, но тогда Творим поздно уходил от госпожи, а я к тому времени уже у себя была. Расстроилась я тогда сильно из-за злых слов Мирины, только это и волновало. Вот и не позаботилась о запорах. Ну а утром, когда мы вышли и увидели спящего тиуна в сенях, я сообразила, что дом так и остался не заперт. Позже спросила Озара— как же это? А он так беспечно отвечает, что, мол, расспроси кого из своих, кто открыл с утра дверь. И я, уже привыкнув ему доверять, перестала сомневаться. И только здесь, в порубе, вспоминая все, опять подумала об этом.

Еще припомнила, как волхв ранее уверял меня, что я сонное зелье им с Златигой подмешала в узвар. Это в то

утро, когда после грозы Жуягу мертвым обнаружили. Но я-то знала, что ничего не добавляла. А вот Озар стоял на своем, да и Златига ему поддакивал. Я и решила, что кто-то и впрямь мог добавить в тот узвар маковый усыпляющий настой. А вот кто? Хотя мало ли, ведь узвар какое-то время просто охлаждался у печи под навесом и за ним особо никто не присматривал. Но по тому, как тяжело поднимались утром наши постояльцы, было видно, что опоили их. А если сам Озар это сделал незаметно? Волхвы разбираются в травяных настоях, а добавить украдкой, если он у него имелся, по сути проще простого.

— Это лишь твои слова против слов волхва, Яра, — заметил Радко.

— Это так. Тут вообще многое мне неясно. Но отчего-то, когда размышляла и все продумывала, меня особенно смущало вот что: почему в тот день крещения Бивой не пошел на обряд к Почайне?

— При чем тут Бивой?

Яра поникла, чувствуя его недоверие. Как объяснить то, что сама не совсем понимала?

И тут Радко сказал:

— Знаю я, почему Бивой отказался на обряд пойти. Побили его тогда какие-то лиходеи сильно. Как раз в вечер перед крещением киевлян это случилось. Встретили в темноте и избili так, что еле ходить мог. Ему Вышебора катить, а он кровью харкает. Однако признаться, что такого, как он, известного кулачного бойца излупили, Бивую было стыдно. Я сам его отпаивал и перевязывал на сеновале, когда он еле дополз до усадьбы нашей. И он просил меня никому о его позоре не рассказывать. Но утром идти на Почайну отказался. Его-то били умело: ни разу по роже не заехали, зато ребра все в кровоподтеках и синяках, колено еле сгибалось. Не мог он тащить Вышебора. Но и признаться стыдился. Вот и сказал Дольме,

что не желает креститься. А я скрыл его секрет. Подумал, что если Дольма разлютится не на шутку, то поясню. Дольма же, хоть и грозился Бивоя выгнать, не сделал бы подобного. Да и спешили мы тогда. Сама ведь помнишь. Эй, Яра, да ты никак улыбаешься?

Она и впрямь улыбалась. Потом закрыла ладонями лицо, всхлипнула насколько раз. Но отняла руки — и вновь заулыбалась. Только глаза спокойными оставались.

— Спасибо тебе, Радомил. Теперь мне все ясно стало до последнего завитка этого узора сложного.

Радко слушал. С ее слов выходило, что кому-то было нужно, чтобы не Бивой шел с Вышебором за Дольмой во время обряда, а именно Жуяга. Бивоя специально избили, чтобы он не мог выполнить свое задание, поэтому везти Вышебора выпало Жуяге — плешивый и раньше при увечном Колоярвиче состоял, вот Дольма и приказал ему катить старшего брата к Почайне. Так что Озар оказался прав в том, что именно Жуяга метал оружие в Дольму, когда этого никто не ожидал в толпе и среди ближников.

— Вспомни, Радко, — говорила Яра, — Жуяга некогда служил у перунников, и долго служил. Но его вроде как прогнали. Так он сам нам поведал. А на деле он с ними тайную связь поддерживал. Просто волхвам был нужен свой человек в доме известного на весь Киев христианина Дольмы, вот Жуяга и дождался своего часа. Подумай сам, разве не могло быть цели у волхвов, чтобы совершить нечто страшное и сорвать обряд крещения киевлян? И благодаря Жуяге они его и впрямь чуть не сорвали. Ты был там, все помнишь.

Радко задумчиво потер подбородок.

— Да, если бы народ испугался, если бы люди побежали и образовалась давка... Вряд ли бы потом снова удалось их уговорить на крещение. Другое странно: Добрыня

сам потом к нам волхва Озара направил, чтобы тот провел дознание. Как же так вышло?

— Да уж не ведаю, как вышло. Может, чары волхвы наслали на воеводу, а может, случайно все сложилось.

— А может, и не совсем случайно, — откинул прядь со лба Радко. — Слышал я как-то, что некий волхв пару раз помогал при дворе князя, когда надо было дознание провести. И вроде он из перунников. Чем же не наш Озар? Он ведь в Киеве был не из последних ведунов. Наверно, потому Добрыня его и покликал.

Яра перевела дыхание. Для нее сейчас было главным, что Радко слушал ее и понимал. И она продолжила:

— Впервые я подумала, что волхвы могли желать смерти христианину Дольме, когда Мирина о том Добрыне говорила. Смотри сам, брат твой был известен в Киеве, на него многие равнялись, походить на него хотели. Для этого ему и предложили в тот день пойти во главе крестившихся к Почайне и людей увлечь. Нас всех повести и народу показать, что ничего странного в обряде крещения нет. И вдруг его убивают. Вспомни, тогда даже говорили, что старые боги Дольму покарали. Отчасти это так и было. Рукой Жуяги, но от старых богов смерть брату твоему пришла.

А теперь вспомни, как испугался Жуяга, когда Добрыня Озара к нам на двор привел. Он-то думал, что сослужил службу волхвам и его теперь наградят щедро. А тут один из главных перунников вдруг является, чтобы дознанием заниматься. Этого Жуяга не ожидал, вот и не сдержался. Он, видать, подумал, что теперь Озар выдаст его за ненадобность. Дрожал, метался, ко мне то и дело подходил, просил защиты и все твердил, что пропал он теперь, что его назовет волхв головником. Я бы посмеялась над страхами плешивого, но жалко мне его стало. А ведь могла тогда подумать и сравнить: вер-

ный старой вере Жуяга, обучавшийся некогда у служителей, вдруг ни с того ни с сего опасается одного из них. Даже просил услать его куда подальше из усадьбы, чтобы беды с ним не стряслось.

Вот я за него и вступалась. Ведь я была должницей этого плешивого. Мы и так с ним дружны были, а еще в вечер Дажьбогова дня он меня прикрывал, когда к тебе убежала.

Тут она умолкла, отвела взор. Радко же смотрел на нее, потом спросил:

— Это правда, что я тебе настолько мил, что решила тогда... Я ведь тебя за Мирину принял. Она же то гнала меня, то вдруг на Дажьбога полюбовницей сладкой стала. Правда, потом умчалась с гуляний на белоногом Буране. Я и не знал, что ты так же хорошо, как Мирина, ездешь на нем. Я вообще мало что о тебе знал.

Яра откинула с лица волосы, и взгляд ее светлых глаз просиял.

— Я захотела хоть один раз себя счастливой почувствовать. А тогда можно было остаться неузнанной под личиной.

Радко смотрел на нее, потом отвел глаза, словно смутился.

— Ладно. Было это... и пусть. А вот Озару ты поведала об этом зря.

— Я ему вообще все рассказала. Он такой был... Всю душу хотелось ему раскрыть. Воистину чародей.

Ее слова почему-то разозлили Радко.

— А вот я ему душу никогда не раскрывал. Он знал, как с людьми говорить, но тут, — Радко прижал руку к груди, — вот тут у меня не было веры к нему. Ну да ладно, что об этом говорить. Так что думаешь, это Озар Жуягу убил? Из-за того, что тот столь странно держался, невольно привлекая к себе внимание. Но как докажешь?

Яра облизнула губы. Пить хотелось, несмотря на холодную сырость поруба. И сердце стучало. А ведь ей надо было успокоиться и толково все изложить.

— Помню, что тогда Жюяга все же переговорил с волхвом. И, как я заметила, страх его после их разговора как будто на убыль пошел. Он даже веселый к вечеру был. Ну, думаю, попустило нашего плешивого. А утром я его мертвым нашла. И сразу к Озару. Они же со Златигой спят как убитые, лишь мычат во сне, — пришлось облить их из кувшина. Но потом произошло нечто, на что я вроде как и обратила внимание, но значения не придала. Овчины постельные Озар на перилах гульбища развесил. Я еще подумала — с чего бы это? Ну, хозяйственный мужик, следит за порядком. И все же не так уж много воды я на них вылила, чтобы на просушку шкуры вешать! Теперь понимаю. Помнишь, Озар говорил, что тот, кого Тихон увидел ночью, шел накрытым? Хитер был волхв. Овчин в доме у нас много, а только его вымокла под ливнем. И до утра была влажной. Вот ему и надо было, чтобы этого никто не заметил. Сушиться вывесил якобы после того, как я их будила, поливая водой.

— Но тогда это не показалось тебе подозрительным?

Яра лишь покачала головой. Не до того было. Озар ее вопросами о сонном зелье донимал, вот и отвлеклась.

— Посуди сам, Радко, они все твердили, что я их опоила. Мне даже не по себе тогда сделалось. А потом, поразмыслив тут, вспомнила все и решила, что Озар сам добавил сонного зелья в узвар в кувшине. Ведь ему было нужно, чтобы Златига спал непробудным сном. Его он и опоил.

— А зелье где взял?

— Жюяга тогда уходил со двора за вениками для бани. Сама я его же и отправила. И долго он ходил. Я еще пожурила плешивого, но решила, что он просто желал

от страшившего его волхва держаться подальше. Но теперь думаю, что он вполне мог за время отлучки побывать у кого-то из людей волхвов, те его успокоили и передали склянку с маковым отваром для Озара. Я при последовавшем затем разговоре Озара с Жуюгой не была, но могли они как-то условиться, что Жуюга будет на конюшне ночью. Когда же в потемках Озар туда пошел, то он уже не говорить с плешивым намеревался, а избавиться от него, чтобы чего не вышло. Ну и чтобы концы в воду.

Радко задумчиво смотрел перед собой. Затем, резко откинув лезшие на глаза волосы, сказал:

— А ведь пес его наш не тронул. Вроде как должен был лай поднять, но не кинулся.

Яра усмехнулась невесело:

— Озар все продумал. Он и Лохмача нашего к себе постарался приручить. Лещ еще удивлялся: надо же, кудесник какой, едва не с первого вечера сторожа нашего четверолапого приманил, приласкал. Может, потому и приласкал, чтобы собака его признала ночью и шум не подняла.

Радко откинулся на стену бревчатого поруба. Смотрел перед собой. Всего с десяток локтей было в этом земляном узилище, узком и холодном, так что они сидели с ключницей друг против друга, только факел потрескивал над ними, давая неровный свет.

— Если все верно говоришь, — начал Радко, — то Озару было нужно кого-то из наших сделать виновным. Ну, чтобы перед Добрыней отчитаться чин чинарем. И Жуюга, который таким дерганым был, вполне подходил, чтобы на него указать. На уже мертвого. Но ведуну надо было убедить Добрыню. А тот бы не поверил, если бы Озар стал доказывать, что какой-то холоп ни с того ни с сего вдруг решил доброго господина убить.

— Он так и говорил, что, дескать, Жуягу надоумили на то и подкупили. И мог это сделать кто-то из наших. Только так он мог от волхвов и их поделельников отвести подозрение.

— Сдается мне, что на меня Озар хотел указать, — тихо молвил Радко. — Слишком он ко мне снисходительным часто был. Меньше других допрашивал. А потом, когда Тихона поднял наверх с обрыва, на меня и кинулся. Но Тишку-то ему убивать было зачем?

— Тихон видел его из окошка. Не признал... а может, что-то и подозревал. Как я сейчас жалею, что мальчишку не расспросила как следует! Тихон же волхва явно недолюбливал. Впрочем, он ко всем волхвам с неприязнью относился. А в тот вечер, когда я к тебе к истоку Кудрявца ходила...

Тут она умолкла. Радко тоже молчал. Обоим странно и тревожно было касаться этой темы. Но Яра все же продолжила:

— Я тогда и впрямь поздно вернулась. Опустила засов на воротах и ходила по двору как потерянная. Я сразу поняла, что не меня ты ожидал в указанном месте. И даже догадалась, кого покликнул. Вот и была сама не своя. А Озар и впрямь мог увидеть, как я хожу во тьме. Может, тогда ему и пришла в голову мысль избавиться от Тихона, который наверняка не все ему поведал, когда он мальчика расспрашивал. Ох, не знаю, Радко, не знаю. Да только злодеем в нашем доме был именно Озар. Которому я так верила...

И тут Яра не сдержалась, заплакала.

Радко вдруг сказал:

— Знаешь, почему я сюда пришел? Я же тебя давно знаю. И не верилось мне, что ты своих убивать начнешь. Особенно Тишку. Ты с ним всегда такая ласковая была. Ну и что с того, что по ошибке паренек тебя ко мне вы-

звал? Из-за такого не убивают. Озар говорил, что ты, дескать, опасалась, что Тихон мог тебя той ночью опознать. Никого иного не мог, а тебя вдруг узнал бы. Но это я позже подумал. А когда тебя уводили...

— Знаю, ты меня ненавидел люто. Вы все меня ненавидели. Я это чувствовала, и горько мне было. Столько лет прожили вместе, а тут чужому сразу поверили... А еще мне было стыдно. Даже сказать ничего не могла в свое оправдание, как будто придавило меня чем-то, дышать было тяжело. Такая уж, видать, я уродилась — от общего внимания теряюсь. Особенно от злого внимания.

— А тут еще Загорка Голицу отравила, — произнес через время Радко. — Но ее-то Озар легко расколот. Глупая девка Загорка. Зачем на такое решилась, когда ведун в доме? А Добрыня наверняка только бóльшим уважением к Озару проникся. Но как же Вышебор? Озар мог и на него указать.

— Я не хочу говорить про Вышебора, — тихо молвила Яра. — Той ночью Озар меня от него спас. И думалось мне, что он лучше всех на белом свете! Спаситель мой негаданный. Разве могла я решить, что потом он меня же...

Она опустила голову, вздохнула. Но через миг все же выпрямилась и продолжила:

— Озар меня уличал в том, что я Мирину в тот вечер не покликнула, когда все сошлись в переходе перед горницами. На этом его основное обвинение держалось. Но я тогда зла была на нашу купчиху. Думала, что она может за Вышебора вступиться, а меня тут же велит гнать! Я же и впрямь за тебя тем вечером заступилась, да еще намекнула, что она обязана тебе своим положением. Это хоть ты не отрицаешь?

— Нет, — тихо молвил Радко. — Она и правда пришла ко мне на сеновал, когда Ярилу гуляли. Дольма тогда на

службу христианскую уходил, всюнощную стоял. Троицей этот день называется у христиан, празднуют они его, вот брат и отсутствовал, отправившись во храм. А я остался ночевать на сеновале. Я люблю спать на скошенном сене — оно так ароматно пахнет в эту пору. И вдруг... Мирина явилась. И такая она была... Я и помыслить не мог, что так это может быть с ней. На следующую ночь я опять ждал Мирину, и она пришла. И потом снова... Как Дольма задержится или уедет, она ко мне бегала. А кухарка Голица тогда следила, чтобы нам никто не помешал, не проследил. Только ей Мирина и доверяла. А после Дольма все больше дома оставался и наши свидания прекратились. Причем Мирина даже не смотрела на меня, словно забыла в единый миг то, что случилось на травах скошенных. Я же тогда, казалось, сам себя потерял от тоски по ней... Хотя зачем я тебе это рассказываю?

— И впрямь — зачем? Но мне это все равно.

Однако Радко уже не мог удержаться и продолжал:

— Я ведь думал, что полюбила меня краса Мирина. А я... Ну, она знала, как меня к ней тянуло. Она же... Она попользовалась мной и все. Я хотел все выяснить, хотя бы переговорить с ней, потому искал встреч, удерживал ее, но она тут же Дольме на меня стала жаловаться. Словно и не было у нас ничего...

— Ей ребенок был нужен, — спокойно произнесла Яра. — Не ты, не твоя любовь, а дитя, чтобы Дольма не попрекал ее бесплодием. Озар вон говорил, что Дольма сам был бесплодным. Не знаю, что там у них в супружеской спальне было, но Мирина что-то подобное заподозрила. Вот и решила с тобой сойтись. Да ты и сам наверняка все это понял. Я помню, как ты рассмеялся, когда она во всеуслышание объявила, что непраздна.

Радко опустил голову, застонал.

— Да все я понимаю. Но как подумаю, что ее так страшно убили... Да еще с дитенком в утробе... Это тоже Озар?

— Он. Озар уверял, что я убила госпожу, чтобы та не выгнала меня. Но разве я раньше не поговаривала, что сама уйду, когда Дольма грозился меня Вышебору сосватать? И ушла бы. Поверь, угрозы Мирины меня не сильно испугали. Больше расстроили. И я не стала бы убивать ее из одного упрямого желания остаться в усадьбе.

Они оба помолчали. Думали о Мирине. Непростая она была баба, но ведь как жалко! Новую жизнь могла миру дать, а ее удавили.

— Думаешь, Озар избавился от нее из-за того, что она Добрыне о волхвах говорила? — спросил через время Радко.

— Не иначе, — кивнула Яра. — Ну подумай сам: Добрыня, когда она только высказала подозрение на волхвов, лишь отмахнулся от ее слов. Однако Мирина не была глупа, что бы там о ней ни болтали. Она умела повернуть дело к своей выгоде. Выгода же ее состояла в том, чтобы от своей усадьбы да от ближников отвести подозрение, какое уже всех изводило. Вот и стала бы наша красавица Добрыне не раз и не два говорить о том, что Озару было нежелательно. А ведь воевода умен, он бы однажды задумался, что в словах ее резон есть. Озар смекнул, какая опасность таится в разговорах Мирины, и решил избавиться от нее, дабы она не навела Добрыню на мысль, что есть и другие, кроме окружения Дольмы, кто мог желать смерти твоему брату.

И как же ловко он все провернул! Вроде как ушел вместе с Златигой, его и в тереме нашем не было. Причем позже я слышала, как Златига его спрашивал, когда это волхв ушел. Не веришь мне, спроси у него самого, —

указала Яра на верх колодца-поруба, где стоял на страже дружинник. И продолжила: — По сути, Озар мог закончить с Мириной и улизнуть, никем не замеченный... Тогда на него вообще никакое подозрение не пало бы. Но он все же зашел, когда Вышебор меня подмял. И думается мне, что я таки была ему мила, если даже в такой миг вступился. Ну а я была настолько глупа и доверчива, что поневоле подыграла ему, сказав, что не стоит Мирину будить. Ну да говорила уже, почему так поступила. К тому же обижена я была на хозяйку, вот и не сильно желала с ней нос к носу сталкиваться. Глупо? Это теперь я понимаю, что глупо. Но разве могла я тогда подумать, что с ней такое... Я все больше в тот момент думала о том, чтобы с Вышебором наконец разобрались. Понимаю, что родная кровь он тебе, но у меня-то нет особых причин его любить. Знаешь, я ведь даже нож схватила, когда он только ввалился ко мне. А он так легко вырвал его у меня... Ну да ладно. В любом случае я дала Озару повод позже на меня все спихнуть. И гладко у него это вышло.

— Почему же он на тебя указал, если, как сама заметила, была мила ему?

Яра смотрела перед собой застывшим взором, и глаза ее вновь наполнились слезами.

— Может, я ему и нравилась, но собратья по вере Озару явно дороже меня. Да и Добрыня ему уже выбора не оставил. Помнишь, что сказал тогда воевода? Что Озар с делом не справился, значит, казнят всех волхвов. Вот ведун и вынужден был кого-то ему поскорее выдать как убийцу. И выходит, что я больше иных подошла.

Но, подумав, добавила:

— Когда я со старшим Колояровичем боролась, то показалось, что какой-то звук послышался со стороны. Даже подумала, что кто-то рядом, а значит, помогут мне

сейчас. Но теперь утверждать, что мне это не померещилось, не стану. Вроде как из опочивальни Мирины звук доносился, но, опять же, не уверена. Там ведь еще кладовка между нашими с ней покоями, могла я и ошибиться. Но тут важно другое: Озар говорил тогда, что ему стражники-обходники помогли пробраться в дом, но сдается мне, что солгал он. Уже ведь упоминала, как ловко может лазить Озар. И что ему стоило просто забросить веревку на частокол и взобраться во двор без помощи каких-то там стражников? Он же утверждал, что ему помогли. Если и впрямь помогли, то уже ничего не докажешь. А если не помогал никто?

— Ты хочешь, чтобы я нашел этих стражников и спросил, когда Озар вернулся от Златиги? — медленно произнося каждое слово, спросил Радко.

Яра напряглась. Если не поверил ей, то все... Но самой ей как-то не верилось, что городские обходники могли оказаться как раз подле их усадьбы на Хоревнице в столь нужное для волхва время. Яра в Киеве давно жила и знала, что ночные стражи скорее Подол низинный обходить будут и дальние концы града, чем станут подниматься на возвышенности Киева, где обычно живут бояре и нарочитые купцы, у которых имеются и своя охрана, и псы сторожевые. И даже если бы, возвращаясь, Озар встретил их, то навряд ли уговорил оставить службу и идти помогать ему попасть в усадьбу. Это раньше, когда волхв одним из первых перунников в городе был, он мог приказывать любому. Но теперь волхвов в Киеве не сильно почитали. Значит, скорее всего, сам пролез. И наверняка думал вернуться так же тайно. А потом бы явился наутро — и на него никаких подозрений. Но вот же заступился за нее, открылся. А потом погубил... Ей бы подумать еще, почему именно на нее указал Добрыне? Ну да сама уже объяснила Радко: она больше

иных подходила, чтобы опорочить и указать на нее как на головницу злостную.

Яра чувствовала, как внимательно смотрит на нее Радко. Помолчав немного, сказала:

— Ты ходил в тот вечер в дружинную избу. Там у тебя знакомые есть. Может, кто из кметей или гридней скажет тебе, кто той ночью службу обходников во граде нес? Было бы неплохо расспросить их. И если они скажут, что никакому волхву лазить по оградям не помогали, то мне удастся подловить Озара на лжи. Все остальное лишь мои слова. А тут могут быть и видоки, какие со стороны. Добрыня наверняка обратит на то внимание. И это может мне помочь. Мне ведь... — она всхлипнула, — мне так умирать не хочется...

Радко вдруг иное сказал:

— Я знаю, чем удавил мою Мирину Озар. Поясом из пеньковой веревки. Он всегда подпоясанным ходил. А силы у него немало, чтобы навалиться и задушить сонную бабу, используя пояс как удавку. И когда он говорил, что веревкой Мирину душили, эта самая веревка и была у него на поясе. Из этой же веревки он мог соорудить петлю, чтобы забросить на бревно частокола и взобраться во двор. Лохмач его знает, вот и не поднял шум. Да, думается мне, так все и было.

Радко говорил спокойно, взвешенно. Яра искоса посмотрела на него: когда обычно бесшабашный Колоярович начинал вести такие речи, значит, он на что-то решился. Она ждала, что скажет Радко, но он долго сидел и молчал, то сжимая, то разжимая пальцы, сцепленные на колене.

Наконец вскинул голову, поднялся.

— Вот что скажу, Яра. Сейчас я пойду и впрямь попробую вызнать, кто из дружины обходил в ту ночь улицы Киева. Даже если это не дружинники были, а кто-то из местных киевлян, то старшины киевских концов долж-

ны знать. И обещаю — я их найду. И если уличим Озара во лжи...

Он резко умолк, желваки заходили под кожей, брови нахмурились грозно.

Яра сказала тихо:

— А если не разыщешь таковых... то и я узнаю, каково это, когда петля на шее до смерти...

— Ну, я этого не позволю. Жалко только, что Добрыня уже уехал, — с ним бы у меня проще вышло переговорить и все объяснить. Добрыня толковый, он сразу бы все понял. Но я до самого князя дойду... Или до царицы его. Последнее даже лучше — я ведь знаю, как к бабам подход найти. Смогу и саму кралю эту цареградскую заставить меня выслушать и понять. Поговаривают, что она разумна и милосердна. Вот и выслушает новоокрещенного купца Радомила Колоярова сына. Брата убиенного при всем честном народе Дольмы.

У Яры гулко застучало сердце. Неужели... у нее появилась надежда?

— А сумеешь ли все так рассказать, чтобы поверила? Особенно царица. Она ведь иноземка, может не понять.

— Ну, толмачи у нас в Киеве не самые простецкие. Да и Анна, как я слышал, речи наши уже научилась понимать.

Яра робко спросила:

— Может, лучше мне самой попробовать? А то вдруг ты запутаешься, не так все изложишь?

Радко хмыкнул:

— Сомневаешься во мне, что ли? Так вот напомню, что отныне я большим хозяйством должен заниматься. Думаешь, неразумному это доверили бы? Или считаешь, что не справлюсь?

И когда она подтвердила, что он-то обязательно справится, продолжил:

— Вот-вот. И уж поведать все, что от тебя услышал, точно смогу. И, может, у меня получше получится все объяснить да растолковать, чем у тебя. Это ты со мной разоткровенничалась, а вот перед чужими... Ты ведь, Яра, обычно молчунья. Все таишь в себе.

— Я привыкла лишь на себя полагаться. Я всегда одна. Радко уже потянулся к факелу, но вдруг застыл, подумал о чем-то и вернулся к ней. Опустился рядом на колени и ласково погладил древлянку по щеке, убрал в сторону нависающие пряди.

— Ты больше не одна, Яра.

И вдруг нежно привлек ее к себе. Она молчала, оглушенная его нежностью, теплом объятий.

Он же говорил:

— Ты не чужой мне человек. Ты из моей челяди, ты моя хозяйка заботливая, ты всегда со мной доброй и нежной была. Думаешь, забыл? Может, потому и пришел сюда, что в голове не укладывалось то, во что все уже поверили. И если я справлюсь и все докажу, то заберу тебя к себе. Будешь и дальше хозяйствовать в моей усадьбе на Хоревнице высокой. А там... Мне ведь лучше тебя никого не найти. И ты больше одной не будешь — женой тебя возьму. А вместе мы многое сможем.

Яра слова вымолвить не могла. Радко? Она с ним? Где-то в груди словно обвал происходил, сердце билось у самого горла. А из глаз текли и текли слезы. Радко ласково стер их ладонью.

— Ну успокойся. Не бойся ничего.

— Я не верю... Не верю в такое счастье.

— А ты поверь. Это как во Христа поверить и успокоиться. Молись же Ему. Он защитит. С моей помощью, но защитит. И жди меня. Я приду за тобой!

Он ушел. Взобрался по лестнице и исчез. А Яра все сидела, оглушенная, как будто не веря, что не пригрести-

лось ей все. Она будет спасена? Радко выяснит все и вернется за ней? Именно за ней, чтобы потом женой назвать. Он хоть и вертопрах, но слову его верить можно.

Яра пыталась последовать его совету и молиться новому могущественному Богу. Но была в таком состоянии, что только нервно повторяла:

— Господи... О Господи...

Но отчего-то знала, что и этого достаточно. Если Всевышний прислал к ней самого Радко, значит, уже ничего плохого с ней не случится. И она больше не будет одинокой. И слабой больше не будет. У нее есть тот, ради кого хотелось жить. А это такая сила!

ГЛАВА 12

Озар шагал широко, размашисто, вдыхал всей грудью привольный воздух над Днепром. Давно остался позади людный Киев с заполненными судами гаванями, где-то в стороне исчезли за кудрявыми кронами деревьев башенки княжеских теремов в Берестове, миновал он и место, где была паромная переправа через Днепр возле устья речки Лыбеди. Озар шел не оглядываясь, и путь его лежал в отдаленный город-крепость Родню, где несколько лет назад варяги победителя Владимира зарубили его брата Ярополка. Там же Ярополка и похоронили. И если при жизни этого князя считали поборником христианства, то погребли его по старому обряду, с тризной, с насыпным курганом, с гулянием великим. Ибо Родень считалась оплотом поборников старого бога Рода — отсюда и само название Родни. Как поговаривали, капище Рода-прародителя там еще не было разрушено. Пустовало — да, ибо люди Владимира следили, чтобы обряды не проводились. Но немало волхвов еще жили в окрестностях Родни, и народ все еще почитал их, как и в старые добрые времена.

Вот туда-то и направили Озара волхвы, вызволенные из Варяжских пещер с его помощью. Какими же измененными были служители, когда их вытолкали из подземелья! Столпились, жались друг к дружке, шурясь на белый свет, от которого отвыкли, находясь в пещерах. Жалкие, грязные, исхудалые... И это служители, которым ранее сами князья в пояс кланялись! А посмотреть сейчас — ну чисто калики перехожие в лохмотьях. Даже амулеты-охранители отобрали у них дружинники князя. Зато лишать свободы больше не смели. Добрыня от име-

ни князя Красна Солнышка отдал приказ — и отпустили их на все четыре стороны.

Волхвы и впрямь решили разойтись в разные концы света. Немного оправились, подкрепились, обговорили все случившееся и решили, что и дальше будут служить своим богам. Понимая, что именно Озару обязаны освобождением, они даже предлагали поставить его главным над всеми. Однако Озар отказался.

— Мне лучше уйти, не привлекая к себе внимания, — сказал он. — Дела нам предстоят немалые, а я многим известен. Нам же действовать отныне предстоит тайно. Вот и разойдемся по миру и станем новой вере чинить препоны. Будем разъяснять людям, как сохранить наше исконное даже вопреки воле правителей.

Старый верховный волхв отдал наказы, куда кому отправляться. Некоторым повелел двинуться в Черниговскую землю, где обитало племя радимичей. Надо было предупредить тамошний люд, что скоро их вынудят насильно принимать иноземную веру. При этом не следовало упоминать о празднествах и гуляниях, какие были в Киеве в честь крещения, а надо поведать, что народ плетками и дубинками загоняли в реку, даже забивали тех, кто противился. Другим служителям было наказано пробираться в сторону северных племен Руси и там разнести весть о жестокосердном подчинении киевлян иноземной вере. Кому-то было сказано уйти в леса древлян. Это племя давно сблизилось с Киевом, однако там и поныне многие жили в глухих селениях, почитая своих богов, так что трудов особых в чашах древлянских не предвиделось. Сложнее было с южными землями Руси, особенно расположенными вдоль Днепра. Эта река — великий путь торговый, там исстари ходят ладьи, а корабелы останавливаются в селищах и рассказывают о том, что многие страны в мире приняли

веру в Христа и теперь не бедствуют, а поднялись и богато живут. Местные же из Приднепровья слушают их и в большинстве своем уже решили, что с Христом и они лучше заживут. А чтобы такие мысли не посещали легковерных, туда надо отправить самых опытных и разумных служителей.

Одним из лучших считался волхв-перунник Озар. Теперь его путь лежал на юг, вдоль течения великого Днепра. И он отправился нести свою службу, шел легко и уверенно, гордый тем, что ему предстоит, и напрочь лишенный сомнений в том, что справится. За его плечами была котомка, в руках — крепкий посох, на поясе — калита дорожная. В калите — завернутый в тряпицу литой шип, каким купца Дольму убили. Он так и остался у волхва, вот и решил взять. Все же хорошее оружие, вроде и незаметное, но надежное. А то в дороге мало ли что случится. Но о дурном сейчас думать не хотелось. Озар чувствовал себя едва ли не соколом, вылетевшим из тесной клетки на волю. Надо же, сколько он провозился с дворней Колояровичей да с ними самими, когда его дела столь важные ожидали. Но теперь-то он развернется в полную силу. Ведь умел же он увлекать людей, умел добиваться их доверия и расположения. Это ему не единожды помогало. Как в той же усадьбе на Хоревице, где приходилось особенно изворачиваться и наводить людей на те действия и помыслы, какие самому было выгодно им внушить.

К ночи волхв добрался к окруженному валами городку Треполь¹. Попросился на постой. Законы Рода гостеприимного тут чтили, да и по длинной гриве волос в нем признали волхва. Пусть он и был в простой холщовой

¹ Треполь — древнерусский град на Днепре. Нынче село Триполье в Обуховском районе Киевской области.

одежде путника, без всяких вышитых узоров-оберегов, без костяных амулетов на поясе и груди.

Хозяин подворья, где его приютили, даже участливо спросил:

— Трудно сейчас вашим приходится?

Озар со светлой улыбкой ответил, что, мол, ничего, все, что ни случается, по воле богов происходит. Всегда идет борьба света и темных сил, и ранее такое случалось, когда небожители были в полной мощи и славе, а когда и им побороться за себя приходилось. Известно, что боги оберегают Русь от бед, и этому уже не воспрепятствовать, если, конечно, им по-прежнему верить да славить их. И если так будет продолжаться, то никакой иноземный Христос ничего не добьется в этих краях. Да и что это за Бог такой, если некогда бродил простым человеком по земле, как голытьба, и даже не смог за себя постоять, когда его схватили и казнили. Таких богов не бывает. Выдумки все это неразумные.

Хозяин вздохнул:

— Вроде ты все верно говоришь, служитель, да только опасно сейчас вести подобные речи. Особенно учитывая, что все дружинники в Треполе носят на груди крест.

— Крест носят? Что с того? — усмехнулся Озар. — Или хочешь сказать, человеке, что дружинники эти не плюют через левое плечо, отгоняя Недолю злую? Или, поднимаясь на ладью, не бросают краюху хлеба водяному, чтобы не потопил их судно? Что, так и есть? Вот то-то, не забывают русичи наши обычаи, даже если охристианились. Так что наша исконная вера крепка, она никуда не делась. А все это христианское... Сегодня есть, а завтра опять требы к священным дубам люди понесут.

Жена хозяина наблюдала со стороны, как молодева-тый длинноволосый волхв доедает уже вторую миску мясной похлебки, а потом и молвила, что, дескать, требы-то

порой уж слишком большие отдавать служителям приходилось. А новые попы немного берут.

— Это лишь пока, — заверил ее Озар. — А как вцепятся в нашу землю, расселятся повсюду — и будут у вас забирать не меньше нашего. Если не более. Но все же верю — не надолго они пришли. И вы поверьте ведуну, служителю самого Перуна. Как говорится в народе, новая метла по-новому метет, а как сломается — под лавкой валяется.

Они еще долго говорили, хозяин слушал и кивал, а вот баба его была чем-то недовольна и вскоре спать ушла. Видать, зацепила ее новая вера. Но, как заметил волхв, бабы, они скорее к христианству тянутся.

Наутро хозяин проводил гостя и даже одарил: принес ему в дорогу сапоги городской выделки. Пожалел волхва, у которого кожаные поршни от долгой ходьбы почти уже развалились. А выданные им сапоги хоть и не новые, однако еще крепкие. Легко в них в пути будет.

Хотел гостеприимный хозяин доброе дело сделать, но вышло только хуже. Ибо сапоги его оказались тесны Озару, и вскоре волхв натер такие мозоли, что каждый шаг вызывал боль и идти столь же быстро, как ранее, не получалось. А ведь Озар рассчитывал уйти от Киева как можно дальше. А то вдруг слуги Владимира опомнятся и сообразят, что натворили, отпустив служителей старых богов. И Озар, стиснув зубы, ковылял по большаку, старался побыстрее удалиться от стольного града. Ему бы разуться, однако босой волхв особого почтения не вызывает. Это бы означало унижить свое звание служителя богов.

Большак потому большаком и называется, что является не какой-то стежкой-дорожкой, а широкой наезженной дорогой. Тут и возы могут разминуться, и отряд всадников проедет беспрепятственно. До самого Вити-

чева дорога вдоль берега Днепра была прямая и ровная, и весь этот путь хорошо охранялся, дружинники то и дело проезжали верхом на отборных лошадях. И вышло вдруг так, что один из них придержал коня возле Озара. При этом так натянув поводья, что его гнедой едва ли не на дыбы встал.

— Силы небесные! Озар?

Волхв резко оглянулся. Сперва напряжен был, потом даже рассмеялся.

— Эх, разверзлись само небо! Эко тебя занесло, Златига неугомонный! Неужто в Киеве не сиделось подле жены-красавицы? Но понимаю — служба. Да и смотришь-ся ты чисто витязь!

Златига и впрямь был в высоком блестящем шлеме-шишаке, в добротной кольчуге, в стремя ему упиралось высокое копьё с ромбовидным острием, за плечом висел червлёный щит со знаком бьющего с лету сокола — герб князей Рюриковичей.

Сейчас дружинник удивленно смотрел с высоты седла на улыбавшегося ему волхва.

— Не ожидал тебя тут увидеть, перунник.

При этом сделал знак спутникам, что задержится, и даже спешился, пошел рядом, ведя коня в поводу.

— А что я? — засмеялся волхв и хлопнул дружески Златигу по плечу. — Я нынче птица вольная. Куда хочу — туда и лечу. Сам же знаешь, изгнали наших из стольного Киева, вот и бреду куда подальше, чтобы князю светлому глаза не мозолить. А уйду подальше — и буду себе жить да поживать. Как говорится, зайца ноги кормят, волка — зубы, а лису хвост бережет. Так что ушел я оттуда, где ваши христиане нас, поборников старой веры, притесняют. Найду себе где-то местечко в мире, над которым сияет ясный Хорос. Ты вот лучше ответь, как там Светланка твоя? Все ли ладно?

— Благодарствую, — улыбнулся Златига, не забывший, чем обязан волхву. — После твоих снадобий она совсем поправилась. Да только не довелось мне с женкой остаться под родным кровом. Вот еду теперь в Витичев¹, а там переправлюсь на тот берег Днепра, — махнул рукой в сторону реки Златига, — и буду следить за степью, охранять Киев и Русь нашу.

— Доброе дело. А я вот в Родню направляюсь. Там родичи мои, — тут же добавил волхв, чтобы дружинник не удивлялся. — Поживу у них некоторое время.

Сказав это, Озар хотел было идти дальше, но Златига, уже поднявшись в седло, заметил, что тот хромает. И неожиданно предложил подвезти.

— Взбирайся на круп моего Гнедко, — наклонился к волхву, протянул руку. — До Витичева вместе доедем, а там помогай тебе в пути Создатель.

Озар чуть дернул щекой при упоминании христианского божества, но, подумав немного, согласился. На коне и быстрее, и не хромать в тесной обуви. Да и вызнать у простодушного Златига кое-что хотел. Вот и спросил через некоторое время:

— Как там ключница Ярозима? Повесили ее уже на высоком суку?

— Нет.

Озар нарочито громко вздохнул. Добавил через время:

— Тяжко мне оттого, что именно она оказалась убийцей. Сам знаешь, нравилась мне вековуха светловолосая. Ну так как же ее участь все же решили? До сих пор сидит в порубе?

— Нет.

¹ Витичев — древний град-крепость на правом берегу Днепра. Подле Витичева собирались корабли перед плаванием на юг, там же находился и брод, называемый Витичевым бродом.

Озар невольно напрягся. Златига не спешил пояснить, а Озару было отчего забеспокоиться. Однако расспрашивать сразу не решился. Златига — парень неглупый, его торопить не следует. И он доверяет волхву, вот и сам все поведает.

Озар не ошибся.

— Яру из подземного колодца Радко забрал.

— С чего бы это? Кровную месть Владимир вроде решил заменить уплатой виры. А какую виру Радомил Колоярлов может с вековухи-головницы взять? Даже родичи ее древлянские, от которых она давно уехала, вряд ли заплатят за нее. Ну, что молчишь? Поведай же.

— Мне мало что известно. Одно могу сказать: я как раз на страже подле узилища Яры стоял, когда Радко явился и заплатил мне серебром, чтобы позволил с ней повидаться. Я отказывал сперва... Но, знаешь ли, ведун, мне тут в стéпи уезжать, а баба моя одна останется. И ей полновесные щеляги¹ пригодятся еще.

— Подкупил тебя, выходит.

— Эй, эй, ведун! Только тебе о том сказал. Потому что знаю — ты не из болтливых.

Но Озар о другом уже думал. И беспокойно на его душе стало. Вот и спросил:

— И что Радомил? Забрал Яру, и...

— А мне почем знать? В тот свой приход он просто переговорил с ней и ушел. Мрачнее ночи темной был, когда выбрался из поруба. А о том, что забрали ее, мне позже мой сменщик поведал. Но я тогда уже в седле был, уезжать собирался. Да и какая мне забота? Если честно, я вспоминать не хочу о том деле кровавом. И вообще,

¹ Щеляг — так называли на Руси арабские монеты дирхемы (2,7 г серебра). Единственная используемая в тот период монета, пока Владимир не начал печатать свои деньги, т. е. золотник.

вон уже сторожевая башня Витичева виднеется. Переправлюсь на тот берег Днепра, уеду в степи широкие — вот о прошлом и позабудется.

— И то верно! — поддакнул Озар. — Как говорится, кто старое помянет — тому глаз вон.

А про себя подумал: «А кто позабудет — тому оба». Ибо Озару было о чем поразмыслить. И до самых предместий Витичева волхв больше о деле том Златигу не спрашивал.

Наконец показалась высокая дозорная вышка града, которая поднималась над всей округой. На валах рядами частоколы стоят, башни срубные темнеют, а в речной гавани судов что грибов после дождя. Шумное и людное место Витичев, так как еще исстари повелось, что тут струги собирались как перед отбытием на юг, так и по возвращении домой, когда делали остановку. Здесь же и рынок был, где купцы первыми спешили сторговать у корабелов их товар, чтобы потом продавать с наваром и к своей выгоде в столице. А дружинники в этом месте переправлялись на противоположный берег широкого Днепра, чтобы ехать дальше в рубленые крепостцы на границе с беспокойной степью.

Но волхв Озар такой толчеи опасался. Да и вообще, чувство тревожное его донимало. Вот и простился с Златигой возле валов Витичева, пожелав доброй дороги и легкой службы. А сам в обход жилых построек двинулся дальше.

Местность за Витичевом была открытая, вырубленная, однако отойдешь дальше — и уже леса сосновые начинались. Озар уходил в ту сторону до тех пор, пока местность не стала совсем пустынной. Сапоги по-прежнему жестко натирали ноги, но он старался не обращать внимания на боль. Уйти надо, уйти подальше, как будто и не было его никогда в Киеве. Ширь-то вон какая перед ним откры-

валась. Однако теперь волхв уже не улыбался белому свету, хмурый был. Только ближе к закату, когда на берегу под обрывчиком попалась песчаная заводь, все же решил сделать остановку. Спустился к воде, сел на песок и, сняв опостылевшие сапоги, блаженно погрузил растертые ноги в прохладную днепровскую воду. И передохнуть неплохо было, и обмозговать кое-что.

Озар вспоминал все, что случилось в последнее время. Дознание он провел умело и был уверен, что все у него сложилось, что преподнес дело верно и не оставил никаких зацепок, указывающих на него. Но продумать все и оценить заново не мешало бы. И хоть далеко он ушел от Киева, дурной славы вдогонку ему не надобно.

Итак.

Все началось с решения волхвов погубить соляного купца Дольму. А решение это было принято после того, как пошли первые слухи, что народ в Киеве собираются обратить в новую веру. Чтобы напугать людей, отвратить их от крещения и показать, что ждет тех, кто старую веру отринет, и было задумано сделать показной жертвой Дольму сына Колоярова. Сам Озар тогда и обсуждал все с Жужгой, он же и литой шип ему вручил. Жужга был верным служителем старых богов, хорошо обученным, но внешне такой себе холоп неприметный. Он взялся исполнить задуманное, но по непредвиденным обстоятельствам план этот стал разваливаться. Слуги князя Владимира, тот же многомудрый Добрыня и иже с ним, дабы не было шума и неприятностей от волхвов, велели их всех схватить, заточив в подземных переходах Варяжских пещер. Казалось, теперь и сделать ничего нельзя. Но как бы не так! Среди охранников волхвов был приверженец старой веры, он и доносил вести извне. Однажды он поведал, что время крещения уже выбрано и что тот же Дольма первый поведет свою родню в воды Почайны,

дабы явить киевлянам пример. Такой случай нельзя было упускать. И Озар, проведав, как и что будет происходить, посоветовал оставшимся на свободе помощникам сделать кое-что, дабы сорвать обряд.

Те постарались на славу. Перво-наперво люди волхвов сильно поколотили Бивоя, который состоял при калекке Вышеборе. Знали — если Бивой не выйдет тащить кресло калеки Колояровича, скорее всего, это поручат Жуяге. А значит, тот будет подле Дольмы в означенное время. И Жуяга постарался, справился, молодец был, все верно сделал — комар носа не подточит. Вышло у них задуманное.

Казалось бы, чего теперь и волноваться, когда дело сделано, а люди и впрямь начали говорить, что старые боги покарали соляного купца. А потом и сами небеса помогли служителям — ну не диво ли, что Добрыня неожиданно-негаданно Озара попросил это дело распутать? Вот уж повезло, так повезло! Озар тогда даже не смог сдержаться, хохотал, как каженик¹. Ведь о такой удаче только в сказах сказывают, а тут на самом деле случилось.

Однако, когда Озар явился в усадьбу Колояровичей, Жуяга неожиданно повел себя, как последний глупец. И едва не испортил все дело. Видать, не ожидал, что тот же, кто его обучал, позже явится дознание вести. А Озар даже знака ему подать не мог. Да и другим был занят: если Добрыня думает, что Дольму заколол кто-то из своих, то Озару надо постараться найти желаемого убийцу. И состряпать все так, чтобы мудрый княжий дядька поверил в то, что он ему наплетет. Вот только Жуяга... Озар понял, что страшится перепуганного плешивого.

Слава богам, что этот холоп все же сообразил отпроситься со двора и встретиться с людьми волхвов. Прав-

¹ Каженик — сумасшедший, бесноватый.

да, его тот же Златига при этом чуть не выследил, ну да не выследил же!.. Но о том, что Жуяга ходил куда-то к истоку Глубочицы, поведал волхву-догляднику. И Озар решил — пора встретиться с Жуягой и переговорить. Но как это сделать, если Златига ни на миг не покидал его? А Жуяга то и дело знаки Озару подавал, мял выразительно свой кушак, глазами стрелял. Да так стрелял, что Озар едва не скрипел зубами от злости. Ну и дурак! Недаром когда-то этого плешивого до посвящения не допустили. Нет в нем волховской выдержки — дергается, совладать с собой не может. Тот же Златига это заметил, потому и настаивал, чтобы Озар допросил холопа. Конечно, пора уже, слишком тот выделяется из остальных челядинцев. А еще надо выяснить, что Жуяга должен передать от подручных волхвов.

Златига все время крутился рядом. Однако во время беседы с холопом волхву удалось отвлечь внимание дружинника своими расспросами о вороном Буране, на котором как раз прискакал Радко. Златига сразу на это повелся, и, пока смотрел в окно, оценивая стать жеребца, Жуяга успел передать Озару спрятанную до того в кушаке склянку. Но больше ничего сказать не смог, хотя сделанным остался доволен, успокоился и перестал трястись. Внимательный Златига его настрой заметил, да еще Озару на то указал. И волхв после этого уже не сомневался: надо избавиться от Жуяги при первой же возможности. Опасно такого дерганого оставлять в живых: положиться на него не получится, а бед может натворить. К тому же мертвый Жуяга как раз подходит, чтобы на него указать Добрыне. Даже лгать не придется.

Возможность убить холопа представилась быстро. Озар понял это, когда тем вечером Яра им с Златигой узвар принесла. К тому времени Озар уже знал, что Жуяга передал ему крепкий маковый отвар. От такого спать

будешь, как зачарованный. И на что бы ни рассчитывали передавшие его, Озар решил — сегодня же использовать сонное зелье. Сам он чуть отпил из кринки узвара, а затем незаметно плеснул содержимое склянки в напиток. А там и Златиге передал.

Дальше все вышло проще простого, благо Перун помог и наслал грозу. В доме все ставни были закрыты, Златига храпел и, даже когда Озар потряс его грубо, лишь на пошвыстывание носом перешел, а там вновь захрапел богатырски. Волхв, недолго думая, позаимствовал у него шипастую булаву. Жуяга успел сообщить, что на конюшне останется, дал понять, где им тайно встретиться. Озар накинул на себя овчину, на которой спал, закрылся, чтобы не распознали, кто под ней, сгорбился и, переваливаясь, прошел к конюшне.

С Жуягой он справился быстро. Тот ведь толком ничего важного не сообщил, сказал только, что люди волхвов самого холопа успокоили и велели помогать Озару во всем. Помощник из такого... себе же во вред. Вот волхв и выхватил из-под овчинной полости булаву, резко опустив ее на голову убийце Дольмы. Чтобы все концы в воду и следов не осталось. А сам еще волком стал выть лошадям в уши. Какой волхв этого не умеет? А коняги от гласа своих клыкастых врагов вообще взбесились. И Озар лишь проследил, чтобы вороной Буран по телу Жуяги основательно потоптался.

Думал, что на этом и завершится все. Да только Златига сразу заметил, что холопа не подковы скакуна убили, а оружием проломили голову. И Озар понял — продолжать придется. А дружинник еще и с донесением к Добрыне поспешил. Хорошо, что тот сразу не явился. Озар же и далее стал расспрашивать всех в тереме, ну а заодно и наводить тень на плетень, чтобы вообще у всех голова кругом пошла и спокойствия не было.

А еще ему приглянулась ключница Яра. Однако она не только притягивала к себе его взор, но и опасение стала вызывать. Вековуха все что-то примечала, подслушивала. Озар не забыл, как она смотрела на вывешенные им мокрые овчины. Та, которой Озар в ночи накрывался, когда на конюшню ходил, совсем вымокла. Конечно, к рассвету она подсохла немного, но, если кто начнет их с Златигой покрывала вытряхивать, на мокрую шерсть сразу обратят внимание. Впрочем, та же Яра невольно и подсобила волхву, облив его из бадейки водой. Так у Озара нашелся повод развесить меховые покрывала. Правда, отметил про себя, какой внимательный взгляд был у ключницы, когда она на них смотрела. Ну да он не дал ей особо тогда задуматься, на нее самую подозрение навел, то на сонное зелье намекая, то заговорив о найденной синей нитке. Вековуха же выкрутилась ловко. Хорошо еще, что Златига не переставал донимать ее насчет того, что она их опоила, вот Яра и поспешила уйти.

Но именно ключница поведала Озару то, отчего холод в душе разлился. Видел его Тихон ночью. Чтобы мальчишка мог сразу признать его, Озар не думал. Однако... Не нравился ему этот щенок христианский. Как и он сам не нравился Тихону. Честно говоря, на последнее Озару было наплевать, а вот то, что Тихон во время их разговора сказал... Дескать, странно, что именно ты меня расспрашиваешь о том, что я видел в ночи... Озар так и не понял, что было на уме у мальчишки, но для себя уже решил: надежнее будет, если он избавится от Тихона.

Ночью, дождавшись, когда Тихон ушел от Радко и направился в дом, он заманил его на стену над обрывом. Совсем легко это у него вышло. Сказал, дескать, иди, там Яра тебя дожидается, расстроена чем-то. Тихон сразу же и кинулся, куда указал волхв. Озар же тенью следом за ним. Главное было, чтобы парнишка не стал там, где они

из окна Вышебора будут заметны. Но Озар еще по светлой поре присмотрел, где их с Тихоном не видно будет, и верно все рассчитал. Волхв притаился на лестнице, ведущей на стену, увидел, как Тихон, пройдя по всему забору, стал возвращаться озадаченный. А ближе к лестнице как раз было место, где навес летней кухни заслонял переход от просмотра. Вот Озар и выскочил, легко, как птенцу, свернул парнишке шею, так что тот и пискнуть не успел. Думал просто сбросить вниз, уверенный в том, что никто не усомнится в том, что Тихон, любитель лазить по выступам обрыва, просто сорвался. Но, видать, все же несколько перестарался. Сила-то у волхва немалая, да и злость на мальчишку была. Из-за таких, свято верующих в Христа, многие другие к этой вере склоняются. А не станет его... ну уж Озар о нем сильно кручиниться не будет.

Однако на другой день свороченную шею паренька многие заметили. И хотя Озар попытался ее немного поворотить, поднимая Тихона, мало что у него получилось: тело уже застывать начало, да и слишком много глаз за ним наблюдало, когда он висел над бездной со своей жертвой на руках. Вот тогда впервые волхв Озар не сдержался. Досадовал на свою неумелость, потому и сорвал злость на Радко. Правда, потом пришлось даже освободить Радомила. Ведь по замыслу Озара именно на младшего Колояровича он рассчитывал убийство Дольмы повесить. А что? В тот момент Радко еще не знал о беременности Мирины, но понимал, что увечного калеку Вышебора никто главным наследником не поставит. Значит, у него была выгода избавиться от Дольмы, который его притеснял. А Жуюгу он легко мог подкупить, обещая возвышение, когда сам хозяином станет. К тому же в ночь, когда Жуюгу порешили на конюшне, только Радко вне дома был. Ну, не считая ночевавших в подклети терема скотников. Да и Тихона именно он позвал к себе

на сеновал. Правда, говорил, что ушел от него парнишка... Ну да кто это видел?

Вот поэтому Озар и не сильно Радко допрашивал. Приберегал на потом. А до этого «потом» еще и дурочка Загорка Голицу отравила. Озару от этого вроде ничего... но все же... Пусть горожане узнают, что это за семейка христианская. Убить тут человека все одно что муху прихлопнуть.

Однако Озар не подозревал, что вскоре ему Мирину придется отправить за кромку. Он даже намеревался открыть ее связь с Радко, дабы доказать, что эти двое любовников были в сговоре, хотели от Дольмы избавиться и жить себе поживать. А ссорились так... для отвода глаз. Но когда явившемуся в усадьбу Колояровичей Добрыне Мирина вдруг на волхвов указывать начала... Похоже, она для виду глупышкой прикидывалась, но если что-то для себя решила, то уж точно могла удила закусить. Недаром с деверем не побоялась сойтись, несмотря на опасность. А тут лишь глазки построит Добрыне, охочему до таких красавиц, а там и начнет втемяшивать ему то, на что воевода и сам однажды обратит внимание. А не станет Мирины... Она вон с Радко понемногу при всех ладить начинала, и Озар надумал опять все на парня повесить. Особенно когда понял, что брак между христианами Мириной и младшим Колояровичем по новым обычаям состояться не может. Зачем тогда Радомилу Мирина, если он сам может во главе хозяйства встать и какую хочешь кралю женой себе взять. Да за таким, как он, богатым, пригожим, ловким, невесты со своей родней и солидным приданым просто хороводом ходить будут. И если бы не Мирина и то, что она под сердцем наследника носит, то уже сейчас Радко был бы нарасхват.

Так думал Озар, когда уходил из усадьбы вместе с Златигой к его хворой жене. Все у него было обмозговано

и взвешено. Супружнице Златиги он приготовил нужное зелье, напоил, наговоры произнес полагающиеся, а как жар у нее спал и все, утомленные заботами о Светланке, наконец заснули, волхв среди ночи тайно покинул дом дружинника. Рассчитывал, что сделает все ловко и неприметно. И как вышел, так и вернется, никто даже не догадается, что уходил.

К усадьбе Колояровичей он тоже прокрался незаметно. Даже стражи городские ему не встретились, не пришлось никому объяснять, почему он ночью шастает. А как подошел к усадьбе, ловко сделал из опояски прочную петлю, накинул на один из витых воротных столбов — давно заметил, что тут можно будет подняться, — и пробрался внутрь легко, как призрак. Пес Лохмач встретил его радостно, волхв еле отвертелся от него. Думал сперва пройти в дом через сени, но там неожиданно увидел сладко спавшего тиуна Творима. И всякое в голову полезло... Зачем управляющий тут остался? Может, на него все свернуть? Ну да особо размышлять было некогда. Озар ловко вскарабкался на верхнюю галерею, оттуда через окно в светлицу. Задержался лишь на миг, чтобы следы свои стереть, — вот когда дождь был не в помощь. Но именно в тот момент услышал тяжелые ляпающие звуки. Глянул в щель и стал наблюдать, как Вышебор на одних руках скачет, держа тело на весу, а в зубах сжимая тонкую спицу.

Озар стоял в укрытии, смотрел, как калека проник к Яре в горницу, слышал, как они борются. И вдруг так захотел вмешаться, спасти милую ему вековуху! Он ведь и впрямь чувствовал, что сама Лада обвевала его лебединым крылом, когда с ключницей светлой разговаривал. А ее сейчас этот увечный может покалечить...

Был такой миг, был. Озар не забыл о нем. Но все же сдержался, понимая: сперва сделает задуманное — заставит навсегда умолкнуть болтливую Мирину. Ну а то,

что купчиха была с ребенком под сердцем... так Озару и на капище приходилось детей убивать, его это и сейчас не остановит. Да и сама красавица Мирина раздражала его сильно. Озар прокрался в ее комнату, накинулся на женщину без сожаления. Подушку сразу набросил на ее закинутые за голову руки, сел сверху и еще сонную, до конца не пробудившуюся удавил. Она лишь ахнуть успела, а потом все билась, рвалась какое-то время под ним, взбрыкивала, сбрасывая покрывала, выгибалась сильно. Озар неожиданно для себя провозился с ней дольше, чем думал сперва. Убедившись, что Мирина мертва, он застыл на какое-то время. Уйти теперь незаметно? А потом сообщить всем, что Радко избавился от вдовы брата. Или тот же Творим, который какого-то ляда остался ночевать в усадьбе. Или Вышебор. Дескать, совсем озверел калека, убийца баб бешеный. Мирину загубил, к Яре полез...

Теперь надо было скрыться... но Озар не ушел. Кинулся спасать Яру. И так хорошо ему сделалось, когда свалил насильника Вышебора и прижал милую к груди! «Завтра же разберусь со всем и уведу древлянку из усадьбы», — так думал. Столь разумная и ловкая спутница в его скитаниях и трудностях пригодится. Да и вдвоем с пригожей бабой как-то легче уходить в подлунный вольный свет.

И лишь позже Озар узнал то, что расстроило его задумку. Оказалось, что Радко не было в усадьбе. На кого тогда убийство купчихи навесить — на Вышебора, Творима? Но с тиуном подобное как-то не вязалось — неловок слишком. Да и вряд ли бы он потом заснул, если бы такое содеял. А еще было важно, чтобы челядинцы не пошли сразу к Мирине, — она еще теплая была. Вдруг покличут ее, зайдут в одрину... Озар тогда решил: «Если откроется все, сразу зашибу Вышебора и на него все навешу. И никто мне не помешает. Старший Колоярович — нелюдь, его удобно обвинить во всем». Но как тогда быть с прошлыми

убийствами? Как мог Вышебор того же Тихона сбросить? Моисея послал? А с Жуюгой как быть? Что надо измыслить, чтобы такой, как Добрыня, во все это поверил?

Неожиданно Яра заявила, что не стоит будить госпожу. И тем самым подтолкнула Озара к новым размышлениям о том, кто мог быть убийцей в усадьбе. Он думал об этом, когда вместе с Моисеем сторожил Вышебора. Присутствие хазарина лишало Озара даже малейшей возможности пройти в одрину купчихи и что-то там изменить. Даже подвесить ее к матице — дескать, сама удавилась — не получилось бы. Но с чего это веселой и всем довольной Мирине губить себя? Да мало ли. Узнала, что с милым Радко не сойдется, вот и отчаялась. Но в любом случае Моисей все время сидел рядом, настороженный и чуткий, глаз не смыкал. И Озар решил — утро вечера мудренее. Выкрутится завтра как-нибудь, раньше же выкручивался.

Однако утром он понял, что ничего у него не выйдет. И Яра уж слишком явно себя под удар подставила, когда не пустила их к Мирине, которая ее выгнать обещала, как оказалось. Да и на Радко не скажешь, поскольку он в дружинной избе прошлую ночь провел, никуда не отлучался. Плохо дела складывались.

А потом прибыл Добрыня.

Даже здесь, сидя в одиночестве на берегу в укромном месте, Озар вынужден был признаться себе, как сильно он опасался дядьку князя. Ох, не прост был воевода Добрыня, ох, не прост! Такому надо было все гладко наплести, чтобы без вопросов и сомнений обошлось. И когда Добрыня заявил, что прикажет казнить волхвов, Озар понял: выхода у него нет.

Яру ему было жалко. Даже обличая ее, он чувствовал, как у него сжимается сердце. А она стояла и молчала, словно чары на нее наложены. Да и что она могла после

того, как он сперва с собой покликал, а потом на смерть лютую обрек? Только замереть, будто замороженная. Если бы она оправдываться начала, если бы в слезы ударилась, Озару было бы легче. А она...

Значит, сами боги к тому вели, утешился этой мыслью Озар. И приказал себе забыть понравившуюся ему деревянку. Все, она в прошлом. А на его век пригожих баб еще хватит.

Только вот странно, что Радко Яру из поруба забрал. С чего бы это? О чем они говорили? В любом случае Озар так гладко все выдал тогда, так уверенно и достоверно обвинил во всем ключницу, что, даже пожелай она оправдаться, мало кто ей поверит. Особенно Радко, о сообразительности которого Озар придерживался своего мнения. Это Добрыня младшего Колояровича хваливал, а для себя волхв решил — пустобрех парень. Шума много, а толку никакого.

Озар так глубоко задумался, вспоминая о недавнем прошлом, что не сразу услышал топот копыт. Впрочем, не так далеко он от Витичева ушел, мало ли кто мог тут проскакать в дозоре. А Озар сидит под обрывом, и, чтобы его заметить, надо совсем близко проехать.

Тем не менее волхв осторожно поднялся, зашел под песчаную кручу, чтобы менее заметным с тропы быть. Ждал, прислушивался.

Однако ехавший как будто почувал его. Топот стал приближаться. Озар вскинул голову — и онемел.

Перед ним был тот самый пустобрех, Радко непутевый. На взмыленном Буране, сам растрепанный, лицо запыленное.

— Ага, вот и ты, — произнес парень. — А ты, перунник, как я погляжу, не так уж хитер, чтобы не наследить за собой. Так что Златига верно мне подсказал, что искать тебя следует на пути в Родню.

Пока он болтал, Озар уже все понял. И потянулся к посоху. Тяжелый он у него, да и каленый шип при нем. А метать его Озар умел мастерски — все-таки он у волхвов некогда выучку проходил.

Да только Радко более шустрым оказался. Миг — и у него в руках оказался изогнутый степняцкий лук с наложенной стрелой. Парень и натянул его, как степняк, — поперек груди. Стрела слетела столь стремительно, что Озар даже шип не успел примостить в ладони для броска. Боль обожгла бедро, он рухнул от напора сильно пущенной стрелы, опрокинулся в заводь на мелководе.

— Это за брата моего Дольму, — спокойно молвил Радко.

Вторая стрела уже была на тетиве, когда Озар начал подниматься.

— Да ты что вытворяешь, щенок? — прорычал волхв.

Но больше ничего сказать не успел — оперенная стрела уже дрожала в его плече. Боль была такая, что он невольно выронил смертоносный шип.

Заметил ли Радко, что едва избежал гибели? Казалось, ему было все равно.

— Это за Тихона юного, какого ты погубил бессердечно, — процедил он сквозь зубы.

И вновь рывком достал следующую стрелу из колчана за плечом.

Озар смотрел на него полными ненависти глазами. И все же в них таилась надежда. Ведь не добил сразу, значит, не может, значит, хочет лишь подбить, а потом потащит на суд. Ведь приказ наверняка был...

Ох и рвануло же Озара, когда стрела впилась прямо в живот. Задохнулся от боли.

— Это тебе за Яру. За жестокосердие, с каким сгубить невинную хотел.

Внутренности Озара, казалось, рвались и плавись от проникшего острия. Нога онемела, не слушалась. Он

истекал кровью. Боль оказалась жестокая, но он еще на что-то надеялся.

— Да ты погоди, погоди! Выслушай сперва...

— Некогда мне тебя слушать, — отозвался откуда-то, словно из другой вечности, Радко. И спустил последнюю стрелу — прямо в сердце. — Это за Мирину мою, за дитя ее погубленное.

Озар больше не шевелился. Вода в заводи потемнела от крови, волхв не двигался.

Радко смотрел на него почти с отвращением.

— Некогда мне тебя слушать, — повторил он и сплюнул сквозь зубы. — Да и незачем.

После этого похлопал фыркающего вороного по крутой шее, развернул одними коленями и поскакал легкой рысью назад. Дела его ждали. Много дел. А что Озар прилюдной казни избежал... Просто скажет, что не настиг его. Места за Витичевом уже дикие, беспокойные, степь рядом. Мало ли что с убийцей могло тут случиться?

Літературно-художнє видання

ВІЛАР Симона

Того дня...

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 21.10.2020. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 21. Наклад 12000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля». Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ВИЛАР Симона

В тот день...

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 21.10.2020. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 21. Тираж 12000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга». Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

- за телефонами довідкової служби (050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life); (067) 332-93-93 (Київстар); (057) 783-88-88
 - на сайті Клубу: www.bookclub.ua
 - у мережі фірмових магазинів див. адреси на сайті Клубу або за QR-кодом
- Надсилається безоплатний каталог**

Для гуртових клієнтів

Харків

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Запрошуємо до співпраці авторів

e-mail: publish@ksd.ua

988 рік. Князь Володимир готується до великого хрещення Київської Русі. Через побоювання бунту він замикає в підземеллях волхвів, поган, що налаштувують народ проти християнської віри. Тепер нічого не завадить хрещенню. Але в день обряду, у священну мить входження в річку, гине купець Дольма. Веселощі й захват мало не обертаються на жах і паніку. Добрині та його ближникам вдається заспокоїти народ і провадити хрещення далі. Розлючений Володимир наказує відшукати вбивцю християнина Дольми. Це до снаги лише одній людині в Києві — волхву Озару. Але чи перейметься закоренілий поганин смертю купця, який відрікся від віри пращурів? Він хоче дізнатися правду, від якої потьмяніють навіть лики святих...

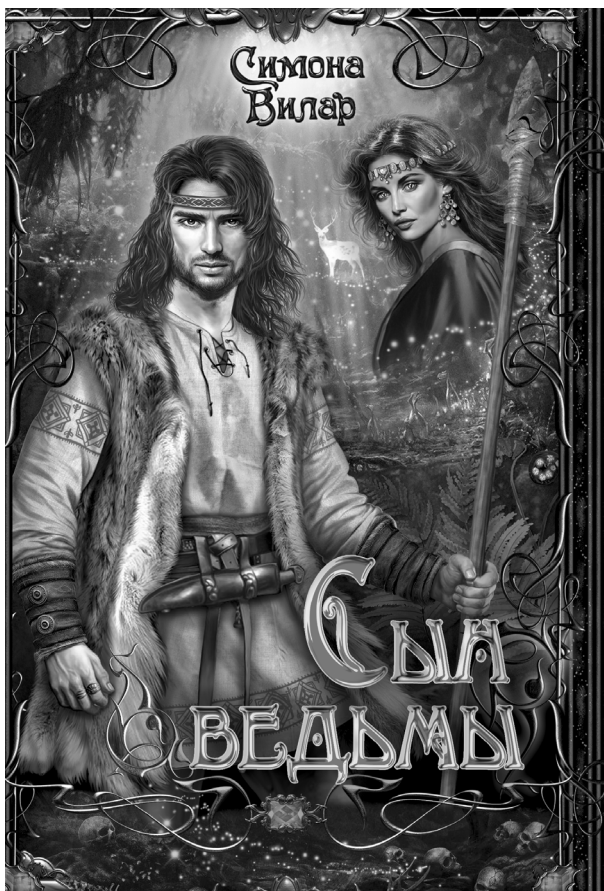
Вилар С.

B44 В тот день... : роман / Симона Вилар. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 400 с.

ISBN 978-617-12-8477-7 (PDF)

988 год. Князь Владимир готовится к великому крещению Киевской Руси. Опасаясь бунта, он запирает в подземельях волхвов, язычников, настраивающих народ против христианской веры. Теперь никто не помешает крещению. Но в день обряда, в священный момент входения в реку, гибнет купец Дольма. Веселье и восторг едва не оборачиваются ужасом и паникой. Добрыне и его ближникам удается успокоить народ и продолжить крещение. Разъяренный Владимир приказывает отыскать убийцу христианина Дольмы. Это под силу лишь одному человеку в Киеве — волхву Озару. Но какое дело закоренелому язычнику до смерти купца, отрекшегося от веры предков? Он хочет узнать правду, от которой померкнут даже лики святых...

УДК 821.161.1(477)

Князь Владимир Киевский отправил посадником в Новгород своего родича Добрыню. Но ненависть и пламя встречают Добрыню. Некто темный и могущественный наслал на жителей края морок, дабы те, и себя не помня, жестоко противились новой вере — христианству. Постепенно Добрыня начинает понимать, что колдовство наслала его мать, могущественная ведьма Малфрида. Она исчезла, когда Добрыня был еще ребенком... Судьба сводит новгородского посадника с молодым священником Савой, который не помнит своего прошлого, но которому откуда-то ведомо имя Малфриды. И ее следы ведут в дикие леса язычников вятичей. Туда, где свирепствует ужасный Ящер — темное древнее зло. Однако в этих лесах есть нечто более опасное. Страшный враг, которого боится даже могущественная ведьма Малфрида. И нет от него спасения...